

S T U D I A P H I L O L O G I C A

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Е. А. Лютикова

ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ПАДЕЖА

Теории и приложения

Издательский Дом ЯСК
Москва 2017

УДК 80/81
ББК 81
Л 96

Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 16-16-00104

Исследования, положенные в основу монографии, поддержаны проектами РФФИ 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках» и 13-06-00884 «Исследование морфосинтаксических параметров межъязыкового варьирования в уральских и алтайских языках».

Печатается по решению Редакционно-издательского совета и постановлению Ученого совета филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:

д. филол. н., профессор *И. М. Кобозева*,
д. филол. н., профессор *Я. Г. Тестелец*

Лютикова Е. А.

Л 96 Формальные модели падежа: теории и приложения. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. — 384 с.— (Studia philologica.)

ISBN 978-5-9908826-6-9

Монография «Формальные модели падежа: теории и приложения» посвящена моделированию грамматической категории падежа в современных синтаксических теориях. Падеж рассматривается как синтаксический феномен, связанный с определенной синтаксической позицией именной группы и ее взаимодействием с синтаксическими вершинами либо другими именными группами в некоторой локальной области, релевантной для приписывания падежа.

Синтаксические теории падежа в настоящее время принимают к рассмотрению всё более широкий языковой материал. В монографии предлагается подробный критический анализ современных формальных теорий падежа и делаются попытки их применения к материалу разноструктурных языков. Методологическим новшеством работы является исследование объяснительного потенциала формальных моделей падежа применительно к различным типам падежного варьирования, регулярно отмечаемого в языках мира.

Издание предназначено для специалистов в области теории языка и типологической лингвистики, аспирантов и магистрантов, специализирующихся в области синтаксиса или лингвистической типологии, а также всех лингвистов, интересующихся формальным моделированием естественного языка.

УДК 80/81
ББК 81

*В оформлении переплета использованы работы
Э. Лисицкого «Татлин за работой» (1921–1922 гг.), «Проун 19D» (1922 г.).
Фотография автора — Т. О. Шавриной*

ISBN 978-5-9908826-6-9

© Лютикова Е. А., 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017

Содержание

Предисловие	7
1. Грамматическая категория падежа	13
2. Падеж как синтаксическая категория	29
2.1. Падеж как лицензор именной группы	31
2.2. Теория падежа	37
2.2.1. А-передвижение и ЕРР	37
2.2.2. Управление	40
2.3. Унификация механизмов приписывания падежа	48
2.3.1. Легкий глагол как источник аккузатива	49
2.3.2. Приписывание падежа при согласовании	54
2.4. Падеж и интерпретация	62
2.4.1. Падежная морфология в русском языке	75
2.4.2. Накладывающиеся падежи в цахурском языке	87
3. Морфологический падеж	113
3.1. <i>Quirky</i> -падеж и <i>quirky</i> -подлежащие	115
3.2. Эргативность	127
3.3. Конфигурационные теории падежа	142
3.3.1. Теория А. Марантца	142
3.3.2. Зависимый и дефолтный падеж: новые идеи	153
3.3.3. Падеж и согласование в конфигурационных моделях	178
3.4. Падежная грамматика: взгляд изнутри русской именной группы	188
3.4.1. Генитив как структурный падеж D: за и против	189
3.4.2. Падежная грамматика несобытийных именных групп	205
3.4.3. Падежная грамматика событийных именных групп	212
4. Падежное варьирование	221
4.1. Падежное варьирование: основные контексты и лицензоры	221
4.2. Дифференцированное маркирование объекта в татарском языке	247

4.2.1. Дистрибуция аккузативных и немаркированных дополнений	249
4.2.2. Свойства неоформленных прямых дополнений.	255
4.2.3. Иерархическая структура именной группы	269
4.2.4. Падеж и структура именной группы	280
4.2.5. Параметризация AGREE	289
4.3. Беспadeжные именные группы в русском языке	299
4.4. Формальное моделирование падежного варьирования	312
4.4.1. Два типа структурных падежей в якутском языке	313
4.4.2. Падежное варьирование в татарском языке	323
4.4.3. Падежное варьирование и модели падежа	335
Заключение	341
Условные обозначения и сокращения	345
Литература	349
Указатель языков	381

Предисловие

Предисловия редко пишут перед тем, как начать писать книгу. Обычно — и эта книга не является исключением — предисловие оказывается последним содержательным разделом, который пишет автор, прежде чем выпустить свое произведение в мир. Теперь, когда идея реализована и замысел оформился в виде глав и разделов, тезисов и аргументов, эмпирических наблюдений и теоретических обобщений, обнаруживается, что помимо того, «что автор хотел сказать этим своим произведением», в книге с неизбежностью отражается весь научный (и ненаучный тоже!) опыт ее создателя.

Эта книга посвящена формальным подходам к падежу как синтаксической категории. Падежная проблематика была в центре моих научных интересов в последние как минимум пять лет. Работа над ней началась с совместных научных проектов с Я. Г. Тестельцом [РГНФ 12-04-00327а «Типология падежного варьирования и проблема классификации падежей» (2012–2013) и РГНФ 14-04-00589а «Синтаксис: структуры, категории, модели» (2014)] и продолжилась в рамках проектов РФФИ 13-06-00884 «Исследование морфосинтаксических параметров межъязыкового варьирования в уральских и алтайских языках» и 16-06-00536 «Семантико-синтаксический интерфейс в уральских и алтайских языках». Эта книга задумывалась как обобщение исследований синтаксиса падежа, принятых мной на материале русского языка и ряда алтайских языков. Однако сейчас, когда текст закончен, я вижу, что вложила в него существенно больше.

Я неизменно вижу фигуру моего учителя Александра Евгеньевича Кибрика за всем, что я делаю и что считаю для себя значимым. Благодаря Александру Евгеньевичу я приняла несколько очень важных решений, связанных с выбором: выбор в пользу науки, выбор в пользу синтаксиса, выбор в пользу строгих методов рассуждения и аксиоматического построения теории. Александр Евгеньевич несколько раз предлагал мне написать монографию; жаль, что я не смогла это сделать раньше.

Я вижу сильное влияние на текст этой книги опыта многих лет преподавания на отделении теоретической и прикладной лингвистики

филологического факультета МГУ. Хотя я не ставила себе специально такой цели, книга получилась не только научной, но и учебной — читатель найдет в ней довольно подробное изложение современных формальных теорий падежа, а также типологические обзоры таких феноменов, как эргативность и падежное варьирование. Мои представления о проблемной области существенно расширились благодаря подготовке совместных курсов «Русский синтаксис в генеративной грамматике» (с П. В. Гращенковым, 2010 г.) и «Падеж в русской грамматике» (с С. Г. Татевосовым, 2014 г.). Я признательна моим коллегам по кафедре ТиПЛ и слушателям моих курсов за ту научную и учебную среду, в которой только и возможна осмысленная и плодотворная исследовательская деятельность.

Я с большим удовольствием отмечаю в этой книге следы неоднократных и всегда вдохновляющих обсуждений и дискуссий с моими коллегами-синтаксистами, в первую очередь с Я. Г. Тестельцом и А. М. Перельцавайг. Яков Георгиевич научил меня очень важному — способности не только работать внутри теории, но и уметь увидеть пределы возможностей теории, «слепые пятна» формализмов, и оценивать теории не аксиологически, а гносеологически. Научное и личное общение с Асей Михайловной было и остается источником самых радостных переживаний, а ее научная работа — замечательным примером трудолюбия, строгости мысли и преданности лингвистике.

Я чрезвычайно признательна моим старшим коллегам И. М. Кобозевой и А. В. Циммерлингу за неизменную поддержку и искренний интерес к моим научным занятиям. Неоценимую помощь при подготовке книги к печати мне оказала редактор издательства Вера Столярова.

Есть еще два человека — П. В. Гращенков и С. Г. Татевосов, — чьи фамилии оказались в конце этого перечня просто потому, что должны были быть в каждом из его разделов. Мы познакомились в экспедициях А. Е. Кибрика и там вместе делали наши первые шаги в науке; мы вместе продолжали экспедиционную традицию и применяли отработанные А. Е. Кибриком методики коллективной экспедиционной работы в тюркских, уральских, иранских языках. Я счастлива, что мы являемся коллегами на кафедре ТиПЛ и имеем возможность вместе преподавать, общаться, дружить и продолжать учиться друг у друга.

В этой книге будет много ссылок на работы моих коллег. Есть, однако, и еще одна составляющая этой монографии, которую не видно по списку литературы, — это неизменные любовь и поддержка всей моей большой семьи, которые помогали мне двигаться дальше.

В завершение этого самого неформального раздела — краткий обзор содержания монографии. Изложение построено следующим образом.

Глава 1 «Грамматическая категория падежа» вводит читателя в проблематику исследования. В ней аргументируется взгляд на падеж как на синтаксическую категорию именной группы, рассматривается соотношение между падежом и управлением, вводится дихотомия структурных (грамматических) и лексических падежей, обсуждается взаимодействие грамматических и семантических факторов, влияющих на выбор падежной граммемы.

В главе 2 «Падеж как синтаксическая категория» речь идет о теории падежа генеративной грамматики — ее возникновении, логике ее развития и современных исследованиях. В разделе 2.1 рассказывается о возникновении падежного фильтра — гипотезы о падеже как лицензоре именной группы в синтаксической структуре. Благодаря этой функции падежа он становится важнейшим теоретическим понятием, а правила получения именной группой падежа рассматриваются как ядерный компонент грамматики.

В разделе 2.2 обсуждается первая формальная Теория падежа генеративной грамматики, опирающаяся на понятие управления. Управление становится одним из двух центральных межмодульных понятий теории и дает название этапу развития генеративной грамматики — Теория управления и связывания.

Раздел 2.3 рассказывает о поисках универсального механизма падежного маркирования. Теория управления и связывания допускала различные условия для приписывания разных падежей, так что специфика этих условий была ограничена в очень слабой степени. В раннем минимализме неоднократно пересматривается механизм соотнесения именной группы с ее падежным признаком, однако за этими теоретическими поисками неизменно стоит одна идея: свести доступные в теории способы падежного взаимодействия к единой конфигурации. Современная модель приписывания структурного падежа базируется на согласовании структурно приоритетной вершины — приписывателя падежа с ближайшей именной группой — получателем падежа.

В рамках теоретической программы минимализма впервые ставится вопрос о природе падежного признака: интерпретируем ли падеж? и если да, как его значение связано с лицензированием именных групп? Обсуждению этой проблематики посвящен раздел 2.4. В последние 10–15 лет в рамках генеративной парадигмы возникают новые теории, призванные пролить свет на интерпретируемость падежа и на появление значения падежного признака в синтаксисе. Одна из таких теорий — гипотеза о том, что падеж в действительности представляет собой некоторый «дополнительный» признак, реализуемый на именной группе в своем

согласовательном варианте. В качестве такого дополнительного признака рассматривались различные грамматические категории. Наибольший интерес представляет подход, связывающий падежные граммемы с синтаксической категорией управляющих вершин. В рамках этого подхода Д. Песецкий анализирует русскую падежную морфологию (изложение анализа и его оценка представлены в разделе 2.4.1); затем, в разделе 2.4.2, предлагается оригинальный анализ цахурской падежной грамматики в теории накладывающихся падежей.

Глава 3 «Морфологический падеж» обращается к проблематике соотношения морфологического падежа и лицензирования именных групп. В разделах 3.1 и 3.2 обсуждаются два наиболее ярких языковых феномена — так называемые странные подлежащие (*quirky subjects*) и эргативность, — которые связаны с рассогласованием между абстрактным и морфологическим падежом. Проблема *quirky*-подлежащих получила подробное рассмотрение на материале исландского языка. Выяснилось, что в структурной позиции подлежащего могут располагаться именные группы, получающие не-структурный *quirky*-падеж от проецирующей их лексической вершины. В результате связь между морфологическим и абстрактным падежом оказывается нарушена: в тех позициях, где приписывается (морфологический) *quirky*-падеж, не обязательно приписывается абстрактный падеж, и наоборот, в позициях, где приписывается абстрактный падеж, именная группа может не получать падежной морфологии. При этом, однако, обнаруживается, что потребность именной группы в абстрактном падеже сохраняется даже при получении ею *quirky*-падежа от лексической вершины.

Важнейший вопрос для теории падежа, связанный с эргативной падежной моделью, состоит в том, каков статус эргативности как феномена. Либо эргативность — это синтаксическое явление, и тогда эргативные языки имеют особую структуру клаузы, механизмы приписывания падежа и лицензирования аргументов; либо эргативность — это поверхностное, морфологическое явление, которое, подобно *quirky*-падежу исландского языка, заслоняет подлинную синтаксическую организацию предложения, весьма схожую с той, что известна нам из аккузативных языков. В разделе 3.2 обсуждаются попытки анализа эргативных падежных систем, опирающиеся на традиционную модель падежа и рассматривающие эргатив как аналог *quirky*-падежа, приписываемый переходным глаголом.

Принципиальное решение проблемы рассогласования морфологического падежа и лицензирования именных групп предлагает конфигурационная теория падежа А. Марантца, которая отказывается от абстрактного падежа и предлагает исключительно морфологическую трактовку этой

категории (раздел 3.3). Падежное маркирование происходит в постсинтаксическом компоненте согласно иерархии реализации падежей. Наибольший интерес в теории Марантца представляют понятия «зависимого» падежа и «дефолтного» падежа, позволяющие рассматривать аккузативную и эргативную модели предложения как дополнительные. Далее в этом разделе обсуждаются попытки синтеза конфигурационного подхода к падежу и представления о падеже как синтаксическом (а не только морфологическом) феномене. Отдельным вопросом становится устройство предикативного согласования в конфигурационной модели. Согласование обычно не является полностью независимым от падежа: имеют место падежные ограничения на согласование, так что в качестве контролера согласования доступны только именные группы в определенных падежах. Наконец, в разделе 3.4 рассмотренные модели падежа используются в анализе русского приименного генитива. Обнаруживается, что разные падежные теории предсказывают альтернативы в оформлении аргументов при номинализации, выявляемые у носителей русского языка.

В главе 4 «Падежное варьирование» испытательным полигоном для падежных теорий становится феномен дифференцированного падежного маркирования. Во вводном разделе 4.1 перечисляются основные языковые явления, подпадающие под это понятие, рассматриваются лицензирующие факторы, определяющие выбор падежного оформления аргумента, обсуждаются возможные подходы к падежному варьированию, представленные в литературе. В разделе 4.2 рассматривается дифференцированное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка. Аргументируется тезис о связи падежа и структурного статуса именной группы: именные группы полной структуры имеют падежный признак, в то время как именные группы неполной структуры лишены его. Из этого следуют отличия в линейной позиции и интерпретации падежно-оформленных и беспадежных именных групп. Раздел 4.3 продолжает обсуждение беспадежных составляющих на материале русского языка. При опоре на гипотезу Л. Бэбби и Я. Г. Тестельца о специальном статусе контекстов прямого падежа удается показать, что дистрибуция аргументов различных синтаксических категорий в русском языке определяется их способностью к выражению падежа. Наконец, в разделе 4.4 обсуждается объяснительный потенциал различных падежных теорий в отношении падежного варьирования. Само существование падежного варьирования, его формальные характеристики, а также эмпирически засвидетельствованные типы контекстов и лицензоров имеют существенные последствия для формальных моделей падежа.

1. Грамматическая категория падежа

Выделение падежа как отдельной морфологической категории имеет давнюю историю. Категория падежа возникает в том или ином виде во всех лингвистических традициях, имеющих дело с языками с падежным словоизменением имени, — в древнеиндийской, античной и арабской (Blake 2008). Примечательно, что критерием существования категории падежа в языке выступает морфологическое кодирование, то есть ее выражение морфологическими средствами — падежными аффиксами, изменением тона, аблаутом в корне и др. Граммемы падежа понимаются как формы слова — «прямая» форма (номинатив) и «отклоняющиеся» (ср. лат. *declinatio*, русск. калька *склонение*), «отпадающие» (ср. др.-греч. *ptosis*, лат. *casus*) формы косвенных падежей. Этот взгляд на падеж сохраняется и в современной лингвистике; ему соответствует определение падежа как морфологической категории имени.

Будучи грамматической категорией, падеж должен выражать некоторое грамматическое значение. Обычно значение категории падежа видят в выражении синтаксического отношения. Так, например, И. А. Мельчук относит падеж к категориям, оформляющим синтаксически зависимый элемент (Мельчук 1998). В определении Т. В. Булыгиной и С. А. Крылова, падеж — «...грамматическая категория имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам высказывания или к высказыванию в целом, а также всякая отдельная граммема этой категории (конкретный падеж)» (Булыгина, Крылов 1990).

Однако, как справедливо отмечает В. А. Плунгян, «...поскольку в нормальном случае число падежных граммем колеблется от четырех — пяти до восьми — десяти... то напрашивается естественный вывод: помимо самого факта синтаксической зависимости имени разные падежные граммемы различают *типы* этой зависимости. <...> В сущности, падеж является смешанной семантико-синтаксической категорией, семантические аспекты употребления которой могут быть то более, то менее отчетливы — в зависимости от конкретной падежной граммемы и от организации падежной системы в целом» (Плунгян 2011).

Аналогичное соединение синтаксических и семантических функций категории падежа можно видеть в определении А. Киборт: «Падеж — это признак, который выражает синтаксическую и/или семантическую функцию того элемента, который является носителем конкретного значения данного признака»¹.

Видимо, самая существенная проблема, связанная с грамматикой падежа, состоит в том, что набор значений, выражаемых падежными граммемами, разнороден, в то время как в плане выражения падежные граммемы образуют парадигму. Действительно, значения падежей варьируют от семантически наполненных инструменталиса, комитатива, пространственных падежей до структурно мотивированных аккумулятива или обликвуса, не несущих, по-видимому, никакой информации, кроме синтаксической зависимости именной группы от синтаксической вершины определенного (аккумулятив) или любого (обликвус) класса; номинатив как «падеж называния», оформляющий именную группу в независимом употреблении, очевидно, в такой системе может иметь только «отрицательное» значение. Морфологический партитив входит в состав падежной парадигмы, однако «...в целом по своей семантике партитив оказывается не падежной, а скорее количественной граммемой, выражающей противопоставления по числу и/или определенности (то, что иногда обобщенно называют квантификацией)» (Плунгян 2011). Ср. также характеристику финского партитива в (Kiparsky 1998: 265): «явно смешанная категория семантически обусловленного структурного падежа» («...apparently hybrid category of semantically conditioned structural case»). При этом граница между «семантическими» и «десемантизированными» падежами нечеткая: скажем, дательный падеж может иметь и структурные (падеж второго дополнения битранзитивных глаголов), и семантические (падеж цели, бенефактива, экспериенцера) интерпретации.

Поскольку «семантические аспекты употребления» категории падежа не могут быть четко выявлены для произвольной граммемы падежа в произвольном языке, а синтаксический статус — в широком смысле слова — именной группы в составе объемлющей синтагмы всегда коррелирует с ее падежным оформлением, естественно рассматривать падеж как в первую очередь синтаксическую категорию, которая связана с интеграцией именной группы в определенный синтаксический контекст. В таком случае наличие в языке морфологической категории падежа является лишь одним из способов выражения синтаксической категории падежа. Другими

¹ «Case is a feature that expresses a syntactic and/or semantic function of the element that carries the particular case value» (Kibort 2008).

способами выражения синтаксического падежа могут выступать, например, служебные слова (в первую очередь адлоги), порядок слов и т. п. По словам М. Батт, «языки могут кодировать это отношение либо структурно, в терминах определенных синтаксических позиций (как, например, английский язык), либо при помощи морфологических показателей»².

Приоритет синтаксического аспекта категории падежа проявляется еще и в том, что падеж определен в первую очередь не на морфологических, а на синтаксических категориях. В конкретных языках класс лексем, морфологически выражающих падежные противопоставления, может существенно варьировать. Так, в русском языке все именные категории (существительные, полные формы прилагательного, местоимения-существительные, местоимения-прилагательные, числительные, полные формы причастия) способны склоняться. В татарском языке склоняются только существительные и местоимения-существительные (Татарская грамматика 1993–1995, II), ср. (1.1). В английском языке падежные формы имеют только некоторые личные местоимения. В мокшанском языке определенные («указательные») формы имени различают только три грамматических падежа (номинатив, генитив, датив), в то время как прочие формы — до 16 падежей (Феоктистов 1993). В эстонском языке показатели терминатива, эссива, абессива и комитатива могут располагаться только на вершине именной группы, в то время как модификаторы именной группы выступают в виде косвенной основы, совпадающей по форме с генитивом; остальные 10 падежей имеют экспоненты на всех именных категориях (EKG 1993: 116), ср. (1.2).

- (1.1) a. [безне алып кайткан]
мы-ACC брать-CONV возвращаться-PART.PF
бу күк алаша
этот сивый мерин

- b. [безне алып кайткан]
мы-ACC брать-CONV возвращаться-PART.PF
бу күк алаша-га
этот сивый мерин-DAT
‘этот сивый мерин, забравший нас’

- (1.2) a. tubli õpilane
хороший.NOM студент.NOM
b. tubli õpilase
хороший.GEN студент.GEN

² «Languages may choose to encode this relationship either structurally in terms of designated positions (e. g., English) or via overt morphological markers» (Butt 2006:4).

c. tublit	õpilast
хороший.PRT	студент.PRT
d. tublisse	õpilasesse
хороший.ILL	студент.ILL
e. tublile	õpilasele
хороший.ALL	студент.ALL
f. tubli	õpilaseni
хороший.OBL	студент.TERMIN
g. tubli	õpilasena
хороший.OBL	студент.ESS
h. tubli	õpilaseta
хороший.OBL	студент.ABESS
i. tubli	õpilasega
хороший.OBL	студент.COMIT
‘хороший студент’	

В немецком языке наиболее полную парадигму падежного словоизменения демонстрируют артикли, указательные, притяжательные и кванторные местоимения, а существительные некоторых типов склонения, например существительные женского рода в единственном числе или существительные с основой на *-n* во множественном числе, вообще не различают падежных форм (см. таблицу 1.1).

Таблица 1.1

Склонение ИГ *diese alte Frau* и *meine Schwestern* в немецком языке

	diese alte Frau ‘эта старая женщина’	meine Schwestern ‘мои сестры’
Nom	diese alte Frau	meine Schwestern
Gen	dieser alten Frau	meiner Schwestern
Dat	dieser alten Frau	meinen Schwestern
Acc	diese alte Frau	meine Schwestern

При этом, однако, в пределах именной группы практически всегда соблюдается единство падежной граммемы: какие бы компоненты именной группы ни выражали падеж морфологически, они имеют одно и то же значение категории падежа. Таким образом, падеж должен быть определен на синтаксической категории — именной группе (ИГ), а морфологически он может выражаться на произвольном наборе категорий, входящих в именную группу, или может не выражаться вообще.

Итак, падеж — это категория именной группы, сигнализирующая о ее интеграции в объемлющую синтагму. Первая дихотомия, возникающая при анализе такого определения, связана со статусом «независимых», «неинтегрированных» именных групп. В первую очередь к ИГ такого типа относятся названия, например названия художественных, музыкальных или литературных произведений («Мальчик, вынимающий занозу», «Кофейная кантата»), используемые в виде подписи или заглавия; также могут считаться синтаксически независимыми ИГ в автономном употреблении, передающие такие способы называния (например, *Муж просто звал ее Наташа*). В европейской грамматической традиции «независимой» именной группой долгое время считалась ИГ в позиции канонического подлежащего: господствовала точка зрения, что подлежащее — главный член предложения, который сам подчиняет сказуемое. Идея противопоставления независимых и подчиненных ИГ находит свое выражение в противопоставлении номинатива — «прямого падежа» и всех прочих, косвенных падежей³.

Интеграция косвенно-падежных именных групп в синтаксический контекст осуществляется в первую очередь благодаря управлению. Это важнейшее синтаксическое понятие получало различные трактовки как в истории лингвистики, так и в разнообразных современных синтаксических теориях. Тем не менее «ядром» данного понятия всегда оставалось приписывание именной группе (или ее вершине — существительному) падежа со стороны подчиняющей вершины, причем отношение между управляющим и управляемым — это отношение функтора и аргумента.

Рассмотрим возможные типы синтагм, в которых возникает падежное управление⁴.

³ Крайним выражением такого противопоставления можно считать позицию Аристотеля, который полагал, что только формы номинатива относятся к категории существительного, прочие же формы — к категории падежей существительного. В более поздних грамматиках, включая византийские, также проводится идея, что номинатив — не падеж, поскольку форма номинатива служит лишь для выражения референта, в то время как формы других падежей выражают не только референт, но и отношение между ним и контекстом (Blake 2008: 14).

⁴ Следует иметь в виду, что падежное управление в некоторых системах является лишь частным случаем более общего отношения «вынуждения» лексемой своего зависимого. Например, у А. Е. Кибрика (1977б, 1992) управление понимается значительно шире, как требование заполнения синтаксической валентности некоторой лексемы и возможные дополнительные ограничения на грамматические свойства единицы, заполняющей эту валентность; таким образом, при управлении могут

- (1.3) а. лишил наследства
управление со стороны лексемы
- б. яблоко девушки
управление со стороны синтаксической категории
- с. Петя был дураком.
управление со стороны синтаксической конфигурации
- д. Петя приехал этой ночью.
«семантический» падеж

Во-первых, выделяются случаи типа (1.3а), когда лексема диктует определенный падеж своему дополнению: так, глагол *лишить* требует второго дополнения в родительном падеже, предлог *к* — дополнения в дательном падеже, а прилагательное *гордый* — дополнения в творительном падеже. Традиционно к этому же типу относится управление прямым дополнением со стороны переходных глаголов.

В (1.3б) представлен несколько иной случай: ИГ *девушки* получает родительный падеж, будучи зависимым в именной группе. Заметим, что на возможность приписывания этого падежа не влияет ни семантический статус зависимого (например, в словосочетании *яблоко девушки* в (1.3б) это сирконстант, а в словосочетании *брат девушки* или *отъезд девушки* — актант), ни семантические или синтаксические свойства конкретной лексемы — вершины ИГ (*яблоко девушки*, *радость девушки*, *воспитание девушки*). В действительности способность иметь генитивное зависимое — это категориальное свойство существительного в русском языке. Можно считать, что в (1.3б) родительный падеж ИГ *девушки* приписывается при управлении со стороны существительного *яблоко*, но это иное управление, чем в (1.3а): если в (1.3а) падеж определяется конкретной лексемой (*лишить*), то в (1.3б) — категорией лексемы (*существительное*).

Обратимся теперь к случаю (1.3с). Каков источник «творительного предикативного» ИГ *дураком*? Мы не наблюдаем в (1.3с) никакой знаменательной лексемы, которая могла бы управлять ИГ в творительном падеже. Возможным кандидатом является глагол-связка *быть*, однако возможность альтернативного падежного оформления именного сказуемого при связке (*Петя был дурак*), с одной стороны, и появление сходного творительного падежа в других предикативных конструкциях, лишенных связки (*Петя*

возникать не только падежные, но и любые селективные ограничения лексемы на свои зависимые. Здесь мы рассмотрим только часть случаев, когда управление связано с фиксированным падежом.

вернулся пьяным), — с другой, позволяет предположить, что мы имеем дело с управлением, осуществляемым синтаксической конфигурацией (или нулевой вершиной, создающей такую конфигурацию).

Наконец, рассмотрим (1.3d). Творительный падеж ИГ *этой ночью*, выступающей в качестве обстоятельства времени, по-видимому, не связан вообще ни с какой лексемой, синтаксической категорией или конфигурацией. Выбор этой падежной формы определяется исключительно тем значением, которое говорящий хочет выразить, аналогично тому, как выбор формы числа определяется (пусть и не напрямую) количественными характеристиками референта.

В соответствии с рассмотренной типологией можно выделить следующие классы падежей: грамматические (структурные, конфигурационные) падежи — падежи, связанные с определенной синтаксической категорией или конфигурацией (случаи (1.3b), (1.3c)); лексические (ингерентные) — падежи, связанные с управлением конкретным лексем (случаи (1.3a)); семантические — падежи, выбор которых определяется собственным значением (обычно одним из обстоятельственных значений) именной группы в составе синтагмы.

Следует отметить, что речь здесь идет о классификации не морфологических, а синтаксических падежей и, хотя любая теория стремится к соотношению «один синтаксический падеж — одна морфологическая форма», они не всегда совпадают. Поэтому, например, рассмотрение творительного падежа в (1.3d) как семантического не входит в противоречие с утверждением, что в (1.3c) творительный падеж является структурным.

Некоторые теории пытаются унифицировать правила приписывания синтаксического падежа, так чтобы источником падежа всегда выступали синтаксические единицы определенного класса. В таком случае обычно считается, что падеж всегда приписывается вершиной, а разные классы падежей отличаются типами вершин: лексические падежи приписываются лексическими вершинами, структурные падежи — функциональными вершинами, а семантические падежи — нулевыми реляционными вершинами (обычно адлогами), носителями соответствующего значения.

Еще одно направление унификации падежного маркирования состоит в том, чтобы свести все случаи получения падежа некоторой составляющей к управлению, то есть элиминировать из теоретической системы возможность согласования по падежу. По-видимому, возможности такой редукции существенно зависят от прочих допущений. Так, для объяснения одинакового падежного оформления двух различных составляющих, как в русском примере (1.4a) или польском (1.4b), необходимо либо предположить, что на определенном этапе деривации компоненты с одинаковым

падежом образовывали единую составляющую, либо допустить, что вершина способна приписывать падеж одновременно нескольким целям. В частности, подобный анализ для (1.4a) предлагается в (Greenberg, Franks 1991): авторы предполагают, что «второй дательный» независимо приписывается и дативному подлежащему, и плавающему определителю, т. е. всем составляющим — сестрам I' с определенным набором признаков (а именно, [+tense, -AGR])⁵.

(1.4) a. Ему не справиться одному.

b. Sześć kobiet było smutnych.
 шесть женщина.GEN.PL было печальный.GEN.PL
 'Шесть женщин были печальны.'

Синтаксические отношения именной группы к подчиняющей вершине или объемлющей синтагме можно классифицировать в разных терминах. С одной стороны, именные группы в пределах клаузы различаются по их синтаксической роли, или грамматическому отношению (grammatical relation) к предикату. С другой стороны, именные группы выражают при данном предикате различные семантические роли (тематические роли, тета-роли).

Структурные падежи часто рассматриваются как экспоненты синтаксических ролей. Так, именительный падеж оформляет подлежащее, винительный падеж — прямое дополнение, дательный падеж — не прямое дополнение; родительный падеж является падежом посессора — «подлежащего» именной группы. Иерархия синтаксических ролей (= иерархия грамматических отношений) в (1.5a) при таком подходе транслируется в «иерархию падежей» (1.5b):

(1.5) a. Иерархия грамматических отношений

Su < DO < IO < Oblique

b. Иерархия падежей

Nom < Acc < Dat < Obl

⁵ «Two conceivable approaches to the agreement pattern of the Second Dative immediately come to mind: the Second Dative could either (i) result from some kind of case agreement rule or (ii) arise directly through case assignment by some governor. <...> Here, the onus of the analysis is to uncover a mechanism by which the semipredicative might be the direct target of an otherwise motivated dative assignment rule, such as that assigning dative to indirect object of verbs or subjects of infinitives. In section 6, we elaborate such an account, discussing certain technical and conceptual pitfalls of the agreement approach as well as the advantages of the direct assignment model» (Greenberg, Franks 1991: 82).

Одно из наиболее известных применений иерархии падежей — так называемый парадигматический падеж (Paradigm Case, Comrie 1976) — правило, позволяющее предсказывать падежное оформление каузируемого в каузативной конструкции на основании падежного оформления аргументов исходной глагольной основы. Согласно этому правилу, при каузативизации каузируемый, смещенный с позиции подлежащего каузатором, получает следующий свободный падеж в падежной иерархии. В (1.6) демонстрируется действие парадигматического падежа в тувинской каузативной конструкции. В (1.6a) при каузативизации одностепенного глагола первая свободная падежная позиция — аккумулятивное прямое дополнение, ее и занимает каузируемый. В (1.6b) каузативная морфема присоединяется к переходной основе, поэтому позиция прямого дополнения занята; следующая свободная позиция — не прямое дополнение, поэтому каузируемый оформляется дательным падежом. Наконец, в (1.6c) каузативизируется битранзитивный глагол, так что исходная основа уже имеет прямое и не прямое дополнение, поэтому каузируемый получает падеж косвенного дополнения — аблатив.

- (1.6) a. aʃak ool-du doŋ-ur-gan.
 старик мальчик-ACC мерзнуть-CAUS-PST
 'Старик заморозил мальчика.'
- b. bajɣr aʃak-ka ool-du ette-t-ken.
 Баир старик-DAT мальчик-ACC ударить-CAUS-PST
 'Баир заставил старика ударить мальчика.'
- c. aʃak bajɣr-dan ool-ga biʒek-ti ber-gis-ken.
 старик Баир-AVL мальчик-DAT нож-ACC давать-CAUS-PST
 'Старик заставил Баира дать мальчику нож.'

Широко известна также иерархия Э. Моравчик (Moravcsik 1974, 1978a), согласно которой контролер предикативного согласования выбирается в соответствии с синтаксической ролью ИГ: если в языке есть согласование с одним аргументом, то этот аргумент — подлежащее; если с двумя — то это подлежащее и прямое дополнение, и т. д., в соответствии с (1.7):

- (1.7) Иерархия Моравчик
 Subject >> Direct Object >> Indirect Object >> Adverbs

Оказывается, однако, что действие этой иерархии опосредовано падежными характеристиками именных групп. Так, в исландском языке, где предикат согласуется только с одной именной группой, номинативные прямые дополнения имеют приоритет над дативными подлежащими. В примере (1.8) предикативное согласование происходит с номинативной

ИГ *verkið* ‘работа’, а не с дативной ИГ *morgum studentum* ‘многим студентам’, несмотря на то что различные признаки грамматического приоритета (например, участие в конструкциях с подъемом или трансформируемость в PRO при инфинитиве) указывают на дативную ИГ как на подлежащее в предложении (1.8).

- (1.8) Morgum studentum liki verkið.
 многие.PL.DAT студенты.PL.DAT нравиться.3SG/*3PL работа.DEF.NOM
 ‘Многим студентам нравится эта работа.’

Факты такого рода дают основание для реинтерпретации иерархии Моравчик в терминах иерархии падежей (Bobaljik 2008)⁶:

- (1.9) NOM >> ACC >> DAT >> OBL

Наконец, еще один интересный феномен, связанный с иерархией падежей, — это случаи *attractio casus* («притягивания падежа»), наблюдаемые в относительных конструкциях ряда языков. *Attractio casus* имеет место тогда, когда внешняя вершина и относительное местоимение, которые в принципе получают падеж из разных источников (внутри и вне относительной клаузы), оформляются одним и тем же падежом — либо падежом главной клаузы (собственно *attractio casus*), либо падежом относительной клаузы (*attractio inversa*). *Attractio casus* обычно ограничены следующей закономерностью: более маркированный падеж может быть притянут в менее маркированную падежную позицию, но не наоборот. Степень маркированности падежа выявляется эмпирически и представляется в виде иерархии типа (1.10) (Grosu 1994: 108). Например, согласно этой иерархии аккузатив может вытеснять номинатив, как это происходит в латинском примере (1.11), но не наоборот.

- (1.10) NOM << ACC << DAT << GEN << ... << P-Case

- (1.11) Urb-em qua-m statuo vestra est.
 город-ACC который.F-ACC строить.PRS.1SG ваш.F быть.PRS.3SG
 ‘Город, который я строю, ваш.’ (NOM << ACC)

⁶ Иерархия в (1.9) может рассматриваться как иерархия падежей в аккузативных языках, соответствующая «дефолтному» выражению синтаксических отношений. Дж. Бобальик далее пересматривает эту иерархию в терминах теории морфологических падежей Алека Марантца (Marantz 1991: см. 3.3.1); для наших целей, однако, достаточно падежной иерархии в (1.9), учитывая, что мы применяем ее к языкам со «среднеевропейской» базовой конструкцией предложения, таким как русский, немецкий, турецкий или венгерский.

Итак, структурные падежи некоторым стандартным образом соотносятся с синтаксическими ролями именных групп в клаузе. Однако грамматические отношения далеко не всегда однозначно вызывают соотносимое с ними падежное оформление именной группы. Один тип подобного несоответствия мы наблюдали в примере (1.8) из исландского языка. Случаи, подобные (1.8), могут быть обобщены как феномен неканонического падежного маркирования подлежащих. Специфика неноминативных подлежащих состоит в том, что они обладают всеми или многими грамматическими признаками обычных подлежащих, однако их падежное оформление (и как следствие — их способность контролировать предикативное согласование в соответствии с иерархией Моравчик — Бобальика) отличается от канонического и определяется лексическими свойствами предиката. В (1.12a–b) приводятся дополнительные примеры дативного подлежащего и аккузативного подлежащего из исландского языка, а в (1.12c) — пример дативного подлежащего из урду.

(1.12) a. Mér býður við setningafræði.

я.ДАТ тошнить от синтаксис

‘Меня тошнит от синтаксиса.’

b. Mig vantar peninga.

я.АСС отсутствовать деньги.АСС

‘У меня нет денег.’

c. Nadya=ko dar aya.

Надя=ДАТ страх приходить.PRF.M.SG

‘Надя испугалась.’

Прямые дополнения также могут получать несвойственное им падежное оформление. В примере (1.8) номинатив прямого дополнения скорее предопределяется неноминативным оформлением подлежащего, чем непосредственно управлением глагола. Однако возможны и косвенно-падежные прямые дополнения: так, например, дативное прямое дополнение в исландском языке подвергается продвижению при пассивизации, как и обычные, аккузативные прямые дополнения (пример (1.13a–b)), при этом его падеж сохраняется, так что оно превращается в дативное подлежащее. Сходный анализ для части русских косвенно-падежных дополнений предлагает Дж. Фаулер (Fowler 1996). Исследуя факты косвенно-объектной пассивизации в русском языке (1.14a–b), Фаулер высказывает предположение, что продвигающиеся при пассивизации генитивные и инструментальные дополнения в действительности занимают позицию прямого дополнения в синтаксической структуре предложения, а их косвенно-падежное

маркирование — дополнительное лексическое требование глагола (*lexical superimposition*).

- (1.13) a. Ég hjálpaði honum.
я помог он.DAT

‘Я ему помог.’

- b. Þeim_i var hjálpað t_i.
они.DAT AUX помогать.PP

‘Им помогли.’

- (1.14) a. Борисов управляет фабрикой.

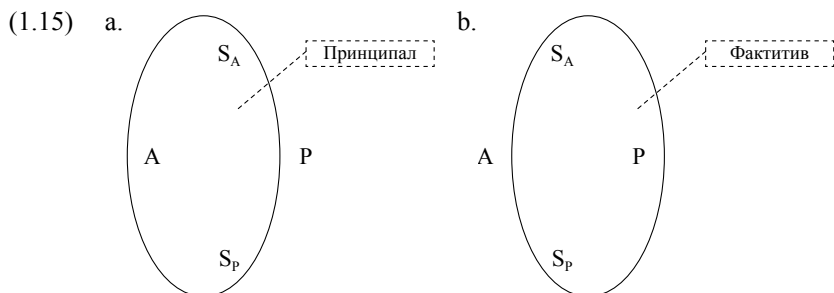
- b. Фабрика управляется Борисовым.

Однако лексическое управление глаголов, нарушающее падежное маркирование по умолчанию (*structural default*, в терминах Дж. Фаулера), не является абсолютно произвольным, бессистемным и непредсказуемым. Так, дативные подлежащие обычно обнаруживаются при экспериенциальных и эмотивных предикатах (ср. (1.8), (1.12a), (1.12c)) и выражают при них участника с семантической ролью экспериенцера. Дативные дополнения обычно возникают при глаголах контакта или перехода обладания и соответствуют семантической роли цели, адресата, бенефактива. Возможно также, что датив в примере (1.12c) имеет двойную мотивацию: с одной стороны, выражает экспериенцер, а с другой стороны, поддерживается внутренней формой эмотивного предиката как глагола движения.

Таким образом, мы приходим ко второму взгляду на функции падежа — падеж как способ выражения семантической роли именной группы при данном предикате. Впервые эту идею эксплицитно высказывает Ч. Филлмор (Fillmore 1968), причем характер связи между падежом и семантической ролью в концепции Филлмора самый непосредственный: семантические роли и есть «глубинные падежи». Падежные отношения создают глубинную структуру предложения, а при переходе к поверхностному уровню действует трансформационный компонент, который может оставлять падежное оформление именной группы неизменным (т. е. соответствующим глубинному падежу), а может и оказывать влияние на морфологически наблюдаемое падежное маркирование именной группы.

Наиболее известным механизмом работы такого компонента является нивелирование различий между несколькими семантическими ролями и их объединение в одну гиперроль, получающую единое падежное оформление. В работах А. Е. Кибрика (Кибрик 1975, 1977, 1979, 1992, 2003; Кибрик и др. 1977), С. Андерсона (Anderson 1976), Б. Комри (Comrie 1978),

Э. Моравчик (Moravcsik 1978b), Р. Диксона (Dixon 1979, 1994), Р. Ван Валина (Van Valin 1977, 1981; Foley, Van Valin 1984) и др. обосновывается формирование гиперролей Принциала (Актора, Протагониста) на основе агенса переходного глагола и Абсолютива (Претерпевающего, Фактитива) на основе пациенса переходного глагола, как это изображено в (1.15) (адаптировано из (Кибрик 1992: 187)) и (1.16) (адаптировано из (Dixon 1979: 61)).

(1.16)

Номинативная система	аргумент	Эргативная система
Номинатив	$\left. \begin{array}{c} A \\ S \\ O \end{array} \right\}$	Эргатив
Аккузатив		Абсолютив

Выбор одной из двух стратегий унификации в качестве основы для морфосинтаксического кодирования актантов создает два наиболее часто встречающихся в типологии базовой конструкции предложения типа языков: морфологически аккузативные языки, кодирующие гиперроль Принциала единым падежом («номинативом») и семантическую роль пациенса при переходном глаголе — специфичным для данной роли падежом («аккузативом»), и морфологически эргативные языки, в которых гиперроль Абсолютива выражается единым падежом («номинативом»/«абсолютивом»), а семантическая роль агенса при переходном глаголе — специфичным для данной роли падежом («эргативом»).

В схемах (1.15) и (1.16) ролевая семантика аргументов является основой для их падежного кодирования, однако характер связи между семантической ролью и падежом может быть различным. В этом отношении

в типологии А. Е. Кибрика противопоставляются языки с синтаксическими ролями и языки без синтаксических ролей. В языках со сформированными синтаксическими ролями (русский, английский, возможно, дирбал) падежи кодируют в первую очередь синтаксические роли и лишь опосредованно — семантические роли. В таких языках возможно также непосредственное падежное кодирование периферийных участников «семантическими падежами» и влияние ролевой семантики на идиосинкратичное управление предикатных слов. В языках без синтаксических ролей (к таким языкам А. Е. Кибрик относит, например, дагестанские языки), так называемых ролевых языках, ролевая семантика не опосредована уровнем грамматических отношений и выражается падежами напрямую, с точностью до объединения некоторых ролей в гиперроль. Так, например, в цахурском языке эргатив кодирует агенс, аффектив — экспериенцер, датив — цель / адресат, посессив — обладатель, а номинатив кодирует гиперроль абсолютива (Кибрик (ред.) 1999).

- (1.17) a. aIl-ē jaIq aljaʔ-a.
 Али.1.OBL-ERG дорога.4.NOM 4.строить-IPF
 ‘Али строит дорогу.’
- b. bajram-i-k’le jiš-da miz w-ac’a.
 Байрам.1-OBL-AFF мы.1.OBL-AA язык.3.NOM 3-знать-IPF
 ‘Байрам знает наш язык.’
- c. aIl-ē jed-i-s kumag haʔ-u.
 Али.1.OBL-ERG мать-OBL-DAT помощь делать-IPF
 ‘Али помог матери.’
- d. bajram-i-qa-d jug-un Haw wo-d.
 Байрам.1-POSS-4 хороший-A дом.4.NOM быть-4
 ‘У Байрама хороший дом.’
- e. jed_j qari.
 мать.1.NOM приходить.1-IPF
 ‘Мать пришла.’

Таким образом, можно заключить, что все языки, располагающие категорией падежа, используют его для организации синтаксической структуры предложения, однако признаки, на которых основывается различительная функция падежа, варьируют как в межъязыковом, так и во внутриязыковом плане. Далее в этой книге речь пойдет в основном о синтаксических аспектах падежного маркирования. В следующей главе мы рассмотрим наиболее авторитетную формальную модель падежа — теорию

приписывания абстрактного синтаксического падежа со стороны синтаксической вершины, изучим проблему связи между падежным маркированием и согласованием, а также обратимся к теории накладывающихся падежей — интересной концепции, позволяющей рассматривать как единый феномен так называемые модальные падежи некоторых австралийских языков, копирование падежных суффиксов (*Suffixaufnahme*) и специфику русских конструкций с числительными. В главе 3 мы обратимся к проблеме соотношения морфологического и синтаксического падежа. Рассмотрение материала языков с неноминативными подлежащими, и в частности языков с эргативной конструкцией предложения, приведет нас к выводу, что связь между падежным оформлением именной группы и ее лицензированием в синтаксической структуре не столь тривиальна, как это следует из генеративной теории падежа. Мы обсудим альтернативную формальную теорию падежа, которая опирается на падежную конкуренцию именных групп в пределах некоторой локальной области, и имплементацию этой теории как в морфологическом, так и в синтаксическом компоненте языка. Наконец, в главе 4 мы обратимся к феномену вариативного падежного маркирования и покажем, что типы варьирования и лицензирующие его факторы могут существенно повлиять на наши представления о синтаксической природе падежа и на выбор между конкурирующими формальными теориями.

2. Падеж как синтаксическая категория

Мы начнем эту главу с обсуждения основных содержательных проблем, связанных с представлением о синтаксическом падеже, которые обсуждаются в теоретических рамках генеративной грамматики. Выбор этой теории обусловлен не только тем, что значительное количество литературы по синтаксису падежа написано в ее русле или, по крайней мере, при имплицитном учете ее положений, но и тем, что генеративная грамматика предлагает один из наиболее интересных и нетривиальных взглядов на синтаксические функции падежа — она рассматривает падеж как условие лицензирования именных групп⁷.

Несмотря на то что первые версии генеративной грамматики основывались на материале английского языка, в котором категория морфологического падежа является вырожденной (падежные формы имеют только некоторые местоимения), падежная проблематика довольно рано включается в набор эмпирических фактов, моделируемых теорией. По-видимому, основной причиной пристального внимания к падежу является гипотеза Жана-Роже Верньо (Vergnaud 1977/2006), легшая в основу одной из аксиом генеративной грамматики, сохраняющейся по настоящее время: падеж — это способ лицензирования именной группы в составе предложения. Если эта гипотеза верна, то падеж становится важнейшим теоретическим понятием, его наличие у всех именных групп предложения оказывается критически важным для его грамматичности, а правила получения именной группой падежа должны рассматриваться как ядерный компонент грамматики.

На протяжении своего развития генеративная теория последовательно решала три вопроса грамматики падежа. Первым можно считать вопрос

⁷ Об альтернативных синтаксических подходах к падежу, в частности, в лексико-функциональной грамматике, в референциально-ролевой грамматике, в когнитивной грамматике, в теории оптимальности см., например, (Butt 2006; Malchukov, Spencer (eds) 2008).

об универсальности категории падежа. Ответ на этот вопрос возникает с гипотезой Верньо: да, категория синтаксического (или абстрактного) падежа (обозначаемого обычно заглавной буквой — Case, Падеж) универсальна, т. е. является компонентом универсальной грамматики и свойственна всем естественным языкам; предмет языкового варьирования является морфологический падеж (обозначаемый строчной буквой — case, падеж), который является конкретно-языковым выражением абстрактного Падежа. Теория Падежа (Case Theory) становится одним из модулей в Теории управления и связывания (Government and Binding theory, GB); разрабатывается первая модель приписывания падежа — получение именной группой падежа от управляющей вершины.

Второй вопрос касается универсальности механизмов падежного маркирования. Теория управления и связывания допускала различные условия для приписывания разных падежей, так что специфика этих условий была ограничена в очень слабой степени. В раннем минимализме (1990-е гг.) неоднократно пересматривается механизм соотнесения именной группы с ее падежным признаком: предлагаются модели проверки признака падежа (Chomsky 1993) и означивания признака падежа при согласовании (Chomsky 2000, 2001); вводятся новые функциональные вершины, отвечающие за падеж (Chomsky 1993, 1995). За этими теоретическими поисками неизменно стоит одна идея: свести доступные в теории способы падежного взаимодействия к единой конфигурации, например: вершина — спецификатор вершины или вершина — с-командуемая этой вершиной составляющая.

Наконец, третий вопрос, который впервые ставится в рамках теоретической программы минимализма, касается самой природы падежного признака: интерпретируем ли падеж и если да, как его значение связано с лицензированием именных групп? Ранний ответ на этот вопрос дает Хомский (Chomsky 1986): падежное маркирование именной группы является условием видимости (Visibility Condition) ее семантической роли (тета-роли) для семантического компонента. Однако такое решение становится неудовлетворительным, если принять во внимание Условие Включенности (Inclusiveness Condition), Принцип полной интерпретации (Full Interpretability) и другие подобные гипотезы минимализма, призванные максимально упростить синтаксический компонент модели языка и, в частности, исключить из синтаксиса какие бы то ни было объекты (вершины, признаки, индексы и т. п.), которые бы не учитывались при интерпретации предложения и возникали в синтаксисе с исключительно «техническими» целями. Поэтому именно в последние 10–15 лет в рамках генеративной парадигмы возникают новые теории, призванные пролить

свет на интерпретируемость падежа и на появление значения падежного признака в синтаксисе⁸.

Далее в этой главе мы проследим развитие падежной теории в генеративной грамматике, используя эти три вопроса как отправные точки нашего изложения. Подробное изложение этой проблематики можно найти также в замечательных обзорах (Bobaljik, Wurmbrand 2008) и (Pesetsky, Torrego 2011), из которых мы позаимствуем часть иллюстративного материала. Затем мы обсудим одну из современных моделей падежа — теорию накладывающихся падежей — и применим ее к материалу цахурского языка.

2.1. Падеж как лицензор именной группы

Интерес к падежу возник в генеративной грамматике в связи с проблемой дистрибуции фонологически выраженных и нулевых подлежащих инфинитивных оборотов, демонстрируемых в парадигме (2.1) (Bobaljik, Wurmbrand 2008: 45 (1)). В (2.1a) актантный инфинитивный оборот при глаголе *decide* ‘решить’ не может иметь выраженного подлежащего, вне зависимости от того, совпадает ли оно с подлежащим главной клаузы или нет. Внешне идентичный актантный инфинитивный оборот при глаголе *believe* ‘считать’ в (2.1b), напротив, лицензирует фонологически выраженное подлежащее. Предложение (2.1a) можно сделать грамматичным, переподчинив инфинитивный оборот комплементару *for* (2.1c). Аналогичный контраст наблюдаем в позиции подлежащего (2.1d–e): подлежащее инфинитивного оборота возможно только в контексте комплементару *for*.

- (2.1) a. Leo decided [**Lina/*himself* to leave].
 ‘Лео решил (**Лине/*себе*) уехать.’
 b. Leo believed [*Lina* to be a genius].
 ‘Лео считал Лину гением.’

⁸ Нельзя не отметить сходство традиционной лингвистики и генеративной теории в их подходах к интерпретации категории падежа: по сути, Теория Падежа генеративной грамматики соответствует определению падежа как категории, сигнализирующей о включенности именной группы в более крупную синтагму; таксономия управляющих вершин может быть переинтерпретирована в терминах иерархии грамматических отношений; наконец, Условие видимости соотносит семантическую роль именной группы с получением ею падежа.

- c. Leo decided [for Lina to leave].
'Лео решил, что нужно, чтобы Лина уехала.'
- d. [For Leo to win] would be great.
'Было бы здорово, если бы Лео победил.'
- e. *[Leo to win] would be great.

На основании (2.1) дистрибуция фонологически выраженных именных групп в позиции подлежащего инфинитивного оборота может быть обобщена следующим образом: выраженные подлежащие возможны в инфинитивных оборотах — комплементах некоторых переходных матричных предикатов, таких как *believe* 'считать', а также в инфинитивных оборотах, вводимых комплементаризатором *for*. В (Chomsky, Lasnik 1977) это обобщение сформулировано в виде фильтра **NP-to-VP*, приводимого в (2.2):

- (2.2) фильтр **NP-to-VP*
 *_[α NP to VP], кроме случаев, когда α прилагает к и находится в области глагола или комплементаризатора *for*⁹.

Обобщение в (2.2) давало правильную картину дистрибуции выраженных ИГ и нулевых местоимений — PRO — в позиции подлежащего инфинитивного оборота, однако оставалось непонятным, что объединяет контексты, представляющие собой исключение в (2.2). Содержательную гипотезу относительно фактора, противопоставляющего допускающие и не допускающие фонологически выраженную именную группу конфигурации, высказал Жан-Роже Верньо в своем письме Хомскому и Ласнику (Vergnaud 1977/2006). Верньо предположил, что таким фактором является доступность абстрактного падежа: в контекстах, где выраженное подлежащее инфинитивного оборота допустимо, именная группа может получить падеж (от переходного матричного предиката или комплементаризатора *for*), а контексты, в которых возникает PRO, напротив, являются беспадежными.

Верньо пишет: «Я полагаю, что этот фильтр может быть заменен фильтром, который определяет дистрибуцию именных групп определенного типа. Вот что я имею в виду. Допустим, что в английском языке есть три Падежа: Субъектный Падеж — падеж подлежащего финитных клауз; Генитив (как в *Mary's book*, *hers*, *yours*, *mine* и т. д.); Управляемый падеж, который является, помимо прочего, Падежом дополнений глаголов и предлогов (ср. *Mary saw him*, *Mary gave him a book*, *Mary talked to him*, *a book*

⁹ *_[α NP to VP], unless α is adjacent to and in the domain of Verb or *for* (Chomsky, Lasnik 1977: 461).

by him и т. д.). <...> Определяющее свойство инфинитивных конструкций состоит в том, что в таких конструкциях подлежащее стоит в Управляемом Падеже. <...> Я предполагаю, что дистрибуция инфинитивных конструкций вида NP to VP следует из дистрибуции именных групп в Управляемом Падеже. А именно, я предлагаю следующий фильтр: Структура вида ... [α ... NP ...] ... , где NP — ИГ в Управляемом Падеже, а α — первый ветвящийся узел над этой ИГ, неграмматична, за исключением случаев, когда (i) α — это составляющая категории $[-N]$ или (ii) α прилагает к и входит в составляющую категории $[-N]$ ¹⁰.

Гипотеза Верньо предсказывает, что не только именные группы — подлежащие инфинитивных оборотов, но и именные группы в прочих структурных позициях в английском языке лицензируются абстрактным падежом. Чтобы увидеть, что это действительно так, сравним дистрибуцию ИГ в английском языке с дистрибуцией ИГ со структурными падежами (номинативом и аккузативом) в языках с богатой падежной системой, таких как латынь или русский.

Рассмотрим примеры (2.3)–(2.6), адаптированные из (Pesetsky, Torrego 2011). Мы видим, что ИГ-дополнение в английском языке допустима в тех структурных контекстах, где в латинском и русском языках дополнение может получить аккузатив, и наоборот, там, где в русском и в латинском языках комплемент не может получить аккузатив, в английском языке

¹⁰ «I believe that this filter could be replaced by a filter that governs the distribution of certain kinds of NPs. Here is what I have in mind. Let's assume that English has three Cases: the Subject Case, which is the Case of subjects in tensed clauses; the Genitive Case (cf. *Mary's book, hers, yours, mine*, etc.); the Governed Case, which is the case of complements of verbs and of prepositions, among others (cf. *Mary saw him, Mary gave him a book, Mary talked to him, a book by him*, etc.). <...> Now, a characteristic property of infinitival construction is that, in such constructions, the subject is in the Governed Case:

- (1) a. We'd prefer for *him* to leave.
- b. It is illegal for *him* to leave.
- c. We found a man for *him* to speak to.
- d. For *him* to leave would be unfortunate.

Well, I shall hypothesize that the distribution of infinitival constructions of the form NP to VP follows from the distribution of NPs in the Governed Case. Specifically, let's posit the following filter:

- (2) A structure of the form ... [α ... NP ...] ... , where NP is in the Governed Case and α is the first branching node above NP, is ungrammatical unless (i) α is the domain of $[-N]$ or (ii) α is adjacent to and in the domain of $[-N]$ » (Vergnaud 1977/2006: 3–4).

неграмматична ИГ-дополнение. В русском и латинском только глаголы и предлоги (в терминах (Vergnaud 1977/2006; Chomsky, Lasnik 1977) — лексические категории с признаком [–N]) могут приписывать аккузатив своему дополнению, а существительные и прилагательные ([+N]) неспособны к приписыванию аккузатива. В английском языке только глаголы и предлоги ([–N]) могут присоединять ИГ-дополнение, а существительные и прилагательные ([+N]) должны опосредовать это отношение предлогом.

- (2.3) a. wrote the book
b. scripsit libr-um
c. написал книг-у
- (2.4) a. to Spain
b. ad Hispani-am
c. в Испанию
- (2.5) a. love for the counry || *love country
b. amor in patriam / amor patriae || *amor patri-am
c. любовь к родине || *любовь родин-у
- (2.6) a. free from luxuries || *free luxuries
b. liberi a delici-is || *liberi delici-as
c. свободный от роскоши || *лишенный роскошь-Ø

Обратимся теперь к (2.7)–(2.8), где именная группа располагается в позиции подлежащего. В (2.7а) финитное английское предложение может иметь подлежащее, выраженное ИГ. Примеры (2.7b–с) показывают, что в русском и латинском языках подлежащее в финитном предложении оформляется номинативом. Из (2.8) видно, что подлежащее в английской нефинитной клаузе не лицензируется, а в русском и латинском языках в таком случае номинатив как падеж субъекта недоступен.

- (2.7) a. The boy came.
b. Puer venit.
c. Мальчик пришел.
- (2.8) a. For you to leave || *You to leave would be unwise.

- b. *Meum animum* || **Meus animus tibi servitutem servire aequom censui*.
 ‘Я полагал, что мой дух сослужил тебе равную службу.’
- c. Тебе уехать || *Ты уехать было бы неразумно.

Столь единообразная дистрибуция ИГ со структурным падежом в латинском или русском и ИГ в английском едва ли случайна и свидетельствует о том, что за некоторыми типами падежной морфологии в языках с развитой категорией падежа, равно как и за дистрибуцией ИГ в беспадежных языках, стоит один и тот же синтаксический феномен. Верньо предложил считать, что этот феномен — абстрактный падеж и именно его наличие лицензирует фонологически выраженную именную группу. Таким образом, первая генеративная теория падежа состоит из падежного фильтра — аксиомы (2.9) и правил приписывания абстрактного падежа — аккумулятива и номинатива (2.10); падеж в этой теории выступает как лицензор именной группы¹¹.

(2.9) *NP если NP фонологически выражена и не имеет падежа¹²

(2.10) Приписывание (абстрактного) падежа

a. Аккумулятив

α приписывает аккумулятив β тогда и только тогда:

- i. α имеет категорию V или P (не N или A); и
- ii. β — комплемент α

b. Номинатив

Финитная вершина T приписывает номинатив своему спецификатору.

Теория падежа (2.9)–(2.10) правильно предсказывает, что дополнения — именные группы и дополнения других фразовых категорий могут иметь разную дистрибуцию: действительно, все типы дополнений возникают в синтаксисе в соответствии с принципом проекции, но лишь на именные группы накладывается дополнительное ограничение: они

¹¹ Вопрос о соотношении абстрактного падежа и морфологического падежа до определенного момента не поднимается; по умолчанию предполагается, что морфологический падеж отражает абстрактный, а отличие между языками типа английского и типа русского видится как исключительно морфологическое. Формальный синтаксис обратится к этой проблеме несколько позже, с выходом статьи (Zaenen et al. 1985); результатом дискуссии станет существенное уточнение теории синтаксического падежа и возникновение альтернативной теории конфигурационного морфологического падежа А. Марантца.

¹² *NP if NP has phonetic content and has no Case (Chomsky 1981: 49).

должны лицензироваться не только семантическими характеристиками своей вершины, но и наличием абстрактного падежа. В результате именные вершины (N, A) допускают в качестве комплементов CP или PP, но не NP:

- (2.11) a. her proof [_{CP} that the world is round]
'ее доказательство, что Земля круглая'
b. *her proof [_{NP} the theorem]
'ее доказательство теоремы (*теорему)'
- (2.12) a. satisfied [_{CP} that the world is round]
'доволен, что Земля круглая'
b. *satisfied [_{NP} the fact]
'доволен этим фактом (*этот факт)'

Подлежащее инфинитивного оборота — это еще одна позиция, где возникающие в соответствии с принципом проекции именные группы могут оказаться беспадажными и, таким образом, недопустимыми. Исходная парадигма (2.1) (повторяемая здесь как (2.13)) получает следующее объяснение. В (2.13b–d) подлежащее инфинитивного оборота получает абстрактный падеж: в (2.13c–d) — от предложного комплементаризера *for*, в (2.13b) — от матричного глагола *believe* ‘считать’ в результате «исключительного падежного маркирования» (exceptional case marking, ECM) — не от глагольной вершины к ее комплементу, как это определяет (2.10a), а от глагольной вершины к спецификатору ее комплемента. В (2.13a) и (2.13e) источников падежа для подлежащего инфинитивного оборота нет, поэтому выраженная ИГ в этих позициях невозможна. Отличие предиката *decide* ‘решить’ от предиката *believe* ‘считать’ сводится к синтаксической селекции комплемента: *decide* ‘решить’ выбирает CP, а *believe* ‘считать’ выбирает TP (Chomsky, Lasnik 1995: 112), вследствие чего ECM возможно при *believe* ‘считать’, но не при *decide* ‘решить’.

- (2.13) a. Leo decided [_{CP} (*Lina/himself) to leave].
 *NP/PRO – Case

 b. Leo believed [_{TP} Lina to be a genius].
 NP/*PRO + Case (ECM, V)

 c. Leo decided [_{CP} for Lina to leave]. NP/*PRO + Case (P)

 d. For Leo to win would be great. NP/*PRO + Case (P)

 e. *Leo to win would be great. *NP/PRO – Case

2.2. Теория падежа

Теория абстрактного падежа последовательно встраивается в систему модулей Теории управления и связывания. Поскольку одни синтаксические позиции оказываются «падежными», а другие — нет, падежный фильтр вынуждает именные группы передвигаться из беспадежных позиций в падежные. Возникает классификация типов передвижения — допустимых в универсальной грамматике применений операции *move alpha*; одним из типов передвижения оказывается А-передвижение, или передвижение именных групп в аргументные позиции, связанное с потребностью в получении падежа. Активно эксплуатируется связь падежного маркирования с управлением: управление, понимаемое как асимметричное локальное отношение между двумя категориями, основанное на с-командовании, становится структурным «примитивом», базовой конфигурацией, в терминах которой получают объяснение различные типы синтаксических взаимодействий.

2.2.1. А-передвижение и ЕРР

Требование получения падежа именной группой объясняет не только дистрибуцию именных групп и PRO в парадигме (2.13), но и дистрибуцию именных групп между базовыми и производными позициями. Например, в (2.14а) ИГ *the door* ‘дверь’ находится в позиции дополнения переходного глагола; она возникает в этой позиции в соответствии с принципом проекции как внутренний аргумент глагола *open* ‘открывать’ и в этой же позиции получает абстрактный аккузатив от переходной вершины V в соответствии с (2.10а). В (2.14b) ИГ *the door* ‘дверь’ также располагается в базовой позиции, однако в этом предложении глагол стоит в пассивной форме, а значит, лишается способности приписывать аккузатив. Таким образом, ИГ-дополнение оказывается в беспадежной позиции, что влечет неграмматичность (2.14b). Наконец, в (2.14с) ИГ *the door* ‘дверь’ подверглась передвижению из исходной беспадежной позиции дополнения в производную падежную позицию подлежащего; требования падежного фильтра таким образом удовлетворяются, и предложение является грамматичным.

- (2.14) a. John opened the door.
 ‘Джон открыл дверь.’
 b. *(It) was opened the door.
 ‘*Было открыто дверь.’

- c. The door_i was opened t_i.
 ‘Дверь была открыта.’

Передвижение в (2.14с) характеризуется определенным набором свойств, регулярно воспроизводящихся в различных конфигурациях. Во-первых, субъектом передвижения являются именные группы (максимальные проекции), что отличает это передвижение от передвижения вершин и от *wh*-передвижения, при котором синтаксическая категория передвигающейся группы может быть произвольной. Во-вторых, передвижение происходит из базовой позиции, где ИГ получает семантическую роль, но не может получить падеж, в производную позицию, где ИГ получает падеж, но не должна получать семантическую роль. В-третьих, передвижение является локальным (например, оно не может пересечь границы финитной клаузы, ср. (2.15а–б)). В-четвертых, передвижение возможно только в *c*-командующую позицию, т. е. «вверх» по дереву.

- (2.15) a. John_i was believed [t_i to be said [t_i to be a genius]].
 ‘Считалось, что про Джона говорят, что он гений.’
 b. *John_i was believed [that Bill said [t_i to be a genius]].
 ‘Считалось, что Билл сказал про Джона, что он гений.’

A-передвижение объясняет такие феномены (ранее вводившиеся отдельными трансформациями), как «повышение» прямого дополнения при пассивизации (2.16а–б), линейную позицию подлежащего у неаккузативных глаголов (2.16с), подъем подлежащего инфинитивной клаузы при предикатах подъема (2.16д), а также «дальнюю пассивизацию» (*long-distance passivization*), объединяющую пассивизацию и подъем (2.16е) (Pesetsky, Torrego 2011: (18)–(19)).

- (2.16) a. The book_i was put t_i under the desk.
 ‘Книгу положили под стол.’
 b. Mary_i was persuaded t_i that the world was ending.
 ‘Мэри была убеждена, что наступает конец света.’
 c. The door_i opened t_i suddenly.
 ‘Дверь внезапно открылась.’
 d. Mary_i seemed [t_i to have written the letter].
 ‘Мэри, кажется, написала письмо.’
 e. Mary_i is believed [to have been elected t_i president].
 ‘Считается, что Мэри выбрали в президенты.’

Легко видеть, что в (2.16) передвижение всегда имеет своей конечной целью позицию финитного подлежащего¹³. С точки зрения Теории управления и связывания (в частности, Теории падежа и Тета-теории), это далеко не случайно: ведь позиция финитного подлежащего — единственная нетематическая (т. е. не связанная с семантической ролью) позиция, в которой доступен падеж. Передвижение ИГ в тематическую падежную позицию нарушало бы постулат Тета-теории, согласно которому у ИГ может быть только одна тета-роль. Поскольку первую тета-роль ИГ получает в базовой позиции от проецирующей ее вершины, А-передвижение возможно только в позицию подлежащего.

Заметим, однако, что передвижение составляющей в позицию подлежащего независимо мотивировано «Принципом расширенной проекции» (Extended Projection Principle, EPP), согласно которому любая финитная клауза в английском языке должна иметь подлежащее (Chomsky 1982: 10). Этот факт грамматики английского языка имплементируется различными синтаксическими теориями; например, его описывает закон *Final-1 Law* в Реляционной грамматике (Perlmutter, Postal 1983): итоговое синтаксическое представление («стратум») должно содержать стрелку с номером 1, что соответствует наличию поверхностного подлежащего¹⁴. С учетом EPP примеры в (2.16) могут быть проанализированы и без А-передвижения: если соответствующие ИГ могут получить падеж от финитной вершины Т главной клаузы, находясь *in situ*, то их последующее передвижение в Spec, TP может быть представлено как передвижение ближайшей активной составляющей с целью удовлетворения признака EPP вершины Т. Если в рамках Теории падежа выбор передвигающегося дополнения при пассиве (2.16a–b) определяется его категориальным статусом (передвигается NP, но не PP или CP, потому что только NP нуждается в падеже), то в рамках намеченной выше теории выбор передвигающегося дополнения связан с его структурной позицией и «активностью» для взаимодействия с вершиной Т.

Несмотря на то что данные в (2.16) могут быть объяснены как с учетом Теории падежа, так и без нее, с опорой на EPP, эмпирическое покрытие Падежного фильтра и EPP не полностью идентичны. Так, например, Падежный фильтр с легкостью справляется с контрастом между (2.17) и (2.18), в то время как одного EPP здесь явно недостаточно.

¹³ Возможен анализ конструкций с ЕСМ как конструкций подъема в позицию дополнения (см. ниже); в таком случае целью А-передвижения может быть и позиция подлежащего, и позиция дополнения.

¹⁴ «Every basic clause must contain a final 1-arc» (Perlmutter, Postal 1983:10).

- (2.17) a. [That the world is round]_i was believed t_i by the ancient Greeks.
 b. It was believed by the ancient Greeks [that the world is round].
 ‘Древние греки полагали, что Земля круглая.’
- (2.18) a. The book_i was put t_i under the table.
 b. *It / There was put the book under the table.
 ‘Книгу положили под стол.’

С другой стороны, даже в английском языке (не говоря уже о других языках) имеются примеры, в которых именная группа получает номинатив от финитной вершины T без передвижения в ее окрестность, ср. (2.19). Факты такого рода были учтены в минималистской модели приписывания падежа, которую мы рассмотрим в разделе 2.3.2.

- (2.19) a. There have arisen several complications.
 ‘Возникли некоторые осложнения.’
- b. There could have occurred a diplomatic incident.
 ‘Мог произойти дипломатический инцидент.’
- c. There remains little hope of finding survivors.
 ‘Остается мало надежды обнаружить выживших.’

2.2.2. Управление

Правило приписывания падежа дополнению, предложенное в (2.10), есть не что иное, как формализация традиционного понятия управления: Y управляет X-ом, если Y требует появления X в возглавляемой им синтагме и определяет (падежную) форму X-а¹⁵. Заметим, что управление обладает двумя важными свойствами: оно непосредственно связано с синтаксической зависимостью и имеет локальный характер. Поскольку многие синтаксические феномены, определяемые на единицах X и Y, возникают в конфигурациях с локальным асимметричным синтаксическим отношением между X и Y, естественно предположить, что конфигурация

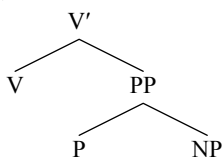
¹⁵ Ср. с определением из (Кибрик 1992: 119): «Управление имеет место тогда, когда обуславливающий постоянный признак (а) некоторого слова (X) имплицитно а) другое слово (Y), обладающее переменным признаком (b), или б) целое предложение (Y) с некоторым признаком (b). То есть если слово X имеет обуславливающий постоянный признак а, то имеется элемент Y с признаком б».

управления может быть использована не только в правилах приписывания падежа, но и при анализе этих феноменов. Так возникает идея обобщения понятия управления как такой структурной конфигурации, в которой возможны синтаксические зависимости локального характера.

Первое определение управления в генеративной грамматике опирается на понятие с-командования, а локальность управления (как линейная, так и структурная) обеспечивается отсутствием между управляющим и управляемым единиц и границ основных синтаксических категорий (2.20)¹⁶. Например, в конфигурации (2.21) обе лексических вершины — V и P — с-командуют NP. Однако только вершина P управляет NP, поскольку между вершиной V и NP имеется граница основной категории (PP), а также и, возможно, фонологически выраженный представитель основной категории (P).

- (2.20) Управление
 β управляет α , если β с-командует α и между α и β нет основных категорий или границ основных категорий¹⁷.

- (2.21) посмотрел [_{PP} на [_{NP} часы]]

Определение в (2.20) покрывает случаи традиционного управления лексической вершины своим дополнением. Как видно из (2.10), абстрактный аккузатив приписывается в конфигурации лексическая вершина — комплемент, то есть при с-командовании лексической вершины своим аргументом. Однако приписывание абстрактного номинатива не может быть определено в терминах управления из (2.20): номинатив приписывается в конфигурации функциональная вершина — спецификатор, то есть в отсутствие с-командования со стороны вершины, хотя и в расширенной проекции этой вершины (Aoun, Sportiche 1983). Чтобы объединить эти случаи, в теорию вводится понятие m-командования (Chomsky 1986) — ослабленной версии с-командования:

¹⁶ Понятие основной категории (major category) определяется в (Chomsky 1965: 74) как лексическая категория X либо составляющая, доминирующая над лексической категорией X.

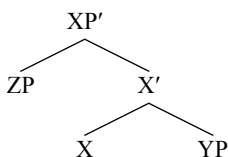
¹⁷ α is governed by β if α is c-commanded by β and no major category or major category boundary appears between α and β (Chomsky 1980: 25).

(2.22) *m*-командование

А *m*-командует В, если первая максимальная проекция, доминирующая над А, доминирует также и над В и ни А, ни В не доминируют друг над другом.

Легко видеть, что в (2.23) *m*-командование имеет место между вершиной и комплементом (X *m*-командует YP) и между вершиной и спецификатором (X *m*-командует ZP); кроме того, спецификатор и комплемент *m*-командуют друг другом. Таким образом, *m*-командование «уравнивает» все составляющие одной максимальной проекции — вершину, спецификатор и комплемент — в отношении структурного приоритета.

(2.23)

Итак, использование понятия *m*-командования позволило унифицировать структуры, в которых может приписываться падеж, и выдвинуть теорию универсального приписывания падежа при управлении (case assignment under government). Следующим шагом стала попытка использования управления для анализа языковых феноменов, не связанных с падежом. В частности, было замечено, что отношение между подвергшейся передвижению группой и ее следом во многом напоминает отношение между управляющей категорией и маркируемой падежом именной группой: «голова» (head), т. е. конец цепи, создаваемой передвижением, обладает структурным приоритетом над «хвостом» (tail), т. е. началом цепи, и всеми промежуточными позициями в цепи — следами от передвижения; отношение между двумя звеньями цепи может быть нарушено границами некоторых категорий; след лицензируется отношением с вышестоящей головой, как именная группа лицензируется падежом.

Указанное сходство легло в основу гипотезы об управлении как лицензоре следа (пустой категории). Для лицензирования следов предлагается особый тип управления, отличный от управления со стороны вершин — источников падежей, — так называемое антецедентное управление. Важнейшим феноменом, показывающим, что антецедентное управление «родственно» лексическому управлению, является извлечение *wh*-местоимений из слабых островов (2.24). В (2.24a) объектное местоимение *what* ‘что’ может быть извлечено из косвенного вопроса в главное предложение, однако в (2.24b) извлечение обстоятельственного местоимения *how* ‘как’ из этой

конфигурации приводит к неграмматичности. Объяснить контраст между (2.24a–b) возможно, если предположить, что след может лицензироваться *и* антецедентным, *и* лексическим управлением.

- (2.24) a. What_i do you wonder [_{CP} how_j to fix t_i t_j] ?
 ‘Что ты не знаешь, как починить?’
 b. *How_i do you wonder [_{CP} what_j to fix t_j t_i] ?
 ‘*Как ты не знаешь, что починить?’

В (Chomsky 1981, 1986) вводится понятие жесткого управления¹⁸ (proper government), объединяющего лексическое (тета-) управление и антецедентное управление. Лексическое управление — это управление со стороны вершины с одновременным приписыванием тета-роли; антецедентное управление — это управление со стороны коиндексированного антецедента. Оба типа управления, по Хомскому, происходят при с-командовании с соблюдением условия жесткой (rigid) минимальности — отсутствия между управляющим и управляемым барьеров минимальности (minimality barriers), т. е. специальным образом вычисляемых границ категорий¹⁹. В (2.25)–(2.29) формализована теория, объясняющая дистрибуцию следов при помощи понятия управления.

- (2.25) Принцип пустой категории (Empty category principle, ECP)
 След (= непрономинальная пустая категория) должен жестко управляться.
- (2.26) Жесткое управление
 А жестко управляет В, если:
 А лексически управляет В
 или
 А антецедентно управляет В.
- (2.27) Лексическое управление
 А лексически управляет В, если А управляет В и А приписывает В тета-роль.

¹⁸ При переводе термина *proper government* используется вариант, предложенный в (Тестелец 2001).

¹⁹ Барьером для β является максимальная (или первая, если проецируется спецификатор) проекция γ вершины δ, командующей β. Из числа образующих барьеры вершин (δ) по ряду причин исключаются V° и I°.

- (2.28) Антецедентное управление
 А антецедентно управляет В, если А управляет В и А коиндексировано с В.
- (2.29) Управление (ср. (2.20))
 А управляет В, если:
 А т-командует В
 и
 между А и В нет барьеров.

Объединение в теории (2.25)–(2.29) лексического и антецедентного управления позволяет объяснить контраст между извлечением комплементов и адьюнктов в (2.24). В (2.24а) след от передвижения адьюнкта t_j управляется антецедентно, а след от передвижения комплемента t_i — лексически. В (2.24b) есть условия и для лексического, и для антецедентного управления следом от передвижения комплемента t_i , а след от передвижения адьюнкта t_j остается неуправляемым: он не может управляться лексически, поскольку адьюнкты не получают тета-роль, и не может управляться антецедентно, поскольку антецедент нелокален.

Наиболее глубоко разработанная система типов управления и ограничений на конфигурации, в которых оно происходит, принадлежит Л. Рицци (Rizzi 1990). Основным теоретическим прорывом в работе Рицци стало объяснение того факта, что различные синтаксические феномены, понимаемые как локальные, локальны в разной степени и в разных отношениях. Так, приписывание падежа лексической вершиной строго локально в отношении границы лексической ХР (например, в конфигурации (2.21)), но при этом механизм исключительного падежного маркирования (ЕСМ) допускает приписывание падежа именной группе «через голову» ТР-комплемента. Передвижение вершин строго локально в том смысле, что его блокируют промежуточные вершины (Travis 1984; Baker 1985), но его не блокируют промежуточные группы. А-передвижение неспособно пересечь границу финитной клаузы, а А'-передвижение допускает извлечение из финитного предложения. Гипотеза Рицци состоит в том, что минимальность, единообразно определяемая в (Chomsky 1981, 1986) как отсутствие барьеров одного и того же типа, должна быть параметризована: для каждого типа синтаксического взаимодействия, описываемого при помощи понятия управления, минимальность — это отсутствие между взаимодействующими элементами α и β элемента γ , относящегося к тому же классу, что α или β .

Итак, Рицци, вслед за Хомским, выделяет управление со стороны вершины (вершинное управление, *head government*²⁰), требующее *m*-командования, и антецедентное управление, происходящее при *s*-командовании. В обоих случаях требуется, чтобы не нарушалось условие минимальности, однако минимальность относительна в том смысле, что специфична для различных типов взаимодействия.

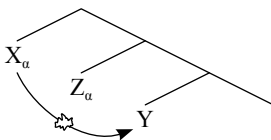
Формулировка принципа относительной минимальности приводится в (2.30)–(2.33).

- (2.30) Относительная минимальность (*Relativized minimality*)
 X α -управляет Y только тогда, когда не существует такого интервента Z , что:
- (i) Z является типичным потенциальным α -управляющим элементом для Y ;
 - (ii) Z *s*-командует Y -ом и не *s*-командует X -ом.
- (2.31) Интервент для вершинного управления
 Z является типичным потенциальным управляющим элементом при вершинном управлении для Y -а тогда и только тогда, когда Z является вершиной, *m*-командующей Y -ом.
- (2.32) Виды цепей при антецедентном управлении
- a. A -цепи (возникают при A -передвижении именных групп)
 - b. A' -цепи (возникают при *wh*-передвижении)
 - c. X° -цепи (возникают при передвижении вершин)
- (2.33) Интервент для антецедентного управления
- a. Z является типичным потенциальным управляющим элементом при антецедентном управлении для Y -а, представляющего из себя звено A -цепи, тогда и только тогда, когда Z находится в аргументной позиции спецификатора и *s*-командует Y -ом.
 - b. Z является типичным потенциальным управляющим элементом при антецедентном управлении для Y -а, представляющего из себя звено A' -цепи, тогда и только тогда, когда Z находится в неаргументной позиции спецификатора и *s*-командует Y -ом.
 - c. Z является типичным потенциальным управляющим элементом при антецедентном управлении для Y -а, представляющего из себя звено X° -цепи, тогда и только тогда, когда Z находится в позиции вершины и *s*-командует Y -ом.

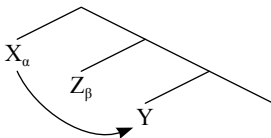
²⁰ Управляющие вершины исчерпываются множеством $\{A, N, P, V, Agr, T\}$.

(2.30) содержит условие минимальности для наличия управления: управление Y-ом со стороны X-а невозможно, если имеется интервент — промежуточный (то есть с-командующий Y-ом и с-командуемый X-ом) элемент, такой, что он является потенциальным управляющим элементом для Y-а. В (2.31)–(2.33) минимальность параметризуется по типу управления: для управления типа α имеют значение только потенциальные управляющие элементы типа α , что схематически представлено в (2.34a–b).

(2.34) a.

b.

В (2.31)–(2.33) описываются типы потенциальных управляющих элементов для разных видов управления. (2.31) содержит аналог условия на управление из (2.29), согласно которому вершина не может управлять составляющей Y, если структурно ближе к Y-у расположена другая вершина — потенциальный управляющий элемент. В (2.33) определяются потенциальные управляющие элементы для antecedentного управления: они различны для разных типов передвижений (2.32). Вершины блокируют передвижение вершин, именные группы в спецификаторах — аргументных позициях — A-передвижение, составляющие в спецификаторах — неаргументных позициях — A'-передвижение.

Гипотеза Рицци позволяет объяснить большой круг ограничений на синтаксические взаимодействия, равно как и зависимость ограничивающих факторов от типа взаимодействия. Например, отрицание блокирует A'-передвижение адыюнктов, но не блокирует A-передвижение аргументов (2.35); финитное подлежащее блокирует A-передвижение (подъем через границу финитной клаузы, *superraising*) и не является блокирующим фактором для A'-передвижения (2.36) (Anagnostopoulou, Fox 2007: (35)).

(2.35) a. *[How strongly]_i do you **not** believe that inflation will rebound t_i?
 ‘*Насколько сильно ты не думаешь, что подскочит инфляция?’

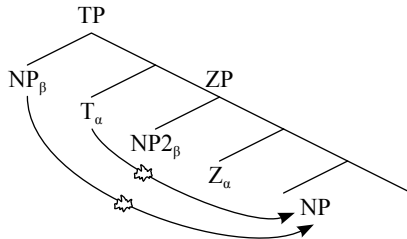
- b. John_i does **not** seem t_i to win.
 ‘Непохоже, чтобы Джон победил.’

- (2.36) a. *John_i seems that **it** is likely t_i to win.
 ‘Похоже, что Джон, кажется, победил.’

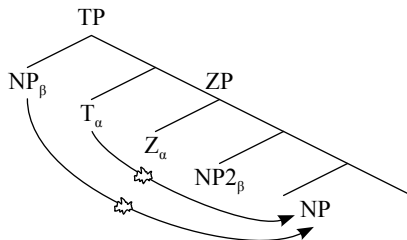
- b. Who_i do you think that **I** want t_i to win?
 ‘Кто, ты думаешь, я хочу, чтобы победил?’

Влияние работы Рицци на развитие генеративной теории трудно переоценить. Для теории падежа два следствия представляются наиболее важными. Во-первых, при учете относительной минимальности отпала необходимость в строго локальном приписывании падежа подлежащему. Действительно, и приписывание номинатива (т. е. управление со стороны вершины T), и передвижение в Spes, TP (т. е. antecedentное управление со стороны подлежащего) всегда претерпевает одна и та же именная группа — самая «высокая» ИГ в аргументной позиции. Если бы между T и будущим подлежащим располагалась другая аргументная ИГ (NP2 на схеме в (2.37)), она в соответствии с падежным фильтром должна была бы получить падеж от какой-либо управляющей вершины. Этой вершиной не может быть T, поскольку T способна приписать падеж только один раз. Следовательно, имеется некоторая вершина Z, которая m-командует NP2. Следовательно, NP2 либо c-командуется вершиной Z, либо находится в ее спецификаторе. Две возможные конфигурации представлены в (2.37a–b).

- (2.37) a.

- b.

Легко видеть, что присутствие NP2 заблокирует A-передвижение подлежащего (вернее, антецедентное управление следом от передвижения NP в позицию подлежащего), поскольку является потенциальным управляющим элементом для антецедентного управления в A-цепи. Вершина Z, падежный лицензор NP2, в свою очередь заблокирует управление подлежащим со стороны вершины T. Следовательно, можно существенно упростить правило приписывания падежа подлежащему: приписывание номинатива и передвижение в Spec, TP можно рассматривать как отдельные процессы, которые «запускает» вершина T и мишенью которых оказывается ближайшая к T с-командуемая именная группа в аргументной позиции.

Во-вторых, само понятие управления лишается единого содержания. Поскольку для каждого локального взаимодействия конфигурация, в которой оно возможно, определяется типом этого взаимодействия, а от m-командования, необходимого только для приписывания падежа подлежащему, можно избавиться, если развести падежное взаимодействие и EPP, оказывается, что содержательно управление есть с-командование. Таким образом, генеративная грамматика приходит к необходимости пересмотра модели приписывания падежа. Основным направлением, в котором происходит развитие теории, является унификация и упрощение модели в отношении конфигураций падежного взаимодействия.

2.3. Унификация механизмов приписывания падежа

В истории генеративной грамматики 1990-е гг. характеризуются существенным усложнением синтаксической структуры предложения, в первую очередь за счет введения в лексикон большого количества функциональных вершин. В своем максимальном развитии такая модель сопоставляет каждой грамматической категории, определенной на некоторой фразовой категории, особую проекцию, доминирующую над данной фразовой категорией. Так, например, различные предикативные категории, ранее ассоциировавшиеся с единой вершиной Infl/I, расщепляются на последовательность функциональных проекций, включающих согласование с подлежащим (AgrS), время (T) и согласование с дополнением (AgrO) (Pollock 1989; Belletti 1990; Chomsky 1989, 1991, 1992, 1993, 1995); категории именной группы, такие как число (Ritter 1991, 1992), определенность (Abney 1987) и даже падеж (Bittner, Hale 1996), рассматриваются как функциональные проекции Num(ber)P, D(eterminer)P и K(ase)P, образующие оболочки группы лексического существительного. Семантической и синтаксической

декомпозиции подвергается лексическое значение глагола: структура глагольной области усложняется, внешний аргумент отделяется от лексического значения глагола (Kratzer 1996), а проецирующая его вершина — «верхний» глагол в ларсоновой структуре (Larson 1988) — осмысливается как функциональная, а не лексическая вершина, одна из оболочек глагольной группы, отвечающая за ее переходность; также отдельной проекции удостоивается категория вида (AspP).

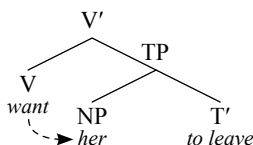
В рамках модели такого рода, где типов функциональных вершин становится чуть ли не больше, чем лексических, естественным образом вновь возникает вопрос о вершинах — приписывателях падежей и о тех конфигурациях, в которых происходит падежное взаимодействие. В этом разделе мы обсудим две идеи, непосредственно связанные с падежом: «выравнивание» асимметрии между номинативом и аккузативом и модель приписывания падежа при согласовании.

2.3.1. Легкий глагол как источник аккузатива

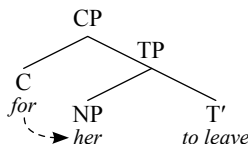
В модели падежа Теории управления и связывания источником аккузатива являются лексические вершины V и P, а приписывание аккузатива происходит при лексическом (тета-) управлении — от вершины к проецируемому ею комPLEMENTу. Эта модель неудовлетворительна по нескольким причинам.

Во-первых, приписывание аккузатива далеко не всегда связано с одновременным приписыванием тета-роли. Например, в конструкциях с исключительным падежным маркированием аккузатив получает не дополнение лексического глагола, а именная группа в спецификаторе его комPLEMENTа — TP; тета-роль же эта именная группа получает в собственной клаузе, от проецирующей ее лексической вершины. Таким образом, при ЕСМ налицо приписывание падежа без приписывания тета-роли. Далее, подлежащее инфинитивных клауз в английском языке способно получить аккузатив от предложного комPLEMENTайзера *for*, однако и это приписывание падежа не связано с тета-управлением. В некотором смысле это также конфигурация исключительного падежного маркирования: приписывание падежа спецификатору комPLEMENTа «через голову» комPLEMENTа (2.38a–b):

(2.38) а. ЕСМ со стороны глагола

b. ЕСМ со стороны предложного комплементаризера

Это свойство аккузатива позволяет его отнести к структурным, а не к лексическим падежам, что вполне соответствует классификации падежей вне генеративной традиции, ср., например, с дихотомией грамматических (синтаксических) и «конкретных» (семантических) падежей у Е. Куриловича (Курилович 1962). Однако в таком случае деривационная асимметрия номинатива и аккузатива выглядит неоправданно: номинатив приписывается функциональной вершине Т своему спецификатору (или, как было предложено выше, при нелокальном с-командовании), в то время как аккузатив приписывается лексической вершине своему комплементу, так что отклонения от этого правила являются исключениями.

Второй недостаток падежной модели Теории управления и связывания состоит в ее неспособности объяснить связь между проецированием внешнего аргумента и приписыванием аккузатива, известную как обобщение Бурцио (2.39).

(2.39) Обобщение Бурцио

Если глагол приписывает аккузатив, у него есть внешний аргумент.

Обобщение Бурцио (Burzio 1986) устанавливает взаимозависимость между лексическим свойством глагола — наличием у него внешнего аргумента и синтаксическим свойством глагола — способностью приписывать аккузатив внутреннему аргументу. Вне зависимости от того, проецируется ли внешний аргумент непосредственно в Spec, TP, как предполагает анализ Бурцио, в спецификаторе единственной глагольной группы, как предполагает гипотеза о проецировании подлежащего внутри глагольной группы (VP-internal Subject Hypothesis, VPISH (Koopman, Sportiche 1991)) или же в спецификаторе верхней глагольной группы в ларсоновой структуре (Larson 1988), остается непонятным, почему такое свойство лексического глагола, как способность приписывать падеж, зависит от его семантического класса. Более того, такая операция, как пассивизация, в подобной системе также воздействует на два свойства лексического глагола, не образующих естественного класса и даже не связанных, в случае ларсоновой структуры, с общей вершиной.

Еще одна причина пересмотреть архитектуру глагольной области и вовлеченность ее компонентов в приписывание аккузатива связана с но-

выми данными о более богатой, чем предполагалось ранее, функциональной структуре, доминирующей над лексическим глаголом. Были получены многочисленные свидетельства существования между глагольной группой и вышестоящими функциональными вершинами в клаузе — NegP и TP — некоторой промежуточной функциональной проекции, которая становится мишенью короткого передвижения глагола и подъема в позицию дополнения. В первую очередь речь здесь идет о работах Ж.-И. Поллока, Р. Кейна, Дж. Бауэрса и А. Холмберга.

Жан-Ив Поллок (Pollock 1989) обнаружил, что во французском языке лексический глагол в нефинитных формах может оставаться *in situ* (2.40a), справа от наречия уровня глагольной группы и отрицания *pas*²¹, и не может подниматься в NegP (2.40b). Однако грамматичным является также вариант (2.40c), в котором лексический глагол покидает глагольную группу, оставляя наречие *souvent* ‘часто’ справа, однако не достигает группы отрицания, так что *pas* оказывается левее глагола. Поллок предположил, что в (2.40c) лексический глагол останавливается в промежуточной проекции AgrP.

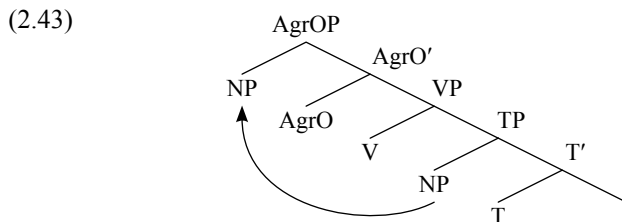
- (2.40) a. Ne + T [_{NegP} pas [_{VP} souvent [_{VP} sembler heureux]]] est une condition pour écrire des romans.
- b. *Ne + T [_{NegP} sembler_i pas [_{VP} souvent [_{VP} t_i heureux]]] est une condition pour écrire des romans.
- c. Ne + T [_{NegP} pas [_{XP} sembler_i [_{VP} souvent [_{VP} t_i heureux]]]] est une condition pour écrire des romans.
- ‘Не выглядеть часто счастливым — условие для написания романов.’

Ричард Кейн (Kayne 1989) и Джон Бауэрс (Bowers 1993) также обнаруживают во французском языке промежуточную проекцию между глаголом и T, через которую проходит прямое дополнение при клитизации, пассивизации, *wh*-передвижении, вызывая согласование глагола с дополнением (в (2.41) она обозначена как AgrOP); выдвижение дополнения в германских языках, подчиняющееся обобщению Холмберга (Holmberg 1986), также предполагает существование специальной проекции, которая могла бы быть мишенью такого передвижения, ср. шведский пример (2.42).

²¹ Поллок предполагает, что *pas* располагается в спецификаторе NegP и, таким образом, варьирует с отрицательными местоимениями *personne* ‘никто’, *rien* ‘ничто’, *jamais* ‘никогда’ и т. п. Отрицание *ne* имеет статус вершины, однако одновременно является клитикой, которая всегда присоединяется к T.

- (2.41) a. Paul a [_{VP} repaint(*-es) les tables].
 ‘Поль перекрасил столы.’
- b. Paul les_i a [_{AgrOP} t_i AgrO [_{VP} repaintes t_i]].
 ‘Поль их перекрасил.’
- c. Les tables_i sont [_{AgrOP} t_i AgrO [_{VP} repaintes t_i]].
 ‘Стол� перекрашены.’
- d. Combien de tables_i Paul a-t-il [_{AgrOP} t_i AgrO [_{VP} repaintes t_i]]?
 ‘Сколько столов Поль перекрасил?’
- (2.42) a. Jag kysste_i **henne**_j inte [_{VP} t_i t_j].
 I kissed her not
- b. *Jag kysste_i inte [_{VP} t_i **henne**].
 I kissed not her
- ‘Я ее не поцеловал.’

Связь этой проекции с получением аккузатива прямым дополнением отчетливо видна на материале таких языков, где прямое дополнение не может получить падеж *in situ* и должно открыто выдвинуться из глагольной группы (см. анализ бамбара в (Коорман 1992) или якутского в (Baker, Vinokurova 2010)). Отметим, что наличие функциональной проекции, ответственной за приписывание аккузатива, позволяет пересмотреть анализ ЕСМ-конструкций как конструкций с подъемом подлежащего зависимой клаузы в падежную позицию главной клаузы, не связанную с получением семантической роли, т. е. отличную от позиции компонента лексического глагола. Действительно, в (2.43) подъем подлежащего инфинитивного оборота не может быть осуществлен в тета-позицию, проецируемую лексическим глаголом, — она занята собственным компонентом глагола, инфинитивным оборотом. Позиция же Spec, AgrOP удовлетворяет требованиям А-передвижения — она не связана с приписыванием тета-роли:

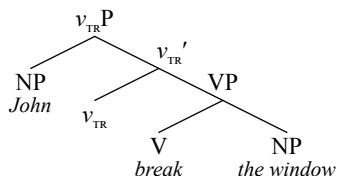

Наконец, были получены языковые данные, свидетельствующие о том, что лексический глагол (вершина V) не является источником аккузатива, по меньшей мере в конструкциях с «длинными пассивами» и «длинными неаккузативами» в немецком, испанском и японском языках. С. Вурмбранд (Wurmbrand 1998, 2001) аргументирует этот вывод следующим образом. Во-первых, она показывает, что инфинитивные обороты при различных матричных предикатах могут иметь разный синтаксический статус; в частности, некоторые инфинитивные обороты имеют минимальную структуру и представляют собой VP. В таких конструкциях падеж дополнения вложенного глагола определяется залогом матричного предиката, ср. (2.44). Если бы источником аккузатива была лексическая вершина V, в (2.44b) мы ожидали бы аккузатива, а в (2.44c) — отсутствия согласования с ИГ *die Traktoren* ‘трактора’, поскольку переходный глагол *reparieren* ‘ремонттировать’ не подвергся пассивизации.

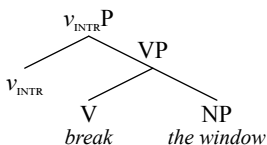
- (2.44) a. weil er den/*der Traktor
 так_как он DEF.ACC/*NOM трактор
 versucht hat [t_{OBJ} zu reparieren]
 пытаться.PART AUX [t_{OBJ} INF чинить]
 ‘...так как он пытался починить трактор’
- b. weil der/*den Traktor
 так_как DEF.NOM/*ACC трактор
 zu reparieren versucht wurde
 INF чинить пытаться.PART AUX.PASS.3PL
 ‘...так как трактор пытались починить’
- c. weil die Traktoren
 так_как DEF.NOM трактора
 zu reparieren versucht wurden
 INF чинить пытаться.PART AUX.PASS.3PL
 ‘...так как трактора пытались починить’

Изложенные выше соображения легли в основу новой гипотезы о приписывании аккузатива, изложенной в (Chomsky 1989, 1991, 1995): аккузатив приписывается функциональной вершиной *v* (легким глаголом, *light v*), которая располагается над лексическим глаголом и определяет тип конструкции (construal), в которой используется лексический глагол. Лексикон содержит как минимум две вершины типа *v* — переходный *v*_{TR}, проецирующий в спецификаторе внешний аргумент и способный приписывать аккузатив, и непереходный *v*_{INTR}, лишенный спецификатора и способности приписывать аккузатив.

(2.45) а. переходный глагол

б. непереходный глагол

При таком подходе асимметрия номинатива и аккузатива, свойственная Теории управления и связывания, преодолевается: номинатив и аккузатив — два структурных падежа клаузы — оказываются связаны с функциональными вершинами Т и v , в то время как ингерентные падежи остаются «в ведении» лексических вершин и связаны с получением семантической роли. Отметим также, что получившиеся в (2.45) структуры удовлетворяют требованию однозначности определения источника падежа: в соответствии с принципом относительной минимальности вершина Т может приписать падеж внутреннему аргументу только при отсутствии внешнего. Возникает возможность сформулировать единую модель приписывания структурного падежа при с-командовании, элиминировав из теории понятие управления. Такой моделью в минималистской теории становится приписывание падежа при согласовании (Case assignment under AGREE).

2.3.2. Приписывание падежа при согласовании

В генеративной модели 1990-х гг. на первый план выходят соображения экономии в деривации. Если в Теории управления и связывания трансформация *move alpha* применялась свободно, то есть в любом случае, где ее применение не приводило к нарушению каких-либо ограничений, в исследованиях, выполненных в духе минималистской программы, операции применяются только тогда, когда они необходимы, то есть только в том случае, где их **неприменение** приведет к нарушению ограничений. Так, Хомский формулирует Принцип крайнего средства (Last resort principle):

шаг деривации является возможным только тогда, когда он необходим для того, чтобы деривация сошлась²².

Необходимость в операции, связывающей две единицы, естественным образом возникает, когда взаимодействие этих единиц является «взаимовыгодным» — обе единицы за счет взаимодействия удовлетворяют «собственные потребности». При падежном взаимодействии лексических вершин и ИГ-комплементов взаимная выгода имеет место: с одной стороны, ИГ получает семантическую роль и падеж и, таким образом, лицензируется; с другой стороны, лексическая вершина заполняет свою аргументную позицию и «списывает» (discharge) тета-роль. Очевидно, что функциональные вершины не имеют таких потребностей. В качестве лицензора падежного взаимодействия со стороны функциональных вершин можно было бы рассматривать признак EPP, однако очевидно, что он характеризует далеко не все функциональные вершины произвольного языка и, более того, может быть удовлетворен не только передвижением именной группы, вступающей в падежное взаимодействие, ср. пример (2.19).

Феноменом, регулярно сопровождающим приписывание структурного падежа и непосредственно связанным с собственными морфологическими потребностями функциональной вершины, является согласование. Так, предикативное согласование — согласование вершины T с подлежащим — имеет место тогда и только тогда, когда подлежащее получило номинатив от T. В исландском примере (2.46) только номинативная (2.46a), но не дативная именная группа (2.46b) контролирует предикативное согласование (Pesetsky, Torrego 2011):

- (2.46) a. Þad voru lesnar fjórar boekur.
EXPL AUX.PL читать.PART четыре.NOM.PL книга.NOM.PL
‘Были прочитаны четыре книги.’
- b. Þad var skilap fjórum bókum.
EXPL AUX возвращать.PART четыре.DAT.PL книга.DAT.PL
‘Было возвращено четыре книги.’

Согласование с прямым дополнением встречается существенно реже (см. иерархию Моравчик, гл. 1); тем не менее и здесь имеет место та же закономерность: только дополнения, получившие структурный падеж, способны контролировать объектное согласование глагола. Так, во французском примере (2.47a) два дополнения — прямое и косвенное — имеют

²² «A step in a derivation is legitimate only if it is necessary for convergence» (Chomsky 1995: 200).

признаки женского рода единственного числа. В примере (2.41) выше мы видели, что согласование глагола с дополнением происходит тогда, когда дополнение претерпевает передвижение. В (2.47b–c) показана клитизация дополнений, в (2.47d–e) — *wh*-передвижение в относительной клаузе. Легко видеть, что согласование причастной формы глагола по женскому роду и множественному числу (форма *dites*) имеет место только в (2.47b,d), т. е. только при передвижении прямого дополнения²³.

- (2.47) a. *Pierre a dit ces paroles (F.PL) aux filles (F.PL).*
 ‘Пьер сказал эти слова девушкам.’
- b. *Pierre les a *dit || dites aux filles (ces paroles, F.PL).*
 ‘Пьер их (F.PL) сказал девушкам.’
- c. *Pierre leur a dit || *dites ces paroles (aux filles, F.PL).*
 ‘Пьер им (F.PL) сказал эти слова.’
- d. *les paroles (F.PL) qu’il a *dit || dites aux filles*
 ‘слова, которые (F.PL) он сказал девушкам’
- e. *les filles (F.PL) à qui il a dit || *dites ces paroles*²⁴
 ‘девушки, которым (F.PL) он сказал эти слова’

Наконец, еще одна конфигурация, в которой функциональная вершина согласуется с именной группой, получающей от нее структурный падеж, — это структура с генитивным посессором и посессивным согласованием, представленная, например, в тюркских языках. Параллелизм структур с посессором в именной группе и внешним аргументом в номинализации (см. пример (2.48a–b) из турецкого языка (Abney 1987: 21–22)) дает основания предположить, что приписывание генитива и посессивное согласование происходят вне собственно именной группы, а связаны с некоторой функциональной вершиной, доминирующей над группой лексического существительного. Если принять гипотезу С. Эбни (Abney 1987), такой вершиной является D, а значит, структурный падеж «именной области» — генитив — также приписывается функциональной вершиной при согласовании.

²³ В уральских языках действует та же закономерность: субъектно-объектное согласование возможно только в тех случаях, когда прямое дополнение маркируется одним из структурных падежей — аккузативом или номинативом.

²⁴ Автор выражает признательность В. М. Ковальской и Е. Л. Пастернак за консультацию.

(2.48) a. [_{DP} sen-in] [_{NP} el]-in]
 ТЫ-GEN рука-2SG

‘твоя рука’

b. [_{DP} Halil’-in] [_{VP} kedi-ye yemek ver-me-diğ]-i]
 Халил-GEN кошка-DAT еда давать-NEG-NMN-3

‘то, что Халил не дал еду кошке’

Итак, новая идея состоит в том, что приписывание структурного падежа есть «оборотная сторона» согласования функциональной вершины с именной группой по так называемым ϕ -признакам — лицу, числу, роду, согласовательному классу и т. п.²⁵ Технически взаимодействие функциональной вершины и именной группы реализуется следующим образом. Именная группа обладает означенными ϕ -признаками и неозначенным признаком падежа; функциональные вершины (T, v, D) вступают в деривацию с неозначенными ϕ -признаками. Вершина с неозначенными признаками выступает как зонд (probe), ищущий в с-командуемой области «активную» составляющую с необходимыми означенными признаками. «Активность» составляющей связана с наличием у нее неозначенных признаков. Лишенная падежа ИГ является активной для взаимодействия с вершиной-зондом и оказывается подходящей целью (goal). Вершина-зонд назначает свои ϕ -признаки в результате операции AGREE — согласования с ИГ-целью — и приписывает ей падеж.

Что касается локализации операции AGREE и связанного с ней приписывания структурного падежа, то можно выделить две модели. Первая, более ранняя по времени, предложена в (Chomsky 1991, 1993) — это модель, в которой операция AGREE (и прочие виды признакового взаимодействия) единообразно реализуется между вершиной и ее спецификатором. Означивание признаков в этой модели называется проверкой признаков (feature checking). Признаки дополнительно характеризуются признаком второго порядка — силой /слабостью. Сильные признаки должны быть проверены локально, в конфигурации спецификатор-вершина, и поэтому вызывают открытое (overt) передвижение группы — носителя признака в спецификатор соответствующей функциональной проекции. Слабые признаки могут быть проверены без видимого передвижения; в таком случае предполагается скрытое (covert) передвижение группы, которое понимается как

²⁵ «For the Case/agreement systems, the uninterpretable features are ϕ -features of the probe and structural Case of the goal N. <...> Structural Case is not a feature of the probes (T, v), but it is assigned a value under agreement. <...> The value assigned depends on the probe: nominative for T, accusative for v» (Chomsky 2001: 6).

передвижение только признаков, без их материального носителя — фонологической строки.

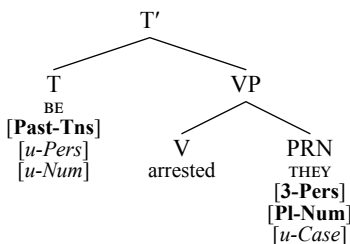
Вторая модель — это модель, в которой операция *AGREE* происходит при с-командовании целью со стороны зонда (Chomsky 2000, 2001). Силу признака заменяет признак второго порядка *EPP*: если некоторый признак *F* вершины *H* охарактеризован при помощи признака второго порядка *EPP*, то составляющая *X*, с которой *H* согласуется по *F*, должна передвинуться в окрестность *H*: адьюнгироваться к *H*, если *X* — вершина, или переместиться в *Spec, H*, если *X* — группа²⁶.

Рассмотрим, вслед за Э. Рэдфордом (Radford 2004), механизм приписывания падежа при согласовании на конкретном примере — деривации предложения (2.49):

- (2.49) They were arrested.
'Они были арестованы.'

Предположим, что (2.49) является результатом деривации структуры в (2.50)²⁷. Из лексикона были выбраны следующие единицы: именная проформа *they*, пассивный глагол *arrested* и предикативная вершина *be*.

(2.50)

Синтаксическая единица вступает в деривацию с некоторым набором формальных признаков: категориальным (частеречным) признаком, а также матрицей грамматических признаков, присущей данной синтаксической категории. Так, например, именные группы должны быть

²⁶ Следует отметить, что модели проверки *vs.* означивания признаков делают различные предсказания относительно структурных конфигураций и уровней представления, в которых происходят данные процессы (подробнее см., например, аналитическую статью (Lasnik 2008)).

²⁷ В (2.50) синтаксическая структура существенно упрощена. Отсутствует переходный (пассивный) легкий глагол, вспомогательный глагол *be* порождается непосредственно в вершине *T*, а не в вершине *Aux* с последующим передвижением в *T*. Тем не менее для наших целей такой структуры достаточно.

охарактеризованы по ϕ -признакам — лицу и числу, а также по падежу; предикативная вершина является носителем признака времени и ϕ -признаков. Грамматические признаки, с которыми вершина вступает в деривацию, могут быть охарактеризованы по двум основаниям. Первое основание — это интерпретируемость. Признак является интерпретируемым на составляющей X , если семантический компонент способен проинтерпретировать его как компонент значения X , и неинтерпретируемым в противном случае. Например, признак числа является интерпретируемым на именной группе, поскольку характеризует структуру ее экстенционала, однако неинтерпретируемым на предикативной вершине. Второе основание — это означенность. Синтаксическая единица может вступать в деривацию с означенным признаком, и тогда в признаковой матрице содержится и признак, и его значение, или с неозначенным признаком, и тогда в признаковой матрице содержится только признак, но отсутствует значение.

На соотношение интерпретируемости и означенности имеются разные точки зрения. Хомский (Chomsky 2001: 5) постулирует одно-однозначное соответствие между неинтерпретируемостью и неозначенностью признака: признак F неинтерпретируем тогда и только тогда, когда он неозначен. Многие исследователи предполагают возможность других комбинаций типов признаков, в первую очередь неинтерпретируемых означенных признаков (Pesetsky, Torrego 2007; Adger, Svenonius 2009; Bošković 2011; Wurmbrand 2012). В нашем изложении мы будем опираться на модель, предложенную в (Chomsky 2001).

Итак, синтаксическая единица вступает в деривацию с означенным признаком, если он интерпретируемый, и неозначенным признаком, если он неинтерпретируемый. В (2.44) проформа *they* имеет означенные интерпретируемые признаки лица и числа (интерпретируемость обозначается полужирным) и неинтерпретируемый неозначенный признак падежа (неинтерпретируемость обозначается курсивом). Предикативная вершина T имеет означенный интерпретируемый признак времени и неинтерпретируемые неозначенные признаки лица и числа.

Неинтерпретируемость признака в этой модели играет роль «бомбы с часовым механизмом» (*derivational time-bomb model*, по выражению О. Премингера (Preminger 2011)): если составляющая с неинтерпретируемым признаком попадет в семантический компонент, он не сможет создать семантическое представление и деривация не сойдется. Для того чтобы избавиться от неинтерпретируемого признака, его необходимо означить: только тогда, предполагает Хомский, он может быть «удален», то есть станет невидим для семантического компонента (хотя и будет учитываться при создании фонологического представления предложения). Таким

образом, чтобы деривация сошлась, неозначенные неинтерпретируемые признаки должны быть означены. Единственный способ, которым составляющая может их означить, — вступить в отношение AGREE с другой составляющей, обладающей означенными вариантами нужных признаков.

Таким образом, наличие неозначенных неинтерпретируемых признаков делает составляющую «активной»: только активные вершины выступают в качестве зондов, и только активные составляющие видимы зонду в качестве целей. В структуре (2.50) вершина *be* является активным зондом — она имеет неозначенные признаки лица и числа. Зонд осуществляет поиск в *c*-командуемой области²⁸ с целью обнаружить активную цель — составляющую, обладающую необходимыми означенными признаками. Такой составляющей оказывается проформа *they*: она обладает нужными признаками лица и числа и при этом активна, поскольку имеет неозначенный признак падежа. Налицо условия для применения операции AGREE: копирования значений признаков от составляющей с означенными признаками к составляющей с неозначенными признаками (2.51).

(2.51) Копирование признаков

Если составляющая α имеет означенный признак $[F]$, составляющая β имеет неозначенный признак $[F]$ и β согласуется с α , то значение признака $[F]$ у составляющей α копируется на составляющую β .

В результате согласования зонд — вершина *be* — означает свои признаки лица и числа. Благодаря этому становится доступной «сопряженная» с предикативным согласованием операция — приписывание номинатива подлежащему:

(2.52) Приписывание номинатива

Неозначенный признак падежа у составляющей-цели получает значение «номинатив» от зонда, если зонд имеет означенный финитный признак времени и ϕ -признаки зонда и цели совпадают.

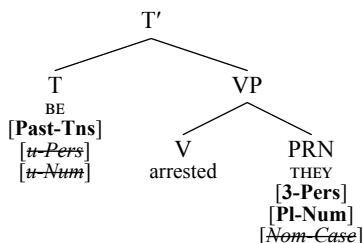
Обратим внимание, что механизм означивания признака падежа у цели отличается от механизма означивания ϕ -признаков у зонда: значения ϕ -признаков *копируются* при согласовании, а значение признака падежа *возникает* в процессе деривации, тем самым нарушая Принцип включенности (Inclusiveness Condition, (Chomsky 1995: 225)) универсальной

²⁸ Область поиска ограничена не только *c*-командованием, но и пределами текущей фазы — локального отрезка деривации. В примере (2.50) весь материал находится внутри текущей фазы, и соображения локальности несущественны.

грамматики, согласно которому никакие новые элементы не могут возникать в ходе деривации.

Означенные неинтерпретируемые признаки — лица и числа у вершины *be* и падежа у проформы *they* — удаляются (в (2.53) обозначено зачеркиванием): это значит, что они становятся невидимы для семантического компонента, и «бомба с часовым механизмом» оказывается обезвреженной.

(2.53)

Наконец, последний аспект взаимодействия зонда и цели — передвижение цели в спецификатор зонда. Поскольку это передвижение уже не мотивировано падежным взаимодействием (согласование и приписывание падежа происходят в исходной конфигурации), необходим дополнительный механизм, который бы вызывал передвижение подлежащего в Спес, ТР. Таким механизмом, как мы уже видели в 2.2.1, может быть признак ЕРР — признак, характеризующий вершину как обязательно проецирующую спецификатор. Если предположить, что ЕРР — это неинтерпретируемый признак вершины Т, то для удаления этого признака необходимо будет передвинуть в Спес, ТР какую-либо составляющую или заполнить его «пустым» подлежащим типа *it* или *there*.

Такое представление, однако, является не вполне точным: в действительности в позицию Спес, ТР в английском языке должна быть передвинута не любая составляющая, а составляющая определенного типа — а именно та, с которой происходит предикативное согласование²⁹. Избирательность ЕРР в отношении типа притягиваемой составляющей может быть имплементирована по-разному. Можно рассматривать эту избирательность как проявление экономии в деривации: поскольку отношение АГРЕЕ между Т и подлежащим абсолютно необходимо для удаления неинтерпретируемых признаков Т и подлежащего, экономнее использовать

²⁹ Например, в структуре (i) неизбирательный признак ЕРР вершины Т передвинет в Спес, ТР составляющую *quickly*, а не составляющую *they*:

(i) [T' were [VP [_{AdvP} quickly] [_{VP} arrested [_{DP} they]]]]

уже установленное отношение для удовлетворения ЕРР, чем снова запускать механизм поиска цели для привлечения ее в Spes, TP. С другой стороны, можно предположить, что ЕРР характеризует не саму вершину T, а какой-либо ее признак, т. е. является признаком второго порядка, аналогом понятия силы признака. Таким образом избирательность ЕРР удается увязать с конкретным признаком, которым должна обладать цель и в котором должен испытывать потребность зонд. Передвижение оказывается побочным результатом согласования, а типы передвижения определяются признаками, на которых «паразитирует» ЕРР: А-передвижение связано с ф-признаками зонда, А'-передвижение — с признаком Q зонда³⁰, передвижение вершин — с признаками типа Tense в клаузе и его аналогами в именной области.

Итак, развитие падежной теории в минимализме позволило создать единую модель приписывания падежа, имплементировать в эту модель дихотомию структурных и ингерентных падежей, явным образом обозначить механизмы, отвечающие за связь между приписыванием структурного падежа, согласованием функциональной вершины и А-передвижением. Однако именно в этой модели стали очевидными более глубокие вопросы, связанные с падежом: зачем нужна категория падежа? каков вклад падежа в интерпретацию предложения? Попыткам ответа на эти вопросы посвящен следующий раздел.

2.4. Падеж и интерпретация

Вернемся к значению категории падежа, которое мы предварительно установили ранее в главе 1. Мы определили падеж как грамматическую категорию, выражающую интеграцию именной группы в синтаксический контекст путем спецификации синтаксического отношения именной группы к подчиняющей вершине или объемлющей синтагме. Это определение кажется вполне традиционной характеристикой грамматической категории, определенной на синтаксических группах, такой же, например, как определенность, время, наклонение. Однако на самом деле тип означаемого у категории падежа существенно отличается от означаемого других категорий. Обратимся к конкретным примерам. В (2.54) клауза охарактеризована

³⁰ «Take wh-movement. This would be point-by-point analogous to A-movement if the wh-phrase has an uninterpretable feature [wh-] and an interpretable feature [Q], which matches the uninterpretable probe Q of a complementiser in the final stage» (Chomsky 1998: 44).

разными значениями категории времени — настоящее в (2.54a) и прошедшее в (2.54b). Это имеет прямые последствия для интерпретации двух предложений: (2.54a) истинно, если пропозиция «Боря пьет чай» истинна в момент акта речи, т. е. $t_R = t_S$; (2.54b) истинно, если пропозиция «Боря пьет чай» истинна в момент t_R , предшествующий моменту акта речи t_S . Таким образом, значение категории времени оказывает влияние на условия истинности предложения.

(2.54) а. Боря **пьет** чай.

б. Боря **пил** чай.

В (2.55a–b) дополнения отличаются значениями категории определенности: в (2.55a) именная группа неопределенная, в (2.55b) — определенная. Значение категории определенности оказывает влияние на выбор возможного референта для ИГ-дополнения: (2.55a) истинно, если существует такой индивид, что он является доктором, и Мэри его посетила; (2.55b) истинно, если Мэри посетила конкретного, единственного в своем роде доктора, которого собеседники готовы воспринимать как референт выражения *the doctor*. Категория определенности оказывается непосредственно вовлеченной в формирование значения именной группы.

(2.55) а. Mary visited **a doctor**.

б. Mary visited **the doctor**.

‘Мэри посетила доктора.’

Рассмотрим теперь (2.56) и (2.57). В (2.56) мы наблюдаем два способа падежного оформления внутреннего аргумента глагола — аккузативом в переходной конструкции и номинативом в непереходной пассивной конструкции. В (2.57) представлены два способа оформления подлежащего — аккузативом в инфинитивной клаузе в конструкции с ЕСМ и номинативом в финитной клаузе. Мы можем сказать, что падежное оформление данных именных групп отражает их позиции в синтаксической структуре, тип синтаксического окружения, характеристики управляющих вершин; однако эта информация не имеет никаких последствий для интерпретации этих именных групп; (2.56a–b) и (2.57a–b) имеют одинаковые условия истинности.

(2.56) а. **Дыню** мгновенно доели.

б. **Дыня** была мгновенно доедена.

- (2.57) a. I believe **her** to be smart.
 ‘Я считаю ее умной.’
 b. I believe that **she** is smart.
 ‘Я считаю, что она умная.’

Таким образом, «значение» категории падежа не является «значением» в собственном смысле слова — оно характеризует означающее (синтаксическую структуру), а не означаемое (семантическую репрезентацию). Эту идею мы, по-видимому, впервые находим у О. Есперсена: «...падеж — это чисто грамматическая (синтаксическая) категория, которая не является понятийной в строгом смысле слова. <...> Падеж представляет из себя один из самых иррациональных компонентов языка в целом»³¹.

Специфика категории падежа, ее существенные отличия от других категорий стали отчетливо заметны и в генеративной модели, как только теория признаков получила достаточную разработку. Во-первых, падеж как признак оказывается не интерпретируем ни на одной категории. Тем самым участие падежа в деривации нарушает принцип полной интерпретации (Radical Interpretability Principle, (Brody 1997)), предполагаемое ограничение универсальной грамматики, согласно которому любой признак должен получить интерпретацию на какой-либо синтаксической категории (или, пользуясь термином из (Pesetsky, Torrego 2007), для какого-либо из его вхождений (occurrence)).

Во-вторых, категория падежа уникальна в том отношении, что значения этой категории возникают в процессе деривации. Действительно, другие признаки — ф-признаки, признак времени, вопросительности и т. д. — означиваются на синтаксической категории либо до ее вступления в деривацию, при выборе единицы с таким значением признака из лексикона, либо в результате согласования, то есть унификации значения признака со значением одноименного признака другой категории. Падеж, будучи неинтерпретируемым, всегда не означен до деривации и, соответственно, не может быть получен в результате согласования. Выработка падежа в процессе деривации нарушает Принцип включенности (Inclusiveness Condition, (Chomsky 1995: 225, 1998: 27)), согласно которому источником признаков могут служить только лексические единицы и никакие новые признаки, отличные от них, не могут быть получены вычислительным компонентом³².

³¹ «...case is a purely grammatical (syntactic) category and not a notional one in the true sense of the word... Cases form one of the most irrational parts of language in general» (Jespersen 1924: 185–186).

³² «Inclusiveness condition: no new features are introduced by C_{HL}» (Chomsky 1998: 27).

В-третьих, прочие признаки выступают в двух ипостасях: на одних категориях они означены и интерпретируемы, на других категориях — неозначены и неинтерпретируемы. Так, например, ф-признаки означены и интерпретируемы на именных группах, но неозначены и неинтерпретируемы на согласующихся вершинах T и v. Признак времени означен и интерпретируем на T, но неозначен и неинтерпретируем на вопросительном комплементаризере, вызывающем подлежащно-сказуемостную инверсию (передвижение T-to-C). Признак же падежа встречается исключительно в своем неозначенном неинтерпретируемом варианте, что нарушает общую картину распределения признаков (и вследствие чего падежный признак не может быть означен в результате согласования).

Таким образом, падеж оказывается исключительно техническим признаком, предназначенным для обеспечения правильного функционирования синтаксического компонента (в частности, для активации ИГ-целей), возникающим в синтаксисе и «не доживающим» до этапа интерпретации.

Как уже отмечалось выше, первой попыткой определения функции падежа в генеративной теории можно считать предположение Н. Хомского, что падежное маркирование является условием для интерпретации именной группы в логической форме (LF) (Chomsky 1981). Эта идея впоследствии находит свое отражение в Условии видимости (Visibility condition) именных групп в LF: именная составляющая видима, только если ей приписан падеж³³. Условие видимости связывает Теорию падежа и Тета-теорию, устанавливая ограничения на возможные способы выражения аргументов: для того, чтобы именная группа была правильно проинтерпретирована, ее тета-роль должна быть видима в LF; чтобы тета-роль была видима в LF, именная группа должна иметь падеж³⁴.

Понятно, что такое решение не может считаться удовлетворительным и является другим способом формулировки Падежного фильтра. Вместо вопроса «Почему именная группа должна получить падеж?» возникает вопрос «Почему в отсутствие падежа семантическая роль именной группы невидима (а семантическая роль, например, СР-дополнения видима)?».

Существенным шагом вперед в решении проблемы интерпретации падежа стало предположение, впервые высказанное в (Pesetsky, Torrego 2001): перечисленные асимметрии падежа и прочих признаков получают

³³ «...an element is visible only if it is assigned Case» (Chomsky 1986: 94).

³⁴ В (Chomsky 1986) Условие видимости формулируется не собственно для именных групп, а для цепей (chains) — объектов, образуемых именной группой и всеми следами от ее передвижения. Правильно сформированная цепь содержит одну тета-позицию и является видимой, то есть содержит одну падежную позицию.

естественное объяснение, если падеж — это на самом деле некоторый другой известный нам признак, который интерпретируется на другой категории, а на именной группе выступает в своем неинтерпретируемом, «согласовательном» варианте. В качестве такого признака Песецкий и Торрего рассматривают признак времени (T(ense)), характеризующий предикативную вершину T, и предполагают, что его неинтерпретируемый неозначенный вариант на именной группе известен нам под названием «падеж». В частности, номинатив представляет собой неинтерпретируемый признак *uT* именной группы, означенный в результате согласования с финитной T:

(2.58) Сущность номинатива (Pesetsky, Torrego 2001: 361)

Номинатив представляет из себя признак *uT* на категории D.

В свете гипотезы Песецкого и Торрего приписывание номинатива подлежащему в рассматривавшемся в предыдущем разделе примере (2.49) выглядит существенно проще. Исходная конфигурация представлена в (2.59). Мы видим, что ϕ -признаки и признак T(ense) дополнительно распределены между DP *they* и вершиной *be*: *they* обладает означенными ϕ -признаками и неозначенным признаком T, в то время как *be* имеет означенный признак T и неозначенные ϕ -признаки. Кроме того, ϕ -признаки вершины *be* (или какой-то один из них) охарактеризованы признаком второго порядка EPP.

(2.59)	$[_{T'} [_{T} be]$	$[_{VP} arrested$	$[_{DP} they]]]$
	$[iT:PRS]$		$[iPers:3]$
	$[uPers: __]_{EPP}$		$[iNum:PL]$
	$[uNum: __]_{EPP}$		$[uT: __]_{EPP}$

Имея неозначенные ϕ -признаки, вершина *be* выступает в качестве зонда и осуществляет поиск целей — активных категорий, обладающих нужными признаками. Такой категорией оказывается DP *they*: она обладает означенными ϕ -признаками и активна в силу того, что имеет неозначенный признак T. Между зондом и целью устанавливается отношение AGREE и взаимное копирование признаков в соответствии с правилом (2.51). Неинтерпретируемые означенные варианты признаков удаляются; признак второго порядка EPP вызывает передвижение подлежащего в Spec, TP.

(2.60)	$[_{TP} [_{DP} they]$	$[_{T'} [_{T} be]$	$[_{VP} arrested$	$[_{DP} \text{they}]]]$
	$[iPers:3]$	$[iT:PRS]$		$[iPers:3]$
	$[iNum:PL]$	$[uPers:3]_{EPP}$		$[iNum:PL]$
	$[uT:PRS]$	$[uNum:PL]_{EPP}$		$[uT:PRS]$

Особая привлекательность гипотезы Песецкого и Торрего в том, что она позволяет объяснить целый ряд асимметрий и эффектов, вовлекающих

подлежащее. Мы вкратце рассмотрим только два подобных феномена в английском языке. Во-первых, это асимметрия способов образования частного вопроса: если вопросительное слово не является подлежащим, то инверсия обязательна, а если вопросительное слово — подлежащее, то инверсия невозможна:

(2.61) Асимметрия T-to-C (Pesetsky, Torrego 2001: (5))

- a. What did Mary buy?
‘Что купила Мэри?’
- b. *What Mary bought?
- c. *Who did buy the book?
- d. Who bought the book?
‘Кто купил книгу?’

Во-вторых, это эффект комплементаризера + след (*that*-trace effect), обнаруженный в (Perlmutter 1971): выраженный комплементаризер *that* блокирует извлечение вопросительного подлежащего из зависимой клаузы, но не блокирует извлечение вопросительных составляющих из других позиций:

(2.62) Эффект комплементаризера + след (Pesetsky, Torrego 2001: (3))

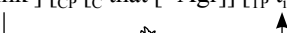
- a. Who do you think (that) Sue met ___?
‘Кого ты думаешь, (что) встретила Сью?’
- b. Who do you think (*that) ___ met Sue?
‘Кто ты думаешь, (*что) встретил Сью?’

Для обоих указанных эффектов в Теории управления и связывания предлагались объяснения с использованием принципа пустой категории (ЕСР). Так, Х. Купман (Koopman 1983) рассматривает неграмматичность (2.61с) как следствие нарушения antecedent government следом от передвижения подлежащего со стороны *wh*-местоимения в Spec, CP в случае, когда Т находится в С (см. анализ в (2.63а)). Эффект комплементаризера + след также возводился к нарушению ЕСР: либо озвученная версия комплементаризера *that* оказывается барьером для antecedent government (Pesetsky 1982a), как это представлено в (2.63b), либо нарушается управление следом со стороны вершины. Например, в обсуждавшейся в предыдущем разделе системе Л. Рицци (Rizzi 1990) к числу управляющих вершин относится только согласуемый нулевой комплементаризер, но не комплементаризер *that*. Соответственно, в (2.63с) след в позиции

подлежащего не может быть управляем со стороны С, но при этом *that* выступает как потенциальная управляющая вершина, блокируя управление следом со стороны вышестоящей глагольной вершины.

- (2.63) a. * [_{CP} Who_i [_{T+C} did] [_{TP} t_i buy the book]]?

 b. * [_{CP} Who_i do you think [_{CP} t_i [_C that] [_{TP} t_i met Sue]]]?

 c. * [_{CP} Who_i do you [_{VP} [_V think] [_{CP} [_C that [-Agr]] [_{TP} t_i met Sue]]]]?

Легко видеть, что эти предположения скорее отодвигали решение проблемы на один шаг, чем предлагали содержательное объяснение. Вместо запрета на передвижение T-to-C в вопросах к подлежащему или запрета на извлечение вопросительного подлежащего из клаузы с комплементаризатором *that* следовало объяснять, почему передвижение T в C (или наличие в C фонологического материала, если объединить гипотезы Купман и Песецкого) блокирует antecedentное управление или почему только нулевая вершина С способна управлять.

Гипотеза Песецкого и Торрего позволяет по-новому взглянуть на оба феномена. Начнем с анализа частных вопросов. Пусть два передвижения, которые мы наблюдаем в вопросах к дополнению (2.61a), вызываются двумя признаками вопросительного комплементаризатора: передвижение вопросительного слова в Spec, CP связано с неинтерпретируемым признаком *uWh*, а передвижение T-to-C (инверсия) вызывается неинтерпретируемым признаком времени *uT*; оба признака охарактеризованы дополнительно признаком второго порядка EPP. Если допустить, что (2.58) верно, то носителем признака времени оказываются как вершина T, так и подлежащее, получившее признак времени от T³⁵. Соответственно, предложениям в (2.61) можно сопоставить следующие конфигурации (Pesetsky, Torrego 2001: (14)):

- (2.64) a. [C, *uT*, *uWh*] [_{TP} [Mary, *uT*] T [_{VP} buy what]]
 b. [C, *uT*, *uWh*] [_{TP} [who, *uT*] T [_{VP} buy the book]]

В (2.64a) два неинтерпретируемых признака вершины С вызывают два передвижения: признак *uWh* притягивает вопросительное местоимение

³⁵ Несмотря на то что признак T для подлежащего неинтерпретируемый и должен быть удален, Песецкий и Торрего предполагают, что он лишь «помечен к удалению» (marked for deletion) и «доживает» до завершения деривации текущей фазы, т. е. CP.

в Срес, СР, а признак *uT* притягивает вершину *T* в *C*. В (2.64b) ситуация другая: вопросительное слово также является и подлежащим, следовательно, его передвижение в Срес, СР способно одновременно удовлетворить потребности вершины *C* в обоих признаках. Поскольку одно передвижение экономнее, чем два, вариант (2.61c) проигрывает конкуренцию варианту (2.61d) и оказывается неграмматичным³⁶.

- (2.65) а. [_{CP} What_i [_{Tj} + *C*, ~~*uT*~~, ~~*uWh*~~] [_{TP} [*Mary*, ~~*uT*~~] *tj* [_{VP} buy *tj*]]]?
 б. [_{CP} [*Who*, ~~*uT*~~]_i [_C, ~~*uT*~~, ~~*uWh*~~] [_{TP} *tj* *T* [_{VP} bought the book]]]?]

Обратимся теперь к эффекту комплементаризер + след. Песецкий и Торрего предполагают, что признак *uT* характеризует комплементаризер любой финитной клаузы в английском языке. В частности, зависимая повествовательная клауза, из которой происходит извлечение вопросительной составляющей, возглавляется комплементаризером с признаком *uT* [EPP]. Передвижение вопросительного слова из зависимой клаузы в главную является цикличным, и вопросительная группа проходит через промежуточную «посадочную площадку» — Срес, СР зависимой клаузы. Если вопросительным словом является подлежащее, то его передвижение в Срес, СР удовлетворяет одновременно оба признака вершины *C*, так же как это происходит в вопросительном предложении (2.65b), ср. (2.66).

- (2.66) а. Who do you think met Sue?
 б. Who_i do you think [_{CP} [~~*who*~~, ~~*uT*~~]_i [_C, ~~*uT*~~, ~~*uWh*~~] [_{TP} [~~*who*~~, ~~*uT*~~]_i *T* [_{VP} met Sue]]]]?]

Как же означается признак *uT* [EPP], если вопросительное слово не является подлежащим? В вопросительном предложении (2.65a) в таком случае происходит инверсия, т. е. передвижение *T-to-C*. Опираясь

³⁶ В (2.64a) признак *uT* может также «притянуть» подлежащее, поскольку подлежащее и *T* в системе Песецкого и Торрего находятся на равном расстоянии от *C* (в этом случае возникает структура с множественными спецификаторами):

(i) [_{CP} What_i [_C ~~*uT*~~, ~~*uWh*~~] [_{TP} *tj* *T* bought *tj*]]]!
 ‘Что Мэри купила!’

Песецкий и Торрего высказывают гипотезу, что интерпретация предложения как вопросительного или восклицательного определяется наличием в Срес, СР невопросительной именной группы: если такая ИГ есть, то предложение восклицательное, как это происходит в (i); в противном случае образуется вопросительное предложение.

на материал других языков, в которых инверсия характеризует не только главные, но и зависимые клаузы³⁷, Песецкий и Торрего предлагают допустить, что T-to-C происходит и в стандартном английском, а результат такого передвижения озвучивается необычным образом: в T произносится нижняя копия, а T + C озвучивается как *that*.

(2.67) a. Who do you think that Sue met?

b. Who_i do you think [_{CP} ~~who~~_i [T]_j + [C, *u*F, *u*Wh] [_{TP} [Sue, *u*F] T_j [_{VP} met ~~who~~_i]]]? *that*

Деривация третьего возможного варианта — извлечения несубъектного вопросительного слова из клаузы без *that* — связана с передвижением в Spec, CP подлежащего зависимой клаузы, также имеющего признак *u*T.

(2.68) a. Who do you think Sue met?

b. Who_i do you think [_{CP} ~~who~~_i [Sue, *u*F]_j [C, *u*T, *u*Wh] [_{TP} [Sue, *u*F]_j T [_{VP} met ~~who~~_i]]]? *that*

Наконец, единственный неграмматичный вариант — (2.69), в котором одновременно происходит передвижение подлежащего в Spec, CP и передвижение T-to-C. Легко видеть, что это предложение не имеет деривации в предложенной теории: поскольку передвижение вопросительного подлежащего означает оба признака вершины C, для передвижения вершины T отсутствует мотивация.

(2.69) a. *Who do you think that met Sue?

b. *Who_i do you think [_{CP} [~~who~~, *u*F]_i [T]_j + [C, *u*T, *u*Wh] [_{TP} [~~who~~, *u*F]_i T_j [_{VP} met Sue]]]? *that*

Обратим внимание, что передвижение вопросительного местоимения — подлежащего в (2.66) имеет разные последствия для вложенной и главной клаузы: во вложенной клаузе передвинувшееся в Spec, CP вопросительное местоимение — подлежащее способно означать признак *u*T вершины C, так что в передвижении T-to-C («вставлении» *that*) нет необходимости; однако, достигнув Spec, CP главной клаузы, это местоимение неспособно означать признак *u*T вершины C, так что в главной клаузе

³⁷ Даже в английском языке (диалект г. Белфаст) засвидетельствована такая инверсия в случае, если в T находится вспомогательный или модальный глагол:

(i) Who did John hope [would he see —]? (Pesetsky, Torrego 2001: (25a))

происходит инверсия. Причина в том, что означенный неинтерпретируемый признак *иТ* вопросительного местоимения — подлежащего «доживает» только до конца текущей фазы, а затем уничтожается (см. сноску 35). С окончанием деривации зависимой СР вопросительное местоимение остается только с собственным интерпретируемым признаком +Wh и, соответственно, может означать только признак *иWh*, но не *иТ* комплементаризера главной клаузы.

Наконец, гипотеза Песецкого и Торрего предлагает ответ на два вопроса, с которых мы начали обсуждение генеративного подхода к падежу. Первый вопрос — это вопрос об источниках падежа: почему вершины категорий [–N] (глаголы и предлоги) способны приписывать структурный падеж, а вершины категорий [+N] (существительные и прилагательные) не являются источниками структурного падежа (раздел 2.1). Второй вопрос — это вопрос о специфике именных групп в отношении падежа: почему именные группы нуждаются в падеже (и подчиняются Падежному фильтру), а составляющие прочих категорий лицензируются в процессе проецирования (раздел 2.2.1). В свете гипотезы, что падеж — это именной эквивалент признака времени Т, оказывается, что все категории имеют данный признак, однако различаются его интерпретируемостью, означенностью, а также доступными способами означить этот признак, если категория вступает в деривацию с его неозначенной разновидностью. Категории [–N] имеют означенный признак времени (и неозначенные ф-признаки) и поэтому способны притягивать составляющие категорий [+N], для которых этот признак неозначенный и неинтерпретируемый. Специфика именных аргументов по сравнению с клаузами (пример (2.70), (Pesetsky, Torrego 2001: (1))) связана с доступными источниками признака *иТ*. Как мы видели выше, комплементаризер означивает свой признак *иТ* благодаря согласованию с вершиной Т своей клаузы (например, за счет передвижения Т-to-С или передвижения подлежащего в Срес, СР). Вследствие этого СР в (2.70а–b) не нуждается во взаимодействии с Т главного предложения. Для именной группы в (2.70с–d), напротив, единственным способом означить признак *иТ* является согласование с вершиной Т главной клаузы.

(2.70) a. [_{CP} That Sue would arrive late] was expected.

b. It was expected [_{CP} that Sue would arrive late].

c. [_{DP} Sue's late arrival] was expected.

d. *It was expected [_{DP} Sue's late arrival].

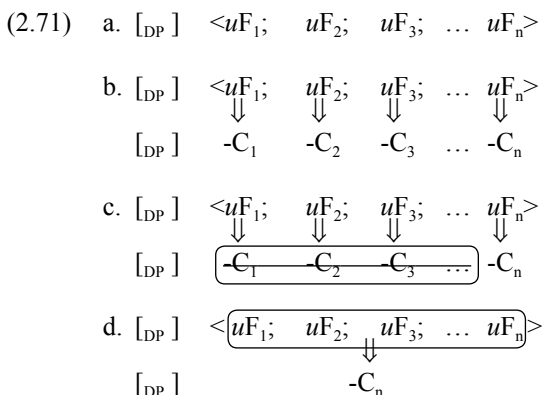
Итак, подход Песецкого и Торрего предлагает, наряду с решением вопроса о специфике падежного признака, эффективный анализ целого ряда проблемных феноменов, связанных с асимметрией подлежащего и прочих именных групп предложения и со взаимодействием этой асимметрии с архитектурой левой периферии клаузы, в первую очередь с зоной СР. Однако гипотеза Песецкого и Торрего касается лишь номинатива; какова в таком случае природа других структурных падежей — аккузатива и генитива?

Сами авторы высказывают два предположения по этому поводу. Во-первых, возможно, что все структурные падежи представляют собой *одно и то же* значение признака *иТ*, а морфологические различия между структурными падежами определяются вершиной, согласование с которой означило данный признак именной группы. Так, например, при согласовании по признаку времени с V (или *v*) именная группа имеет форму аккузатива, а при согласовании по признаку времени с T — форму номинатива (развитие этой линии анализа см. в (Pesetsky, Torrego 2004)). Во-вторых, авторы допускают, что разные структурные падежи связаны с *разными* признаками. Так, в литературе предлагалось считать аккузатив реализацией признака предельности функциональной вершины Asp (Svenonius 2001; Richardson 2003), а генитив — признака квантификации функциональной вершины Q (Bailyn 2004).

В связи со вторым предположением возникает естественный вопрос: если отдельные падежи представляют собой лишь различные (неинтерпретируемые на именной группе) формальные признаки, связанные с различными функциональными вершинами, за счет чего возникает единство падежа как грамматической категории, так что именная группа способна выражать только одно падежное значение? Действительно, можно легко представить себе именную группу, возникающую в позиции комплемента предельного глагола и тем самым получающую признак предельности от вершины Asp (что соответствует структурному аккузативу), и при этом оказывающуюся подлежащим финитной клаузы, если глагол является неаккузативным или пассивным, и получающую признак времени от вершины T (что соответствует структурному номинативу). Тем не менее в таких языках, как русский или латинский, мы всегда наблюдаем на именной группе только один падежный показатель.

Чрезвычайно интересное направление исследований, активно развивающееся в последние годы, связано как раз с разрешением этой коллизии. Падежи понимаются как неинтерпретируемые варианты интерпретируемых признаков лексических и функциональных вершин, участвующих в деривации предложения и доминирующих над именной группой (Matushansky 2008, 2010). При таком подходе к концу деривации именная

группа обладает определенным набором неинтерпретируемых означенных признаков, полученных в результате согласования с вышестоящими вершинами, как это представлено в (2.71a)³⁸.

Озвучивание именной группы в (2.71a) зависит от соотношения между признаками и падежными морфемами и от устройства морфолого-фонологического компонента конкретного языка. В случае, когда каждому признаку (т. е. «синтаксическому падежу») соответствует один морфологический показатель (т. е. «морфологический падеж»), матрица признаков отображается в кортеж падежных показателей (2.71b). Если фонология языка допускает озвучивание всего кортежа, мы ожидаем, что именные группы в таком языке будут содержать более одного падежного показателя. И действительно, языки такого типа засвидетельствованы: это австралийские языки тангской семьи каядилт и ладил, в которых именная группа содержит цепочку падежных показателей, соответствующих признакам вершин, доминирующих над данной именной группой [(Evans 1995; Round 2009, 2013; Richards 2007, 2013), см. также блестящий обзор (Аркадьев 2015)]. Пример из языка каядилт приводится в (2.72). Мы видим, что последовательность падежных показателей на именной группе *dangka* ‘мужчина’ отражает иерархию вложения этой ИГ: генитив маркирует зависимость от именной вершины *mijil* ‘сеть’, инструменталис — семантическую роль объемлющей ИГ, показатель аблатива оформляет все зависимые глагольной группы, обликвус — все компоненты

³⁸ Возможность согласования ограничена обычными соображениями локальности (барьеры, фазы и т. п.), так что количество признаков, которые может получить именная группа, не бесконечно.

клаузы³⁹. Этот феномен получил наименование «накладывание падежей» (case stacking)⁴⁰.

- (2.72) maku-ntha [yalawu-jarra-ntha yakuri-naa-ntha
 женщина-OBL поймать-PST-OBL рыба-AVL-OBL
 [[dangka-karra-nguni-naa-ntha] mijil-nguni-naa-nth]].
 мужчина-GEN-INSTR-AVL-OBL сеть-INSTR-AVL-OBL
 ‘Женщина, должно быть, поймала рыбу сетью мужчины.’

Однако языки с последовательным накладыванием падежей немногочисленны и ограничены ареально и генетически. Если гипотеза о том, что падеж является отражением согласования ИГ по различным синтаксическим категориям, носит универсальный характер, то следует объяснить, каким образом из (2.71a) мы получаем именную группу с единственным падежным показателем.

По-видимому, здесь возможны два направления рассуждений. Во-первых, можно предположить, что такие языки, как русский или латинский, в действительности реализуют модель (2.71b), так что каждому признаку соответствует определенный падеж. Тот факт, что только один падежный показатель является морфологически видимым (morphologically observable), объясняется устройством фонологического компонента языка: фонологические правила удаляют все показатели за исключением одного (например, самого правого или самого левого и т. п.), как это показано в (2.71c). Такую модель предлагает Д. Песецкий для анализа русской падежной морфологии (Pesetsky 2013), к подробному рассмотрению которого мы обратимся в разделе 2.4.1.

³⁹ Материал тангских языков примечателен еще и в том отношении, что падежные показатели связаны не только с синтаксической позицией (например, генитив как падеж приименного зависимого) и семантической ролью именной группы (например, инструменталис как падеж инструмента), но и с классическими грамматическими категориями клаузного уровня, такими как время, вид, модальность (так называемые модальные падежи в типологии (Dench, Evans 1988; Dench 2008)). Так, показатель аблатива на компонентах глагольной группы в (2.72) является экспонентом граммы прошедшего времени, а показатель обликвуса на всех компонентах клаузы выражает одно из неиндикативных наклонений. Более того, даже фонетический облик показателей модальных падежей неслучайным образом соотносится с показателями соответствующих грамматических категорий. Таким образом, направление поисков интерпретации падежа, заданное в работе Песецкого и Торрего, получает косвенное подтверждение.

⁴⁰ Накладывание падежей представляет собой частный случай копирования суффиксов (Suffixaufnahme), см. (Plank 1995).

Во-вторых, можно предположить, что падежные морфемы соответствуют не каждому конкретному формальному признаку, а скорее комбинации, или пучку, признаков (2.71с). Этот подход, намеченный в (Matushansky 2008), несомненно, наследует признаковому определению падежа Р. Якобсона (Якобсон 1985), в котором русские падежные грамлемы задаются комбинацией трех дифференциальных признаков (направленность, объемность, периферийность). Хотя дифференциальные признаки Якобсона существенно отличаются от формальных признаков в модели Матушанской (так, для Якобсона по меньшей мере положительное значение признака вносит вклад в интерпретацию именной группы и не коррелирует с признаками доминирующих над ИГ компонентов синтагмы), нельзя не отметить, что признаковое определение морфологического падежа получает в современной синтаксической теории новое осмысление.

В следующих разделах мы обсудим два анализа, опирающиеся на идею накладывания падежей и предлагающие новый подход к интерпретации падежной морфологии. Применительно к русскому языку эта идея позволяет решить целый ряд морфосинтаксических вопросов, связанных с количественной конструкцией. В цахурском языке в новом свете предстает проблема согласуемого атрибутива и дистрибуции показателей номинатива и косвенной основы.

2.4.1. Падежная морфология в русском языке

Книга Д. Песецкого (Pesetsky 2013) — это одновременно попытка решения наиболее известной и трудной синтаксической проблемы русского языка, грамматики конструкций с числительными, и исследование применимости подхода к падежу как к согласовательному варианту признака, интерпретируемого на другой категории. Если в серии работ Д. Песецкого и Э. Торрего (Pesetsky, Torrego 2001, 2004, 2007) таким признаком является признак времени, то в данной книге Д. Песецкий предлагает другой анализ: падеж рассматривается как категориальный (частеречный) признак. У этой идеи есть и достоинства, и недостатки. Несомненным преимуществом категориального подхода к падежу является тот факт, что единство падежной системы обеспечивается единством категориального признака: падежных граммем столько, сколько синтаксических категорий в данном языке, и каждой падежной граммеме сопоставляется категориальный ярлык. По сравнению с категориальным подходом теория «структурный падеж — это признак времени» (2.58) проигрывает в общности: анализ номинатива (и, возможно, аккузатива как иТ, означиваемого глагольной

вершиной) не может быть естественным образом сопряжен с гипотетическим анализом приименного (структурного) генитива, не говоря уже о других падежных граммемах. В рамках категориального подхода соотношение падежа с его стандартным приписывателем («управление со стороны синтаксической категории», определенное в главе 1, см. (1.3b)) получает сущностное и принципиальное объяснение.

Однако, выбирая «другим лицом» падежа синтаксическую категорию, мы с неизбежностью сталкиваемся с необходимостью разграничения двух ипостасей данного признака у групп существительного (NP): с одной стороны, они имеют собственную синтаксическую категорию (N), а с другой стороны, «согласуются по синтаксической категории», т. е. копируют категориальные ярлыки своих синтаксических хозяев. В системе Песецкого эти ипостаси не различаются, что приводит к проблемам как теоретического, так и эмпирического характера (см. критический анализ в 2.4.2).

Отправной точкой исследования Д. Песецкого (и эпиграфом к книге) становится цитата из «Русского синтаксиса в научном освещении» А. М. Пешковского: «Единственное число при таких словах, как *два, три и четыре*, где ясно указана множественность, представляется на первый взгляд очень странным и является характерным примером того, насколько грамматическое мышление может расходиться с логическим» (Пешковский 1956: 438). Однако этим «расхождением» странности русских конструкций с числительными не ограничиваются. В (2.73) представлена парадигма, демонстрирующая три основные аналитические проблемы.

- (2.73) а. эти последние два красивых стола
 б. эти последние пять красивых столов
 в. этим последним двум красивым столам
 г. этим последним пяти красивым столам

Во-первых, это рассогласование *по числу* в конструкции с «малыми» числительными (2.73а): существительное имеет форму единственного числа⁴¹, в то время как прилагательные и другие адъективные модификаторы — форму множественного числа. Во-вторых, это рассогласование

⁴¹ Относительно числовой и падежной характеристики существительного в конструкции с малыми числительными нет единого мнения: академическая Русская грамматика (РГ 1980) считает данную форму генитивом единственного числа, однако имеются и альтернативные предложения: генитив «паукального» числа (Pereltsvaig 2010), «счетная форма» (Зализняк 1967), «паукальный падеж»

по падежу в конструкциях как с «малыми», так и с «большими» числительными (2.73а–b): модификаторы, находящиеся левее числительного, а также сами числительные выступают в форме прямых падежей (номинатива и аккузатива), тогда как компоненты именной группы, стоящие после числительного, и в том числе вершина-существительное, демонстрируют формы генитива. Для такого рассогласования Л. Бэбби (Babby 1987) предложил термин «гетерогенная модель». Наконец, в-третьих, оба типа рассогласования исчезают в косвенных падежах (2.73с–d): реализуется «гомогенная модель», так что все компоненты именной группы имеют одинаковые признаки числа и падежа⁴².

Практически все предшествующие подходы к анализу конструкций в (2.73) исходили из того, что истоки падежного рассогласования следует искать в конкуренции разных приписывателей падежа (РГ 1980; Babby 1987; Franks 1994; Bailyn 2004), а причиной числового рассогласования являются идиосинкратичные числовые (или падежные) селективные ограничения со стороны малых числительных. Песецкий, по-видимому, первым предлагает «нулевой вариант»: числовая форма существительного в (2.73а) и падежная форма существительного в (2.73а–b) являются дефолтными формами существительного, теми формами, в которых существительное представлено в лексиконе. Отличие между (2.73а) и (2.73b) состоит в том, что в (2.73b) существительное приходит из словаря с фиксированным («синтетическим») числом, а в (2.73а) была выбрана форма существительного, не охарактеризованная по числу («бесчисловая»). Рассмотрим эти гипотезы по порядку.

Итак, падежная теория Песецкого состоит в том, что падеж в русском языке является не независимой категорией, а аффиксальной реализацией частей речи, в соответствии с (2.74).

- (2.74) а. Генитив = N (далее N_{GEN})
 б. Номинатив = D (далее D_{NOM})
 с. Аккузатив = V (далее V_{ACC})
 d. Прочие косвенные падежи = P (далее P_{OBL})

(Rappaport 2002). Как мы увидим ниже, в анализе Песецкого предлагается еще один вариант: генитив «неопределенного» числа.

⁴² Числительное при гетерогенной модели демонстрирует совпадение только падежных, но не числовых характеристик, однако числительные и не выражают морфологически числовое противопоставление.

Существует два способа, при помощи которых падежные показатели (N_{GEN} , D_{NOM} , V_{ACC} и P_{OBL}) ассоциируются с данной именной основой⁴³. Первый способ — синтаксический: это приписывание признака в ходе синтаксической деривации, а именно копирование категориального признака проецирующейся вершины на его синтаксические зависимые. Приписывание признака сопровождается операцией соединения (merge) и в первом приближении определяется правилом (2.75):

(2.75) Приписывание признака (Feature Assignment, FA)

- a. Копирование: когда α соединяется с β , образуя составляющую $[\alpha \beta]$, грамматические признаки α копируются в β ...
- b. Реализация: ...и реализуются морфологически на всех лексических единицах, входящих в β .

Второй способ — лексический: поскольку лексические единицы охарактеризованы в лексиконе как принадлежащие некоторой синтаксической категории, мы можем рассматривать эту таксономию как наличие у лексической единицы определенного «изначального падежа» (primeval case category). Соответственно, существительные «рождаются» генитивными, глаголы — аккузативными, определители — номинативными, а предлоги — косвенно-падежными (точнее, имеют тот падеж, который приписывают: так, предлог κ имеет категорию P_{DAT} , а предлог ς — категорию P_{INSTR}).

В системе такого рода именные словоформы несут на себе последовательность категориально-падежных аффиксов (2.76), из которых первый отражает изначальную категорию основы ($-\text{ы}_{\text{NGEN}}$), а последующие — результат последовательного соединения с вышестоящими вершинами: $-\text{а}_{\text{DNOM}}$ есть экспонент категориальных признаков $\emptyset_{\text{D}}$, а $-\text{е}_{\text{PDAT}}$ — экспонент категориальных признаков предлога κ .

(2.76) a. $[\text{PP } \kappa [\text{DP } \emptyset_{\text{D}} [\text{NP } \text{лампе}]]]$

- b. $\text{лампы}_{\text{NGEN}}-\text{а}_{\text{DNOM}}-\text{е}_{\text{PDAT}}$

Тот факт, что в русском языке словоформа несет на себе только один падежный показатель, является следствием Правила одного суффикса (One Suffix Rule) в (2.77) (ср. с (2.71b–c)):

⁴³ В принципе, противопоставление именных и неименных основ в отношении падежа в такой системе имеет исключительно морфологический характер: последовательность категориальных признаков характеризует любую основу, но только именные основы способны их выражать морфологически.

(2.77) Правило одного суффикса

Удали все падежные суффиксы, кроме внешнего.

Последовательная реализация (2.74)–(2.77) вкупе с допущением о DP-статусе любых аргументных ИГ в русском языке, очевидно, приведет к тому, что именные группы — комплементы переходных глаголов будут реализовывать морфологический аккузатив, именные группы — комплементы предлогов будут реализовывать морфологические косвенные падежи, приименные ИГ будут выступать в форме генитива, а избежавшие управления со стороны лексических вершин именные группы окажутся в номинативе — падеже D.

Однако условия для применения (2.75) имеются не всегда. Во-первых, (2.75) ограничено соображениями локальности, так что приписывание признака не может пересечь границы составляющей, непосредственно доминирующей над DP, которая является одной из фазовых категорий в русском языке. Это ограничение правильно предсказывает, что ИГ в русском языке будет демонстрировать падеж, связанный с ближайшим приписывателем падежа (т. е. локальность управления, ср. (2.20)–(2.21)). Во-вторых, на возможность применения (2.75) могут влиять свойства мишени, т. е. признаки β . Например, в (2.78a) ИГ *эту красивую книгу* реализует V_{acc} , однако в (2.78b) нет никаких свидетельств того, что приписывание признака V_{acc} имело место. Принципиальный выбор между подходом традиционной грамматики (реализация аккузатива и совпадение форм аккузатива и номинатива) и отсутствием приписывания признака V_{acc} (реализация номинатива) позволяет сделать (2.78с). Если бы правило (2.75) в русском языке всегда применялось при соединении глагола с ИГ-комплементом, то в (2.78с) мы ожидали бы экспоненты V_{acc} на всех компонентах ИГ, в том числе и на составляющей *красивых книг*. Поскольку *красивых книг* не является формой аккузатива, это значит, что в (2.78с) V_{acc} не приписывается⁴⁴.

(2.78) а. Мы [V_P видели [$_{DP}$ эту красивую книгу]].

б. Мы [V_P видели [$_{DP}$ этот красивый стол]].

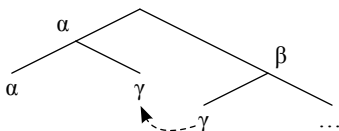
с. Мы [V_P видели [$_{DP}$ эти пять красивых книг]].

Наконец, в-третьих, применение (2.75) может быть заблокировано, если после соединения α и β α вступает во внутреннее соединение

⁴⁴ Песецкий формулирует условия на приписывание V_{acc} следующим образом: мишень должна быть либо [+feminine] и не [–singular], либо [+animate], либо [+pronominal].

с вершиной γ (происходит передвижение вершины γ в окрестность α), так что возникает конфигурация создающего комплемент передвижения (undermerge). Создающее комплемент передвижение γ схематически показано в (2.79).

(2.79)

Если передвижение вершин действительно является синтаксическим, а не фонологическим процессом, то оно должно быть мотивировано формальными признаками α , притягивающими γ . Это значит, что без передвижения γ требования α к комплементу не были бы удовлетворены. Песецкий предполагает, что такой статус α делает его дефектным в отношении приписывания признаков: только те вершины, которые удовлетворили свои требования к комплементу (complementation requirements), могут выступать в качестве приписывателя признаков в (2.75).

Рассмотрим результаты деривации (2.79). При соединении α и β копирования признаков от α к β не происходит, поскольку α еще не удовлетворило свои требования к комплементу. Затем происходит внутреннее соединение, или передвижение, γ к α . На этом этапе требования α к комплементу удовлетворяются, и α превращается в приписыватель признаков. В соответствии с (2.75) α передаст свои признаки составляющей, с которой соединилось, — т. е. γ . Составляющая β не получит признаков α .

Именно такое развитие событий Песецкий предполагает в (2.73b) (повторяемом здесь как (2.80a)), в конструкциях с большими числительными. Деривация начинается с соединения прилагательного и существительного (2.80b). Поскольку проецируется существительное, его признаки, и в том числе категориальный признак N_{GEN} , копируются на прилагательное. Далее происходит соединение получившейся составляющей с числительным — представителем категории Quant. Оно также получает N_{GEN} (2.80c). На следующем этапе (2.80d) в деривацию вступает определитель — нулевая вершина с категориальными признаками D_{NOM} . Однако приписывания признаков в соответствии с (2.75) не происходит — требования определителя к комплементу не удовлетворены, и он оказывается дефектным приписывателем. Эти требования удовлетворяются при последующем внутреннем соединении определителя и числительного (2.80e): реализуется (2.75), и числительное копирует категориальный признак D_{NOM} . При последующих соединениях с прилагательными продолжает проецироваться определитель, поэтому его категориальные признаки распространяются

на премодификаторы (2.80f–g). В соответствии с Правилom одного суффикса (2.77) структура (2.80g) озвучивается как (2.80a).

- (2.80) a. эти последние пять красивых столов
- b. $[_{NP} [_A \text{ красивых-}N_{GEN}] [_N \text{ столов.}N_{GEN}]]$
- c. $[_{NP} [_{Quant} \text{ пять-}N_{GEN}] [[_A \text{ красивых-}N_{GEN}] [_N \text{ столов.}N_{GEN}]]]$
- d. $[_{DP} [\emptyset.D_{NOM} [_{NP} [_{Quant} \text{ пять-}N_{GEN}] [[_A \text{ красивых-}N_{GEN}] [_N \text{ столов.}N_{GEN}]]]]]$
- e. $[_{DP} [[[\emptyset.D_{NOM}] [_{Quant} \text{ пять-}N_{GEN}-D_{NOM}]] [_{NP} [_{Quant} \text{ ~~пять~~-}N_{GEN}] [[_A \text{ красивых-}N_{GEN}] [_N \text{ столов.}N_{GEN}]]]]]$
- f. $[_{DP} [_A \text{ последние-}D_{NOM}] [_{DP} [[[\emptyset.D_{NOM}] [_{Quant} \text{ пять-}N_{GEN}-D_{NOM}]] [_{NP} [_{Quant} \text{ ~~пять~~-}N_{GEN}] [[_A \text{ красивых-}N_{GEN}] [_N \text{ столов.}N_{GEN}]]]]]]]$
- g. $[_{DP} [_A \text{ эти-}D_{NOM}] [_{DP} [_A \text{ последние-}D_{NOM}] [_{DP} [[[\emptyset.D_{NOM}] [_{Quant} \text{ пять-}N_{GEN}-D_{NOM}]] [_{NP} [_{Quant} \text{ ~~пять~~-}N_{GEN}] [[_A \text{ красивых-}N_{GEN}] [_N \text{ столов.}N_{GEN}]]]]]]]]]$

Обратимся теперь к гипотезе Песецкого о структуре категории числа и специфике «малых» числительных. Чтобы объяснить дистрибуцию числовых форм в количественных конструкциях (2.74a) и (2.74c), Песецкий делает два допущения. Первое допущение касается категориального статуса «малых» числительных: предлагается считать, что *два*, *три* и *четыре* относятся не к категории собственно числительных (Quant), но являются свободными морфемами двойственного, тройственного и четверичного числа, соответственно (Nbr). Категория числа представима в виде следующей иерархии признаков:

- (2.81) a. $\emptyset$ (отсутствие числа)
- b. [+singular]
- c. [–singular]
- d. [–singular] DUAL
- e. [–singular] TRIAL
- f. [–singular] QUADRAL

Граммемы в (2.81) выражаются как синтетически, так и аналитически. (2.81a–b) — бесчисловое существительное и существительное

единственного числа — соответствуют морфологически традиционному «единственному числу», которое тем самым представляет из себя дефолтную форму; (2.81c) — существительное с признаком не-единственного числа — соответствует традиционному «множественному числу». Значения (2.81d–f) выражаются аналитически, при помощи сочетания бесчисловой формы существительного и морфем числа NBR:

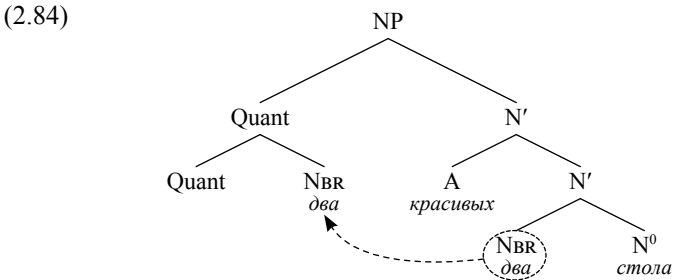
(2.82) a. стола.NGEN	бесчисловая форма существительного
b. стола.NGEN [+singular]	существительное в ед. числе
c. столов.NGEN [–singular]	существительное во мн. числе
d. [два _{NBR} стола.NGEN] [–singular] DUAL	существительное в двойств. числе
e. [три _{NBR} стола.NGEN] [–singular] TRIAL	существительное в тройств. числе
f. [четыре _{NBR} стола.NGEN] [–singular] QUADRAL	существительное в четв. числе

(2.82d–f) правильно предсказывает, что составляющая, состоящая из вершины NBR и бесчислового существительного, имеет признак [–singular], поэтому при соединении с ней адъективного модификатора (*последние два стола*) правило приписывания признака (2.75) присвоит ему признак [–singular], так что адъектив будет иметь морфологию множественного числа.

Проблемы возникают, однако, с прилагательными, расположенными между «малыми» числительными и существительными (*два красивых стола*). Если бы порядок соединения элементов в этой конструкции был таким, как в (2.83a), то прилагательное не получило бы от существительного признака числа и выступало бы в бесчисловой форме, т. е. в дефолтном «единственном числе» (*два красивого стола*). Второе допущение Песецкого состоит в том, что в действительности порядок слов в (2.83a) не отражает последовательности соединения составляющих и прилагательное соединяется с составляющей, имеющей признак [–singular]. Такой составляющей, как мы видели выше, является составляющая *два стола*. Следовательно, *два* сперва соединяется с бесчисловым существительным, а затем передвигается в позицию левее (и выше) прилагательного (2.83b).

- (2.83) а. [два [красивых стола]]
 б. два [красивых ~~два~~ стола]]

В какую же позицию передвигаются «малые» числительные — представители категории NBR? Естественно предположить, что формы двойственного, тройственного и четверичного числа существительного лицензируются соответствующими числительными⁴⁵. В таком случае именные группы, содержащие аналитические формы паукальных чисел, также содержат числительные — нулевые вершины $\emptyset_{\text{ДВА}}$, $\emptyset_{\text{ТРИ}}$, $\emptyset_{\text{ЧЕТЫРЕ}}$, принадлежащие категории Quant. Именно Quant является мишенью передвижения NBR, как это представлено в (2.84):

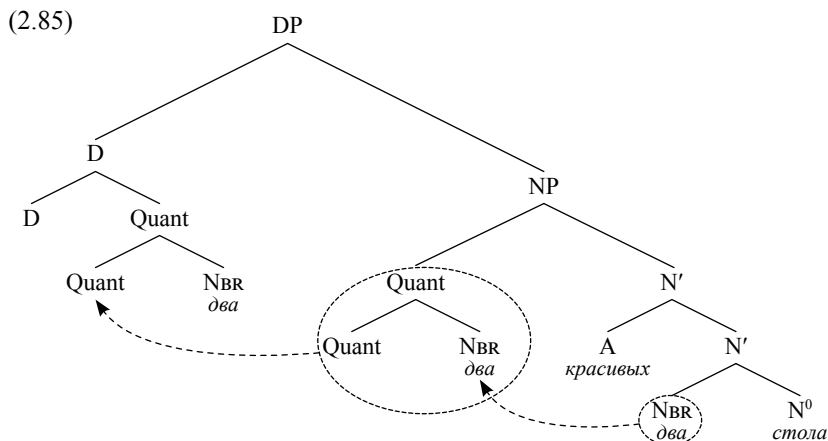

Обратим внимание, что на этапе (2.84) морфология составляющих именной группы будет выглядеть следующим образом: существительное *стола* будет бесчисловым и будет нести на себе «изначальный» генитив (GEN.SG в традиционной терминологии), прилагательное *красивых* получит аффикс $N_{\text{GEN}}[-\text{singular}]$ (GEN.PL в традиционной терминологии), такую же форму мы ожидаем и от сложной вершины Quant, содержащей числовую морфему *два*.

Итак, структура (2.84) аналогична NP, содержащей «большие» числительные (2.80с), с точностью до морфологических характеристик вершинного существительного. При соединении NP с определителем, как мы помним, приписывания признаков не происходит — требования определителя к комплементу не удовлетворены. Необходимо внутреннее соединение определителя и Quant (содержащего в данном случае NBR, см. (2.85)), в результате которого D приписывает числительному категориальный

⁴⁵ Например, в словенском языке формы двойственного числа существительного используются только тогда, когда в контексте эксплицитно выражен квантификатор ‘два’ или ‘оба’; в противном случае используются формы множественного числа, даже если речь идет, например, о парных предметах [(Pesetsky 2013), со ссылкой на (Corbett 2000: 43)].

признак D_{NOM} . Поскольку у D признак числа не означен, D выступает в качестве зонда, согласуясь по числу с ближайшей целью, обладающей означенным признаком числа, т. е. с NP^{46} .

Итак, нам удалось объяснить две гетерогенные модели количественных конструкций (2.73a–b). Обратимся теперь к гомогенным моделям (2.73c–d), повторяемым здесь как (2.86a–b), которые возникают в контексте косвенных падежей — P_{OBL} и N_{GEN} .⁴⁷ В них мы наблюдаем единообразное падежное и числовое маркирование всех компонентов количественной группы.

- (2.86) а. к этим последним двум красивым столам
 б. к этим последним пяти красивым столам

Понятно, что источником падежного признака является вершина, с которой соединяется DP : правило приписывания признака (2.75) копирует

⁴⁶ В данном случае не принципиально, запускается ли операция $AGREE$ при первом соединении D с ИГ (и тогда источником числа оказывается NP), либо только после удовлетворения требований D к комплементу, т. е. после второго соединения (и тогда источник числа — $Quant$). В любом случае D получит признак $[-singular]$.

⁴⁷ В аккузативном контексте (например, в позиции прямого дополнения), как мы видели выше в сноске 44, V_{ACC} будет приписываться только мишеням с определенными признаками, из которых лишь вариант $[+animate]$ возможен для количественных конструкций. В этом случае в гомогенной модели все компоненты именной группы будут иметь признаки аккузатива множественного числа, которые морфологически реализуются как генитив в контексте одушевленности (*увидел этих двух красивых женщин*).

на именную группу категориальный признак предлога (P_{OBL}) или существительного (N_{GEN}).

Несколько сложнее объяснить числовые формы в косвенно-падежной конструкции с «малыми» числительными. Начнем с предложных групп. Предположим, что, как и D, предлог имеет неинтерпретируемый неозначенный признак числа $iNBR$. Тогда при соединении с DP предлог в качестве зонда запустит поиск составляющей с означенным признаком числа. Ближайшей такой составляющей является сама DP, имеющая признак $[-singular]$. Предлог согласуется с DP, после чего, в соответствии с (2.75), припишет морфологию множественного числа и косвенного падежа всем элементам DP, включая именную вершину. В результате в косвенных падежах бесчисловая форма существительного меняется на форму множественного числа.

Обратимся теперь к гомогенной модели, возникающей в контексте приименного зависимого, в генитивной конструкции (2.87a). В этом случае наша модель дает сбой. При соединении DP *эти два молодых актера* с N^0 *стол* мы ожидаем копирования категориального и числового признака N^0 на все компоненты DP. Однако, в отличие от предлога, существительное имеет означенный признак числа (в (2.87a) — $[+singular]$), и именно он будет реализован на всех ее компонентах. Аналогичная проблема возникает и вне количественной конструкции: наша модель предсказывает, что деривация (2.87b) невозможна и при соединении DP *этот молодой актер* с N^0 *столы* получится словосочетание *столы этих молодых актеров*.

(2.87) а. стол этих двух молодых актеров

б. столы этого молодого актера

Очевидно, истоки проблемы в том, что число, в отличие от падежа, не может быть означено «снаружи» DP. Действительно, два признаковых компонента морфологического экспонента $GEN.PL$ на приименной DP в (2.87a) имеют разные источники. Падежный признак, т. е. категориальный признак $NGEN$, является результатом соединения DP с N^0 . Источник числового признака определить сложнее. Это не может быть ни вершина N^0 *стол*, имеющая признак $[+singular]$, ни обладающая подходящим признаком вершина D^0 , поскольку сама по себе D^0 не может приписывать признаки существительному в количественной конструкции (ср. *эти последние два актер-а* ($GEN.NUMBERLESS$) / **актер-ы* ($NOM.PL$)).

Таким образом, Песецкий приходит к выводу, что приписывание признака от α к β должно быть опосредовано «прототипом» α (обозначается как α'), который представляет собой матрицу признаков, характерных для той синтаксической категории, к которой принадлежит α . Все признаки,

содержащиеся в прототипе, кроме категориального (частеречного) признака, не означены. Благодаря этому при соединении прототипа с некоторой составляющей он выступает как зонд, вступая в отношение согласования с ближайшим источником необходимых признаков. В частности, в примере (2.87a) прототип существительного N*, обладающий означенным категориальным признаком и неозначенным признаком числа *i*NBR, согласуется с DP по числу, после чего навязет свои признаки всем компонентам DP.

С учетом всех обсуждавшихся поправок правило приписывания признака (2.75) выглядит следующим образом:

(2.88) Приписывание признака (Feature Assignment, FA)

- a. Копирование: когда α соединяется с β , образуя составляющую $[\alpha \ \beta]$, если α удовлетворило свои требования к комплементу и является определенным грамматикой языка приписывателем признака для β , то прототип α' соединяется с β , образуя структуру $[\alpha \ [\beta \ \alpha']]$.
- b. Реализация: ... и реализуется синтаксически или морфологически на наименьших доступных для данного языка единицах, входящих в β .

Теория, предложенная Песецким, несмотря на значительное количество допущений *ad hoc*, некоторые из которых не кажутся достаточно естественными⁴⁸, тем не менее является существенным шагом в понимании сущности падежа. Особую ценность представляет, во-первых, ассоциация падежа с категориальным признаком управляющей вершины; во-вторых, единообразный подход к управлению и согласованию, когда приписывание признаков внутри именной группы (атрибутивное согласование) и снаружи именной группы (управление со стороны внешних вершин) подчиняется

⁴⁸ Уязвимыми для критики представляются такие положения теории, как существование создающего комплемент внутреннего соединения (*undermerge*); отнесение «малых» числительных к категории NBR при одновременном постулировании нулевых числительных $\emptyset_{\text{два}}$, $\emptyset_{\text{три}}$, $\emptyset_{\text{четыре}}$, так что, с одной стороны, морфема числа может выступать в качестве самостоятельного высказывания (— *Сколько здесь яблок? — Два.*), а с другой стороны, приходится предполагать существование составных числительных типа *тридцать* $\emptyset_{\text{два}}$, которые, наоборот, не могут употребляться без NP-комплемента; более раннее соединение именной вершины с «малыми» числительными, чем с любыми другими компонентами ИГ, в том числе комплементами, идиоматическими модификаторами и т. д. Более развернутое обсуждение см. в (Лютикова 2015), а также в следующем разделе.

единому правилу; в-третьих, гипотеза о некоторой «исходной» падежной форме, которая характеризует существительное в лексиконе и не нуждается во внешнем приписывателе. Существенный интерес представляет также понятие прототипа, который может рассматриваться как вариант марантцевых категоризирующих вершин *n*, *v* и *a* (Marantz 1997). После краткого обсуждения эмпирических данных французского и английского языков Песецкий задается вопросом о межязыковой валидности прототипа и универсальности его свойств, в частности его участия во всех процессах приписывания признака, его роли в отнесении категориально-нейтрального корня к некоторой синтаксической категории и в типологически доступных способах его реализации⁴⁹. В следующем разделе предпринимается попытка приложения теории накладывающихся падежей к материалу цахурского языка⁵⁰ — языка, демонстрирующего существенные структурные отличия и генетическую и ареальную независимость как от тангкских языков, так и от французского и русского. Этот анализ позволит, с одной стороны, по-новому взглянуть на падежную систему цахурского языка и проблему согласуемого атрибутивного показателя, а с другой стороны, уточнить универсальные и конкретно-языковые характеристики прототипа.

2.4.2. Накладывающиеся падежи в цахурском языке

Цахурский язык, как и все языки Дагестана, обладает богатой падежной системой. В (Кибрик (ред.) 1999) выделяется 18 падежных граммем,

⁴⁹ «Consequently, though firm conclusions must await more detailed investigation, it is possible that the distribution of elements like French *de* and English *of* will support the notion “prototype” cross-linguistically — and in particular, the following proposals:

1. that it is α' (not α itself) that FA assigns as a sister to β after α merges with β ;
2. that a root *R* is assigned to syntactic category α by the merger of α' with *R*; and
3. that prototypes are not necessarily realized as word-level morphology, but are realized at the lowest structural level that the language and construction permit — which is sometimes phrase-level» (Pesetsky 2013: 102).

⁵⁰ Цахурский язык относится к лезгинской группе нахско-дагестанских языков. Последующее изложение основывается на грамматическом описании (Кибрик (ред.) 1999), а также на полевых материалах автора, собранных в организованных и возглавлявшихся А. Е. Кибриком лингвистических экспедициях ОТИПЛА МГУ в с. Мишлеш Рутульского р-на Респ. Дагестан (1995 и 1996 гг.). Раздел 2.4.2. представляет собой расширенный вариант англоязычной статьи (Lyutikova 2015).

образующих две группы: реляционные падежи — номинатив⁵¹, эргатив, датив, аффектив, комитатив, посессив — и пространственные падежи. Система пространственных падежей типична для Дагестана и представляет собой сочетания локализаций и двигательных падежей — эссива, латива, аллатива. К именным грамматическим категориям относятся также категории числа (граммемы единственного и множественного числа) и именного класса. В цахурском языке выделяется 4 класса; членство именной основы в классе является частично интерпретируемым: имена 1-го класса обозначают мужчин, 2-го класса — женщин, неличные одушевленные существительные и неодушевленные существительные идиосинкратично распределены по 3-му и 4-му классам.

За исключением незначительного числа морфонологических процессов, падежные морфемы в цахурском языке присоединяются агглютинативно (см. таблицу 2.1). Форма номинатива единственного числа является немаркированной формой существительного; во множественном числе показатель номинатива нулевой после показателя множественного числа *-bi* и имеет экспонент *-r* у основ множественного числа на долгий гласный. Прочие падежные аффиксы присоединяются к косвенной основе единственного и множественного числа соответственно.

Таблица 2.1
Частичная парадигма существительных *jaIq* ‘дорога’ и *jed_j* ‘мать’

	<i>jaIq</i> ‘дорога’		<i>jed_j</i> ‘мать’	
	SG	PL	SG	PL
NOM	<i>jaIq</i> √	<i>jaIq-bi</i> √-PL	<i>jed_j</i> √	<i>jed-ā-r</i> √-PL-NOM
ERG	<i>jaIq-i-n</i> √-OBL-ERG	<i>jaIq-b-iš-e</i> √-PL-OBL-ERG	<i>jed-ē</i> √-OBL-ERG	<i>jed-ā-š-e</i> √-PL-OBL-ERG
DAT	<i>jaIq-i-s</i> √-OBL-DAT	<i>jaIq-b-iši-s</i> √-PL-OBL-DAT	<i>jed-i-s</i> √-OBL-DAT	<i>jed-ā-ši-s</i> √-PL-OBL-DAT
COMIT	<i>jaIq-i-k_a</i> √-OBL-COMIT	<i>jaIq-b-iši-k_a</i> √-PL-OBL-COMIT	<i>jed-i-k_a</i> √-OBL-COMIT	<i>jed-ā-ši-k_a</i> √-PL-OBL-COMIT

⁵¹ Далее в этом разделе я следую терминологии, принятой в (Кибрик (ред.) 1999) и других работах А. Е. Кибрика и его школы, посвященных эргативным языкам Дагестана, согласно которой термин «абсолютив» используется для обозначения семантической гиперроли, объединяющей пациенс переходного глагола и единственный аргумент одноместного глагола, а морфологический падеж, реализующий эту гиперроль в эргативных языках, называется номинативом.

Реляционные падежи используются в первую очередь для оформления аргументов глаголов и предикативов. Так, эргатив является падежом агенса переходного глагола; аффектив маркирует переходный экспериенцер (например, при глаголах ‘любить’, ‘видеть’, ‘знать’); датив кодирует адресат при глаголах речи и цель при битранзитивных предикатах, а также бенефактив; посессив является падежом посессора в предикативной конструкции обладания; комитатив используется при симметричных предикатах, а также в функции инструмента. Номинатив является дефолтным падежом: он оформляет единственный аргумент одноместного глагола и внутренний аргумент переходных глаголов разных типов. Датив и комитатив также могут управляться некоторыми послелогом. Пространственные падежи используются для обозначения локализации, источника и цели движения.

В отличие от многих других дагестанских языков, в цахурском языке отсутствует генитив. Все приименные ИГ имеют особый морфологический показатель, который в (Кибрик (ред.) 1999) называется атрибутивом. Атрибутивная конструкция выражает множество семантических отношений между именной вершиной и зависимой именной группой, которые в межъязыковом аспекте ассоциируются с генитивной конструкцией. Несколько примеров различных значений атрибутива приводится в (2.89).

- (2.89) a. bajram-i-n Gel₁
 Байрам-ОВЛ-А нога
 ‘нога Байрама’
- b. bajram-i-n Xaw
 Байрам-ОВЛ-А дом
 ‘дом Байрама’
- c. jazič-i-n kitab
 писатель-ОВЛ-А книга
 ‘книга писателя’
- d. daraR-i-n gurt
 шелк-ОВЛ-А платье
 ‘шелковое платье’
- e. XoI-ji-n kil₁o
 мука-ОВЛ-А килограмм
 ‘килограмм муки’
- f. kul₁fat-i-n paltar
 ребенок-ОВЛ-А одежда
 ‘детская одежда’

Как видно из примеров (2.89), атрибутивный суффикс, как и падежные суффиксы, присоединяется к косвенной основе существительного. Однако, согласно (Кибрик (ред.) 1999), атрибутив не является ни генитивом, ни вообще падежом. Причина этого решения в том, что показатель атрибутива обнаруживается на любом зависимом ИГ, будь то прилагательное, указательное местоимение, падежная форма имени, послеложная группа или относительная клауза. Так, например, в (2.90а) лексема *jug* ‘хороший, хорошо’ используется как адъективная и, соответственно, получает атрибутивный показатель (ср. с формой *jug-da* ‘хорошо’ в адвербиальных употреблениях). В (2.90б) демонстрируется указательное местоимение, которое обязано иметь атрибутивную морфологию. В примерах (2.90с–d) показаны приименные косвеннопадежная ИГ и послеложная группа соответственно. Наконец, (2.90е) содержит относительную клаузу, которая образуется путем атрибутивизации одной из трех видо-временных основ (перфективной, имперфективной, потенциальной) и образования соответствующего причастия, в данном случае — имперфективного.

- (2.90) a. *jug-un* *Хав*
 хороший-А дом
 ‘хороший дом’
- b. *ma-n* *gurt*
 этот-А платье
 ‘это платье’
- c. *t'et'-b-iši-k,a-n* *gurt*
 цветок-PL-OBL-СОМТ-А платье
 ‘платье в цветочек’ (букв. ‘платье с цветами’)
- d. *č'ij-e-l_j* *uRa-n* *sama_jot*
 земля-OBL-SUP над-А самолет
 ‘самолет над землей’
- e. *aq_o-ē-nče* *nur* *gjä-n* *šejix-ā-g*
 лицо-IN-EL свет исходить-IPF-А святой-PL-NOM
 ‘святые, от лиц которых исходит сияние’

Наиболее очевидный возможный анализ атрибутива состоит в том, что это функциональная вершина, посредством которой произвольная ХР становится модификатором именной группы. В частности, такую систему предлагает Э. Рубин (Rubin 2002, 2003): согласно его гипотезе, все модификаторы в именной группе структурно идентичны и представляют из себя группу модификатора, ModP, в которую могут быть вложены

составляющие различных синтаксических категорий (2.91a). В некоторых языках функциональная вершина Mod имеет морфологические экспоненты, такие как частица *de* в китайском языке (2.91b) или полная форма прилагательного в русском языке (2.91c).

(2.91) a. [_{ModP} Mod [_{XP} ...]]

b. na yiben zai zhuozi-shang de shu
этот один на стол-верх MOD книга
'эта книга на столе'

c. очень высок-ое дерево
[_{ModP} [_{AdjP} ADV ADJ]-MOD.AGR] N

Более того, сходство цахурских данных с языковым материалом Э. Рубина поддерживается также тем фактом, что цахурский атрибутивный показатель демонстрирует согласование с вершиной по классу и числу, в соответствии с таблицей 2.2. В приводившихся выше примерах именная вершина во множественном числе или принадлежит к 4-му классу, поэтому атрибутивный показатель неизменно имел форму *-(i)n*. Однако с существительными 1–3-го классов в единственном числе атрибутив выступает в форме *-na* (в глоссах используется символ AA, «одушевленный» атрибутив). В (2.92) приводятся примеры на согласование атрибутивного показателя.

Таблица 2.2
Согласование атрибутивного показателя

	SG	PL
Класс 1	-na	-(i)n
Класс 2	-na	-(i)n
Класс 3	-na	-(i)n
Класс 4	-(i)n	-(i)n

(2.92) a. XoI-ji-n ki_lo
мука-OBL-A килограмм.4
'килограмм муки'

b. XoI-j-na mašuk
мука-OBL-AA мешок.3
'мешок муки'

Менее естественным оказывается еще одно свойство атрибутивного показателя: он отличает номинативную форму именной вершины от всех

прочих форм. Если именная вершина имеет отличный от номинатива падеж, то используется так называемая косвенная форма атрибутивного показателя, суффикс *-ni*, который далее обозначается как АОВЛ, «косвенный» атрибутив. Примеры падежных форм существительного и модификаторов с косвенным атрибутивным показателем приводятся в (2.93b), (2.94b). Атрибутивная форма именной вершины также вызывает появление косвенной формы атрибутивного показателя на зависимых (2.93c), (2.94c).

- (2.93) a. *XoI-j-na* *mašuk*
 мука-ОВЛ-АА мешок.3
 ‘мешок муки’
- b. *XoI-j-ni* *mašuk-a-k,a*
 мука-ОВЛ-АОВЛ мешок.3-ОВЛ-СОМГ
 ‘с мешком муки’
- c. *XoI-j-ni* *mašuk-a-na* *q’imat*
 мука-ОВЛ-АОВЛ мешок.3-ОВЛ-АА цена.3
 ‘цена мешка муки’
- (2.94) a. *Xe-b-na* *mašuk*
 большой-3-АА мешок.3
 ‘большой мешок’
- b. *Xe-b-ni* *mašuk-a-k,a*
 большой-3-АОВЛ мешок.3-ОВЛ-СОМГ
 ‘с большим мешком’
- c. *Xe-b-ni* *mašuk-a-na* *q’imat*
 большой-3-АОВЛ мешок.3-ОВЛ-АА цена.3
 ‘цена большого мешка’

Как можно проанализировать эти данные? Предположим, что «прямой» атрибутивный суффикс действительно является экспонентом синтаксической вершины, опосредующей вложение произвольной ХР в именную проекцию. «Косвенный» атрибутивный показатель в таком случае не только сигнализирует о вложении ХР, но и сообщает о синтаксической позиции ИГ, в которую вложена ХР. Например, в (2.93c) *-ni* озвучивает двойное вложение: вложение именной группы *XoI* ‘мука’ в именную группу *XoIjna mašuk* ‘мешок муки’ и вложение именной группы *XoIjna mašuk* ‘мешок муки’ в объемлющую именную группу *XoIjni mašukana q’imat* ‘цена мешка муки’. Такого рода рассуждения не могут быть естественно и очевидно имплементированы в модели ModP Э. Рубина, но они

ском языке отсутствуют эмпирические данные, которые бы указывали на то, что цахурские имена «рождаются атрибутивными» и тем самым реализуют принцип «ты есть то, что ты приписываешь»⁵². Действительно, в русском языке «изначальный» генитив существительного проявляется, согласно анализу Песецкого, в количественной конструкции (см. 2.4.1), а также, возможно, в притяжательных прилагательных (*[тет-и Маи-ин]-ы дети*) и композитах (*[шест-и-недель-н]-ый курс*) (Pesetsky 2013: 111–114). В цахурском же языке именные вершины (например, в составе сложных предикатов, таких как *aqlana haʔas* <смех.4 4.делать> ‘смешить’, *fikir hāʔas* <мысль.3 3.делать> ‘думать’) демонстрируют немаркированную форму номинатива (ср. с атрибутивными формами *aqlana-n* <смех-А>, *fikir-in* <мысль-А>). Следовательно, если цахурские существительные и «рождаются атрибутивными», то, вероятно, в том же смысле, в каком русский переходный глагол «рождается аккузативным» или предлог к «рождается дативным» — ни тот, ни другой не несут на себе видимой морфологии, соотносимой с данными категориями. Таким образом, если цахурское существительное охарактеризовано в лексиконе как N, оно имеет супплетивную форму «изначального» атрибутива (2.96а).

Следующий шаг — это вложение NP в группу определителя путем соединения с вершиной D (2.96b). В текущем изложении нет возможности обсуждать вопрос о том, существует ли независимая синтаксическая мотивация для отнесения цахурского языка к DP-языкам. Тем не менее развиваемый здесь анализ цахурской падежной системы в теории накладки падежей, по-видимому, нуждается в постулировании проекции DP. Один из аргументов в пользу такого решения опирается на модель озвучивания, которую мы предложим несколько позже. Второй аргумент, к которому мы сейчас переходим, — морфологический. Обратимся еще раз к таблице 2.1, в которой представлена именная парадигма. Заметим, что номинатив может быть как немаркированным, так и маркированным (ср. *jed-ā-r* ‘матери’), и в этом случае показатель номинатива дополнительно распределен с показателем косвенной основы. Предположим, что немаркированная форма номинатива содержит нулевой аффикс; в таком случае все падежные формы имени содержат либо показатель номинатива, либо показатель

⁵² В частности, Песецкий пишет: «...every element that comes from the lexicon as a noun, determiner, verb, or preposition could equally well be described as coming from the lexicon assigned to the corresponding case categories. In other words, from the point of view of the syntax, every noun can be described as “born genitive”, every verb as “born accusative”, every determiner as “born nominative”, and every preposition as “born oblique”» (Pesetsky 2013: 8).

косвенной основы. Гипотеза состоит в том, что этот показатель — экспонент категории D, который приписывается группе лексического существительного, когда она соединяется с D. Соответственно, строение именной парадигмы может быть реинтерпретировано как в таблице 2.3.

Таблица 2.3
Реинтерпретация именной парадигмы

	jalq ‘дорога’		jed _j ‘мать’	
	SG	PL	SG	PL
ROOT	jalq √.N	jalqbi √.PL.N	jed _j √.N	jedā √.PL.N
NOM	jalq-∅ √.N-D	jalqbi-∅ √.PL.N-D	jed _j -∅ √.N-D	jedā-r √.PL.N-D
ERG	jalq-i-n √.N-D-V _{TR}	jalqb-iš-e √.PL.N-D-V _{TR}	jed-ē (< -i-e) √.N-D-V _{TR}	jed-ā-š-e √.PL.N-D-V _{TR}
DAT	jalq-i-s √.N-D-P _{DAT}	jalqb-iši-s √.PL.N-D-P _{DAT}	jed-i-s √.N-D-P _{DAT}	jed-ā-ši-s √.PL.N-D-P _{DAT}
COMIT	jalq-i-k _a √.N-D-P _{COMIT}	jalqb-iši-k _a √.PL.N-D-P _{COMIT}	jed-i-k _a √.N-D-P _{COMIT}	jed-ā-ši-k _a √.PL.N-D-P _{COMIT}

В (2.96c) DP *XoI* ‘мука’ соединяется с существительным *mašuk* ‘мешок’. Поскольку именная вершина принадлежит категории N, она приписывает атрибутив данной DP, так что после применения правила приписывания признака на существительном *XoI* ‘мука’ располагается последовательность аффиксов -D-N. (2.96d) повторяет шаг (2.96b); на сей раз в оболочку DP вкладывается верхняя именная группа. Наконец, DP ‘мешок муки’ соединяется с нулевым послелогом, приписывающим комитатив. Послелог маркирует DP как P_{COMIT}, и морфологические экспоненты этого признака оказываются на обоих существительных *XoI* ‘мука’ и *mašuk* ‘мешок’.

Теперь перейдем к правилам реализации признаков. Начнем с (2.96d), в котором представлена «номинативная» (= независимая) форма DP ‘мешок муки’. Понятно, что в цахурском языке Правило одного суффикса, аналогичное русскому (2.77), не действует. Если бы это было не так, то (2.96d) звучивалось бы как две немаркированных именных основы с нулевыми показателями номинатива, как в (2.97):

- (2.97) *мука.N-D-N -D мешок.N -D
 √.N -NOM/OBL √.N -NOM/OBL
 XoI -∅ mašuk -∅
 ‘мешок муки’

Следовательно, мы можем заключить, что весь кортеж категориальных признаков на именной основе учитывается при вычислении морфологического представления данного существительного. В (2.96d) соответствие между набором признаков и набором аффиксов тривиально: N озвучивается как атрибутивный суффикс, конечное D — как (нулевой) номинативный суффикс, а промежуточное D — как показатель косвенной основы. В результате возникает репрезентация (2.98):

(2.98)	мука.N	-D	-N	-D	мешок.N	-D
	√.N	-NOM/OBL	-AA	-NOM/OBL	√.N	-NOM/OBL
	XoI	-j	-na	-Ø	mašuk	-Ø
	‘мешок муки’					

Обратимся теперь к (2.96e). Мы с легкостью можем построить правильную форму существительного *mašuk* ‘мешок’, пользуясь теми же правилами отображения, что в (2.98): РСомит озвучивается как комитативный падежный показатель, а промежуточное D — как показатель косвенной основы. Озвучивание существительного *XoI* ‘мука’ устроено сложнее. Последовательность из четырех категориальных ярлыков D-N-D-РСомит должна быть отображена в два морфологических показателя: суффикс косвенной основы и суффикс косвенного атрибутива.

Предположим, что процесс озвучивания начинается с основы и происходит слева направо. Первый промежуточный ярлык D озвучивается как показатель косвенной основы. Далее, любой кортеж категориальных ярлыков, начинающийся с N и содержащий хотя бы один ярлык, отличный от D (т. е. V, P или N), озвучивается как косвенный атрибутивный показатель (2.99)⁵³.

(2.99)	мука.N	-D	-N-D-РСомит	мешок.N	-D	-РСомит
	√.N	-NOM/OBL	-AOBL	√.N	-NOM/OBL	-COMIT
	XoI	-j	-ni	mašuk	-a	-k _a
	‘с мешком муки’					

⁵³ Эта предварительная модель озвучивания в цахурском языке, безусловно, нуждается в дальнейшей доработке в рамках какой-либо из теорий озвучивания, будь то Распределенная морфология или наносинтаксис. Следует отметить, что даже в языках с последовательным накладыванием падежей, таких как каядилт, некоторые комбинации морфем запрещены. В таком случае одна из морфем удаляется или запрещенная последовательность заменяется морфемой *portmanteau* (Evans 1995: 129ff). В рамках данной работы, однако, в фокусе внимания находятся синтаксические механизмы падежного маркирования, поэтому формулировка правил озвучивания может быть не вполне четко артикулированной.

Теория, порождающая деривацию в (2.96) и матрицы отображения в (2.98)–(2.99), пока неполна. Во-первых, в ней отсутствует механизм, предопределяющий согласование атрибутивного показателя по классу и числу с именной вершиной (см. таблицу 2.2). Во-вторых, она не в состоянии определить, ограничено ли каким-либо образом накладывание категориальных ярлыков или же кортеж категориальных признаков монотонно растет по ходу потенциально бесконечной рекурсивной процедуры синтаксической деривации. К этим вопросам мы вернемся несколько позже, а пока обратимся к реляционным падежам, которые соотнесены с различными классами глаголов в (2.96).

Будучи морфологически эргативным языком⁵⁴, цахурский язык маркирует эргативом внешний аргумент переходного глагола (2.100a). Особые типы переходной конструкции — аффективная и посессивная — возникают при экспериенциальных глаголах (2.100b) и бытийном глаголе (2.100c).

- (2.100) a. aIĭ-ē jaIq aljaʔ-a.
 Али.1.OBL-ERG дорога.4 4.строить-IPF
 ‘Али строит дорогу.’
- b. bajram-i-k’le jiš-da miz w-ac’a.
 Байрам.1-OBL-AFF мы.OBL-AA язык.3 3-знать.IPF
 ‘Байрам знает наш язык.’
- c. bajram-i-qa-d jug-un Хав wo-d.
 Байрам.1-POSS-4 хороший-а дом.4 быть-4
 ‘У Байрама хороший дом.’

Для нашего анализа существенно, что приписывание реляционных падежей в цахурском языке абсолютно независимо от присутствия (финитного) Т: любая глагольная форма, будь то инфинитив, причастие, конверб или номинализация (масдар), лицензирует все аргументы и все падежи, доступные в финитной клаузе. Таким образом, цахурский язык не относится ни к ABS=DEF-языкам, ни к ABS=NOM-языкам в типологии Дж. Легат

⁵⁴ А. Е. Кибрик (Кибрик (ред.) 1999, 2003; Kibrik 1997) характеризует цахурский язык как семантически эргативный, в том понимании, что морфосинтаксические средства данного языка кодируют концепты ролевого измерения — семантические роли и гиперроли; отдельно от ролевого измерения в цахурском языке грамматализовано также коммуникативное измерение. Речь о синтаксической эргативности для цахурского языка, по-видимому, не идет.

допущений: (i) что эти падежи возникают только в проекции глагола и (ii) что проекция глагола (или вышестоящая проекция клаузы) представляет собой барьер для приписывания признаков, так что при соединении клаузы с существительным атрибутивная морфология не будет приписана именным группам — составляющим клаузы.

Последний вопрос, касающийся ассоциации падежей с частеречными ярлыками, касается послелогов и «послеложных» падежей. Обнаруживается, что цахурские послелогии делятся на два класса. Первый класс, который мы вкратце обсуждали выше, включает послелогии, управляющие дативом, комитативом или пространственными падежами. Второй класс составляют послелогии, управляющие DP в атрибутивной форме. Важная особенность этого управления состоит в том, что всегда используется форма косвенного атрибутива. Выбор формы атрибутивного показателя, однако, не удивителен, если учесть, что такие послелогии морфологически производны и представляют собой обычно косвенный падеж независимо засвидетельствованного реляционного имени с локативной семантикой (*перед, зад, верх* и т. п.). Соответственно, мы ожидаем, что послеложные группы такого типа будут структурно идентичны косвенным формам «генитивных конструкций» типа (2.93b), что подтверждается языковыми данными. Так, послеложная группа ‘за деревом’ в (2.103a) структурно идентична косвенно-падежной именной группе ‘на спине Байрама’ (2.103b), где существительное *jilq* ‘спина’ используется в своем прямом, лексическом значении. Более того, конструкция в (2.103b) неоднозначна между двумя интерпретациями, поскольку зависимая DP ‘Байрам’ совместима и с лексическим, и с функциональным значением существительного *jilq* ‘спина, задняя часть’.

- (2.103) a. *jɪw-ni* *jɪlq'-a-l_i*
 дерево-AOBL зад-OBL-SUP
 ‘за деревом’
- b. *bajram-ni* *jɪlq'-a-l_i*
 Байрам-AOBL спина-OBL-SUP
 ‘на спине Байрама’ / ‘за Байрамом’

Подводя промежуточные итоги, можно заключить, что имеются существенные свидетельства в пользу того, что цахурская падежная морфология отражает иерархию вложений ИГ посредством копирования категориальных ярлыков подчиняющих вершин. Далее мы более подробно остановимся на процессе копирования признаков и обсудим роль прото-типа в этом процессе.

Напомним, что в системе, разработанной Д. Песецким для русского языка, приписывание признаков от вершины к зависимому опосредуется прототипом — категориальным «шаблоном» вершины, обладающим означенным категориальным признаком и всеми свойственными данной категории признаками в их неозначенном варианте. Представляется, однако, что предположение Песецкого слишком сильное и что категориальный признак не обязательно является единственным означенным признаком прототипа. Действительно, в русском языке из всех формальных признаков, определенных на DP, только признак падежа (т. е., в нашей системе, категориальный признак доминирующей вершины) определяется вне данной DP. Однако это не единственный возможный тип языка. Начнем с того, что следует разграничивать два варианта одного и того же признака: интерпретируемый (и, согласно (Chomsky 2000), означенный на данной вершине до вступления в деривацию) и неинтерпретируемый (и означиваемый в процессе согласования)⁵⁸. Обычно эти ипостаси признака распределены между синтаксическими категориями. Так, признаки лица и числа интерпретируемы на именной группе, но неинтерпретируемы для V или T. Но возможно также, чтобы оба варианта признака были представлены на одной и той же категории. Во многих языках именная вершина в посессивной конструкции согласуется с посессором в лице, числе или именном классе. В примере (2.104) из татарского языка именная вершина *bala* ‘ребенок’ несет на себе показатель 1-го лица множественного числа, отражающий согласование с генитивным посессором. Вне зависимости от того, характеризует ли данная морфология N или D, этот факт показывает, что α может согласовываться с β по признаку F, который уже имеется у α в своем означенном варианте. Разумеется, означивание неинтерпретируемого варианта признака F (uF) на α в результате согласования не оказывает влияния на значение интерпретируемого варианта признака F (iF) на той же составляющей α . (2.104) ясно показывает, что, несмотря на наличие аффикса 1PL у вершинного имени *bala* ‘ребенок’, сама DP *bezney balabiz* ‘наш ребенок’ имеет признаки 3SG⁵⁹.

⁵⁸ Следует отметить, что эту идею мы находим уже в ранних работах А. Е. Кибрика, см. (Кибрик 1977б) и переработанную версию той же статьи в (Кибрик 1992). Подробный анализ подхода А. Е. Кибрика представлен в (Лютикова, Татевосов 2014).

⁵⁹ Интересно, однако, что существуют случаи предикативного согласования с посессором, опосредованные согласованием с посессором внутри именной группы. В (Ландер 2015) приводится следующий пример из тантынского даргинского:

- (2.104) bez-neŋ bala-biz kil-de-Ø / *kil-de-k.
 мы-GEN ребенок-1PL приходить-PST-3SG / *приходить-PST-1PL
 ‘Наш ребенок пришел.’

Если это рассуждение верно, то ничто не препятствует тому, чтобы у прототипа был означен не только категориальный признак, но и другой (другие) признак(и). Так, если прототип α' содержит признак F со значением ϕ , то этот признак может быть реализован на β как неинтерпре-

-
- (i) a. hit-a-la č'a'rt-se r-ag te-r.
 тот-OBL-GEN тонкий-ATR F-талия быть-F
 ‘У нее тонкая талия.’
- b. hit-a-la č'a'rt-se w-ag te-w.
 тот-OBL-GEN тонкий-ATR M-талия быть-M
 ‘У него тонкая талия.’
- c. zimizal-la č'a'rt-se b-ag te-b.
 муравей-GEN тонкий-ATR N-талия быть-N
 ‘У муравья тонкая талия.’

В (i) существительное *-ag* ‘талия’, имеющее позицию для согласования по классу и числу, согласуется с генитивным посессором и, по-видимому, приобретает его ϕ -признаки. Предикативное согласование опирается на признаки именной группы — контролера согласования, которые в данном случае представляют собой согласовательный вариант признаков (Ландер 2011; Сумбатова, Ландер 2014). Согласование с посессором засвидетельствовано и в некоторых других языках, например в паумари (Aikhenvald 2010) и жаравара (Dixon 2000). По-видимому, этот феномен не однороден с эмпирической точки зрения. Так, в тантынском даргинском существительные, образующие такую конструкцию, представляют собой закрытый семантический класс (некоторые наименования частей тела и слово ‘половина’) и закрытый грамматический класс (они имеют позицию для префиксального классно-числового показателя и тем самым всегда употребляются только с выраженным или имплицитным посессором). Поэтому можно считать, что в тантынском даргинском эти существительные не имеют означенной категории класса и должны означить ее в процессе деривации — путем согласования (ср. сходный анализ для русских существительных «общего рода» типа *сирота*, *неряха* в (Лютикова 2015)). В паумари ситуация более сложная: во-первых, феномен предикативного согласования с посессором распространяется на все конструкции неотчуждаемой принадлежности, а во-вторых, именная вершина имеет собственный признак согласовательного класса, который проявляется при отсутствии посессора и в случае, если данное существительное выступает посессором.

Выражаю признательность Ю. А. Ландеру и М. А. Даниэлю за обсуждение данного вопроса и языковые данные.

тируемый признак *uF*. Представляется, что именно это происходит в багвалинском языке (андийский/нахско-дагестанский), где суффикс генитива у существительных мужского класса представляет собой согласовательный классно-числовой показатель (Кибрик (ред.) 2001)⁶⁰.

- (2.105) a. *ima-ṣu-b* *X_oan*
 отец-OBL-GEN.N лошадь.N
 ‘лошадь отца’
- b. *ima-ṣu-r* *X_oan-i*
 отец-OBL-GEN.N.PL лошадь.N-PL
 ‘лошади отца’
- c. *ima-ṣu-j* *jaṣ*
 отец-OBL-GEN.F сестра.F
 ‘сестра отца’

Возвращаясь к цахурскому материалу, можно представить согласуемый атрибутивный показатель как реализацию на составляющей прототипа, содержащего означенный категориальный признак, а также признаки класса и числа. Данные признаки, как и категориальный (падежный) признак, на составляющей будут выступать в своем неинтерпретируемом варианте.

С учетом этих рассуждений обратимся теперь к реализации прототипа *N'* в цахурском языке. Опираясь на существенный параллелизм в дистрибуции русского генитива и французского предлога *de*, Песецкий высказывает предположение, что реализация прототипа в разных языках может происходить по-разному (Pesetsky 2013: 99ff). Реализация «русского типа» использует словоизменительную морфологию, которая характеризует все именные компоненты DP. При реализации «французского типа» экспонентом прототипа оказывается синтаксическая вершина, примыкающая к зависимой составляющей. По-видимому, цахурский язык занимает в этом отношении промежуточное положение между двумя крайними точками шкалы. С одной стороны, падежные и атрибутивные показатели располагаются на именных вершинах и представляют собой словоизменительные морфемы; более того, максимальные проекции первого уровня вложения внутри DP несут на себе экспоненты прототипа, с которым соединилась данная DP. Так, в (2.106b) прототип *Рдат'* (опосредующий соединение DP из (2.106a) и фонологически пустого послелога *Рдат*) реализуется как на вершинном существительном *gade* ‘мальчик’ (как аффикс дательного

⁶⁰ В принципе, сходный анализ допускают и русские притяжательные прилагательные типа *Машин, тетин*.

уровне слова. Если учесть, что и сам прототип N* является существительным, возникает простое обобщение о словоизменительной реализации прототипа в цахурском языке: только вершины с категориальным признаком N могут реализовывать прототип на уровне слова. Во-вторых, только именные составляющие (NP и DP) прозрачны для просачивания прототипа. Можно предположить, что указанные свойства взаимосвязаны; это предположение, однако, нуждается в типологической проверке и теоретическом обосновании.

Еще один вопрос, связанный со структурой прототипа, касается интерпретируемости его признаков. Как уже указывалось выше, если прототип α' содержит признак F со значением ϕ , то этот признак может быть реализован на β как неинтерпретируемый вариант признака F со значением ϕ ($uF: \phi$). Попробуем понять, каков статус признака F у прототипа. Если представлять себе реализацию прототипа как *согласование* β с прототипом по признаку F и дальнейшую реализацию полученного значения морфологическими средствами, то признак F прототипа может быть в принципе как интерпретируемым, так и неинтерпретируемым. Но если экспоненты фразового уровня, прилегающие к β , и есть *реализация самого прототипа*, то признак F прототипа может быть только неинтерпретируемым.

Соединение некоторой DP с существительным мужского класса множественного числа не превращает экстенционал данной DP в группу мужчин. Аналогичным образом, соединяя DP и послелог, мы не *превращаем* данную DP в послелог. Связанная с послелогом морфология, оформляющая DP, сообщает, что DP *находится в проекции* послелога. Это чисто синтаксическая, конфигурационная информация, которая не оказывает влияния на интерпретацию DP. Следовательно, категориальный признак прототипа в общем случае неинтерпретируем.

Бывают ли случаи, когда категориальный признак прототипа интерпретируем? По-видимому, это случаи конверсии, или изменения синтаксической категории. Соединяя составляющую категории X или категориально-нейтральный корень с прототипом, содержащим интерпретируемый категориальный признак, мы присвоим составляющей синтаксическую категорию прототипа.

В цахурском языке имеется продуктивный механизм субстантивации, который можно представлять себе как соединение составляющей любой категории с прототипом N*, содержащим интерпретируемый категориальный признак (и признак именного класса). В (2.108) приводятся примеры субстантивированных составляющих различных исходных категорий. В (2.108a) показано указательное местоимение *та* 'этот', которое при субстантивации используется как анафорическое местоимение. (2.108b) представляет собой пример безвершинного относительного предложения.

Некоторые субстантивированные группы получают идиоматическое значение — так, лексема со значением ‘обувь’ буквально означает ‘то, что на ноге’ и является субстантивированной послеложной группой.

(2.108) a. *ma-n-Gi-s*

ЭТОТ-A-OBL.2-DAT

‘ей’

b. [*mič'ālɪr ek'ra suRoc*]-in-Gu-s

утром рано вставать.PF-A-OBL.1-DAT

‘рано утром вставшему’

c. *Gel-i-l-in*

нога-OBL-SUP-A

‘обувь’

Морфологическая структура субстантивированных составляющих свидетельствует о том, что грамматическим средством субстантивации выступает атрибутивный показатель. Этот факт хорошо соотносится с нашим предыдущим утверждением, что атрибутивный показатель является реализацией прототипа *N'* (ср. (2.95b)). Однако необходимо различать два варианта прототипа *N'*: «субстантивирующий» прототип *iN'* с интерпретируемым категориальным признаком и «согласовательный» прототип *uN'* с неинтерпретируемым категориальным признаком. Отличие двух прототипов критически важно при озвучивании. Так, лексема *ma* ‘этот’ в (2.109a) и (2.109b) несет на себе один и тот же кортеж категориальных ярлыков (т. е. прототипов), как это показано в (2.110a–b). Единственное отличие между двумя кортежами состоит в том, что у (2.109a) кортеж начинается с «согласовательного» прототипа *uN'* (ср. (2.110a)), а у (2.109b) первым ярлыком кортежа является «субстантивирующий» прототип *iN'* (2.110b).

(2.109) a. *ma-ni zaIʔfa-j-s*

ЭТОТ-AOBL женщина-OBL-DAT

‘этой женщине’

b. *ma-n-Gi-s*

ЭТОТ-A-OBL.2-DAT

‘ей’

(2.110) a.

ЭТОТ	-uN'	-D'	-PDAT'	женщина.N	-D'	-PDAT'
√	-AOBL			√.N	-NOM/OBL	-DAT
<i>ma</i>	<i>-ni</i>			<i>zaIʔfa -j -s</i>		
‘этой женщине’						

b. этот	-iN'	-D'	-PDAT'
√	-AA	-OBL	-DAT
ma	-n	-Gi	-s
‘ей’			

Учитывая эти данные, мы можем теперь переформулировать правила реализации прототипа: кортеж прототипов, начинающийся с прототипа uN' и содержащий как минимум еще один прототип из множества $\{V', P', N'\}$, реализуется кумулятивно как косвенный атрибутивный показатель. В противном случае каждый прототип реализуется по отдельности посредством соответствующих словоизменительных показателей или экспонентов фразового уровня.

Последний вопрос, который мы обсудим в данном разделе, связан с локальными ограничениями на приписывание признаков в цахурском языке. Следует сразу отметить, что предположительно локальные ограничения в значительной степени затемнены специфическими правилами реализации прототипа. Как было показано выше, неименные составляющие допускают лишь реализацию прототипа на фразовом уровне и не допускают его просачивания внутрь. Единственный тип составляющих, допускающих просачивание прототипа через свои границы, — это именные составляющие, NP и DP. Однако модификаторы внутри ИГ содержат прототип uN' , в результате чего не различают принципиально важных случаев. Какие бы последующие прототипы к ним ни просачивались, любой кортеж прототипов, который мог бы на них возникнуть — $-uN'-D'-PDAT'$, $-uN'-D'-N'$, $-uN'-D'-PDAT'-N'$, $-uN'-D'-PDAT'-N'-D'-VTR'$ и т. п., — неизменно реализовывался бы как *portmanteau*-морфема *-ni* (косвенный атрибутивный показатель). В этой связи локальные ограничения на приписывание признака в цахурском языке невозможно выявить эмпирически.

Существенный интерес представляет, однако, необычная «нелокальность» приписывания признаков через границы DP. Предположим, что последовательность приписывания признаков и озвучивания применительно к материалу, входящему в одну фазу, выглядит как предложено в (Pesetsky 2013) и представлено в (2.111):

(2.111) Последовательность операций, релевантных для озвучивания фазы Φ ⁶¹

Шаг 1: Синтаксис создает фазовую составляющую Φ .

⁶¹ «Timing of operations relevant to Spell-Out of a phase Φ :

Step 1: The syntax constructs Φ .

Step 2: Merge (α , Φ).

Step 3: FA applies.

⁶² Легко видеть, что в результате мы приходим к иной формулировке локальности управления из (2.20) или (2.31).

вариант нельзя исключать. Но предположим, что DP в цахурском языке проявляет свойства фазы. В этом случае можно предложить два варианта решения проблемы. Во-первых, мы можем слегка изменить (2.111), так чтобы вершина (и спецификаторы) фазы не была затронута озвучиванием:

- (2.113) Последовательность операций, релевантных для озвучивания фазы Φ ⁶³

Шаг 1: Синтаксис создает фазовую составляющую Φ .

Шаг 2: Фазовая составляющая Φ соединяется с α .

Шаг 3: Происходит приписывание признаков.

Шаг 4: Происходит озвучивание **комплемента** фазы Φ (что делает его недоступным для дальнейших операций приписывания признаков).

(2.113) заблокирует изменения не в самой DP, а в ее комплементе — NP. Для того чтобы «спасти» вершину N от раннего озвучивания, следует предположить ее выдвижение из NP. Очевидной мишенью такого выдвижения будет D, что хорошо соотносится с тем фактом, что признаки N оказывают влияние на форму показателя номинатива и косвенной основы.

Во-вторых, можно предположить, что с отправкой фазовой составляющей на озвучивание непроницаемой становится только ее синтаксическая репрезентация, в то время как собственно озвучивание, т. е. создание фонологической репрезентации, может быть отложено до тех пор, пока не завершится деривация всего предложения⁶⁴. Только после этого задействуются правила реализации прототипов. Если исходить из этого предположения, то косвенный атрибутивный показатель в (2.112b) может рассматриваться как озвучивающий конкатенацию словоизменительной

⁶³ «Timing of operations relevant to Spell-Out of a phase Φ :

Step 1: The syntax constructs Φ .

Step 2: Merge (α , Φ).

Step 3: FA applies.

Step 4: Spell-Out applies to the **complement** of Φ (freezing it for further applications of FA)».

⁶⁴ Подобное решение предлагает Д. Песецкий для озвучивания генитива в латинском (Pesetsky 2013: 102–110). Похожую идею высказывает также Норвин Ричардс (Richards 2007): он предполагает, что озвучивание фазовой составляющей может быть отсрочено до тех пор, пока она не будет отправлена на интерпретацию (LF), так что внешняя для данной фазы морфология окажется примыкающей к ней в фонологической репрезентации, однако не сможет просочиться внутрь фазы.

морфологии (расположенной внутри фазы) и фразовой реализации прототипа (расположенного вне фазы), как это представлено в (2.114).

(2.114)	[_{DP} [_{DP} [_{DP} мука.N	-D	-N]-D'-N'		
	√.N	-OBL	-AOBL		
	XoI	-j	-ni		
	мешок.N	-D	-N]	-D'	цена -D]
	√.N	-OBL	-AA	-NOM	√.N -NOM
	mašuk	-a	-na	-Ø	q'tmat -Ø
	'цена мешка муки'				

Какое из решений считать предпочтительным, очевидно, зависит от наличия эмпирических данных, независимо подтверждающих необходимые для каждого из предложенных вариантов допущения. Поиск такого рода данных может составить одно из направлений дальнейших исследований.

Подводя итог обсуждению цахурской падежной проблематики, можно, как кажется, сделать некоторые предварительные выводы о межъязыковой валидности модели накладывающихся падежей в целом и ее реализации в духе (Pesetsky 2013) в частности.

Идея, лежащая в основе модели — что падежная морфология является реализацией некоторого другого признака, интерпретируемого на категории, отличной от именной группы, — эффективно решает проблему специфики падежа. Следующей задачей становится выбор такого признака. Поскольку межъязыковое варьирование в падежной области, и даже в области грамматических падежей, достаточно велико, гипотеза о признаке времени как интерпретируемом варианте структурного падежа едва ли будет иметь широкое эмпирическое покрытие; более того, состав падежной системы языка, как кажется, не обнаруживает существенных корреляций ни с устройством его временной системы, ни с какими бы то ни было значимыми оппозициями в этой области. Намного более многообещающей является гипотеза о падеже как экспоненте синтаксической категории доминирующей составляющей. Эта гипотеза удачным образом соединяет традиционное понятие категориального управления с теоретической потребностью минималистского подхода в полной интерпретируемости признаков, задействованных в деривации. Материал цахурского языка показывает, что представление о падеже (и смежных категориях, таких как атрибутив и тип основы) как способе реализации категориального признака может быть осмысленно применено к языку принципиально иного строя по сравнению с русским или французским.

Оставаясь в рамках данной гипотезы, мы можем сосредоточиться на универсальных закономерностях и параметрах межъязыкового варьирования в механизмах копирования и реализации категориального признака. Предположение Песецкого состоит в том, что прототип — универсальный способ приписывания признаков от α к β ; что категорию основы в лексиконе определяет соединение категориально-нейтрального корня с категориальным прототипом и что реализация прототипа может осуществляться как словоизменительными, так и синтаксическими средствами, в зависимости от морфологического строя языка. Предпринятое исследование подтвердило релевантность прототипа в процессе приписывания признаков и возможность разных способов его реализации. Однако некоторые предположительно универсальные свойства прототипа не отвечают эмпирическим данным цахурского языка и должны быть переосмыслены как языковые параметры. Во-первых, признаковый состав прототипа, в частности набор означенных признаков, допускает варьирование: вопреки предположению Песецкого, что только категориальный признак прототипа означен (Pesetsky 2013: 97)⁶⁵, согласуемый атрибутив цахурского языка (равно как и согласуемый генитив багвалинского языка) свидетельствует о том, что прототип N' имеет означенные признаки класса и числа. Более того, если такой прототип превращает в существительное категориально-нейтральный корень, то ингерентные признаки этого существительного (класс, род, а в теории Песецкого — и число) должны быть означены на прототипе. Во-вторых, хотя в цахурском языке прототип N', ассоциируемый с атрибутивной морфологией, действительно задействуется в процессе субстантивации, оказывается, что «субстантивирующий» и «согласовательный» прототипы по-разному озвучиваются, а значит, должны отличаться по своим признакам. Естественно предположить, что таким отличием является интерпретируемость категориального признака прототипа: прототип с интерпретируемым категориальным признаком N превращает составляющую в существительное, прототип с неинтерпретируемым признаком N сигнализирует о вхождении составляющей в проекцию существительного.

На этом мы завершаем обсуждение основного направления в развитии генеративной теории падежа — хотя подходы, о которых пойдет речь

⁶⁵ «A feature matrix α' is the *prototype* of a lexical item α whose part of speech is x if and only if

- a. for every feature F of some lexical item in x , $F \in \alpha'$; and
- b. for every feature $F \in \alpha'$, F is valued if and only if F is a part-of-speech feature» (Pesetsky 2013: 97).

в следующих разделах, часто были вызваны к жизни теоретическими проблемами, с которыми сталкивалась генеративная теория, или попытками распространить формальную модель на более широкий языковой материал. Кроме того, следует иметь в виду, что современная генеративная теория недогматична в том смысле, что с легкостью имплементирует удачные аналитические решения, полученные в рамках других формальных теорий. Как кажется, именно это происходит сейчас с моделью морфологического падежа Алека Марантца, которая была предложена в свое время как альтернатива генеративной теории падежа и которая обсуждается в настоящее время как аналитический вариант внутри генеративной модели грамматики.

В следующей главе мы обратимся к проблеме соотношения синтаксического и морфологического падежа, которая наиболее остро встает применительно к двум эмпирическим областям: неканоническим подлежащим аккузативных языков и морфологической эргативности.

3. Морфологический падеж

Генеративная Теория падежа, возникшая как модуль Теории управления и связывания, всегда занималась абстрактным (синтаксическим) падежом — универсальным формальным признаком, которым обладает именная группа в любом языке, независимо от его морфологического строя. Предполагалось, что в языках с развитыми падежными системами абстрактный падеж выражается морфологически: абстрактный номинатив соответствует морфологическому номинативу, абстрактный аккузатив — морфологическому аккузативу и т. д.

Довольно скоро стало понятно, что эта модель идеализирует соотношение между абстрактным падежом как лицензором именной группы и морфологическим падежом как грамматической словоизменительной категорией. Во-первых, языки с богатыми падежными системами допускают именные группы в косвенных падежах в таких контекстах, где в английском языке именные группы не лицензируются, т. е. абстрактный падеж отсутствует. Например, в (3.1a) именная группа *his son* ‘его сын’ неграмматична в позиции дополнения прилагательного, но может быть подчинена прилагательному опосредованно, через предлог *of*. Теория падежа объясняет этот факт как неспособность категории А (и способность категории Р) приписывать абстрактный падеж. Однако в (3.1b) именная группа *своим сыном* возможна в аналогичном контексте. Если Падежный фильтр является всеобъемлющим и в межъязыковом, и во внутриязыковом аспекте, это означает, что именная группа *своим сыном* обладает абстрактным падежом. Следовательно, правила и конфигурации приписывания абстрактного падежа неуниверсальны и зависят от весьма поверхностной характеристики языка — устройства ее падежной системы.

(3.1) a. proud *(of) his son
 ‘гордый своим сыном’

b. гордый своим сыном

Во-вторых, оказывается, что именные группы конкретного языка, лицензируемые одной и той же вершиной и по идее имеющие один и тот же абстрактный падеж, могут реализовывать его морфологически по-разному. Так, например, ИГ-подлежащее в исландском языке лицензируется финитной вершиной Т, однако эта именная группа может быть оформлена не только номинативом, но и дативом, генитивом, аккузативом (см. подробнее раздел 3.1). Если лицензирование ИГ-подлежащего в исландском языке связано с абстрактным падежом, то одному абстрактному падежу соответствует несколько морфологических.

В-третьих, очевидно, что языки существенно отличаются в организации морфосинтаксического кодирования ядерных аргументов: наряду с номинативно-аккузативной схемой, имеется эргативно-абсолютивная (а также ряд менее популярных, но тем не менее засвидетельствованных схем). Если морфологический падеж является экспонентом одноименного абстрактного падежа, то следует признать, что ядерный синтаксис эргативных и аккузативных языков устроен принципиально по-разному, так что между абстрактным номинативом аккузативного языка и абстрактным номинативом эргативного языка нет ничего общего.

Соображения такого рода задали целую программу исследований соотношения морфологического падежа и лицензирования именных групп. Именно на этой проблематике мы сосредоточимся в данной главе. Сперва мы обсудим два наиболее ярких языковых феномена — так называемые странные подлежащие (*quirky subjects*⁶⁶) и эргативность, — которые связаны с рассогласованием между абстрактным и морфологическим падежом. Затем мы перейдем к конфигурационной теории падежа Марантца, которая отказывается от абстрактного падежа и предлагает исключительно морфологическую трактовку этой категории. Далее мы обсудим попытки синтеза конфигурационного подхода к падежу и представления о падеже

⁶⁶ Доместикация терминов *quirky case* и *quirky subject* вызывает некоторые затруднения. Переводными эквивалентами *quirky* обычно выступают прилагательные со значением ‘странный’, ‘особенный’ (ср. нем. *sonderbarer Kasus*) или используется английский термин (нем. *Quirky-Kasus*, франц. *le sujet quirky*). В русской традиции единственным известным мне вариантом перевода является *прихотливый падеж*, использованный И. М. Кобозевой в переводе статьи Л. Бэбби (Бэбби 1994). Более широкий термин *неноминативное (неканоническое) подлежащее* является гиперонимом по отношению к феномену, обозначаемому как *quirky subject*. В дальнейшем изложении я буду пользоваться терминами *quirky-падеж* и *quirky-подлежащее*. Выражаю признательность за обсуждение этого вопроса и полезные ссылки Д. Песецкому, Я. Г. Тестельцу и К. Л. Киселёвой.

как синтаксическом (а не только морфологическом) феномене. Наконец, в конце главы речь пойдет о русском приименном генитиве и возможных анализах, предсказывающих альтернативы в оформлении аргументов при номинализации у носителей русского языка.

3.1. *Quirky*-падеж и *quirky*-подлежащие

Понятие *quirky*-падежа было предложено для обозначения случаев типа (3.2a–c) из исландского языка. В исландском языке морфологически различаются 4 падежа (номинатив, генитив, датив, аккузатив). Морфосинтаксическое кодирование аргументов следует аккузативной схеме, номинативное подлежащее выступает контролером предикативного согласования.

В (3.2a) представлена клауза, в которой единственная аргументная именная группа маркируется не именительным, а дательным падежом. В (3.2b) глагол проецирует два аргумента, при этом семантически приоритетная именная группа кодируется дативом, а номинатив оформляет дополнение. В (3.2c) датив используется как падеж единственного дополнения.

- (3.2) a. *Bátnum hvolfdi.*
 лодка.DAT перевернуться.PST.3SG
 ‘Лодка перевернулась.’
- b. *Barninu batnaði veikin.*
 ребенок.DAT выздороветь.PST.3SG болезнь.NOM
 ‘Ребенок выздоровел от болезни.’
- c. *Ég hjálpaði honum.*
 я.NOM помочь.PST.1SG он.DAT
 ‘Я помог ему.’

В принципе тот факт, что аргумент лексической вершины может получать от этой вершины идиосинкратичный падеж, составляет основу традиционного понятия лексического управления. В Теории управления и связывания такие случаи рассматриваются как приписывание лексической вершиной ингерентного падежа своему аргументу. Ингерентный падеж, таким образом, противопоставляется структурному по нескольким взаимосвязанным параметрам: типу вершины, приписывающей падеж, наличию связи с приписыванием тета-роли, статусу падежа, см. таблицу 3.1.

Таблица 3.1
Ингерентные и структурные падежи

	Ингерентные	Структурные
Вершина — источник падежа	лексическая	функциональная
Связь с тета-ролью	есть	нет
Регулярность	нерегулярный	регулярный
Статус падежа	идиосинкратичный	дефолтный

Именные группы в ингерентном падеже встречаются в большом числе языков: так, например, в (3.3)–(3.4) демонстрируются примеры из немецкого и русского языка, напоминающие исландские (3.2).

- (3.3) a. **Mir** ist übel.
 я.DAT быть.PRS.3SG тошно
 ‘Меня мутит.’
- b. **Mir** gefällt dieser Roman.
 я.DAT нравиться.PRS.3SG этот.NOM роман.NOM
 ‘Мне нравится этот роман.’
- c. Sie hilft ihm.
 она.NOM помогать.PRS.3SG он.DAT
 ‘Она помогает ему.’
- (3.4) a. **Мне** нездоровится.
 b. **Мне** нравится эта книга.
 c. Она **ему** помогает.

Рассмотрим пример (3.2b) из (Woolford 2006). В (3.2b) глагол *batnaði* ‘выздоровливать’ проецирует два (внутренних) аргумента — кто выздоравливает и от чего выздоравливает. По-видимому, именная группа *barninu* ‘ребенок’ получает ингерентный дательный падеж от лексического глагола, так же как в русском примере (3.4b) или немецком (3.3b). Внешний параллелизм между (3.2b) и (3.3b)–(3.4b) еще более усиливается тем, что второй аргумент получает именительный падеж и может контролировать согласование финитного глагола: в русском и немецком языке — по всем ф-признакам, в исландском языке — только согласование по числу, см. примеры (3.5) из (Taraldsen 1995: 307).

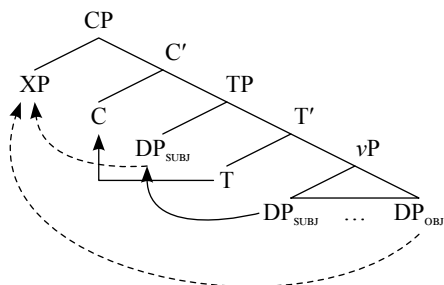
- (3.5) a. Henni leiddust þeir.
 она.DAT надоесть.PST.3PL они.NOM
 ‘Они ей наскучили.’
- b. Henni leiddist þeir.
 она.DAT надоесть.PST.3SG они.NOM
 ‘Они ей наскучили.’
- c. *Henni leiðumst við.
 она.DAT надоесть.PST.1PL мы.NOM
 ‘Мы ей наскучили.’

Однако более глубокий анализ выявляет существенные отличия между исландскими именными группами в ингерентном падеже (3.2) и сходными именными группами немецкого и русского. Специфика исландских примеров, послужившая причиной особого статуса ингерентного датива (и других ингерентных падежей — генитива и аккузатива) как *quirky*-падежа, состоит в том, что маркированные ингерентным падежом именные группы способны выступать в структурных позициях, ассоциированных со структурным падежом — позиции подлежащего и прямого дополнения.

Наибольшую известность в связи с анализом исландских *quirky*-подлежащих получила работа (Zaenen et al. 1985), в которой аргументируется подлежащий статус именных групп в *quirky*-падеже в примерах типа (3.2a–b), а также в примерах с пассивизацией и продвижением *quirky*-дополнения из (3.2c). Для исландского языка расположение именной группы в структурной позиции подлежащего (Spec, TP) не следует из ее линейной позиции (как в английском языке) и нуждается в дополнительном обосновании. Дело в том, что исландский язык относится к так называемым языкам *verb-second* (V2), или языкам со второй позицией глагола. Составляющая, занимающая предглагольную позицию в независимом повествовательном предложении, имеет статус темы/топика; таким образом, из примеров (3.2) не следует, что предглагольная именная группа является подлежащим. Наиболее авторитетный анализ феномена V2 в германских языках ((den Besten 1983), см. также обзор в (Holmberg 2013)) предполагает, что порядок слов V2 возникает в результате передвижения вершины — носителя признака времени (вспомогательного или лексического глагола) из базовой позиции в Т и далее в С. Предглагольная позиция в таком случае оказывается неаргументной и не связанной непосредственно с грамматическим подлежащим. Как подлежащее, так и другие именные группы могут оказаться в предглагольной позиции — Spec, CP — в результате A'-передвижения. В (3.6) представлена гипотетическая деривация

порядка V2: во второй позиции располагается спрягаемый глагол — носитель признака времени, передвинувшийся из T в C, а предглагольной позиции соответствует XP в Spec, CP. Как видно из (3.6), передвинуться в предглагольную позицию может как подлежащее (DP_{SUBJ} в Spec, TP), так и другая составляющая, например DP_{OBJ} .

(3.6)

Есть ли возможность при такой структуре клаузы показать наличие структурного статуса подлежащего у именной группы, не опираясь на ее падежные характеристики и способность контролировать предикативное согласование? По-видимому, да. Во-первых, можно сопоставлять признаки грамматического приоритета различных аргументных именных групп в фиксированной предглагольной позиции. Отличия в их поведении в таком случае не могут быть связаны с их конечной структурной позицией, поскольку она неизменна, а значит, должны объясняться их различным статусом до передвижения в Spec, CP. Во-вторых, можно обратить внимание, что в соответствии с (3.6) та именная группа, которая располагается сразу за спрягаемым глаголом второй позиции, — это подлежащее (Spec, TP), если только оно не стало мишенью передвижения в Spec, CP. Таким образом, если в Spec, CP располагается заведомо не подлежащее (например, сирконстант) или мы имеем дело с клаузой, в которой предглагольная позиция не занята (например, общие вопросы), то мы располагаем линейной диагностикой для структурной позиции подлежащего в исландском языке.

Именно таким образом А. Зейнен, Дж. Мэйлинг и Х. Трайнссон обосновывают субъектный статус *quirky*-подлежащих. Мы рассмотрим здесь лишь несколько аргументов.

Подъему в исландском языке подвергаются только подлежащие, независимо от их падежного оформления. В (3.7) показан пример глагола ‘скупать’, имеющего номинативное подлежащее и генитивное дополнение. Несмотря на то что и номинативная, и генитивная именная группа могут оказаться в предглагольной позиции (3.7а), (3.7с), только подлежащее — в данном примере номинативная именная группа — может подниматься

в главную клаузу при предикатах подъема в объектную позицию (3.7b), (3.7d). Если мы теперь обратимся к предикату ‘казаться’, проецирующему дативный и номинативный аргументы, мы обнаружим, что подъему в главную клаузу подвергается дативная именная группа (3.8a–b)⁶⁷. Следовательно, дативный аргумент данного предиката входит в один структурный класс с номинативным подлежащим.

- (3.7) a. Guðrún saknar Haraldar.
Гудрун.НОМ скучает Харальд.ГЕН
‘Гудрун скучает по Харальду.’
- b. Ég taldi Guðrúnu (í barnaskap mínum)
я считал Гудрун.АСС (по моей глупости)
sakna Haraldar.
скучать Харальд.ГЕН
‘По собственной глупости я считал, что Гудрун скучает по Харальду.’
- c. Haraldar saknar Guðrún.
Харальд.ГЕН скучать Гудрун.НОМ
‘По Харальду скучает Гудрун.’
- d. *Ég taldi Haraldar/Harald sakna Guðrún/Guðrúnu.
я считал Харальд.ГЕН/АСС скучать Гудрун.НОМ/АСС
‘Я считал, что по Харальду скучает Гудрун.’
- (3.8) a. Henni hefur alltaf þótt Ólafur leiðinlegur.
она.ДАТ AUX всегда думать.ПАРТ Олаф.НОМ скучный.НОМ
‘Олаф всегда казался ей скучным.’
- b. Ég tel henni hafa alltaf þótt
Я считаю она.ДАТ AUX всегда думать.ПАРТ
Ólafur leiðinlegur.
Олаф.НОМ скучный.НОМ
‘Я считаю, что ей Олаф всегда казался скучным.’

Данные рефлексивизации представлены в (3.9)–(3.10). Как следует из (3.9), при глаголе с номинативно-аккузативной падежной рамкой только номинативное подлежащее способно контролировать рефлексив и не должно быть кореферентно прономиналу; прочие именные группы,

⁶⁷ Аналогичные данные можно получить и с предикатами подъема в позицию подлежащего.

даже передвинувшись в предглагольную позицию, такими свойствами не обладают. В (3.10) представлен пример с *quirky*-подлежащим: оно способно связывать рефлексив и не должно связывать прономинал, точно так же, как и номинативное подлежащее в (3.9).

- (3.9) a. Sígga barði mig með dúkkuni sinni / *hennar.
 Сигга.НОМ ударила я.АСС с кукла своя.АНА / ее.ПРОН
 ‘Сигга ударила меня своей куклой.’
- b. Ég barði Síggju með dúkkuni *sinni / hennar.
 я.НОМ ударил Сигга.АСС с кукла своя.АНА / ее.ПРОН
 ‘Я ударил Сиггу ее куклой.’
- c. Síggju barði ég með dúkkuni *sinni / hennar.
 Сигга.АСС ударил я.НОМ с кукла своя.АНА / ее.ПРОН
 ‘Сиггу я ударил ее куклой.’
- (3.10) Henni þykir bróðir sinn / *hennar leiðinlegur.
 она.ДАТ думает брат свой.АНА / *ее.ПРОН скучный
 ‘Ее брат ей кажется скучным.’

Пример (3.11) аргументирует тезис о подлежащем статусе «заглавной» именной группы. Хотя дополнение может оказаться левее подлежащего в результате передвижения (3.11a), мишенью такого передвижения может быть только Spec, CP. Если Spec, CP занята другой составляющей (3.11b–c), то подлежащее следует непосредственно за глаголом второй позиции и предшествует дополнению. В предложениях с *quirky*-подлежащим ситуация аналогичная. Дополнение может оказаться левее подлежащего, только занимая позицию Spec, CP (3.12b); в противном случае *quirky*-подлежащее предшествует (номинативному) дополнению, ср. (3.12a) и (3.12c).

- (3.11) a. Refinn skaut Ólafur með þessari byssu.
 лиса.АСС застрелил Олаф.НОМ из своего ружья
 ‘Олаф застрелил лису из своего ружья.’
- b. Með þessari byssu skaut Ólafur refinn.
 из своего ружья застрелил Олаф.НОМ лиса.АСС
 ‘Из своего ружья Олаф застрелил лису.’
- c. *Með þessari byssu skaut refinn Ólafur.
 из своего ружья застрелил лиса.АСС Олаф.НОМ
 ‘Из своего ружья лису застрелил Олаф.’

- (3.12) a. Hefur henni alltaf þótt Ólafur leiðinlegur?
 AUX она.DAT всегда думать.PART Олаф.NOM скучный
 ‘Казался ли ей Олаф всегда скучным?’
- b. Ólafur hefur henni alltaf þótt leiðinlegur.
 Олаф.NOM AUX она.DAT всегда думать.PART скучный
 ‘Олаф всегда казался ей скучным.’
- c. *Hefur Ólafur henni alltaf þótt leiðinlegur?
 AUX Олаф.NOM она.DAT всегда думать.PART скучный
 ‘Казался ли Олаф ей всегда скучным?’

Помимо рассмотренных нами аргументов, в пользу субъектного статуса *quirky*-подлежащих свидетельствуют также такие феномены, как извлечение составляющих из придаточных изъяснительных с союзом *að* ‘что’ (возможное только в том случае, если предглагольную позицию занимает подлежащее — номинативное или *quirky*-подлежащее), «заглагольная» позиция неопределенного подлежащего при эксплетиве *það*, эллипсис в сочиненных структурах, соответствие PRO в инфинитивных клаузах.

Специфика исландских *quirky*-подлежащих особенно ярко проявляется при сопоставлении с семантически приоритетными аргументами в ингерентных падежах, не имеющими субъектного статуса. Сравним поведение исландских *quirky*-подлежащих и дополнений и косвенно-падежных подлежащих и дополнений в родственном немецком языке (Wunderlich 1999). На первый взгляд, немецкие языковые данные параллельны исландским, ср. (3.2) и (3.3), а также (3.13)–(3.14).

- (3.13) a. Er half mir. немецкий
 он.NOM помочь.3SG я.DAT
- b. Hann hjálpaði mér. исландский
 он.NOM помочь.3SG я.DAT
 ‘Он мне помог.’
- (3.14) a. Mir wurde geholfen. немецкий
 я.DAT AUX.3SG помогать.PART
- b. Mér var hjálpað. исландский
 я.DAT AUX.3SG помогать.PART
 ‘Мне помогли.’

Однако, как показывает Д. Вундерлих, ситуация в немецком языке существенно отличается от исландской. Так, например, в немецком языке

именная группа, маркированная ингерентным падежом, не может соответствовать контролируемому PRO в инфинитивном обороте (3.15a); в исландском же это возможно (3.15b).

- (3.15) a. *Ich hoffe geholfen zu werden.
я.NOM надеюсь помогать.PART INF AUX
- b. Ég vonast til að verða hjálpað.
я.NOM надеюсь C INF AUX помогать.PART
- ‘Я надеюсь, что мне помогут.’

Показательно также сопоставление сочинительного сокращения. При сочинении двух клауз в исландском языке подлежащее с любыми падежными характеристиками способно быть контролером и мишенью эллипсиса (3.16b). В немецком языке номинативное подлежащее выступает эллиптическим контекстом только для номинативного подлежащего (3.16a).

- (3.16) a. *Er sagt von sich fleißig zu sein,
он.NOM говорит о себе старательный INF быть,
aber ihm käme die Aufgabe zu schwer vor.
но он.DAT найти.CONJ задача.NOM слишком тяжелый PRV
- b. Hann segist vera duglegur,
он.NOM говорит.REFL быть старательный,
en honum finnst verkefnið of þungt.
но он.DAT находит задание.NOM слишком тяжелый
- ‘Он считает себя старательным, но находит задание слишком тяжелым.’

Наконец, немецкий язык не допускает подъем именных групп, маркированных ингерентным падежом; структурный падеж главной клаузы (в примере (3.17a) — аккузатив) используется для «номинативного» аргумента ‘фильм’. В исландском языке, как мы видели выше, *quirky*-подлежащее претерпевает подъем в главную клаузу, а номинативное дополнение сохраняет свой падеж.

- (3.17) a. ?Ich sah ihm den Film gefallen.
я.NOM видел он.DAT фильм.ACC нравиться.INF
- ‘Я видел, что ему нравится фильм.’
- b. Ég tel henni líka þessi bók.
я полагаю она.DAT нравиться.INF эта книга.NOM
- ‘Я полагаю, что ей нравится эта книга.’

Итак, в исландском языке именные группы, имеющие ингерентный падеж, могут оказываться в структурных позициях подлежащего и прямого дополнения. Этот факт плохо согласуется с положениями генеративной Теории падежа. Чтобы увидеть это, рассмотрим (3.18). При вложении инфинитивной клаузы, возглавляемой предикатом ‘выздоровливать’, в конструкцию с предикатом подъема оказывается, что, во-первых, именная группа *barninu* ‘ребенок’ претерпевает подъем, то есть является подлежащим в (3.18a); во-вторых, подъем этой именной группы очевидно не связан с получением падежа, поскольку падеж ею уже получен в зависимой клаузе от лексического глагола; и в-третьих, именительный падеж именной группы *veikin* ‘болезнь’ независим от финитного Т в (3.18a), поскольку сохраняется в инфинитивном обороте (3.18b). Таким образом, в (3.18) маркированная ингерентным падежом именная группа оказывается в структурной позиции подлежащего — позиции, в которую, согласно Теории падежа, именная группа передвигается за структурным падежом (или, в соответствии с обсуждением в 2.3.2, вследствие согласования с финитной вершиной Т — источником структурного падежа).

(3.18) a. *Barninu batnaði veikin.*
 ребенок.DAT выздороветь.PST.3SG болезнь.NOM
 ‘Ребенок выздоровел от болезни.’

b. *Barninu_i virðist*
 ребенок.DAT казаться.PRS.3SG
 [*t_i hafa batnað veikin*].
 AUX.INF выздороветь.PART болезнь.NOM
 ‘Ребенок, кажется, выздоровел от болезни.’

Далее, в примере (3.19a) ингерентный датив получает ИГ-дополнение *honum* ‘ему’. При пассивизации лексический глагол не теряет способности приписывать ингерентный падеж, так что внутренний аргумент по-прежнему получает датив. Однако, удивительным образом, в (3.19b) он претерпевает передвижение в позицию подлежащего — передвижение, которое считается мотивированным потребностью ИГ в структурном падеже.

(3.19) a. *Ég hjálpaði honum.*
 я.NOM помогать.PST.1SG он.DAT
 ‘Я помог ему.’

b. *Þeim var hjálpað.*
 они.DAT AUX.PST.3SG помогать.PART
 ‘Им помогли.’

Итак, *quirky*-падеж — это такой ингерентный падеж, который не препятствует последующему передвижению именной группы в позицию структурного падежа. Соответственно, *quirky*-подлежащие и *quirky*-дополнения — именные группы, находящиеся в соответствующих структурных позициях, но при этом получившие ингерентный падеж от лексической вершины.

Открытие *quirky*-подлежащих стало существенным контраргументом для Теории падежа генеративной грамматики. Описание этого феномена в исландском языке в статье (Zaenen et al. 1985) заставило задаться вопросом о статусе неструктурной падежной морфологии: является ли она альтернативной формой лицензирования именных групп или же нетривиально соответствует абстрактным падежам.

Если принимать к рассмотрению только конструкции с номинативным подлежащим и аккумулятивным дополнением, то исландский язык демонстрирует тот же круг падежных явлений, что и английский язык, и ведет себя полностью в соответствии с падежной теорией. Номинативное подлежащее лицензируется финитным Т, аккумулятивное дополнение — переходным глаголом (3.20a). При пассивизации глагол теряет способность приписывать аккумулятив, и внутренний аргумент претерпевает А-передвижение в Spec, TP (в (3.20b) результат А-передвижения подлежащего не виден из-за его последующего А'-передвижения в предглагольную позицию):

- (3.20) a. Lögreglan tók Siguu fasta.
 полиция.NOM братъ.PST.3SG Сигга.ACC PRV.ADJ.ACC
 ‘Полиция арестовала Сиггу.’
- b. Sigga var tekin föst af lögreglunni.
 Сигга.NOM AUX.PST.3SG братъ.PART PRV.ADJ.NOM BY полиция.DAT
 ‘Сигга была арестована полицией.’

В инфинитивных оборотах номинативное подлежащее не лицензируется; при ЕСМ-предикатах подлежащее получает падеж из главной клаузы (3.21b), в противном случае в позиции подлежащего лицензируется PRO (3.21a).

- (3.21) a. Maríu reyndist [PRO / *hún / *hana /
 Мария.NOM попытаться.PST.3SG PRO / *она.NOM / ACC /
 *henni / *hennar kyssa Ólaf].
 DAT / GEN целовать.INF Олаф.ACC
 ‘Мария попыталась поцеловать Олафа.’

- b. Ég hafði talið [hana vita svarið].
 я.NOM AUX.PST.1SG полагать.PART [она.ACC знать.INF ответ.ACC]
 ‘Я полагал, что она знает ответ.’

Если мы обратимся к неноминативным подлежащим и неаккузативным дополнениям, то оказывается, что факторы, воздействующие на лицензирующие способности V (v) и T — пассивизация и нефинитность соответственно, — не оказывают влияния на падежное оформление *quirky*-подлежащих и дополнений. Неноминативные подлежащие и неаккузативные дополнения сохраняют свой *quirky*-падеж при пассивизации, подъеме в позицию подлежащего и в ЕСМ-структурах, ср. (3.19), (3.18), (3.8b), (3.17b). Эти данные ясно показывают, что *quirky*-падежная морфология не зависит от свойств вершин, приписывающих структурные падежи (T, V/v). При этом, однако, оказывается, что одной только *quirky*-падежной морфологии недостаточно для лицензирования именной группы. Так, при предикате ‘пытаться’, который не относится к ЕСМ-предикатам (ср. (3.21a)), инфинитивный оборот не может содержать никакого фонологически выраженного подлежащего, в том числе и маркированного *quirky*-падежом, ср. (3.22).

- (3.22) *Hún reyndist [mér bjóða við setningafræði].
 он.NOM пытаться.PST.3SG я.DAT тошнить.INF от синтаксис
 ‘*Он пытался, чтобы меня тошнило от синтаксиса.’

Данные о дистрибуции исландских *quirky*-подлежащих, представленные выше, вызвали дискуссию о природе морфологического падежа. Сами Зейнен, Мэйлинг и Трайнссон предложили следующую интерпретацию своим данным: поскольку падеж в общем случае не зависит от вершины, лицензирующей именную группу, значит, Теория падежа неверна, и лицензором ИГ является не абстрактный падеж, а некий другой фактор, отдельный от падежного маркирования. В качестве такого фактора можно рассматривать, например, грамматические отношения (синтаксические роли). Если потребность теории лицензирования ИГ в абстрактном падеже отпадает, то нет необходимости рассматривать падеж как универсальную синтаксическую категорию. Отсюда берет свое начало конфигурационный подход к падежу А. Марантца, рассматривающего падеж как поверхностное морфологическое явление некоторых языков.

Однако данные Зейнена, Мэйлинг и Трайнссона могут быть использованы и как аргументы в пользу традиционной Теории падежа. Действительно, дистрибуция фонологически выраженных подлежащих в исландском языке совпадает с дистрибуцией фонологически выраженных именных групп в английском языке. В частности, в клаузе лицензируется

подлежащее, если (i) клауза финитная или (ii) клауза инфинитивная и она является компонентом ЕСМ-предиката. *Quirky*-падеж сам по себе не способен лицензировать ИГ и может рассматриваться как специфическая реализация абстрактного структурного падежа в контексте определенной лексической вершины. В рамках такого подхода, предложенного, в частности, в работах (Cowper 1988; Freidin, Sprouse 1991; Holmberg, Platzack 1995), пересмотру следует подвергнуть не саму теорию (абстрактного) падежа, но предположение о тривиальном соответствии между абстрактным синтаксическим падежом и его морфологической реализацией.

Наконец, следует отметить, что в некоторых случаях неструктурная падежная морфология может выступать единственным лицензором ИГ, так что потребности в абстрактном падеже как лицензоре ИГ не возникает. Так, в примере (3.23) ингерентный творительный падеж лицензирует аргумент лексической основы в любом категориальном контексте, в то время как в (3.24) с лексической основой не связан никакой ингерентный падеж, поэтому лицензором аргументной ИГ может выступить только структурный падеж, возникающий в глагольной (аккузатив) и именной (генитив) синтагме.

- (3.23) а. торгует рыбой
 b. торговля рыбой
 c. торговец рыбой

- (3.24) а. продает рыбу
 b. продажа *рыбу/рыбы
 c. продавец *рыбу/рыбы

Итак, возможные соотношения абстрактного и морфологического падежа в лицензировании ИГ можно обобщить следующим образом:

- (i) абстрактный падеж лицензирует ИГ и морфологически не выражается либо его морфологическое выражение отражает тип абстрактного падежа (английский);
- (ii) абстрактный падеж лицензирует ИГ, а его морфологическое выражение определяется конкуренцией ингерентного и структурного падежа (исландский);
- (iii) ИГ лицензируется абстрактным или ингерентным падежом (русский)⁶⁸.

⁶⁸ Рассмотрим, однако, «анти-Бурцио»-глаголы в русском языке, где единственный внутренний аргумент оформляется аккузативом (*тошнить*, *знобить*

Очевидным эмпирическим полигоном для испытания конкурирующих гипотез становится материал эргативных языков — языков, в которых соотношение абстрактного и морфологического падежа не только затемнено *quirky*-падежной морфологией, но и на первый взгляд кажется «перевернутым».

3.2. Эргативность

Существование эргативной модели кодирования ядерных аргументов клаузы — пожалуй, один из самых ярких примеров межкузыкового варьирования в области морфологического падежа. Тот факт, что семантически приоритетная именная группа в одних случаях (при переходном глаголе) получает эргатив, а в других случаях (при одноместных и непереходных глаголах) кодируется номинативом, напрямую противоречит генеративной теории падежа, ориентированной на материал европейских языков и связывающей ролевую семантику с определенными структурными позициями (см. гипотезу универсального отображения аргументов UTAH, (Baker 1988)), а структурные позиции, в свою очередь, — с определенными падежами.

Более того, как неоднократно отмечали исследователи, эргативность едва ли представляет собой единый феномен; см., например, (Dixon 1979, 1994; Bittner, Hale 1993, 1996; Manning 1996; Kibrik 1997; Кибрик 2003; Aldridge 2004, 2008; Butt 2006; Polinsky, Preminger 2014). Даже если рассматривать исключительно морфосинтаксические средства кодирования ядерных аргументов глагола, то эргативная падежная система может

и др.). Этот аккузатив, по-видимому, является ингерентным, т. к. не может варьировать с генитивом отрицания и сомнителен с дистрибутивной конструкцией:

- (i) а. Женщину / *женщины не тошнило.
 б. *?В каждом классе знобило по ребенку.

Сопоставление глаголов такого типа с обычными неаккузативами показывает, что условия на лицензирование их единственного аргумента совпадают: и обычное подлежащее (при глаголе *дрожать*), и подлежащее в ингерентном падеже (при глаголе *тошнит*) нуждается в лицензоре абстрактного номинатива — финитном Т.

- (ii) а. Петю тошнит. а. Петя дрожит
 б. Петю начало тошнить. б. Петя начал дрожать.
 с. *Тошнить Петю было бы ужасно. с. *Петя дрожать было бы ужасно.

Если эти рассуждения правильны, то в русском языке мы наблюдаем разные типы лицензирования именных групп.

существовать как с эргативным, так и с нейтральным или аккумулятивным предикативным согласованием. Так, например, в шипибо (паноанский язык Южной Америки, (Baker 2014a)) представлена эргативная падежная стратегия, однако числовое предикативное согласование следует аккумулятивной модели:

- (3.25) a. Ochiti-baon-ra bake natex-kan-ke.
 собака-PL.ERG-PTC ребенок кусать-PL_SU-PRF
 ‘Собаки покусали ребенка.’
- b. Joni-bo-ra mawa-kan-ke.
 человек-PL-PTC умирать-PL_SU-PRF
 ‘Люди умерли.’
- c. Ochiti-nin-ra bake-bo natex-(*kan)-ke.
 собака-ERG-PTC ребенок-PL кусать-(*PL_SU)-PRF
 ‘Собака покусала детей.’

Если же обратиться к синтаксической эргативности, то есть к стратегии выбора оси (пивота) для синтаксических феноменов, то обнаруживается, что эргативная морфология может сочетаться с эргативным, нейтральным или аккумулятивным синтаксисом (Manning 1996; Bittner, Hale 1996; Legate 2008). Последовательно эргативный синтаксис демонстрируют единичные эргативные языки; среди них — дирбал (Dixon 1972). В дирбал такие феномены, как дистрибуция контролируемого PRO и сочинительное сокращение (clause chaining), устроены по эргативной схеме, противопоставляя агенту переходного глагола (Агентиву, в терминологии А. Е. Кибрика) единственный актанта одноместного и пациенс переходного глагола (Абсолютив).

- (3.26) a. nguma banaga-nyu [PRO yabu-nggu bura-li].
 отец.ABS возвращаться-NONFUT (ABS) мать-ERG видеть-PURP
 ‘Отец вернулся, чтобы мать (его,) увидела.’ (Dixon 1994: 168)
- b. nguma yabu-nggu buran banaganyu.
 отец.ABS мать-ERG видеть.PST возвращаться.PST
 ‘Мать увидела отца и (отец) вернулся.’ (Ibid.: 155)

Существенно чаще, однако, синтаксическая эргативность проявляется лишь в некоторых синтаксических явлениях — в первую очередь это А'-зависимости (способность именной группы выступать мишенью релятивизации, соотноситься с вопросительным местоимением, подвергаться подъему квантора (QR), т. е. иметь более широкую сферу действия, чем

предполагает ее линейная позиция). Остальные же феномены демонстрируют нейтральный или аккузативный синтаксис. Так, например, в синтаксически эргативных чукотском (палеоазиатский), сеедик (тайваньский австронезийский), западном гренландском и других инуитских языках (эскимосско-алеутские) только номинативный аргумент может выступать мишенью А'-передвижения, согласование также контролируется номинативной ИГ; однако переходное (эргативное) подлежащее может соответствовать PRO в конструкциях контроля (Aldridge 2004, 2008). В (3.27)–(3.28) показаны примеры из западного гренландского (Manning 1996: 84, 124). В относительной клаузе западного гренландского языка мишени релятивизации соответствует нулевой оператор; он может располагаться в позиции единственного аргумента непереходного глагола (3.27a) и пациентивного аргумента переходного глагола (3.27b), однако не может находиться в позиции агентивного аргумента переходного глагола (3.27c). В (3.28) показано контролируемое PRO инфинитивного оборота в позиции агентивного аргумента переходного глагола. Обратим внимание также на предикативное согласование: в (3.28) контролером согласования инфинитивной формы глагола является абсолютивный аргумент.

- (3.27) a. miiraq [e kamat-tuq]
 ребенок (ABS) сердит-REL.INTR
 ‘ребенок, который сердится’
- b. nanuq [Piita-p e tuqu-ta-a]
 белый_медведь.ABS Питер-ERG (ABS) убивать-TR.PART-3SG
 ‘белый медведь, убитый Питером’
- c. *angut [e aallaat tigu-sima-sa-a]
 человек.ABS (ERG) ружье.ABS брать-PF-REL.TR-3SG
 ‘человек, который взял ружье’
- (3.28) Miiqqat [PRO Juuna ikiu-ssa-llu-gu] niriursui-pp-u-t.
 дети.ABS [(ERG) Джон.ABS помогать-FUT-INF-3SG] обещать-IND-INTR-3PL
 ‘Дети пообещали помочь Джону.’

Во многих морфологически эргативных языках при этом не обнаруживается никаких синтаксических феноменов, кроме падежного маркирования и согласования, которые бы были устроены эргативно. Так, морфологически эргативный язык вальбири (пама-нюнгская семья, Австралия) демонстрирует привычный аккузативный синтаксис, одинаково обращаясь с непереходными (номинативными) и переходными (эргативными) подлежащими (Legate 2002, 2006, 2008). Весьма показательны многолетние

исследования синтаксического строя эргативных языков Дагестана, принятые А. Е. Кибриком и вылившиеся в серию публикаций «Материалов к типологии эргативности» (переизданы как глава в (Кибрик 2003)). А. Е. Кибрик показывает, что для дагестанской эргативности характерен нейтральный синтаксис A'-феноменов и аккумулятивный синтаксис процессов, ориентированных на ролевую иерархию (контроль, образование императивов, рефлексивизация). Итогом исследований становится вывод об отсутствии обязательного изоморфизма между морфологическим и синтаксическим строем языка: «...изоморфизм между синтаксисом и морфологией не является обязательным для языков с кумулятивной техникой. Синтаксически аккумулятивные языки наиболее свободны в отношении своих морфологических схем» (Там же: 179).

Непоследовательность эргативной модели применительно к различным языковым уровням и феноменам дополняется ее непоследовательностью внутри конкретных феноменов, например падежного маркирования. Широко известен феномен расщепленной эргативности (*split ergativity*), когда в одних клаузах языка реализуется эргативная модель, а в других клаузах — аккумулятивная или нейтральная модель кодирования аргументов (см. в первую очередь (Dixon 1979, 1994), а также (Silverstein 1976; Comrie 1978; DeLancey 1981; Tsunoda 1981)). Расщепленная эргативность может иметь в качестве лицензоров самые разнообразные факторы, в том числе и такие, которые едва ли определяют структурные позиции именных групп в клаузе или падежные свойства управляющих вершин — одушевленность аргумента (в широком смысле, в соответствии с позициями иерархии одушевленности (Silverstein 1976)), видо-временные характеристики клаузы (DeLancey 1981), структурный тип именной группы (Legate 2014) и т. п. Все эти факты наилучшим образом обобщает утверждение Э. Моравчик: «Ни один эргативный язык не проводит последовательно эргативную модель в своей морфологии, синтаксисе и лексиконе: все языки, демонстрирующие эргативную стратегию в своих падежных системах, что является наиболее частым проявлением эргативности, при этом применяют аккумулятивную стратегию где-либо в других областях своей грамматики»⁶⁹.

Важнейший вопрос для генеративной теории падежа, связанный с эргативной падежной моделью, состоит в том, каков статус эргативности как феномена. Либо эргативность — это синтаксическое явление, и тогда

⁶⁹ «No ergative language is fully consistent in carrying through the ergative principle throughout its entire morphology, syntax, and lexicon: all languages that exhibit ergative patterning in their commonest case-marking system also exhibit some accusative pattern somewhere in the rest of their grammar» (Moravcsik 1978b: 237).

эргативные языки имеют особую структуру клаузы, механизмы приписывания падежа и лицензирования аргументов; либо эргативность — это поверхностное, морфологическое явление, которое, подобно *quirky*-падежу исландского языка, заслоняет подлинную синтаксическую организацию предложения, весьма схожую с той, что известна нам из аккумулятивных языков.

Размежевание падежа и ориентированного на падеж согласования, с одной стороны, и структурных синтаксических явлений, с другой стороны, проработанное на материале *quirky*-подлежащих, несомненно, открыло новые перспективы в понимании синтаксического устройства эргативных языков. Обобщая ретроспективный обзор формальных подходов к эргативности, Э. Олдридж пишет: «В ранних подходах исследователи пытались объяснить синтаксическое поведение абсолютного и эргативного аргументов, рассматривая их единообразно как либо подлежащие, либо дополнения. Более поздние подходы смогли извлечь пользу из прогресса синтаксической теории, который сделал возможным такой анализ, при котором абсолютная именная группа проявляла бы одновременно субъектные и объектные свойства, а также позволил провести более тонкое разграничение между эргативными и аккумулятивными языками и между различными типами эргативных языков»⁷⁰.

Безусловно, такой подход к эргативности предпочтителен и с эмпирической, и с теоретической точки зрения. Эмпирические аргументы состоят в том, что эргативные языки не настолько отличаются от аккумулятивных в своем базовом синтаксисе, как мы ожидали бы, если бы они обладали некоей «зеркальной» клаузальной структурой. При этом, как уже было сказано выше, эргативные языки не образуют естественного класса в отношении многих синтаксических параметров. Таким образом, эргативные языки нельзя рассматривать как своего рода «дополнительный прототип» к аккумулятивным языкам. Наконец, если существует некий синтаксический макропараметр, противопоставляющий эргативные и аккумулятивные языки, то необъяснимым оказывается устройство языков с расщепленной эргативностью, в которых сосуществуют обе (и даже более двух — см., например, (Comrie 1981/1989: 8–9) о калав-лагав-я, австралийском языке пама-ньюнградской языковой семьи) морфосинтаксические модели.

⁷⁰ «Early approaches attempted to capture the syntactic behavior of absolutive and ergative arguments by analyzing these uniformly as either subjects or objects. Later approaches are able to capitalize on technical developments in the theory that allow for a richer approach to the mix of subject and object behavior of absolutive NPs, as well as a more subtle approach to the distinctions between ergative and accusative languages and also among different types of ergative language» (Aldridge 2008: 969).

Теоретическое преимущество анализа эргативности как поверхностного феномена состоит в последовательной реализации универсалистской эвристики генеративной грамматики: по возможности исходить из тезиса, что синтаксический компонент всех языков устроен единообразно. В рамках такой теоретической программы естественно предположить, что аккумулятивные и эргативные языки устроены по сути одинаково и для обоих типов действуют одинаковые принципы (Падежный фильтр, механизмы приписывания падежа и т. п.), а отличия связаны со специфической морфологической реализацией абстрактных падежей. В таком случае «дефолтными» реализациями абстрактных номинатива и аккумулятива являются морфологические номинатив и аккумулятив, но возможны и отступления от этого соответствия, так что при определенных условиях абстрактный номинатив может скрываться за морфологическим дативом, генитивом или аккумулятивом (как в исландском языке), а может — за морфологическим эргативом (как в эргативных языках).

Наиболее радикальное развитие этого подхода предлагает Дж. Бобальик (Bobaljik 1993). Его идея состоит в том, что отличие номинативных и эргативных языков сводится к единственному параметру — Параметру обязательного падежа (Obligatory case parameter, ОСП). В переходных клаузах обоих типов языков представлено два структурных падежа — падеж субъекта (номинатив/эргатив) и падеж объекта (аккумулятив/абсолютив). В непереходных клаузах, однако, аккумулятивные языки реализуют падеж субъекта, а эргативные языки — падеж объекта. Соответственно, падежом, обязательным к выражению, в аккумулятивных языках является субъектный падеж, а в эргативных языках — объектный падеж.

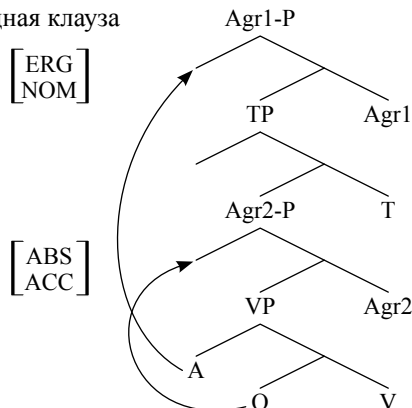
Этот подход легко реализуется в формальной модели приписывания падежа функциональными вершинами в результате согласования. В частности, Бобальик использует архитектуру предикативной зоны, расщепленной на несколько функциональных проекций: AgrSP-TP-AgrOP-VP (Chomsky 1991, 1992). Падежи субъекта и объекта приписываются в Spec, AgrSP и Spec, AgrOP соответственно. Параметр обязательного падежа может быть представлен как «активность» или «сила признаков» вершины AgrS или AgrO, обязательно требующей передвижения именной группы и согласования с ней, результатом которого становится падежное взаимодействие. Таким образом, в системе Бобальика переходные клаузы аккумулятивных и эргативных языков имеют одинаковую структуру, а непереходные отличаются друг от друга — единственный аргумент клаузы в аккумулятивных языках структурно выше, чем в эргативных языках (см. (3.29)).

Следствием этих отличий Бобальик считает различие аккумулятивных и эргативных языков в отношении падежа и согласования, лицензируемых в нефинитных клаузах. В аккумулятивных языках и переходное,

и непереходное подлежащее расположены в одной и той же структурной позиции (Spec, ArgSP) и равным образом не могут получить падеж (и вызывать предикативное согласование) внутри своей клаузы. В эргативных языках переходное подлежащее выше, чем непереходное; первое находится там же, где подлежащее аккумулятивных языков, а второе — там, где прямое дополнение аккумулятивных языков. Следовательно, мы можем ожидать, что в нефинитных клаузах лицензирование эргатива и согласование с ним будет затруднено, а абсолютив и согласование с ним будут доступны. Как показывает Бобальчик, именно такая система наблюдается в инуитском языке и юпике (эскимосско-алеутские языки).

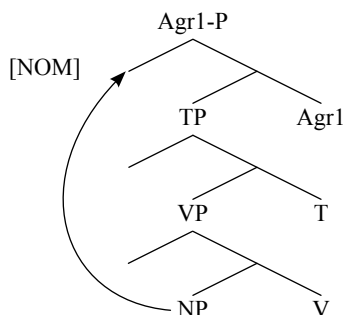
- (3.29) Структура переходной и непереходных клауз в аккумулятивных и эргативных языках по (Bobaljik 1993).

Переходная клауза

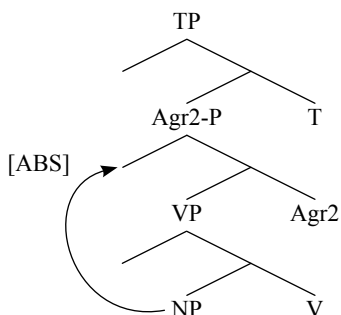

Непереходная клауза

a. NOM/ACC

b. ERG/ABS

При всей своей привлекательности гипотеза Бобальика подходит далеко не для всех эргативных языков. Например, многие эргативные языки одинаково трактуют эргативный аргумент переходного глагола и номинативный аргумент непереходного глагола, допуская (как дагестанские языки) или не допуская (как грузинский или черкесский язык) их появление в нефинитных, например номинализованных, клаузах. Очевидно, что синтаксис такого гетерогенного класса, каким являются эргативные языки, не может быть описан при помощи одного Параметра обязательного падежа. Более перспективным представляется выделение для последующего анализа некоторых подтипов эргативных языков, внутри которых мы наблюдали бы единообразное синтаксическое поведение А-, О- и S-аргументов.

Такой подход развивает Дж. Легат (Legate 2008). Выступая в поддержку тезиса о структурной неоднородности эргативных языков, Легат утверждает, что существует как минимум два типа эргативных языков, различающихся соотношением абстрактного и морфологического падежа. Первый тип, который Легат называет $avs(olutive)=def(ault)$, представлен такими языками, как вальбири (нгаркская группа юго-западной ветви пама-ньонгской семьи), ниуэ (тонганская группа полинезийской ветви австронезийских языков), энга (западно-центральная группа языков транс-Новой Гвинеи) и хинди (индоарийская группа индоевропейских языков). В языках $avs=def$ правила приписывания абстрактного падежа такие же, как и в аккузативных языках: финитная вершина Т приписывает номинатив (непереходному) подлежащему (S), а переходная вершина v приписывает аккузатив дополнению (O). Ко второму типу эргативных языков — $avs(olutive)=nom(inative)$ — Легат предположительно относит грузинский язык: в таких языках абстрактный номинатив приписывается финитной вершиной Т либо S-аргументу, либо O-аргументу; абстрактный номинатив всегда реализуется как морфологический номинатив.

Морфологическая эргативность языков $avs=def$ обусловлена двумя факторами. Во-первых, переходная вершина v , проецирующая внешний аргумент, приписывает ему ингерентный эргатив. Таким образом, все переходные конструкции языков $avs=def$ — это конструкции с *quirky*-подлежащим. Во-вторых, морфологическая реализация двух структурных падежей — номинатива и аккузатива — является нулевой, за счет чего возникает поверхностное совпадение в падежном кодировании непереходного подлежащего и переходного дополнения. Гипотеза Легат о соотношении абстрактных и морфологических падежей в языках $avs=def$ представлена в таблице 3.2.

Таблица 3.2
Падежные характеристики аргументов в языках ABS=DEF

	Абстрактный падеж	Приписыватель падежа	Морфологический падеж	Глосса	Синтаксическая роль
S	Nom	финитное T	Nom (морфологически нулевой)	ABS	Subject
A	(Nom)	<i>v</i> (+θ)	Erg (ингерентный)	ERG	Quirky subject
O	Acc	<i>v</i>	Acc (морфологически нулевой)	ABS	Object

Из таблицы видно, что в анализе Легат за немаркированной падежной формой («абсолютивом») в языках ABS=DEF стоят разные грамматические отношения (подлежащее и прямое дополнение) и разные вершины — приписыватели падежей. Если эта гипотеза верна, мы ожидаем обнаружить асимметрии между абсолютивными подлежащими и абсолютивными дополнениями. В частности, эти асимметрии должны касаться лицензирования соответствующих аргументов в нефинитных контекстах: нефинитность (или отсутствие) вершины T будет затрагивать падеж подлежащего, но не падеж прямого дополнения.

Эти предсказания подтверждаются эмпирическим материалом. Так, в вальбири в нефинитной зависимой клаузе лицензируется абсолютивное дополнение (3.30b), но не абсолютивное подлежащее (3.30a). Интересно, что эргативное подлежащее в (3.30b) допустимо для части носителей языка. С одной стороны, нефинитность клаузы не влияет на способность вершины *v* приписывать ингерентный эргатив. С другой стороны, исходя из (3.30b) можно предположить, что в клаузах такого типа абстрактный номинатив не приписывается. По-видимому, отличие в грамматичности эргативного подлежащего для разных носителей связано со статусом эргатива как лицензора ИГ: для одних эргативное подлежащее должно дополнительно лицензироваться абстрактным падежом финитного T (как *quirky*-подлежащие исландского языка), для других же эргативное падежное маркирование является достаточным лицензором ИГ (как ингерентные дополнения существительных в русском языке).

- (3.30) a. Ngarrka-patu-rlu ka-lu-jana puluku
 мужчина-PAUC-ERG PRS.IPF-3PL.SU-3PL.OBJ ВОЛ.ABS
 turnu-ma-ni [***kurdu** / **kurdu-ku**
 группа-CAUS-NONPST [ребенок.ABS / ребенок-DAT

parnka-nja-rlarni].

бежать-NONFIN-OBV.CONV]

‘Мужчины собирают волов, в то время как дети бегают.’

- b. Ngarrka-patu-rlu ka-lu-jana puluku
 мужчина-PAUC-ERG PRS.IPF-3PL.SU-3PL.OBJ вол.ABS
 turnu-ma-ni, [karnta-patu-ku / #karnta-patu-rlu
 группа-CAUS-NONPST [женщина-PAUC-DAT / женщина-PAUC-ERG

miyi purta-nja-puru].

еда.ABS готовить-NONFIN-TEMP.CONV]

‘Мужчины собирают волов, в то время как женщины готовят еду.’

Итак, мы видим, что с точки зрения падежного лицензирования аргументов в нефинитной клаузе вальбири ведет себя как аккумулятивный язык с *quirky*-подлежащими. В этом отношении он явно контрастирует с грузинским, ABS=NOM-языком, который не допускает абсолютивных аргументов — ни субъектных, ни объектных — в номинализациях, но единообразно маркирует их приименным генитивом. С точки зрения Легат, это происходит потому, что абсолютив в грузинском является морфологической реализацией абстрактного номинатива, который всегда связан с финитной вершиной Т.

Еще одно интересное предсказание анализа Легат состоит в том, что падежное маркирование субъекта и объекта в языках ABS=DEF связано с разными вершинами и устанавливается независимо. Если предположить, что определенные признаки функциональных вершин *v* и Т влияют на их способность приписывать ингерентный падеж, оказывается возможным проинтерпретировать случаи расщепленной эргативности, в том числе и такие, когда субъект и объект оба оказываются немаркированными, как в примере (3.31) из хинди. Понятно, что такая ситуация невозможна в языках ABS=NOM, поскольку абсолютив однозначно соответствует абстрактному номинативу, а он в пределах клаузы может быть только один.

- (3.31) ravii kelaa khaa rahaa thaа.
 Рави.ABS банан.ABS есть PROG быть.PST

‘Рави ел банан.’

Наконец, предикативное согласование в языках ABS=DEF в общем следует аккумулятивной модели, так что Т согласуется с подлежащим. При этом *quirky*-подлежащее, оформленное ингерентным эргативом, считается подходящей целью для операции AGREE в вальбири и энга, так что Т согласуется с S- и А-аргументами, но недоступно в качестве цели в ниуэ, где наблюдается только согласование с S-, но не с А-аргументом (и не с O!).

В примере (3.32) из вальбири мы наблюдаем одинаковый показатель субъектного согласования *-rna* '1SG.SU', контролируемый эргативным подлежащим в (3.32a) и абсолютным подлежащим в (3.32b). (3.32c) показывает, что абсолютное дополнение контролирует объектное согласование (показатель *-ju* '1SG.OBJ', отличный от показателя субъектного согласования для 1 л. ед. ч.).

- (3.32) a. Ngajulu-rlu-**rna**-ngku nyuntu nya-ngu.
 я-ERG-1SG.SU-2SG.OBJ ты.ABS видеть-PST
 'Я видел тебя.'
- b. Ngaju-**rna** parnka-ja.
 я.ABS-1SG.SU бежать-PST
 'Я бежал.'
- c. Nyuntulu-rlu-npa-*ju* ngaju nya-ngu.
 ты-ERG-2SG.SU-1SG.OBJ я.ABS видеть-PST
 'Ты видел меня.'

В ниуэ имеется предикативное согласование по категории числа, так что множественное число абсолютного подлежащего выражается редупликацией глагола (3.33a–b). (3.33c–d) показывают, что ни множественное абсолютное дополнение, ни множественное эргативное подлежащее подобного согласования не вызывают.

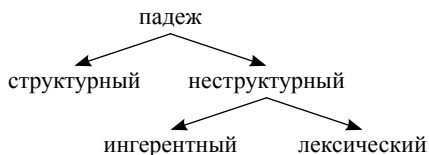
- (3.33) a. Mate tuai a ia.
 умирать PF ABS она
 'Она умерла.'
- b. **Ma**-mate tuai a laua.
 PL-умирать PF ABS они.DUAL
 'Они умерли.' (PL-S)
- c. Kua tā he tama e tau fakatino.
 PF рисовать ERG ребенок ABS PL картинка
 'Ребенок рисовал картинки.' (PL-O)
- d. Volu nakai he tau fānau e fua niu?
 тереть Q ERG PL дети ABS плод кокос
 'Трут ли дети кокосовый орех?' (PL-A)

Итак, по меньшей мере для некоторых эргативных языков — а именно тех, которые демонстрируют зависимость между лицензированием аргументов и характеристиками функциональных вершин, — оказывается

возможным предложить анализ, опирающийся на Теорию падежа генеративной грамматики. Сильным аргументом в пользу этого анализа оказывается тот факт, что *quirky*-подлежащие аккумулятивных языков находят естественное соответствие в эргативных языках — эргатив оказывается ингерентным падежом переходного подлежащего.

Некоторая натяжка, однако, в том, что если *quirky*-подлежащие аккумулятивных языков — это скорее маркированный случай, отступление от идеального соотношения между абстрактным и морфологическим падежом, навязываемое идиосинкратичными свойствами конкретных лексических глаголов, то эргативный падеж переходного подлежащего — это регулярное явление, не связанное с конкретной лексической единицей. Таким образом, ингерентный падеж аккумулятивных и эргативных языков существенно различаются по своим свойствам. Разрешить это противоречие призвана падежная теория Элен Вулфорд (Woolford 2006). Э. Вулфорд предлагает двухуровневую классификацию типов падежа: по признаку структурности и по признаку регулярности, см. схему 3.1.

Схема 3.1.
Классификация падежей в (Woolford 2006)

Отличия структурных от неструктурных падежей проверяются традиционными диагностиками. Неструктурные падежи сохраняются при А-передвижении (пассивизации, подъеме, см. исландские примеры (3.18)–(3.19), а также пример (3.34) из эргативного тонганского языка), возможны в позиции финитного подлежащего (см. исландские примеры (3.2) и др. выше, а также (3.35) из эргативного баскского языка).

- (3.34) a. ‘e lava
 AUX можно
 [‘o ako ‘e Pita ‘a e lea faka-Tonga].
 COMP учить ERG Питер ABS язык тонга
 ‘Возможно, Питер учит тонганский язык.’

- b. ‘e lava ‘e Pita [‘o ako ‘a e lea faka-Tonga].
 AUX можно ERG Питер COMP учить ABS язык тонга
 ‘Питер может учить тонганский язык.’

- (3.35) a. Ni etorri naiz.
я.НОМ приходит AUX
‘Я пришел.’
- b. Gizona-k kurritu du.
мужчина-ERG бежать AUX
‘Мужчина бежал.’

При подлежащем в неструктурном падеже возможно оформление прямого дополнения номинативом, как в исландском примере (3.18), повторяемом здесь как (3.36). Важно подчеркнуть, что в (3.36) речь идет именно о падеже дополнения, который никак не связан с финитностью Т и номинативом, который приписывается финитному подлежащему. Чтобы доказать это, рассмотрим пример (3.37) с ЕСМ-инфинитивом. В (3.37a) подлежащее инфинитивного оборота является результатом А-передвижения дополнения с неструктурным дательным падежом при пассивизации. Поскольку предикат ‘считать’ в исландском языке является ЕСМ-предикатом, он лицензирует подлежащее во вложенном актантном инфинитивном обороте, которое сохраняет свой неструктурный падеж (ср. с (3.37b), где стандартное подлежащее инфинитивного оборота получает структурный аккузатив). Обратим внимание на номинатив дополнения инфинитивного оборота *þessir sokkar* ‘эти носки’. Очевидно, что это не номинатив подлежащего, поскольку в инфинитивном обороте он не лицензируется (ср. (3.37b)), а в главной клаузе «расходуется» на собственное подлежащее *hann* ‘он’. Следовательно, остается заключить, что это номинатив дополнения. Э. Вулфорд распространяет эту трактовку номинатива и на падеж объекта эргативных языков при подлежащем в неструктурных эргативе и дативе (примеры (3.38a–b) из баскского языка).

- (3.36) Barninu batnaði veikin.
ребенок.ДАТ выздороветь.PST.3SG болезнь.НОМ
‘Ребенок выздоровел от болезни.’
- (3.37) a. Hann hafði talið [Jóni hafa verið
он.НОМ AUX считать.PART Йон.ДАТ AUX.INF AUX.PART
gefnir þessir sokkar].
давать.PART эти.НОМ носки.НОМ
‘Он считает, что Йону были даны эти носки.’
- b. Ég hafði talið [Maríu vita svarið].
я-НОМ AUX считать.PART [Мария.ACC знать.INF ответ.ACC]
‘Я считаю, что Мария знает ответ.’

- (3.38) a. Miren-ek atea ireki du.
 Мирен-ERG дверь-NOM открывать AUX
 ‘Мирен открыла дверь.’
- b. Ni-ri zure oinetako-a-k gustatzen zaizkit.
 я-DAT твои туфли-DET-NOM нравиться AUX
 ‘Мне нравятся твои туфли.’

Наконец, Э. Вулфорд рассматривает признаки связи с тета-ролью и регулярности (ср. таблицу 3.1) и предлагает заменить одно-однозначное соответствие между значениями этих признаков и типом падежа на имплицативные соотношения. Если падеж структурный, то он не связан с конкретной тета-ролью (обратное неверно: неструктурные падежи не обязательно выражают конкретную тета-роль). В плане регулярности имплицативное отношение такое: если падеж нерегулярный, то он неструктурный (таким образом, возможны регулярные неструктурные падежи, что и было камнем преткновения при классификации эргатива как неструктурного падежа подлежащего).

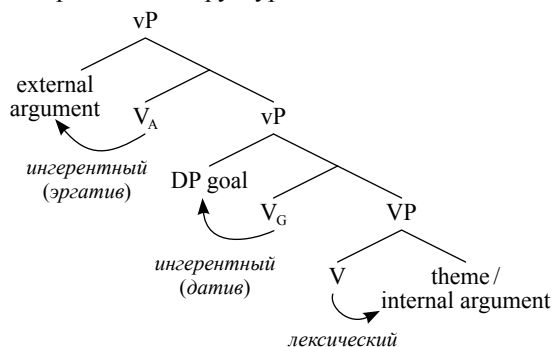
Неструктурные падежи, согласно Вулфорд, бывают двух типов: лексические и ингерентные. Лексические падежи связаны с конкретной лексемой (лексической вершиной) и идиосинкратичны. Они нерегулярны не только в том смысле, что отклоняются от обычного способа выражения данного грамматического отношения структурным падежом, но и в том смысле, что в общем случае не предсказуемы из семантики лексической вершины и не коррелируют с какой-либо тета-ролью. Ингерентные падежи можно представлять себе как падежи, ингерентно связанные с определенной тематической позицией. Так, эргатив — это падеж агентивного внешнего аргумента, а датив — падеж цели (goal). Ингерентные падежи регулярны в отношении выражения тета-роли, но не в отношении грамматического отношения (подлежащее, дополнение), т. е. соответствия структурной позиции.

Лексические и ингерентные падежи обнаруживают дополнительную дистрибуцию: лексический падеж возможен только для внутренних аргументов («тем»), а ингерентный падеж — только для внешних аргументов («агентов») и структурно приоритетных над темами аргументов — «целей»⁷¹. Соответственно, их лицензорами выступают разные типы вершин: лексические падежи лицензируются лексическими вершинами (V, P),

⁷¹ Вулфорд предполагает, опираясь на работы Марты МакГиннис (McGinnis 1996, 1998, 2001), что аргумент-цель битранзитивных глаголов (и аппликативных конструкций) проецируется особым легким глаголом v_G ; таким образом, в конструкции с битранзитивным глаголом над лексической вершиной последовательно доминируют два легких глагола — v_G и v_A .

а ингерентные падежи — функциональными вершинами, проецирующими соответствующий аргумент (так, падеж внешнего аргумента, эргатив, приписывается легким глаголом v_A , а падеж цели, датив, приписывается легким глаголом v_G). Лицензирование неструктурных падежей в системе Вулфорд схематически представлено в (3.39).

(3.39) Лицензирование неструктурных падежей

Итак, в системе Э. Вулфорд проблема возможной регулярности неструктурного падежа решается путем противопоставления тематически регулярных ингерентных и принципиально нерегулярных лексических падежей. Связь с тета-ролью и регулярность, которые в таблице 3.1 варьировали одновременно, в таблице 3.3 оказываются независимыми параметрами.

Таблица 3.3
Классификация падежей в (Woolford 2006)

	Неструктурные		Структурные
	Лексические	Ингерентные	
Вершина — источник падежа	лексическая	функциональная	функциональная
Связь с тета-ролью	нет	да	нет
Регулярность	нет	да	да
Пример	<i>quirky</i> -падеж в исландском языке, управляемый падеж при предлогах в русском языке	эргатив, датив битранзитивных глаголов	номинатив подлежащего, аккузатив дополнения

Рассмотренные нами подходы Дж. Легат и Э. Вулфорд, несмотря на определенные отступления от канонической Теории падежа генера-

тивной грамматики (например, в связи с согласованием как отдельным от приписывания падежа феноменом у Легат или в связи с архитектурой глагольной области у Вулфорд), сохраняют ядро генеративного подхода к падежу: (i) падеж является синтаксическим феноменом; (ii) именная группа нуждается в падеже как лицензоре и (iii) источниками падежа являются вершины. В следующем разделе мы обратимся к принципиально другому анализу падежа — конфигурационной теории, которая связывает падежное оформление основных аргументов клаузы не с приписывающими падеж вершинами, а с количеством аргументных ИГ и их взаимным расположением в синтаксической структуре.

3.3. Конфигурационные теории падежа

Семейство конфигурационных подходов к падежу может быть условно выделено на основании общей идеи, что основные падежи клаузы — номинатив, аккузатив и эргатив — не «распределяются» между функциональными вершинами, которые затем приписывают эти падежи именным группам, вступающим с ними в синтаксическое взаимодействие, а приписываются напрямую аргументным именным группам на основании их структурного соотношения друг с другом. Ранними воплощениями этой идеи можно считать подходы, использующие иерархии падежей для распределения их внутри клаузы (ср. парадигматический падеж в (Comrie 1976), а также использование иерархий внутри некоторых падежных ярусов (tiers) в (Yip et al. 1987)). В рамках конфигурационных теорий возможен единый подход к аккузативной и эргативной системам падежного кодирования как к симметричным феноменам: и аккузатив, и эргатив имеют статус некоторого «дополнительного», «зависимого» падежа, который возникает в клаузе тогда, когда одного номинатива для кодирования аргументов недостаточно.

Мы начнем изложение со статьи Алека Марантца (Marantz 1991), в которой представлена не только наиболее известная, но и, пожалуй, наиболее радикальная конфигурационная теория падежа, максимально противопоставленная падежной теории генеративной грамматики.

3.3.1. Теория А. Марантца

Объектом критики в статье (Marantz 1991) становятся основные положения Теории падежа генеративной грамматики. Марантц выдвигает следующие тезисы: (i) падеж не связан с лицензированием ИГ; (ii) падеж

является морфологическим, а не синтаксическим феноменом; (iii) приписывание падежа ИГ связано с вершинами опосредованно, через структурные конфигурации, создаваемые вершинами. Рассмотрим эти тезисы по порядку.

Как мы помним, положение о падеже как лицензоре ИГ было призвано объяснить два основных набора фактов: во-первых, дистрибуцию фонологически выраженных именных групп и PRO в позиции подлежащего инфинитивных оборотов (3.40)=(2.1) и, во-вторых, недопустимость внутренних аргументов неаккузативных и пассивных глаголов в базовой позиции (3.41)=(2.14).

- (3.40) a. Leo decided [(**Lina* / **himself*) to leave].
 ‘Лео решил (**Лине* / **себе*) уехать.’
 b. Leo believed [Lina to be a genius].
 ‘Лео считал Лину гением.’
 c. Leo decided [for Lina to leave].
 ‘Лео решил, что нужно, чтобы Лина уехала.’
 d. [For Leo to win] would be great.
 ‘Было бы здорово, если бы Лео победил.’
 e. **[Leo to win] would be great.*
- (3.41) a. John opened the door.
 ‘Джон открыл дверь.’
 b. *e* Was opened the door.
 ‘**Было* открыто дверь.’
 c. **It* was opened the door.
 ‘**Было* открыто дверь.’
 d. The door_i was opened t_i.
 ‘Дверь была открыта.’

Марантц справедливо указывает, что парадигма в (3.41) может быть объяснена без опоры на теорию падежа (см. также раздел 2.2.1 о «наложении» объяснительного потенциала теории падежа и ЕРР). В (3.41a) выполняются два условия: все аргументные ИГ спроецированы лексическим глаголом (выполняется принцип проекции) и позиция подлежащего (Spec, TP) занята фонологически выраженным материалом (соблюдается расширенный принцип проекции, ЕРР). Неграмматичность (3.41b) следует из нарушения ЕРР. (3.41c) и (3.41d) удовлетворяют и принципу проекции,

и ЕРР, однако (3.41d) можно считать более экономной деривацией (если предположить, что передвижение «дешевле» вставления эксплетива), поэтому вариант (3.41c) проигрывает конкуренцию варианту (3.41d) и не может быть реализован.

Подобная логика действует во всех случаях, где мы наблюдаем А-передвижение. Следовательно, заключает Марантц, здесь Теория падежа не нужна: именные группы лицензируются посредством проецирования и при учете ЕРР⁷². «Остаток» Теории падежа связан с лицензированием PRO и дополнительной дистрибуцией PRO и фонологически выраженных именных групп в позиции подлежащего. Поскольку позиция подлежащего является производной, принцип проекции не в состоянии обеспечить появление PRO только в нужных (лексически не управляемых) позициях: действительно, PRO, спроецированное в позиции дополнения, может быть как неграмматично (3.42a), так и грамматично (3.42b) (Marantz 1991: 20).

(3.42) a. *Elmer bought PRO.

‘Элмер купил PRO.’

b. Elmer preferred [PRO_i to be given t_i the bigger porcupine].

‘Элмер предпочел, чтобы ему дали самого большого дикобраза.’

Очевидно, что обобщение о дистрибуции PRO должно формулироваться в терминах его конечной позиции (= позиции в поверхностной структуре); это обобщение является «остатком» (RESidue) лицензирующей Теории падежа, который, согласно Марантцу, может быть сформулирован в непадежных терминах^{73, 74}.

⁷² «...NPs are licensed via projection (and the EPP)» (Marantz 1991: 19).

⁷³ В качестве такого обобщения Марантц предлагает, например, Принцип реализации в поверхностной структуре (The Surface Appearance Principle), который обеспечивает наличие управления фонологически выраженными единицами со стороны лексических вершин или вершины T: «A constituent X will appear in the surface structure tree by virtue of bearing a relation with respect to some item Y iff Y is a lexical item (i. e., not a phrase)» (Marantz 1984: 85).

⁷⁴ Кроме того, Марантц справедливо отмечает, что не только PRO, но и другая нулевая единица — *pro* — нуждается в правилах поверхностного лицензирования, которые бы запрещали ее появление в позициях, отличных от позиции подлежащего, и при этом не является дополнительно распределенной с фонологически выраженными именными группами. Следовательно, правила лицензирования нулевых единиц в общем случае не могут строиться на их дополнительной дистрибуции с ИГ.

Итак, Марантц делает вывод, что лицензирование именных групп не имеет отношения к падежу. Если это так, то пропадает необходимость рассматривать падеж внутри синтаксиса. Следовательно, можно предположить, что падеж — это морфологический феномен, который возникает в постсинтаксическом компоненте, подчиняется морфологическим правилам, невидим для синтаксиса и не может влиять на ход синтаксической деривации (в том числе и на ее крах). Рассмотрим аргументы в пользу морфологической трактовки падежа, которые предлагает Марантц.

«Отрицательным» аргументом являются многочисленные данные о несоответствии наблюдаемой на именной группе падежной морфологии «абстрактному» (синтаксическому, лицензирующему) падежу. Так, материал исландского языка, рассматривавшийся нами выше, показывает, что в тех позициях, где приписывается (морфологический) *quirky*-падеж, не обязательно приписывается абстрактный падеж, и наоборот, в позициях, где приписывается абстрактный падеж, именная группа может не получать падежной морфологии (см. подробнее раздел 3.1). Следовательно, дистрибуция морфологического падежа не объясняется реализацией абстрактного падежа (даже если он существует) и должна моделироваться независимо.

«Положительный» аргумент строится на материале эргативных языков. Анализируя данные грузинского, баскского и хинди, Марантц приходит к обобщению о реализации эргатива:

(3.43) Обобщение об эргативе

Эргативный падеж возможен только на внешнем аргументе⁷⁵.

Это обобщение кажется зеркальным отражением обобщения Бурцио:

⁷⁵ В (3.43) мы намеренно переформулируем обобщение Марантца, которое в первоисточнике звучит следующим образом: «no ergative case on a non-thematic subject (i. e., on an argument moved into a non-thematic subject position)» (Marantz 1991: 14). Под понятие нетематического подлежащего подпадают, во-первых, внутренние аргументы, передвигающиеся в позицию подлежащего у неаккузативов и пассивных глаголов, и, во-вторых, эксплетивные подлежащие. Терминология Марантца основывается на раннем генеративном допущении о проецировании внешнего аргумента непосредственно в позиции Spec, IP (= Spec, TP), вне глагольной группы. Тематическими подлежащими являются те именные группы, которые попадают в эту позицию вследствие своих тета-ролей, нетематическими — все остальные. В дальнейшем изложении теории Марантца мы будем исходить из эквивалентности терминов «внешний аргумент» и «тематическое подлежащее», а также эквивалентности вершин T(ense) и I(nflection).

(3.44) Обобщение Бурцио

Аккузативное дополнение возможно только у глагола, проецирующего внешний аргумент⁷⁶.

На первый взгляд, (3.43) и (3.44) обуславливают появление эргатива (в эргативных языках) или аккузатива (в аккузативных языках) наличием у глагола внешнего аргумента. Однако обобщение Бурцио было сформулировано как ограничение на приписывание *абстрактного* аккузатива внутреннему аргументу, то есть на его лицензировании *in situ*, в то время как в обобщении об эргативе речь идет о возможности *морфологического* эргатива. Это особенно хорошо видно на материале грузинского языка (и других языков с расщепленной эргативностью): внешний аргумент переходного глагола лицензируется (т. е., в терминах Теории падежа, получает абстрактный падеж) независимо от того, маркируется ли он эргативом (как в серии II) или номинативом (как в серии I):

(3.45) а. Серия II, эргативный внешний аргумент

nino-m	gia-s	surateb-i	ačvena.
Нино-ERG	Гия-DAT	картина-NOM	показывать.AOR

‘Нино показала Гии картину.’

б. Серия I, номинативный внешний аргумент

nino	gia-s	surateb-s	ačveneb-s.
Нино.NOM	Гия-DAT	картина-DAT	показывать.PRS

‘Нино показывает Гии картину.’

Гипотеза Марантца состоит в том, что обобщение об эргативе и обобщение Бурцио действительно являются двумя сторонами одной медали; и, поскольку обобщение об эргативе — это обобщение о морфологическом падеже, следует рассмотреть возможность того, что обобщение Бурцио — это обобщение о морфологическом аккузативе. В пользу такой возможности говорит, например, тот факт, что в исландском языке пассивизация влияет не на лицензирование дополнения, а на лицензирование морфологического аккузатива. Так, в примере (3.46с) внешний аргумент отсутствует и в позицию подлежащего продвигается одно из дополнений, однако это не оказывает влияния на лицензирование второго дополнения с ингерентным падежом в базовой позиции.

⁷⁶ В формулировке Марантца: «If a verb's subject position is non-thematic, the verb will not assign accusative structural Case».

- (3.46) a. *María óskaði Ólafi alls goðs.*
 Мария.NOM желать.PST.3SG Олаф.DAT всё.GEN хорошее.GEN
 ‘Мария пожелала Олафу всего хорошего.’
- b. *Pess vas óskað.*
 это.GEN AUX.PST.3SG желать.PART
 ‘Этого пожелали.’
- c. *Henni var óskað pess.*
 она.DAT AUX.PST.3SG желать.PART это.GEN
 ‘Ей пожелали этого.’

Таким образом, предположение, что содержательные обобщения, представленные в (3.43) и (3.44), относятся к морфологическому падежу, позволяет нам унифицировать конфигурации, в которых доступны морфологический аккузатив и морфологический эргатив:

- (3.47) Обобщение о морфологическом падеже
 Если глагол не проецирует внешний аргумент, то:
- (в аккузативных языках) не лицензируется морфологический аккузатив дополнения;
 - (в эргативных языках) не лицензируется морфологический эргатив подлежащего.

Легко видеть, что обобщение (3.47) уязвимо: появление «маркированного» падежа аккузативной и эргативной систем с синтаксическим классом глагола и тем самым похоже на описание схем морфосинтаксического кодирования ядерных аргументов, представленное в главе 1 в (1.15)–(1.16). Однако (3.47) отличается от (1.15)–(1.16) в нескольких отношениях. Во-первых, в (3.47) все внешние аргументы противопоставляются внутренним, так что не исключается появление аккузатива у дополнения и эргатива у подлежащего неэргативов⁷⁷. Во-вторых, (3.47) в отличие от (1.15)–(1.16) допускает большее варьирование в падежном оформлении подлежащих и дополнений. Так, дополнение двухместного глагола аккузативных языков может оформляться аккузативом (а может и другим

⁷⁷ И та и другая возможность, по-видимому, в некоторых случаях реализуются. Так, многие неэргативы допускают поверхностное выражение так называемого родственного объекта (cognate object) типа *жить жизнь*, *танцевать танец*, *работать работу* и т. п., причем в таком употреблении они становятся переходными, а дополнение получает аккузатив. Часть эргативных языков (например, грузинский, баскский) противопоставляют неаккузативы неэргативам и допускают оформление подлежащего — внешнего аргумента эргативом у одноместных глаголов.

падежом — например дативом, генитивом или номинативом), а подлежащее неэргативов эргативных языков может оформляться эргативом (а может и другим падежом — например дативом или номинативом). Общим у (3.47) и (1.15)–(1.16) является, собственно, запрет конфигурации, в которой единственный аргумент неаккузативов оформляется аккузативом в аккузативных языках или эргативом в эргативных.

Итак, трактовка падежа как морфологического феномена позволяет предложить единые правила приписывания аккузатива и эргатива. Заметим, что приписывание номинатива дополнению в синтаксической модели падежа связано с одинаковыми трудностями и для аккузативных, и для эргативных языков. Для номинатива дополнения в (3.36)–(3.38), сопровождающего *quirky*-подлежащие аккузативных языков и эргативные подлежащие эргативных языков, невозможно предложить тот же анализ, что и для номинатива подлежащего аккузативных языков, который, как мы помним, в Теории падежа реализует абстрактный номинатив, приписываемый финитным Т. Если же рассматривать падеж как морфологический феномен, можно считать номинатив дефолтным значением категории падежа, которое приписывается именной группе тогда, когда никакие другие, более специфичные значения не могли быть выбраны. В таком случае носители дефолтного значения категории не обязаны образовывать естественного класса.

Как же может выглядеть модель приписывания морфологического падежа? Марантц предполагает, что приписывание падежа происходит в постсинтаксическом морфологическом (либо морфолого-фонологическом) компоненте, опосредующем отношение между синтаксической репрезентацией предложения и его фонетической формой. Таким образом, в морфологическом компоненте языка с падежной системой все именные группы (вернее, цепи, включающие все позиции данной именной группы) получают падежный аффикс, конкретная реализация которого — падежный признак — определяется на основании позиции данной именной группы (вернее, всех звеньев ее цепи) в поверхностной синтаксической структуре.

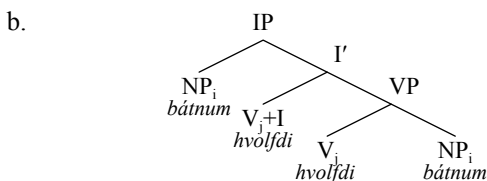
Выбор падежного признака происходит в соответствии с дизъюнктивной иерархией, упорядочивающей падежные конфигурации от наиболее специфичных до дефолтных.

(3.48) Дизъюнктивная иерархия реализации падежа

- лексически управляемый падеж
- «зависимый» падеж (аккузатив и эргатив)
- немаркированный падеж (чувствительный к синтаксическому окружению)
- дефолтный падеж

Дизъюнктивная иерархия призвана обеспечивать выбор наиболее специфичного падежного значения, доступного для данной цепи. Рассмотрим структуру, в которой исходное дополнение неаккузативного глагола получает ингерентный дательный падеж и затем продвигается в позицию подлежащего (подобная деривация может быть сопоставлена, например, исландскому предложению (3.49a)=(3.2a)). Цепь данной ИГ в принципе может претендовать на три падежных значения: датив в результате лексического управления «хвостом» цепи, аккузатив в соответствии со структурной позицией дополнения у «хвоста» цепи и номинатив на основании позиции производного подлежащего (Spec, IP⁷⁸) у «головы» цепи. Как мы знаем, в подобной ситуации всегда побеждает лексически управляемый падеж (благодаря чему и возникает феномен *quirky*-подлежащих / *quirky*-дополнений). Следовательно, лексически управляемый падеж должен занимать первую позицию в иерархии выбора падежного значения: если цепь управляется лексической вершиной, приписывающей лексический падеж, падежный аффикс реализует этот падеж и выбывает из дальнейшей процедуры выбора падежа.

- (3.49) a. *Bátnum hvolfdi.*
 лодка.DAT перевернуться.PST.3SG
 ‘Лодка перевернулась.’

После того, как все цепи были проверены на возможность получения ими лексически управляемого падежа, мы переходим на этап приписывания зависимого падежа — аккузатива и эргатива. В падежной теории Марантца аккузатив и эргатив зависимые в том смысле, что их приписывание цепи именной группы обусловлено наличием в области приписывания падежа цепи другой именной группы, также пока беспадежной (то есть не получившей лексически управляемого падежа на предыдущем этапе). Область приписывания зависимого падежа определяется как клауза (IP), так что в конкуренции за зависимый падеж участвуют все цепи аргументных именных групп, управляемые сложной вершиной V+I⁷⁹.

⁷⁸ Напомним, что в статье Марантца вместо вершины T используется вершина I.

⁷⁹ Марантц использует стандартное понятие управления со стороны вершины (head government) при m-командовании и минимальности, см. раздел 2.2.2

Правило приписывания зависимого падежа представлено в (3.50).

(3.50) Зависимый падеж приписывается вершиной V+I позиции, управляемой V+I, если есть еще одна позиция, управляемая V+I, которая:

- a. не «маркирована» (то есть не входит в лексически управляемую цепь);
- b. не входит в одну цепь с рассматриваемой позицией.

Зависимый падеж, приписываемый верхней позиции, — эргатив.

Зависимый падеж, приписываемый нижней позиции, — аккумулятив⁸⁰.

Обсудим конфигурации, в которых могут возникать зависимые падежи. Во-первых, это переходная конструкция с двумя аргументами без лексически управляемых падежей, как в (3.51a–b). Глаголы ‘открывать’ в баскском и ‘арестовывать’ в исландском не приписывают лексических падежей, так что на этапе приписывания зависимого падежа имеет место конфигурация (3.51c): вершина V+I управляет двумя позициями, соотносящимися с двумя различными (для Марантца — однозвеньевыми) цепями, и ни одна из этих позиций не входит в лексически управляемую цепь. Возникают условия для приписывания зависимого падежа: в эргативном баскском языке приписывается эргатив подлежащему, в аккумулятивном исландском языке приписывается аккумулятив дополнению.

- (3.51) a. Miren-ek atea ireki du.
 Мирен-ERG дверь.НОМ открывать AUX
 ‘Мирен открыла дверь.’
- b. Lögreglan tók Sigu fasta.
 полиция.НОМ брат.РСТ.3SG Сигга.АСС РВ.АДЖ.АСС
 ‘Полиция арестовала Сиггу.’

и определение (2.20); он также предполагает, что если V управляет XP, то сложная вершина V+I также управляет XP. Соответственно, V+I управляет подлежащим в Spec, IP и прямым дополнением в Comp, VP.

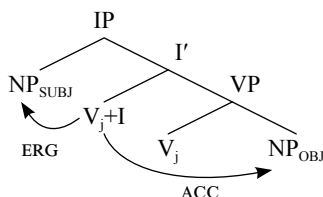
⁸⁰ «Dependent case is assigned by V+I to a position governed by V+I when a distinct position governed by V+I is:

- a. not “marked” (not part of a chain governed by a lexical case determiner)
- b. distinct from the chain being assigned dependent case

Dependent case assigned up to subject: ergative

Dependent case assigned down to object: accusative» (Marantz 1991: 25).

с.

Возможно ли приписывание зависимого падежа в конфигурации с одноместным глаголом? Согласно обобщению в (3.47), аккузатив и эргатив не должны появляться при глаголах без внешнего аргумента (неаккузативах и пассивах), и правило (3.50) позволяет исключить такую возможность. Действительно, в таких конструкциях вершина V+I управляет двумя позициями (Spec, IP и Comp, VP), однако эти позиции входят в одну цепь. Соответственно, условий для приписывания зависимого падежа не возникает.

Ситуация с неэргативами несколько сложнее. У неэргативов аккузативных языков, очевидно, аккузатив дополнения должен быть доступен, если дополнение выражено (и тем самым глагол используется как переходный). Неэргативы эргативных языков, как известно, демонстрируют существенное варьирование в оформлении внешнего аргумента как в межъязыковом, так и во внутриязыковом аспекте. Это варьирование можно представлять себе как следствие различной трактовки в принципе доступной позиции внутреннего аргумента: для одних языков (например, дагестанских, в которых все неэргативы приписывают номинатив внешнему аргументу) только наличие выраженного внутреннего аргумента лицензирует эргатив на внешнем аргументе (ср. пример (3.52) из багвалинского языка (Кибрик (ред.) 2001: (4.40а–б)); для других языков (например, грузинского или баскского) важна потенциальная доступность позиции внутреннего аргумента, так что эргатив может получить и подлежащее одноместного глагола (ср. пример (3.53) из баскского языка).

- (3.52) a. anwar / *anwar-i-r Hinčuri.
 Анвар.NOM / *Анвар-OBL-ERG чихать.PST
 ‘Анвар чихнул.’
- b. anwar-i-r / *anwar Xint’_o Hinčuri.
 Анвар-OBL-ERG / *Анвар.NOM сопля.NOM чихать.PST
 ‘Анвар чихнул соплей (= соплю).’

- (3.53) Nik lan egin dut.
 я.ERG работать LV AUX.1SG
 ‘Я работаю’.

Наконец, еще один класс случаев, который позволяет объяснить (3.50), — это отсутствие аккузатива дополнения у глаголов с *quirky*-подлежащим (исландский (3.54a)) и отсутствие эргатива подлежащего у глаголов с *quirky*-дополнением (багвалинский (3.54b), Кибрик (ред.) 2001: (4.376)). В соответствии с дизъюнктивной иерархией (3.48) первым приписывается лексически управляемый падеж, после чего цепь соответствующей ИГ больше не участвует в конкуренции за падеж, и позиции ее звеньев не могут выступать в качестве основы для приписывания зависимых падежей.

- (3.54) a. Barninu batnaði veikin.
 ребенок.DAT выздороветь.PST.3SG болезнь.NOM/*ACC
 ‘Ребенок выздоровел от болезни.’
- b. anwar / *anwar-i-r ıla-İa w-alli.
 Анвар.NOM / *Анвар-OBL-ERG мать-OBL.SUP.LAT м-кричать.PST
 ‘Анвар обратился к матери.’

После того, как зависимые падежи приписаны, у оставшихся цепей есть возможность получить немаркированный падеж. Немаркированность падежа у Марантца не имеет отношения к морфологической сложности падежного показателя; немаркированный падеж — это падеж, который свойственен зависимым ИГ в синтагмах определенного типа. Так, например, генитив — это немаркированный падеж в именной группе.

Наконец, если ни один из предыдущих типов падежа в дизъюнктивной иерархии не был приписан, ИГ получает падеж «по умолчанию» — дефолтный падеж. Дефолтный падеж обычно наименее маркированный с морфологической точки зрения, а конфигурации, в которых он встречается, не образуют естественного класса. Например, номинатив в аккузативных языках — это падеж и подлежащего переходного глагола, и единственного аргумента одноместного глагола, и дополнения при *quirky*-подлежащем; в эргативных языках номинатив оформляет внутренний аргумент неаккузативов и переходных глаголов, а также внешний аргумент неэргативов и двухместных глаголов с *quirky*-дополнением; кроме того, в обоих типах языков номинатив выступает как форма называния и как форма именного сказуемого.

Важно отметить, что, поскольку дефолтный падеж как значение падежного аффикса доступен всегда, невозможна ситуация, в которой отсутствие падежа у именной группы приводит к неграмматичности. Именно поэтому не только абстрактный, но и морфологический падеж не может иметь отношения к лицензированию именных групп ни в синтаксической

структуре, ни в фонетической форме. Таким образом, в падежной теории Марантца морфологический падеж вычисляется на основании синтаксической структуры (регулируемой принципами проекции и ЕРР), но не лицензирует ее⁸¹.

Последнее замечание, которое необходимо сделать в этом разделе, касается связи между приписыванием падежа и определенными синтаксическими вершинами. В Теории падежа генеративной грамматики эта связь непосредственная — источниками падежа являются лексические и функциональные вершины, которые и приписывают (абстрактный) падеж именной группе. В теории Марантца на первый взгляд речь также идет о падежном взаимодействии между вершинами и именными группами (цепями, позициями): в определении лексического и зависимого падежа фигурирует понятие управления со стороны вершины. Однако в действительности только лексически управляемый падеж приписывается непосредственно вершиной. Правило приписывания зависимого падежа использует понятие управления со стороны вершины V+I для того, чтобы задать локальную область, в которой происходит падежная конкуренция, а участие управляющей вершины в приписывании зависимого падежа не-принципиально. Вместо сложной вершины V+I в качестве приписывателя зависимого падежа мы можем рассматривать собственно конкурирующую именную группу (цепь, позицию) либо саму конфигурацию, в которой создаются условия для зависимого падежа. В этом смысле теория зависимого падежа Марантца является конфигурационной — падеж вычисляется на основании взаимного расположения (конфигурации) аргументных именных групп в некоторой локальной области.

3.3.2. Зависимый и дефолтный падеж: новые идеи

Теория Марантца послужила отправной точкой для целого семейства подходов, в том или ином отношении альтернативных канонической Теории падежа. Интересно, что оказалось возможным использовать отдельные положения анализа Марантца и на их основе строить Теорию падежа, совместимую с иными, чем у Марантца, теоретическими допущениями. В частности, многие исследователи «возвращают» приписывание падежа обратно в синтаксический компонент модели, хотя и не связывают функции падежа в синтаксисе с лицензированием именных групп. Наиболее

⁸¹ «Morphological case interprets the syntactic structures licensed by projection but does not itself figure into licensing» (Marantz 1991: 19).

плодотворными идеями конфигурационной теории оказались представление о зависимом падеже и противопоставление дефолтного падежа прочим падежным формам⁸².

Последовательной разработке теории Марантца и ее приложению к ряду германских и финно-угорских языков посвящена диссертация (McFadden 2004). Т. МакФадден принимает положения о морфологическом характере падежа и отсутствии связи между падежом и лицензированием именных групп. Основные новации связаны с устранением управления из правила приписывания падежа и, вследствие этого, необходимости апеллировать в контексте морфологического падежа к отношению между вершинами и именными группами. Вместо этого МакФадден вводит контекстно-обусловленную реализацию падежа, опирающуюся на пучок дифференциальных признаков. В частности, для четырехпадежных германских языков, таких как немецкий или исландский, синтаксический контекст задает спецификацию падежа в привативных признаках [+case], [+inferior], [+oblique], [+genitive].

- (3.55) Спецификация признаков для вставления лексических единиц
 номинатив: [+case]
 аккузатив: [+case, +inferior]
 датив: [+case, +inferior, +oblique]
 генитив: [+case, +inferior, +oblique, +genitive]⁸³

Неструктурные падежи — датив и генитив — возникают тогда, когда именная группа оказывается в синтаксическом контексте лексической или функциональной вершины, лицензирующей признаки [+oblique] и [+genitive]. Так, согласно анализу МакФаддена, аргументный датив в немецком языке преимущественно связан с позицией спецификатора аппликативной вершины v_{APPL} ; соответственно, правило (3.56) постулирует в этом контексте реализацию морфологического падежного признака как датива (McFadden 2004: 225 (234)).

- (3.56) [+case] $\Leftrightarrow$ [+case, +oblique, +inferior] / [v_{APPL} DP [v_{APPL} ...]]

⁸² В этой связи интересно вспомнить об исключении номинатива из состава падежных форм в античной традиции.

⁸³ В (3.55) речь идет об аргументном, а не приименном генитиве. МакФадден считает генитив, управляемый глаголами и предлогами, более специфичным, чем датив; он отмечает, что в речи молодого поколения такой генитив часто заменяется дативом, что получает естественное объяснение в признаковой спецификации (3.55) как следствие утраты признака [+genitive].

Структурные падежи — номинатив и аккузатив — реализуются тогда, когда контекст не задает специфических признаков [+oblique] и [+genitive]. Задачу разграничения аккузатива и номинатива решает признак [+inferior] — аналог статуса зависимого падежа в (Марантц 1991). В поисках контекста для появления признака [+inferior] МакФадден переформулирует обобщение Бурцио в репрезентационных терминах (McFadden 2004: 192):

- (3.57) DP получает зависимый аккузатив, если она с-командуется локально расположенной непустой позицией Spec, *v*P.

Как мы видим, в (3.57) речь идет не о проецировании вершиной *v* тематического внешнего аргумента, а лишь о заполненности соответствующей позиции. О преимуществе такой формулировки для немецкого языка свидетельствуют, например, конструкции с безличным *es* (3.58a), которое возникает в аргументной позиции (и вследствие этого не исчезает при инверсии, (3.58b)), однако не получает тета-роли⁸⁴.

- (3.58) a. Es gibt einen Fußballgott.
EXPL имеется футбольный_бог.АСС
‘Существует бог футбола.’
- b. Gibt *(es) einen Fußballgott?
имеется EXPL футбольный_бог.АСС
‘Существует ли бог футбола?’

Требование локальности в (3.57) есть не что иное, как указание на область падежной конкуренции (case competition). В теории Марантца эта область задается декларативно, в определении зависимого падежа, как область, управляемая при *m*-командовании сложной вершиной *V+I*. Принимая во внимание различные типы зависимых клауз (комплементы обычных матричных предикатов, ЕСМ-предикатов, каузативных глаголов), МакФадден выводит обобщение (3.59a) и предположительно связывает понятие минимальной клаузы с фазами переходного легкого глагола (*v*_{TR}) и CP (3.59b).

- (3.59) Падежная область (McFadden 2004: 202–204)
- a. Падежная область для DP есть минимальная содержащая ее клауза.

⁸⁴ Заметим, что Марантц также приводит данные о нарушении обобщения Бурцио в конструкциях с нетематическим подлежащим в японском языке (пассивы с продвижением посессора) и в кичага (пассивы от аппликативных конструкций).

- b. Падежная область для DP есть минимальная содержащая ее фаза⁸⁵.

Учитывая (3.57) и (3.59), контекст для признака [+inferior] задается правилом (3.60) (McFadden 2004: 225):

- (3.60) [+case] $\Leftrightarrow$ [+case, +inferior] / [_{PHI} [_{VP} DP [_{V'} ... [DP_i — ...]]]]
так что не существует дополнительной фазы PH_k, которая содержала бы DP_i и сама входила бы в фазу PH_i.

Наконец, если DP не получила ни зависимого, ни неструктурного падежа, ее падежный признак реализуется как номинатив. Номинатив оказывается дефолтным падежом в том смысле, что является опцией «elsewhere» для реализации признака [+case].

Заметим, что падежная иерархия у МакФаддена определяется спецификацией признаков и вследствие этого не нуждается в дополнительной иерархии порядка приписывания падежей. Соответственно, процедура определения падежного оформления именных групп может происходить «за один проход», без циркулярности. Рассмотрим действие правил на конкретном примере — немецком предложении (3.61a).

Предложению (3.61a) сопоставляется синтаксическая структура (3.61b)⁸⁶, поступающая на вход морфологического компонента. Определение падежной спецификации происходит снизу вверх. Первая именная группа — прямое дополнение *einen Blumenstrauß* ‘букет цветов’. Поскольку синтаксический контекст данной ИГ удовлетворяет правилу (3.60) — в пределах фазы переходного глагола имеется заполненная

⁸⁵ Единственный случай, когда определение (3.59b) делает неправильные предсказания, — это каузативные конструкции, в которых в зависимой клаузе приписывается аккузатив, несмотря на отсутствие падежного конкурента внутри нее, как в исландском примере (i):

(i) Gestgjafinn_i [_{VP} t_i lét [_{VP} skenkja honum nýjan drykk]].
гость.NOM CAUS налить он.DAT новый напиток.ACC

‘Гость распорядился, чтобы ему налили еще одну порцию.’ (‘The host had a new drink poured for him.’)

МакФадден предлагает модифицировать понятие фазы так, чтобы в случае непосредственного вложения одной vP в другую только верхняя получала статус фазы.

⁸⁶ В целях наглядности мы намеренно упрощаем деривацию и не отражаем тот факт, что в распределенной морфологии лексическое вставление происходит после применения морфологических правил, так что вместо лексических единиц (3.61b) должно содержать лишь узлы с признаками.

(копией подлежащего) позиция Spec, vP, — эта именная группа получает дополнительный признак [+inferior] и будет реализована морфологическим аккузативом. Следующая именная группа *seiner Freundin* ‘своей девушке’ находится в позиции спецификатора аппликативной вершины, поэтому в соответствии с правилом (3.56) получает признаки [+oblique, +inferior], что влечет морфологическое маркирование дательным падежом. Наконец, именная группа *der Sepp* ‘Иосиф’ ни в одной из своих структурных позиций не удовлетворяет правилам (3.56) и (3.60), поэтому остается с признаком [+case], который реализуется номинативом.

- (3.61) a. Der Sepp hat seiner Freundin
 Иосиф.NOM AUX своя подруга.DAT
 einen Blumenstrauß gekauft.
 цветочный_букет.ACC купить.PART
 ‘Иосиф купил своей девушке букет цветов.’
- b. [Der Sepp hat [_{VP} ~~der Sepp~~ [_{APPL,VP} seiner Freundin
 [+case] [+case, +inferior, +oblique]
 ↓ [_{VP} einen Blumenstrauß gekauft]]]] ↓
 NOM ACC DAT

Итак, анализ, предложенный в диссертации (McFadden 2004), следует основным положениям теории Марантца: падеж рассматривается как морфологический феномен и вычисляется в постсинтаксическом морфологическом компоненте; падеж не имеет отношения к лицензированию именных групп; падеж определяется структурной позицией именной группы и ее положением относительно других именных групп в определенных структурных позициях. Идеи зависимого и дефолтного падежа заложены в признаковую спецификацию падежей и в контекстно-зависимые правила реализации признаков. Область конкуренции падежей — падежная область — определяется единообразно как фаза деривации.

В системе Марантца исходной идеей является, безусловно, морфологический характер правил приписывания падежа, подчиняющийся иерархии специфичности и принципу «elsewhere». Отсюда следует гипотеза о морфологическом характере падежа и, далее, об отказе от абстрактного падежа как лицензора именных групп. Однако не всем исследователям эти положения представляются неизбежно связанными друг с другом. Предпринимаются попытки имплементировать наиболее привлекательные идеи конфигурационного подхода — о зависимом и дефолтном падеже — в синтаксические деривационные механизмы генеративной грамматики.

Пожалуй, одна из самых известных работ такого плана — статья М. Биттнер и К. Хейла (Bittner, Hale 1996). В их системе падежная морфология является реализацией нескольких синтаксических категорий. Все морфологические падежи, кроме номинатива, называются маркированными и реализуют вершину K(ase), возглавляющую группу синтаксического падежа. К является структурным аналогом С:

(3.62) а. [CP [IP [VP]]]

б. [KP [DP [NP]]]

Ингерентные (косвенные) падежи соотносятся с конкретными фонологически выраженными вершинами К, которые выбираются в результате синтаксической селекции со стороны управляющих вершин аналогично тому, как глаголы выбирают управляемые предлоги (*depend* ‘зависеть’ выбирает *on*, *look* ‘смотреть’ выбирает *at* и т. п.). Прямые маркированные падежи — аккузатив и эргатив — соответствуют КР с нулевой вершиной К. Как и любая пустая категория, нулевая вершина К подчиняется принципу пустой категории (ЕСР) и должна антецедентно управляться коиндексированной функциональной вершиной. Антецедентное управление вершиной К со стороны коиндексированной с ней функциональной вершины приводит к падежному связыванию⁸⁷ К и КР. Морфологическая реализация вершины К определяется тем, какая вершина падежно связывает КР:

(3.63) Правило реализации прямого падежа

Если α падежно связывает составляющую β , такую что β — фонологически выраженная КР с нулевой вершиной, то нулевая вершина К составляющей β реализуется как

а. ERG, если α — I (или D);

б. ACC, если α — V (или P) и к этой вершине адъюнгирована вершина D⁸⁸.

⁸⁷ У Биттнер и Хейла понятие падежного связывания (case-binding) заменяет приписывание падежа при управлении: вместо приписывания падежа DP со стороны управляющей вершины X в системе Биттнер и Хейла вершина X падежно связывает КР, в которую вложена данная DP, а также ее вершину К.

⁸⁸ Биттнер и Хейл предполагают, что в языках с аккузативными падежными системами в глагол (и предлог) инкорпорирован прономинальный аргумент, который и выступает «падежным конкурентом» в глагольной (или предложной) группе, необходимым для падежного связывания пустого К (= лицензирования зависимого аккузатива) в глагольной (предложной) группе. Таким образом, аккузативная

Наконец, номинативная именная группа не имеет падежной оболочки и соответствует DP. Лицензирование DP по-прежнему определяется падежным фильтром, но сам падежный фильтр получает новую форму: вместо получения абстрактного падежа DP должна быть К-видима (K-visible).

(3.64) К-видимость

DP К-видима, если она с-командуется и управляется вершиной К или ее структурным аналогом — С.

Легко видеть, что DP может удовлетворить требование К-видимости, если она вложена в КР либо располагается в такой структурной конфигурации, что ею управляет и с-командует С. Такая конфигурация может быть достигнута либо передвижением DP в Spec, IP (как в аккумулятивном английском языке или в эргативных дирбале и западно-гренландском инуите), либо за счет последовательной инкорпорации V-to-T-to-C, так что вершина, управляющая DP, «передает» свои управляющие свойства С (как в аккумулятивных японском и иврите или эргативном самоанском или вальбири). Первый тип языков Биттнер и Хейл называют языками с подъемом (raising accusative / raising ergative languages), имея в виду под подъемом передвижение номинативной DP, а второй тип языков — прозрачными языками (transparent accusative / transparent ergative languages), поскольку передвижение вершин делает узлы IP и VP «прозрачными» для управления со стороны вышестоящих вершин.

Одновременно с лицензированием номинативной DP возникающие конфигурации могут создавать условия для падежного связывания нулевой вершины К у коаргументной ИГ (что, как мы помним, является условием лицензирования пустой категории К, т. е. маркированного прямого падежа). Падежное связывание вершины К происходит в результате падежной конкуренции КР и беспадежной именной составляющей — DP или D.

(3.65) Падежное связывание вершины⁸⁹

Пусть α — вершина V или I, а β — аргумент. Тогда α падежно связывает β и вершину β , если

— α локально с-командует β ;

— α управляет падежным конкурентом β .

конструкция как результат инкорпорации именной вершины в глагол структурно соотносится с антипассивной. Объединение I с D в (3.63a) связано с использованием эргатива в качестве падежа посессора во многих эргативных языках.

⁸⁹ В целях изложения определения (22), (24) из (Bittner, Hale 1996: 12) несколько упрощены.

(3.66) Падежный конкурент

γ — падежный конкурент для аргумента β , если γ — именная составляющая без оболочки КР (т. е. DP/NP или D/N), которая входит в цепь с коаргументом β .

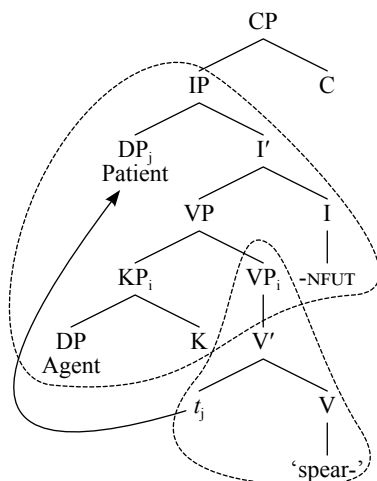
Обратим внимание на то, что при падежном связывании требования к КР более сильные, чем к DP/D: КР должна локально с-командоваться со стороны α , что в системе Биттнер и Хейла исключает позицию адъюнкта к максимальной проекции (а это — предполагаемая позиция внешнего аргумента в VP), а также «интервенцию» (в смысле (Rizzi 1990)) других КР и других вершин между КР и α . Требования к падежному конкуренту (DP/D) слабее: он должен только управляться со стороны α , что не исключает позиции спецификатора α , поскольку управление определяется через *m*-командование, а также наличия других КР/DP между падежным конкурентом и α .

Рассмотрим действие системы Биттнер и Хейла на конкретных примерах. В (3.67) представлена переходная клауза из языка дирбал, в классификации Биттнер и Хейла эргативного языка с подъемом. Эргативная конструкция предложения означает, что внутренний аргумент возникает в аргументной структуре как DP, а внешний — как КР с нулевой вершиной К. В пределах глагольной группы ни один из аргументов не лицензируется. Внутренний аргумент (DP) не удовлетворяет требованию К-видимости, поскольку не управляется и не с-командуется ни К, ни С. DP внешнего аргумента удовлетворяет К-фильтру, поскольку вложена в КР, однако сама КР имеет нулевую вершину К, которая, в соответствии с принципом пустой категории, должна быть падежно связана. Однако падежное связывание со стороны V невозможно, поскольку отношения с-командования между V и внешним аргументом нет.

При передвижении DP внутреннего аргумента в Spec, IP (3.67b) решаются обе проблемы. Во-первых, эта DP оказывается в конфигурации управления и с-командования со стороны С и, таким образом, оказывается К-видима и преодолевает К-фильтр. Во-вторых, в IP возникает необходимая конфигурация для падежного связывания нулевого К внешнего аргумента со стороны вершины I: действительно, I управляет падежным конкурентом и локально с-командует КР. Согласно (3.63), нулевое К, связанное вершиной I, реализуется как морфологический эргатив.

- (3.67) a. Payi parrkan pangkul yara-ngku
 CL.NOM кенгуру.NOM CL.ERG мужчина-ERG
 juffka-nyu.
 пронзить_копьем-NONFUT
 ‘Мужчина пронзает копьем кенгуру.’

b.

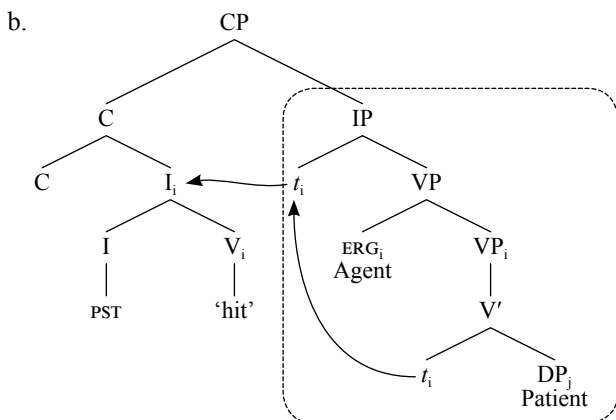
Отметим, что ни одна из альтернативных дериваций (3.67) не возможна. Если бы оба аргумента были представлены DP, то одна из них не могла бы быть К-видима. Если бы DP была вставлена в позицию внешнего аргумента, а KP — в позицию внутреннего аргумента, то нулевая вершина К не могла быть падежно связана ни в VP (поскольку в ней отсутствует необходимый падежный конкурент), ни в IP (поскольку внутренний аргумент не находится в отношении локального с-командования с I). Наконец, вставление двух KP в аргументные позиции также лишает структуру падежного конкурента, а значит, ни одна из двух К не может быть падежно связана.

Легко видеть, что деривация неаккузативов и неэргативов возможна только при вставлении DP в позицию единственного аргумента — для KP с нулевой вершиной не найдется падежного конкурента. Следовательно, одноместные глаголы будут единообразно оформлять свой единственный аргумент номинативом (и располагать его в Spec, IP). Таким образом, система правильно предсказывает эргативную падежную модель.

Обратимся теперь к материалу прозрачного эргативного языка самоа (австронезийский). Отличие самоа от дирбал в том, что в клаузе самоа происходит обязательное передвижение V-to-I-to-C, так что глагольная и предикативная вершины последовательно инкорпорируются в С. За счет этого VP больше не является барьером для управления со стороны I и С, а IP — барьером для управления со стороны С. Таким образом, С управляет внутренним аргументом, что делает его К-видимым. I управляет внешним и внутренним аргументом, при этом локально с-командует только

внешним. Вследствие этого возникают условия для падежного связывания нулевой К внешнего аргумента. Отметим, что если бы КР оказалась в позиции внутреннего аргумента, а DP — в позиции внешнего аргумента, то падежное связывание со стороны I было бы невозможно: внешний аргумент выступал бы «интервентом», разрушающим локальность с-командования при падежном связывании.

- (3.68) a. Sa sasa e le teine le maille.
 PST ударить [ERG DEF девочка] [DEF собака]
 ‘Девочка ударила собаку.’

Интересно, что два типа эргативных языков различаются структурным соотношением между внешним и внутренним аргументами. В эргативных языках с подъемом структурно приоритетным оказывается внутренний аргумент переходного глагола, вследствие чего те синтаксические процессы, мишенью которых является самая верхняя аргументная именная группа, реализуют эргативную стратегию. Именно поэтому эргативные языки с подъемом обычно классифицируют как синтаксически эргативные. В прозрачных эргативных языках структурные отношения между внешним и внутренним аргументами соответствуют их базовым позициям, поэтому при морфологической эргативности эти языки проявляют аккузативный (или нейтральный) синтаксис.

Обратимся теперь к аккузативным языкам. Можно заметить, что правила (3.63)–(3.66) сформулированы как универсальные, независимые от морфологического типа языка. Следовательно, мы не можем определить аккузатив как падеж «нижней» ИГ из двух падежных конкурентов: в противном случае мы не сможем исключить появления аккузатива

в эргативных языках. Значит, аккумулятив не должен возникать в результате конкуренции с номинативом подлежащего.

Биттнер и Хейл предполагают, что аккумулятивная конструкция возникает благодаря инкорпорации именной вершины в глагол. Такое диахроническое развитие действительно засвидетельствовано в тангкских языках, где источником аккумулятивной конструкции является антипассивная конструкция. Антипассивная конструкция эргативных языков и в самом деле имеет много общего с аккумулятивной конструкцией: внешний аргумент оформляется номинативом, а внутренний — маркированным падежом (в примере (3.69) из западно-гренландского — инструменталисом, (Bittner, Hale 1996: (57))).

- (3.69) a. Juuna-p Anna kunip-p-a-a.
 Джон-ERG_i Анна_j целовать-IND-[+TR]-3SG_i.3SG_j
 ‘Джон поцеловал Анну.’
- b. Juuna (Anna-mik) kunis-si-v-u-q.
 Джон.NOM_i (Анна-INSTR) целовать-APASS-IND-[-TR]-3SG_i
 ‘Джон целует Анну.’

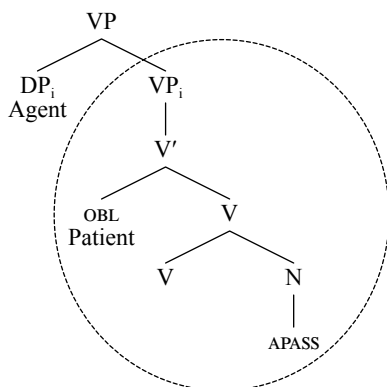
Инструменталис в антипассивной конструкции (3.69b) едва ли является лексическим падежом (т. е. соответствует КР с непустой вершиной, выбранной глаголом на основании лексической селекции) — «перекодирование» номинативного аргумента инструменталисом является регулярным лексически неограниченным процессом. Более того, в антипассивизированной каузативной конструкции (3.70b) возможно ЕСМ-маркирование инструменталисом субъекта вложенной клаузы (Bittner, Hale 1996: (62)), что явно говорит о структурном характере этого падежа в контексте антипассива:

- (3.70) a. Miiraq (ini-mi-ni) sinip-p-u-q.
 ребенок.NOM (комната-3SG.PROX-LOC) спать-IND-[-TR]-3SG
 ‘Ребенок спит (в своей комнате).’
- b. Juuna miiqqa-mik (ini-mi-ni)
 Джон.NOM ребенок-INS (комната-3SG.PROX-LOC)
 sini-tsit-si-v-u-q.
 спать-CAUS-APASS-IND-[-TR]-3SG
 ‘Джон уложил ребенка в его комнате.’

Биттнер и Хейл предлагают рассматривать инструменталис как специфичную для данного языка реализацию прямого падежа. КР с пустой

вершиной в позиции внутреннего аргумента лицензируется в антипассивной VP в соответствии со (3.65), если рассматривать показатель антипассива как именную составляющую, выступающую падежным конкурентом для внутреннего аргумента (3.66).

(3.71)

Заметим, что КР внутреннего аргумента в антипассивной конструкции, будучи падежно связанной со стороны сложной вершины V+N, не может быть реализована ни как эргатив (поскольку для эргатива необходимо падежное связывание КР со стороны I), ни как аккузатив (поскольку для аккузатива необходимо падежное связывание КР со стороны V+D), см. (3.66). Поэтому для (3.71) необходимо особое правило реализации нулевого К:

(3.72) Реализация К косвенным падежом (западно-гренландский)

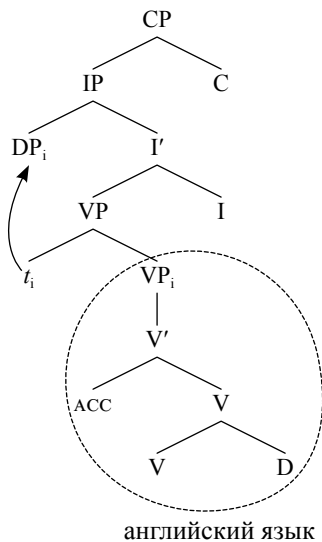
Если α падежно связывает выраженную КР β , имеющую нулевую вершину, и не удовлетворяет условиям в (3.63a–b), тогда нулевая вершина К составляющей β реализуется как *INS*, при условии, что α является лексической вершиной и β c-командует вершиной α .

Легко видеть, что структура в (3.71) будет реализована как номинативно-аккузативная, если инкорпорированная в глагол морфема будет переосмыслена в отношении синтаксической категории — как функциональная вершина D. Другим возможным источником сложной вершины V+D Биттнер и Хейл считают реанализ инкорпорации местоименного объекта как согласовательного показателя в глаголе. И в том и в другом случае к глагольной вершине адъюнируется именная вершина D, которая и выступает падежным конкурентом для комплемента глагола. Распространяя этот анализ на все случаи приписывания аккузатива, Биттнер и Хейл предполагают, что глагол аккузативных языков всегда имеет инкорпорированную вершину D. Заметим, что в соответствии со (3.65) только внутренний

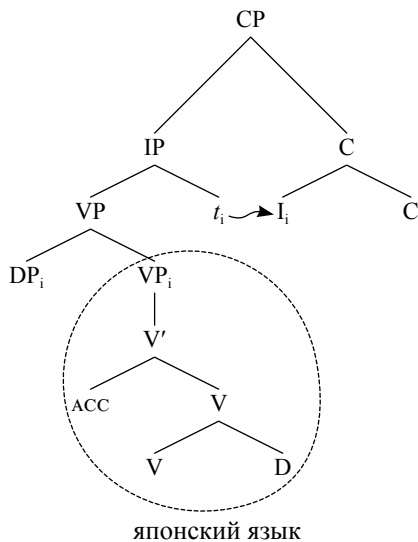
аргумент может быть падежно связан глаголом: внешний аргумент не с-командуется сложной вершиной V+D.

Внешний аргумент аккузативных языков должен быть представлен DP (KP в этой позиции не имеет падежного конкурента и не может быть падежно связана ни V+D, ни I). В качестве DP он должен удовлетворять требованию К-видимости, что достигается либо передвижением в Spes, IP — в синтаксическую окрестность C, либо дистантным управлением со стороны C через границу IP, прозрачную благодаря передвижению вершины I-to-C. Собственно, два типа аккузативных языков — с подъемом и прозрачные — отличаются лишь тем, каким образом лицензируется номинативное подлежащее, см. (3.73):

(3.73) а. Аккузативный язык
с подъемом

б. Прозрачный аккузативный язык

Итак, мы видим, что, хотя появление «зависимых» падежей — эргатива и номинатива — в системе Биттнер и Хейла основывается на конкуренции с беспадежной именной составляющей, падежными конкурентами оказываются разные элементы. Для эргатива падежным конкурентом, как и у Марантца, является аргументная ИГ без падежа — номинативный внутренний аргумент. Для аккузатива, однако, падежный конкурент другой — это инкорпорированная в глагол вершина D.

На первый взгляд, это предположение существенно проигрывает в убедительности гипотезе Марантца о конкуренции аккузатива с беспадежным

подлежащим. Идея, что все (по меньшей мере переходные) глаголы аккумулятивных языков содержат инкорпорированную именную вершину, *a priori* не кажется убедительной. Однако если мы сопоставим ее с классической теорией приписывания аккумулятива при согласовании, то мы можем рассматривать инкорпорированное D как прономинальный согласовательный элемент, отвечающий за объектное согласование. Постулирование именной вершины, инкорпорированной в глагол, в любом случае едва ли существенно хуже, чем постулирование объектного согласования во всех случаях приписывания аккумулятива.

При этом у решения Биттнер и Хейла есть и безусловные плюсы. Поскольку эргатив и аккумулятив возникают при падежном связывании со стороны разных вершин и при разных падежных конкурентах, оказывается возможным моделировать расщепленную эргативность, когда в пределах одного языка часть клауз реализует эргативную модель, а часть клауз — аккумулятивную. Также возможен анализ трехчастных систем, таких как в не-персе (пенутийский язык Северной Америки) или антекерепина (язык арантской группы семьи пама-ньюнга Австралии, см. (3.74)), где в переходной клаузе реализуются эргатив и аккумулятив, а в непереходной — номинатив.

- (3.74) a. Arengke-le aye-nhe ke-ke.
 собака-ERG я-ACC кусать-PST
 ‘Собака укусила меня.’
- b. Apwerte-le athe arengke-nhe we-ke.
 камни-INSTR я.ERG собака-ACC бросать-PST
 ‘Я забросал собаку камнями.’
- c. Arengke nterre-ke.
 собака.NOM бежать-PST
 ‘Собака бежала.’

Дизъюнктивная иерархия падежей Марантца в теории Биттнер и Хейла оказывается эпифеноменом: она возникает как следствие различного структурного статуса и лексической спецификации вершин, ассоциированных с падежной морфологией (см. таблицу 3.4). Приоритет ингерентного падежа над структурным определяется селекцией лексических вершин. «Зависимый» характер маркированных структурных падежей следует из требования падежной конкуренции, необходимого для падежного связывания нулевой вершины K.

Хотя номинатив в падежной системе Биттнер и Хейла называется «немаркированным» падежом, его статус существенно отличается от статуса

немаркированного или дефолтного падежа по Марантцу. У Биттнер и Хейла падежный фильтр продолжает действовать, хотя и не является примитивом, а следует из более общих принципов — требования К-видимости и принципа пустой категории. Беспадёжная (номинативная) DP лицензируется управлением со стороны С, что, учитывая требование минимальности, означает, что номинативная именная группа в клаузе может быть только одна.

Таблица 3.4

Классификация падежей в системе М. Биттнер и К. Хейла

	Немаркиро- ванный падеж (NOM)	Маркированный структурный падеж		Ингерентный падеж
		ERG, ACC	прочие струк- турные (DAT, INSTR...)	
Структурный статус	DP	KP	KP	KP
Тип К в DS	—	нулевое	нулевое	заполненное
Лицензиро- вание	К-видимость	ECP	ECP	принцип проекции
Условия ли- цензирования	управление и с-командо- вание со сто- роны К или С	падежное свя- зывание (ан- тецедентное управление при наличии падежного конкурента)	падежное свя- зывание (ан- тецедентное управление при наличии падежного конкурента)	лексическая селекция
Правила озвучивания	—	универсальны; определяются связывающей функциональ- ной верши- ной: I — ERG, V+D — ACC	лингвоспеци- фичны; опре- деляются свя- зывающей лексической вершиной	в соответ- ствии с фо- нологической строкой К

Оценивая теорию Биттнер и Хейла в целом, многие исследователи (как, впрочем, и сами авторы) отмечают, что она довольно сложна. Хотя теория встроена в классическую синтаксическую модель Управления и связывания, целый ряд традиционных понятий и допущений пересматривается (например, определение с-командования, позиция внешнего аргумента в глагольной группе, минимальность при управлении, категориальный статус деривационных морфем пассива, антипассива), вводятся новые понятия и сущности (падежное связывание, падежный конкурент, К-видимость, а также

целый ряд не упомянутых в данном изложении понятий). Однако за счет этого Биттнер и Хейл достигают впечатляющих результатов. Удастся построить единую теорию падежа, способную работать с языками любого морфологического типа — аккузативными, эргативными, активными, трехчастными (контрастивными), а также анализировать функции залоговых, актантно-деривационных, номинализирующих морфем. Морфологический тип языка не является макропараметром, обуславливающим дальнейший выбор падежной стратегии («в эргативных языках маркируй верхнюю ИГ эргативом, в аккузативных языках маркируй нижнюю ИГ аккузативом»), а следует из словарной спецификации вершин и правил озвучивания. Это становится возможным благодаря тому, что падежное лицензирование как синтаксический феномен отделяется от морфологической реализации падежа. В синтаксисе обеспечивается управление номинативной ИГ со стороны С, падежное связывание нулевой вершины К структурных падежей функциональными вершинами и селекция выраженных вершин К лексических падежей со стороны лексических вершин. Реализация же нулевых вершин структурных падежей определяется в значительной степени независимо от их лицензирования и может быть предметом варьирования (ср. реализацию структурного падежа внутреннего аргумента в антипассивной конструкции западно-гренландского и в аккузативной конструкции английского языка).

Мощный теоретический аппарат системы Биттнер и Хейла (только определений в статье насчитывается 14), несомненно, является «платой» как за универсальность их подхода, так и за сохранение падежного фильтра. Если допустить, что лицензирование именных групп независимо от падежной проблематики и что универсальная грамматика падежа регламентирует только тип правил (например, «зависимый падеж приписывается при падежной конкуренции двух беспадежных ИГ»), а их конкретное наполнение является языковым параметром (например, «в русском языке зависимый аккузатив приписывается нижней из двух конкурирующих беспадежных ИГ на уровне клаузы»), то имплементация конфигурационного приписывания падежа в синтаксис становится существенно проще⁹⁰. Такого рода системы предлагаются во многих работах последних лет, в частности в (Baker, Vinokurova 2010; Baker 2012, 2014a, 2014b,

⁹⁰ Например, М. Бейкер явно противопоставляет свою систему модели Биттнер и Хейла как более технически простую: «I am not prepared to say what in my data the Bittner-Hale system could not account for, but I am interested in whether one can match (or surpass) Bittner and Hale's impressive typological range with significantly less technical machinery» (Baker 2015: 58–59). При этом, однако, Бейкер не упоминает о том, что модель Биттнер и Хейла действительно предсказывает падежные

2015; Preminger 2011, 2014; Levin, Preminger 2015; Kornfilt, Preminger 2015). Основной задачей здесь становится параметризация падежных областей, в рамках которых приписываются различные зависимые падежи — эргатив, аккузатив, датив, — и условий их приписывания.

В серии работ М. Бейкера, завершающейся представительной монографией (Baker 2015), разрабатывается конфигурационная модель приписывания структурных падежей в ходе синтаксической деривации. Бейкер показывает, что релевантными для падежной конкуренции областями являются VP и TP, и соотносит эти области с комплементами фазовых вершин — *v* и C. Таким образом, приписывание зависимого падежа происходит в момент завершения построения фазы, перед тем как ее комплемент передается на озвучивание. Одним из параметров, задающих межъязыковое варьирование, является статус *vP* как «жесткой» либо «мягкой» фазы. Если фаза жесткая (*hard*), то ее комплемент невидим для любых дальнейших операций и, в частности, для приписывания падежа. Комплемент мягкой (*soft*) фазы остается видимым на следующих этапах деривации, однако при следующем озвучивании могут учитываться только возникшие в новой фазе структурные соотношения.

Приписывание зависимого падежа обычно обусловливается отношением с-командования между коаргументами в пределах падежной области (*positive c-command conditions*). В общем виде правило приписывания зависимого падежа содержит информацию о падежной области, структурном соотношении между двумя беспадежными ИГ (с-командует *vs.* с-командуется) и приписываемом падеже. Бейкер предполагает, что эргатив и аккузатив — зависимые падежи, которые могут быть приписаны только на уровне клаузы (т. е. в падежной области TP); в глагольной группе происходит падежное маркирование третьего аргумента битранзитивного глагола. В качестве примера рассмотрим парадигму битранзитивных клауз из нескольких языков: эргативного шипибо (3.75), аккузативных корейского (3.76) и якутского (3.77), нейтрального чаморро (3.78) и контрастивного (трехчастного) дияри (3.79). Данные о падежном оформлении аргументов в этих языках обобщены в таблице 3.5.

- (3.75) шипибо (пано-таканский / паноанский / капанауа, (Baker 2014a: (20)))
Maria-nin-ra	Jose-(*kan)	piti	meni-ke.
Мария-ERG-PTC	Хосе-(*ERG)	рыба	давать-PF
- ‘Мария дала Хосе рыбу.’

системы на основании иных языковых параметров («accounts for»), в то время как система Бейкера скорее позволяет удобным образом их классифицировать.

- (3.76) корейский (алтайский, (Baker 2014a: (21)))
 Cheli-ka Mary-lul panci-lul senmwul-ul hay-ss-ta.
 Чели-НОМ Мэри-АСС кольцо-АСС подарок-АСС делать-РСТ-ДЕС
 ‘Чели подарил Мэри кольцо.’
- (3.77) якутский (алтайский / тюркский, (Baker, Vinokurova 2010: (11)))
 Min Masha-qa kinige-ni bier-di-m.
 я.НОМ Маша-DAT книга-АСС давать-РСТ-1SG
 ‘Я дал Маше книгу.’
- (3.78) чаморро (западный малайско-полинезийский / австронезийский, (Baker 2015: (39)))
 ha-na'i si nana-ña ni buteya-n ketchup.
 3SG-давать PRN.UNM мать-3.POSS OBL бутылка-LK соевый_соус
 ‘Он дал своей матери бутылку соевого соуса.’
- (3.79) дияри (карнский / пама-ньюнга, (Baker 2014a: (22)))
 pulu pulara ñiña putu yin̄ki-ña wara-yi.
 3SG.NF.ERG 3DUAL.ACC 3SG.NF.ACC вещь давать-PART AUX-PRS
 ‘Он дал им эту вещь.’

Таблица 3.5
Падежное оформление
аргументов битранзитивных глаголов

	Агнс	Цель	Тема
	[_{TP} NP ₃]	[_{VP} NP ₂]	[_{V'} NP ₁]]
шипибо	ERG	—	—
корейский	(NOM)	ACC	ACC
якутский	—	DAT	ACC
чаморро	—	—	OBL
дияри	ERG	ACC	ACC

Правила приписывания зависимого падежа при положительных условиях с-командования представлены в (3.80). (3.80a–b) регламентируют приписывание зависимого падежа в глагольной группе: верхняя ИГ получает датив в якутском языке, нижняя ИГ получает обликвус в чаморро. В (3.80c–d) представлены правила приписывания зависимого падежа уровня TP: верхняя ИГ получает эргатив в шипибо и дияри, нижняя ИГ получает аккумулятив в корейском, якутском и дияри.

- (3.80) Положительные условия с-командования (Baker 2014a: (29))
- a. Если NP_x с-командует NP_y на этапе озвучивания VP, падежный признак NP_x означает как датив (*да* в якутском, *нет* в шипибо, корейском, чаморро, дияри);
 - b. если NP_x с-командует NP_y на этапе озвучивания VP, падежный признак NP_y означает как обликвус (*да* в чаморро, *нет* в остальных языках);
 - c. если NP_x с-командует NP_y на этапе озвучивания TP, падежный признак NP_x означает как эргатив (*да* в шипибо и дияри, *нет* в корейском, якутском, чаморро);
 - d. если NP_x с-командует NP_y на этапе озвучивания TP, падежный признак NP_y означает как аккузатив (*да* в корейском, якутском и дияри, *нет* в шипибо и чаморро).

Обратим внимание на то, что для приписывания аккузатива и эргатива должно быть выполнено одно из двух условий: либо фаза vP должна быть «мягкой», чтобы беспадежный внутренний аргумент (или внутренние аргументы, как в корейском и дияри) был видим из фазы CP, либо внутренний аргумент должен покинуть VP, чтобы избежать преждевременного озвучивания внутри комплемента жесткой фазы vP . В таком случае происходит адъюнкция дополнения к v' — операция, известная как выдвигание объекта (object shift), см. также раздел 2.3.1.

Рассмотрим действие правил (3.80) на примере якутского предложения (3.77). Пусть деривация достигла момента, когда группа легкого глагола собрана, и группа лексического глагола как комплемент фазы поступает на вход правил приписывания зависимого падежа. В VP имеется две беспадежные именные группы — ‘Маша’ и ‘книга’, причем ИГ-цель с-командует ИГ-темой (3.81a). В соответствии с правилом (3.80a) с-командующая (верхняя) ИГ получает дательный падеж (3.81b). Деривация продолжается до уровня CP (3.81c), после чего TP претерпевает озвучивание. Предположим, что фаза vP в якутском языке мягкая⁹¹; тогда беспадежный внутренний аргумент видим для установления новых отношений с-командования. Таким новым отношением оказывается отношение между ним и подлежащим. В соответствии с правилом (3.80d) внутренний аргумент получает зависимый аккузатив (3.81d).

⁹¹ В (Baker, Vinokurova 2010) предлагается другой анализ, в соответствии с которым аккузатив в якутском языке может получить только дополнение, покинувшее VP. В таком случае, очевидно, фаза vP должна быть жесткой.

- (3.81) a. [_{VP} min [_{VP} Masha [_{V'} kinige bier]] v]
я Маша книга давать
- b. [_{VP} min [_{VP} Masha-qa [_{V'} kinige bier]] v]
я Маша-DAT книга давать
- c. [_{CP} [_{TP} min [_{VP} ~~min~~ [_{VP} Masha-qa [_{V'} kinige bier]] v] T] C]
я я Маша-DAT книга давать
- d. [_{CP} [_{TP} min [_{VP} ~~min~~ [_{VP} Masha-qa [_{V'} kinige-ni bier]] v] T] C]
я я Маша-DAT книга-ACC давать

Проследим теперь деривацию корейского предложения (3.76). Отличие корейского от якутского в том, что на уровне глагольной группы зависимый падеж не приписывается ни цели, ни теме. На уровне TP при мягкой vP-фазе возникает два новых отношения с-командования между аргументными ИГ, а именно — между Агенсом и Темой и между Агенсом и Целью. Структурное соотношение между Целью и Темой не учитывается на данном этапе, поскольку возникло в предыдущей фазе. В соответствии с (3.80d) и Тема, и Цель получают зависимый аккузатив в результате падежной конкуренции с Агенсом.

В соответствии с моделью Марантца Бейкер предлагает считать номинатив/абсолютив дефолтным (немаркированным в клаузе) падежом. Однако для некоторых языков приписывание номинатива/абсолютива должно регулироваться особыми правилами, которые Бейкер называет отрицательными условиями с-командования (negative c-command conditions). Они представлены в (3.82):

- (3.82) Отрицательные условия с-командования (Baker 2015: 90 (12))
- Именной группе NP₁ приписывается маркированный номинатив, если в одной с ней падежной области WP нет такой NP₂, которая бы с-командовала NP₁.
 - Именной группе NP₁ приписывается маркированный абсолютив, если в одной с ней падежной области WP нет такой NP₂, которой бы с-командовала NP₁.

Необходимость в правилах такого рода возникает для описания так называемых языков с маркированным номинативом, в которых специальный показатель оформляет единственный аргумент неэргативов и неаккузативов, а также внешний аргумент переходного глагола, в то время как внутренний аргумент переходного глагола остается немаркированным либо

маркируется аккузативом. Такие падежные системы встречаются в языках Северо-Восточной Африки, ср. (3.83) из оромо (кушитский / афризийский, (Baker 2015: 90 (18))):

(3.83) a. Sárée-n adii-n nî iyyi-f-i.
 собака-MNOM белый-MNOM FOC лаять-F-IPF
 ‘Белая собака лает.’

b. D’axáa-n maná duubá: b-bu’e.
 камень-MNOM дом за LOC-падать
 ‘Камень упал за домом.’

c. Húgrée-n arká d’olki-t-i.
 туман-MNOM зрение.AVS предотвращать-F-IPF
 ‘Туман уменьшает видимость.’

Падежная модель оромо отличается и от эргативной схемы (поскольку все одноместные глаголы — и неэргативы, и неаккузативы — используют маркированный номинатив), и от аккузативной / нейтральной схемы, поскольку падеж подлежащего не является немаркированным. В языках с немаркированным номинативом номинатив используется не только как падеж подлежащего, но и во всех прочих контекстах, когда условия для приписывания падежа отсутствуют. В частности, к таким контекстам относятся фрагментированные ИГ в роли номинативных предложений, восклицаний / проклятий / ругательств и названий (*Осень. Чащи леса. Мох сухих болот; Проклятие! Чертова отвертка!*), «зависающие топики» (hanging topics), не повторяющие падеж резюмтивного местоимения / мишени топикализации (*Вася, я его видел*), именные группы в предикативной позиции. В языках с маркированным номинативом, однако, в таких контекстах используется другая форма, ср. (3.84) из оромо (Ibid.: 95 (24)):

(3.84) Obbolesá xiyuá, makiináa-n isá c’apt’e.
 брат мой машина-MNOM его ломаться-F-PST
 ‘Что касается моего брата, его машина сломалась.’

Поскольку номинатив подлежащего не является дефолтной формой, возникающей в ситуации «elsewhere», для приписывания маркированного номинатива необходимо специальное правило. Оно не может быть сформулировано в терминах положительных условий с-командования, как правило для эргатива, поскольку зависимый номинатив приписывается подлежащему как в присутствии, так и в отсутствие нижестоящего падежного конкурента-дополнения. Соответственно, возникает потребность в правилах приписывания падежа в отрицательных условиях с-командования:

маркированный номинатив приписывается подлежащему тогда, когда в одной с ним падежной области — TP — не существует с-командующей беспадежной аргументной ИГ. Аналогичное правило действует и в зеркальной ситуации, с маркированным абсолютивом (например, в ниаском языке — одном из суматранских языков малайско-полинезийской ветви австронезийских языков).

Перенос конфигурационных правил приписывания падежа в синтаксис, однако, приводит к некоторым сложностям, связанным с таймингом этого процесса. Предположим, что мы деривируем переходное предложение (3.85) в аккумулятивном языке, допускающем скрэмблинг.

(3.85) Николку маленькие дети обижают.

Пусть порядок слов OSV в (3.85) связан с A'-передвижением именной группы *Николку*, имеющей признак [+Topic], на левую периферию предложения. В таком случае деривация происходит следующим образом. Сперва глагол соединяется с внутренним аргументом, образуется VP. Затем в деривацию вступает переходный легкий глагол. Он проецирует внешний аргумент в своем спецификаторе, так что образуется структура (3.86a). Поскольку переходный легкий глагол является фазовой вершиной, его дополнение должно быть передано на озвучивание. Но прежде чем это произойдет, необходимо извлечь топикальное дополнение из глагольной группы — иначе оно не сможет в дальнейшем оказаться на левой периферии клаузы. Не принципиально, образует ли топикализованное дополнение внешний спецификатор vP, адьюнгируется ли к максимальной проекции или подвергается вставлению (tucking-in) ниже внешнего аргумента. В любом случае дополнение покидает глагольную группу (3.86b). После этого все операции в области vP закончены, и комплемент фазы — VP — передается на озвучивание (3.86c). Однако, поскольку VP не содержит именных групп, приписывания падежей не происходит.

Деривация продолжается соединением T и vP. T согласуется с ближайшей с-командуемой именной группой и притягивает ее в Spec, TP (3.86d). Наконец, TP соединяется с C (3.86e), и топикальная составляющая — объектная именная группа — притягивается в Spec, CP (3.86f). Комплемент фазы C — TP — претерпевает озвучивание (3.86g).

- (3.86) a. [_{VP} NP_{SUBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]
 b. [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]
 c. [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]] озвучивание VP
 d. [_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]

- e. $[_{CP} C [_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]]$
- f. $[_{CP} NP_{OBJ} C [_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]]$
- g. $[_{CP} NP_{OBJ} C \boxed{[_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]}]$
озвучивание TP

Легко видеть, что условия приписывания аккузатива в (3.86g) отсутствуют: в падежной области присутствует только одна аргументная именная группа — подлежащее. Выдвинувшись из TP, объектная именная группа покинула свою клаузу беспадежной, а значит, останется номинативной или будет падежно зависима от (и будет оказывать влияние на падежное оформление) аргументной структуры вышестоящей клаузы, что принципиально неверно.

Заметим, что проблема не только в том, что топикальная именная группа покинула свою падежную область. Если (что более естественно для русского языка) позиция для топикализованных составляющих отличается от позиции Spes, CP и располагается в спецификаторе особой вершины (например, Top), то сперва топикализованная ИГ окажется в Spes, TopP (3.87a), а затем образуется фаза CP (3.87b). Комплемент фазы — TopP — претерпевает озвучивание, и применяется правило (3.80d), поскольку в падежной области оказывается две пока еще беспадежных именных группы. Однако топикализованное дополнение с-командует подлежащим, и в результате оказывается, что аккузатив получит подлежащее, а не прямое дополнение!

- (3.87) a. $[_{TopP} NP_{OBJ} Top [_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]]$
- b. $[_{CP} C [_{TopP} NP_{OBJ} Top [_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]]]]$
- c. $[_{CP} C \boxed{[_{TopP} NP_{OBJ} Top [_{TP} NP_{SUBJ} T [_{VP} NP_{SUBJ} [_{VP} NP_{OBJ} v [_{VP} V NP_{OBJ}]]]]}]]]$

Очевидно, проблема в том, что взаимное расположение именных групп в конце фазы определяется не только аргументной структурой клаузы (которую, собственно, и отражает падежное маркирование), но и логической и коммуникативной структурой клаузы (которая возникает в результате А'-передвижений). Поскольку в генеративной грамматике, в отличие от ряда других теорий, структура составляющих отражает все уровни представления предложения, то естественно, что уровень аргументной структуры к концу фазы в общем случае затемнен последующими передвижениями.

Естественным выходом из этой ситуации может быть альтернативный подход к конфигурационному приписыванию падежа и таймингу этого процесса: для приписывания падежа не следует ждать завершения

фазы; напротив, падежное взаимодействие должно происходить как можно раньше, как только возникнут необходимые структурные конфигурации. Это решение напоминает принцип раннего применения правил (Earliness principle) Д. Песецкого (Pesetsky 1989) и вполне соответствует современным минималистским тенденциям в организации деривации. Одно из предложений такого типа — теория конфигурационного приписывания падежа О. Премингера (Preminger 2011, 2014; Levin, Preminger 2015; Kornfilt, Preminger 2015).

Премингер предлагает имплементацию дизъюнктивной иерархии падежа Марантца (3.48) в синтаксическом компоненте модели языка. Падеж является формальным признаком именной группы; именные группы вступают в деривацию с неозначенным признаком падежа. Однако (и в этом существенное отличие модели Премингера от стандартной генеративной теории падежа) тот факт, что некоторая именная группа не смогла в ходе деривации означить свой падежный признак, не приводит к краху деривации — именные группы с неозначенным падежным признаком в конце деривации получают дефолтное значение падежа. Таким образом, хотя падежная грамматика остается в рамках «узкого синтаксиса» (*narrow syntax*), лицензирующая функция падежа в системе Премингера оказывается невостребованной.

Означивание признака падежа у именной группы может происходить следующими способами. Во-первых, падежный признак именной группы может получить значение от вершины, которая проецирует данную именную группу. Этот процесс — аналог лексического управления А. Марантца. Важно, что означивание падежного признака проецирующей вершиной имеет приоритет над другими способами означивания признака падежа в силу того, что отношение между именной группой и проецирующей ее вершиной — это первое структурное отношение, в которое именная группа имеет шанс вступить в данной деривации.

Во-вторых, если проецирующая именную группу вершина не относится к числу вершин — приписывателей ингерентного падежа, то следующий способ для ИГ означить свой падежный признак — за счет падежного соревнования с другой именной группой в пределах некоторой падежной области. Параметризуя эту область и условия с-командования для конкретных падежей конкретных языков и учитывая Принцип раннего применения правил, мы добьемся того, что как только падежная область построена и она содержит две и более конкурирующих именных группы, возникают условия для приписывания зависимого падежа.

Наконец, если именная группа не смогла означить свой падежный признак до конца деривации, то она остается «беспадежной» с синтаксической

точки зрения, а с точки зрения морфологии получает форму «по умолчанию», которая традиционно называется «номинативом» / «абсолютивом». Таким образом, принцип раннего применения правил вкупе со строгой локальностью ингерентного падежа и относительной нелокальностью зависимого падежа позволяет вывести дизъюнктивную иерархию падежей Марантца.

Тем не менее и тайминг означивания падежного признака в соответствии с предложением Премингера не вполне безупречен. Проблема возникает с приписыванием зависимого падежа. Предположим, что областью падежной конкуренции является некоторая составляющая Δ — группа вершины δ . Если δ — лексическая вершина, то структурное соотношение между именными группами, в соответствии с принципом единообразия приписывания тематических ролей, будет отражением тематической иерархии. В таком случае падежная система Премингера предсказывает единообразное приписывание зависимых падежей для предикатов, имеющих одинаковые аргументные структуры и не приписывающих ингерентных падежей своим аргументам. Однако очевидно, что это не так: в (3.88) два английских экспериенциальных глагола демонстрируют диаметрально противоположное падежное оформление аргументов:

- (3.88) a. She likes him.
 ‘Он ей нравится.’
 b. He pleases her.
 ‘Он ей нравится.’

Следовательно, приписывание зависимого падежа не может происходить на уровне лексической проекции, потому что в таком случае падежное маркирование будет отражать не грамматические отношения (синтаксические роли), а тематические отношения (семантические роли) между аргументами лексической вершины. Предположим тогда, что δ — функциональная вершина, и в ее проекции Δ аргументные именные группы должны занять структурные позиции, соответствующие их синтаксическим ролям. Однако, как мы видели выше, в примерах (3.86)–(3.87), на позицию именной группы в функциональной проекции Δ оказывает влияние не только А-передвижение, создающее по сути уровень грамматических отношений, но и А'-передвижение, создающее далее логическую и коммуникативную структуру предложения. Следовательно, в пределах функциональной проекции Δ приписывание зависимого падежа должно происходить и не *сразу* после соединения δ с сестринской составляющей, т. е. до операций внутри Δ , и не тогда, когда *все* операции внутри Δ были

произведены; необходимо, на самом деле, дожидаться, пока произойдут все А-передвижения, но еще не будут происходить А'-передвижения. Об этом вскользь пишет М. Бейкер: приписывание зависимого падежа, по его словам, должно происходить сразу после того, как данная составляющая построена, до этапа скремблинга («...immediately when a relevant constituent is built (e. g. prior to scrambling)», (Baker 2012: 266)). Представляется, тем не менее, что эта проблема существенно уменьшает привлекательность конфигурационного подхода к приписыванию падежа и ставит под вопрос независимость падежного маркирования от наличия вершин — приписывателей падежа. Действительно, чтобы определить, в какой момент, производя операции внутри составляющей Δ , мы должны осуществить приписывание падежа, нужно знать про все происходящие внутри данной составляющей передвижения, являются ли они А-передвижениями или А'-передвижениями (или, что то же самое, какие признаки вызывают данное передвижение). Таким образом, мы приходим к необходимости учитывать свойства вершин, создающих структурную конфигурацию в падежной области путем притягивания именных групп в свою окрестность. Легко видеть, что это практически то же самое, что и приписывание структурного падежа со стороны вершин, имеющих сильные (или отягощенные признаком второго порядка ЕРР) неозначенные ф-признаки.

3.3.3. Падеж и согласование в конфигурационных моделях

Важный вопрос, который мы рассмотрим в этом разделе, касается соотношения между падежом и согласованием в конфигурационной модели падежа. Если для современной хомскианской модели приписывание структурного падежа есть побочный эффект согласования функциональной вершины с именной группой-целью, то конфигурационная модель в принципе не апеллирует к согласованию. Эмпирические основания имеются у сторонников обеих моделей. Действительно, связь предикативного согласования с приписыванием номинатива известна синтаксистам еще со времен грамматики Панини. С другой стороны, согласование функциональной вершины v с аккузативным дополнением значительно менее очевидно и проявляется морфологически в существенно меньшем количестве языков. Более того, даже в тех языках, в которых морфологически выражается и аккузатив, и согласование предиката с объектом, между приписыванием падежа и объектным согласованием нет одно-однозначного соответствия. Например, М. Бейкер (Baker 2012) показывает, что в амхарском

языке (эфиопская группа семитских языков афразийской семьи) объектное согласование и приписывание аккузатива являются независимыми, хотя и частично связанными процессами. Так, неопределенная ИГ в объектной позиции не получает аккузатив и не может контролировать объектное согласование (3.89a), в то время как аккузативная определенная именная группа в позиции дополнения может (но не должна) выступать контролером объектного согласования глагола (3.89b).

- (3.89) a. Ləmma wiſſa
Лемма собака
j-aj-al || *j-aj-əw-al.
3м.SU-видеть-AUX.3м.SU 3м.SU-видеть-3м.ОБЈ-AUX.3м.SU
'Лемма видит <a> собаку.'
- b. Ləmma wiſſa-w-in
Лемма собака-DEF-ACC
j-aj-al || j-aj-əw-al.
3м.SU-видеть-AUX.3м.SU 3м.SU-видеть-3м.ОБЈ-AUX.3м.SU
'Лемма видит <the> собаку.'

Существенно, однако, что в амхарском языке могут быть аккузативные прямые дополнения, с которыми не может происходить согласование, и, наоборот, неаккузативные аргументы, вызывающие объектное согласование на глаголе. К первой группе относятся, например, кванторные, вопросительные, рефлексивные и прочие виды местоименных именных групп, не являющихся в строгом смысле референтными. В позиции прямого дополнения они обязательно маркируются аккузативом, однако объектное согласование с ними неграмматично (3.90). Также никогда не контролирует согласование глагола аргумент-тема битранзитивного глагола (3.91).

- (3.90) a. Ləmma səw-u-n hullu
Лемма человек-DEF-ACC каждый
gabbəz-ə || *gabbəz-ə-w.
приглашать-3м.SU приглашать-3м.SU-3м.ОБЈ
'Лемма пригласил каждого.'
- b. Ləmma mann-in-im
Лемма кто-ACC-FOC
al-ajj-ə-m || *al-ajj-ə-w-m.
NEG-видеть-3м.SU-FOC NEG-видеть-3м.SU-3м.ОБЈ-FOC
'Лемма никого не видел.'

- (3.91) Ləmma Aster-in his'an-u-n
 Лемма Астер-ACC младенец-DEF-ACC
 asaj-Ø-at || *asaj-ə-w.
 показывать-3м.SU-3ф.OBJ *показывать-3м.SU-3м.OBJ
 'Лемма показал Астер младенца.'

С другой стороны, в амхарском возможно объектное согласование с неаккузативной именной группой. Во-первых, это согласование с косвенным дополнением, которое может выступать не только в форме аккузатива, но и в составе предложной / падежной группы с показателем *la* (3.92). Во-вторых, это объектное согласование с номинативным внутренним аргументом — посессором или экспертиенцером (3.93).

- (3.92) L-Aster lidɜ-u-n assajj-əhw-at.
 дат-Астер ребенок-DEF-ACC показывать-1SG.SU-3ф.OBJ
 'Я показал ребенка Астер.'
- (3.93) Aster wiɟʃa all-Ø-at.
 Астер собака быть-3м.SU-3ф.OBJ
 'У Астер есть собака.'

Таблица 3.6
Соотношение объектного согласования
и приписывания аккузатива в амхарском языке

Объектное согласование	Падежное маркирование дополнения	
	аккузатив	другой способ (номинатив, датив)
да	+ (3.89b)	+ (3.92), (3.93)
нет	+ (3.89b), (3.90), (3.91)	+ (3.89a)

Амхарский язык — не единственный язык, демонстрирующий подобное соотношение между согласованием и падежным маркированием. Так, в лесном диалекте энецкого языка, по свидетельству О. В. Ханиной и А. Б. Шлуинского, объектное согласование может происходить как с номинативным, так и с падежно маркированным объектом, при этом ни номинативный, ни маркированный объект не требуют обязательного объектного согласования, ср. (3.94a–d) из (Ханина, Шлуинский 2015: 403–404).

- (3.94) а. **biʔ** fee-xuru ɛɛ-xo-da n'i mis.
 вода.NOM кто-INDEF мать-DAT.SG-OBL.SG.3SG NEG.3sg.Su дать-CONN
 'Никто не дал маме воды.'

- b. *ɔdiz* *ooɣa-ʔ*.
 зелень.OBL есть-3PL.Su
 ‘Они едят траву.’
- c. *ɪŋi-ziʔ* *ko-ʔ* *ɔdiʔ*.
 конечно-3DU.SO.sg найти-CONN зелень.NOM
 ‘Конечно, они нашли это растение.’
- d. *poga-d* *tɛtti-r*.
 сеть-OBL.SG.2SG измерить-2SG.SO.sg
 ‘Ты померил свою сетку.’

Подобный эмпирический материал позволяет предположить, что предикативное согласование — независимый от приписывания структурного падежа феномен. Такой радикальный вывод делает, в частности, А. Марантц (Marantz 1991). Рассматривая данные грузинского языка, Марантц отмечает, что падежное оформление аргументов варьирует в зависимости от видо-временной формы глагола («серии»), но при этом контролеры согласовательных показателей в глагольной словоформе выбираются по одним и тем же правилам. Этот факт, с точки зрения Марантца, свидетельствует о том, что правила падежного маркирования и правила согласования должны формулироваться отдельно и не обязаны демонстрировать какие бы то ни было корреляции. Марантц считает, что предикативное согласование также является постсинтаксическим процессом: в морфологическом компоненте языка с предикативным согласованием к сложной вершине V+I добавляется морфема Agr, которая выбирает ИГ-контролер согласования в соответствии с конкретно-языковыми правилами. Марантц предполагает, что эти правила также могут быть сформулированы в виде дизъюнктивной иерархии, ранжирующей «зависимое согласование» — согласование с верхней или нижней из двух именных групп, управляемых V+I, — выше «немаркированного согласования» — согласования с любой именной группой, управляемой V+I, а «немаркированное согласование», в свою очередь, — выше «дефолтного согласования», то есть означивания признаков Agr в отсутствие подходящей мишени. При таком подходе русский или английский языки оказываются языками с аккузативным зависимым падежом (при падежном соревновании зависимый падеж получает нижняя ИГ) и эргативным зависимым согласованием (при соревновании контролеров согласования побеждает верхняя ИГ).

Заметим, что сам Марантц отмечает определенную асимметрию в устройстве системы падежного маркирования и системы согласования:

с одной стороны, не вполне понятно, какой феномен может соответствовать лексическому управлению в области согласования, а с другой стороны, *quirky*-подлежащие и *quirky*-дополнения, т. е. лексически управляемые именные группы, похоже, не участвуют в соревновании контролеров. Это значит, что едва ли теория согласования должна быть полностью независима от теории падежного маркирования. В этом отношении большой интерес представляет гипотеза Дж. Бобальика (Bobaljik 2008) о так называемой падежной дискриминации согласования — потенциальные контролеры предикативного согласования выбираются из именных групп с определенным морфологическим падежным маркированием (m-падежом). Наиболее естественные контролеры — именные группы в немаркированном / дефолтном падеже, следующий тип — именные группы в зависимом падеже, и наконец, наименее естественно согласование с именными группами в лексически управляемом (ингерентном падеже).

- (3.95) Иерархия контролеров согласования (m-падеж)
немаркированный падеж > зависимый падеж > лексически управляемый / косвенный падеж

Иерархия в (3.95) представляет собой реинтерпретацию иерархии контролеров согласования Э. Моравчик (Moravcsik 1974, 1978a), сформулированную в терминах грамматических отношений:

- (3.96) Иерархия контролеров согласования Э. Моравчик (грамматические отношения)
Su > DO > IO > обстоятельство

Для языков, в которых иерархия грамматических отношений с высокой степенью точности отображается в иерархию падежей (последовательные аккумулятивные языки, например немецкий или турецкий), выбор между двумя способами обобщения свойств согласования не очевиден. Однако, замечает Бобальик, если рассмотреть случаи, когда морфологический падеж расходится с грамматическим отношением, то оказывается, что иерархия контролеров согласования в терминах m-падежей делает лучшие предсказания, чем иерархия Моравчик. В частности, в исландском языке *quirky*-подлежащее не может быть контролером предикативного согласования, и в его присутствии контроль согласования переходит номинативному дополнению, т. е. именной группе в немаркированном / дефолтном падеже. В морфологически эргативных языках засвидетельствованы различные типы предикативного согласования (3.97), но характерно, что они полностью соответствуют иерархии (3.95) и не предсказываются иерархией (3.96).

- (3.97) a. нет согласования (дирбал, лезгинский)
 b. только ABS (цахурский, хинди)
 c. ABS ERG (западно-гренландский, майя)
 d. ABS ERG DAT (баскский, грузинский)
 e. * ТОЛЬКО ERG
 f. * ERG, DAT, но не ABS
 g. * ТОЛЬКО DAT
 h. * ABS, DAT, но не ERG

Интересно, что гипотеза Бобальика позволяет объяснить асимметрию в соотношении аккузативной/эргативной моделей в падежном маркировании (flagging) и предикативном согласовании (indexing). Известно, что в падежном маркировании эргативная стратегия проявляется достаточно часто, сопоставимо с аккузативной (в выборке из 190 языков в (Comrie 2013) 17% имеют эргативную падежную систему и 27% — аккузативную), а эргативная стратегия предикативного согласования чрезвычайно редка (в выборке из 380 языков в (Siewerska 2013) 56% имеют аккузативное предикативное согласование и только 5% — эргативное)⁹². Соответственно, распределение языков по типам с учетом двух параметров неравномерно, ср. таблицу 3.7 (данные из (Аркадьев 2015)).

Таблица 3.7
Аккузативная и эргативная стратегии в падежном маркировании и предикативном согласовании

падежное маркиро- вание согласо- вание	аккузативное	эргативное
аккузативное	очень часто (русский, литовский)	чрезвычайно редко (южный пайюте)
эргативное	очень часто (бурушаски, шипибо)	редко (кабардинский, цахурский)

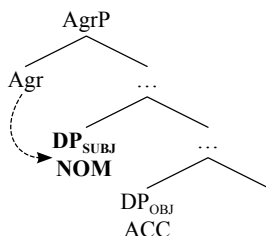
⁹² Здесь и далее в этом разделе обсуждаются только языки, демонстрирующие аккузативную или эргативную стратегии в падежном маркировании и согласовании; языки с нейтральной, трехчастной и активной стратегией не учитываются.

Почему же эргативное предикативное согласование представлено так редко даже в языках с эргативной падежной системой, ведь в соответствии с иерархией (3.95) номинатив, будучи дефолтным падежом, является наиболее приоритетным контролером предикативного согласования?

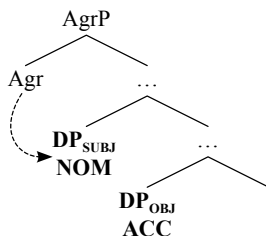
Рассмотрим языки, имеющие только один слот для предикативного согласования. Среди аккумулятивных языков, очевидно, возможны два типа — языки, выбирающие в качестве контролера согласования только ИГ в дефолтном падеже (тип А1), и языки, допускающие в качестве контролера согласования ИГ в дефолтном или зависимом падеже (тип А2). В языках типа А1 предикативное согласование всегда будет происходить с номинативным подлежащим, поэтому стратегия согласования будет аккумулятивная. В языках типа А2 в конструкции с переходным глаголом потенциальными контролерами предикативного согласования будут номинативное подлежащее и аккумулятивное прямое дополнение. Однако, поскольку подлежащее обладает структурным приоритетом над дополнением, именно оно будет выбрано в качестве цели вершиной-зондом (если согласование происходит в синтаксисе) или согласовательной морфемой (если согласование происходит в постсинтаксическом компоненте). Таким образом, аккумулятивные языки будут демонстрировать аккумулятивную стратегию предикативного согласования независимо от того, доступна ли ИГ в зависимом падеже в качестве контролера согласования.

Обратимся теперь к языкам с эргативной падежной системой. Здесь также можно выделить два типа языков: языки, выбирающие в качестве контролера согласования только ИГ в дефолтном падеже (тип Е1), и языки, допускающие в качестве контролера согласования ИГ в дефолтном или зависимом падеже (тип Е2). В языках типа Е1 контролером предикативного согласования может быть только номинативная ИГ, поэтому предикативное согласование будет происходить с S-аргументом переходного глагола и с Р-аргументом переходного глагола. Таким образом, языки типа Е1 — это языки с эргативной падежной системой и эргативным предикативным согласованием. В языках типа Е2 в конструкции с переходным глаголом потенциальными контролерами предикативного согласования будут эргативный внешний аргумент и номинативный внутренний аргумент. Так как внешний аргумент обладает структурным приоритетом над внутренним аргументом, контролером предикативного согласования станет именно он. В результате эргативные языки типа Е2 будут иметь аккумулятивное предикативное согласование. Выбор контролера предикативного согласования в переходной структуре схематически изображен в (3.98) для аккумулятивных языков, а в (3.99) — для эргативных языков.

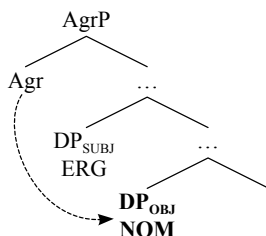
- (3.98) а. тип A1: аккузативная падежная система, для согласования доступен дефолтный падеж

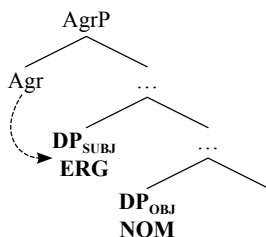
- б. тип A2: аккузативная падежная система, для согласования доступны дефолтный и зависимый падежи

- (3.99) а. тип E1: эргативная падежная система, для согласования доступен дефолтный падеж

- б. тип E2: эргативная падежная система, для согласования доступны дефолтный и зависимый падежи

Следует отметить, что отмежевание предикативного согласования от приписывания структурного падежа не обязательно означает постсинтаксическую, как у Бобальрика, локализацию обоих процессов. Ж. Корнфилт и О. Премингер (Kornfilt, Preminger 2015) предлагают анализ якутского языка, в соответствии с которым падежное маркирование и предикативное согласование происходит в синтаксисе, и при этом контролерами согласования способны выступать только беспадежные именные группы. Беспадежными считаются именные группы, которые на определенном этапе деривации еще не получили падежа и получают дефолтный падеж, если до конца деривации не вступят в падежное взаимодействие в пределах другой падежной области. Преимущество такого подхода в том, что он позволяет объяснить согласование с именной группой, подвергающейся последующему подъему, как в (3.100). В пределах нижней СР именная группа *ehigi* ‘ты’ не получила падежа и поэтому способна выступить контролером предикативного согласования. После подъема в главную клаузу данная ИГ оказывается в другой падежной области и получает зависимый аккузатив. Таким образом удается объяснить феномен, не имеющий соответствий в других компонентах грамматики якутского языка, — предикативное согласование с аккузативной ИГ. Легко видеть, что такой подход невозможен при постсинтаксическом анализе согласования и падежного маркирования.

- (3.100) Min **ehigi-ni** [c' bögün **ehigi** kyaj-yax-xyt dien]
 я ты-ACC сегодня ты победить-FUT-2PL что
 erem-mit-im.
 надеяться-PST-1SG
 ‘Я надеюсь, что ты сегодня победишь.’ (Baker, Vinokurova 2010:
 (37a))

М. Биттнер и К. Хейл, строя синтаксическую имплементацию конфигурационной падежной системы, также «переворачивают» хомскианское соотношение между согласованием и падежом: не структурный падеж является побочным продуктом согласования функциональных вершин, но, наоборот, приписывание структурного падежа именным группам обуславливает их выбор в качестве контролера согласования V, I и C, поскольку именно V и I антецедентно управляют пустой категорией K КР структурных падежей, а C лицензирует номинативную DP.

Говоря о соотношении между падежом и согласованием, нужно подчеркнуть, что, хотя «хомскианская» и «марантцева» системы подразумевают абсолютно противоположные взгляды на их связь, вполне вероятно, что зерно истины есть в обоих подходах, просто потому, что разные падежи разных языков по-разному приписываются и взаимодействуют

с согласованием. Здесь следует упомянуть предложенный в монографии М. Бейкера (Baker 2008) параметр зависимости падежа от согласования (Case-Dependence of Agreement Parameter, CDAP). Например, связь между объектным согласованием и аккузативным маркированием в амхарском языке или в энецком языке, судя по приведенным выше данным, отсутствует (CDAP = «по»), однако есть языки и с положительным значением этого параметра. Так, Бейкер упоминает австралийский язык мангарайи и североамериканский не-персе, в которых объектное согласование и аккузативное маркирование объекта находятся в одно-однозначном соответствии. Возможно также, что часть структурных падежей приписывается при согласовании, в соответствии с хомскианской моделью, а часть — в результате падежного соревнования, вне связи с согласованием, в соответствии с марантцевой моделью. Такое предположение Бейкер делает применительно к материалу якутского языка. Например, приписывание номинатива с необходимостью вызывает предикативное согласование с номинативной именной группой, и наоборот — предикативное согласование с неноминативной именной группой невозможно (Baker, Vinokurova 2010: (65)–(66)):

(3.101) Masha-qa **at-tar**

Маша-DAT лошадь-PL-NOM

ber-ilin-ni-ler		*ber-ilin-ne.
дать-PASS-PST-3PL		дать-PASS-PST.3SG

‘Лошади были отданы Маше.’

(3.102) Masha-qa **at-tar-y**

Маша-DAT лошадь-PL-ACC

*ber-ilin-ni-ler		ber-ilin-ne.
дать-PASS-PST-3PL		дать-PASS-PST.3SG

‘Лошади были отданы Маше.’

В то же время приписывание аккузатива и датива в якутском языке не сопровождается никакими согласовательными процессами и, по-видимому, независимо от согласования. Мы подробнее остановимся на этой гипотезе в главе 4.

В заключительном разделе настоящей главы мы обсудим аргументную структуру и падежное маркирование аргументов русских предметных и событийных существительных. Мы попытаемся применить к ним рассмотренные выше падежные теории, разработанные на другом материале, и оценить предсказательные возможности этих теорий для фрагмента русской падежной грамматики.

3.4. Падежная грамматика: взгляд изнутри русской именной группы

Компоненты именной группы в русском языке можно классифицировать по целому ряду оснований. Для данного изложения наиболее релевантны два из них: противопоставление аргументов именной вершины прочим единицам, входящим в именную группу (адъюнктам, функциональным элементам и т. д.), и противопоставление адъективных составляющих неадъективному (падежному, предложно-падежному, адвербиальным). Эти характеристики не являются в полной мере независимыми: аргументы именной вершины имеют тенденцию выражаться при помощи неадъективных зависимых именной группы, за одним исключением — притяжательные местоимения (*мой, свой*) и референтные притяжательные прилагательные (*Петин, бабушкин*) могут выражать семантический актанта существительного.

Обращаясь к способам выражения термовых аргументов существительного, можно сделать несколько предварительных обобщений над фактами:

- аргументы существительного никогда не выражаются ИГ в номинативе или аккумулятиве;
- аргументы существительного могут выражаться ИГ в косвенных падежах (дательный, творительный, интенциональный родительный) или предложными группами, в соответствии с идиосинкратичным управлением именной вершины;
- в отсутствие идиосинкратичных требований существительного стандартным способом выражения аргумента является родительный падеж;
- родительный падеж используется также для выражения (неаргументного) посессора;
- генитивные ИГ варьируют с притяжательными местоимениями и прилагательными (*книга Пети ~ Петина книга*).

Очевидно, из этих обобщений следует особый статус приименного генитива, который используется для выражения посессора или любого тематического аргумента именной вершины, на который не накладываются специальные падежные требования. Далее в этом разделе мы обсудим представленные в литературе соображения о структурной позиции

и источнике падежа приименного генитивного аргумента⁹³ и предложим собственный анализ структуры именных групп разных типов.

3.4.1. Генитив как структурный падеж D: за и против

Сопоставляя русский материал с материалом других языков, можно отметить, что и в типологическом аспекте посессор занимает особое место среди зависимых именной группы. Он демонстрирует структурный приоритет над остальным материалом ИГ и — в тех языках, где именная вершина согласуется с каким-либо из своих зависимых, — контролирует подобное согласование. В этой связи посессор часто рассматривается как «подлежащее», т. е. непосредственная составляющая, ИГ.

Анна Сабољчи, привлекая венгерские данные такого рода, по-видимому, первой провозглашает параллелизм структуры клаузы и именной группы: «Я предполагаю, — пишет Сабољчи, — что именная группа в венгерском языке имеет структуру клаузы, т. е. обладает согласовательной вершиной типа INFL и специальной позицией на левой периферии составляющей»⁹⁴. Второй шаг в этом направлении делает в своей диссертации Стивен Эбни; он идентифицирует элемент, аналогичный INFL клаузы, как вершину D(eterminer), что дает начало DP-гипотезе: «Рассмотрение языков, в которых существительные, в том числе предметные, демонстрируют согласование с посессорами, подсказывает анализ, в соответствии с которым именную группу возглавляет элемент, аналогичный INFL, который обеспечивает позицию для согласования; я называю этот сходный с INFL элемент D»⁹⁵.

Анализ Эбни эксплицитно выражает особый структурный статус посессора: подобно тому как подлежащее клаузы является спецификатором функциональной вершины INFL, доминирующей над глагольной группой, посессор именной группы является спецификатором функциональной

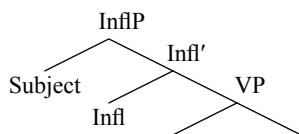
⁹³ Данное обсуждение во многом опирается на критический обзор в (Лютикова 2014a).

⁹⁴ «I will argue that NP in Hungarian is S-like in that it has an INFL and a periferal position» (Szabolcsi 1983: 89).

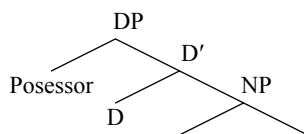
⁹⁵ «Consideration of languages in which nouns, even the most basic concrete nouns, show agreement (AGR) with their possessors, points to an analysis of the noun phrase as headed by an element similar to INFL, which provides a position for AGR; I call this INFL-like element D» (Abney 1987: 3).

вершины D, принимающей в качестве комплемента группу лексического существительного, ср. (3.103a–b).

(3.103) a.

b.

Сходство посессора с подлежащим проявляется и в том, что соответствующая позиция является производной и не связанной с определенной семантической ролью. В то время как подлежащее поднимается из глагольной группы (или из еще более глубокой позиции во вложенной клаузе), позиция посессора также оказывается конечной точкой подъема аргументных ИГ. В частности, как замечает Эбни, подлежащие номинализаций демонстрируют посессивный морфосинтаксис в турецком и в английском языке (3.104)–(3.105).

(3.104) a. [_{DP} sen-in [_{NP} el]-in]
ты-GEN рука-2SG

‘твоя рука’

b. [_{DP} Halil'-in [_{VP} kedi-ye yemek ver-me-diğ]-i]
Халил-GEN кошка-DAT еда давать-NEG-NMN-3

‘то, что Халил не дал еду кошке’

(3.105) a. [_{DP} John's [_{NP} book]]

‘книга Джона’

b. [_{DP} John's [_{VP} building the spaceship]]

‘строительство космического корабля Джоном’

Параллелизм структур (3.104a–b) и (3.105a–b) предполагает, что передвижение подлежащего номинализации в позицию Spec, DP является А-передвижением, а значит, источником генитива является функциональная вершина D, аналогично тому, как источником номинатива подлежащего является функциональная вершина Infl. Следовательно, приписывание генитива в ИГ есть одна из диагностик присутствия в структуре вершины D. Таким образом, DP-гипотеза делает следующие утверждения касательно места посессора в структуре ИГ: (i) посессор предметных имен и внешний аргумент номинализации занимают идентичные структурные позиции; (ii) источником приименного аргументного генитива является функциональная вершина D; (iii) из дополнительной дистрибуции посессоров, притяжательных местоимений и артиклей следует их структурная связь с общей проекцией — DP.

С появлением DP-гипотезы, увязывающей такую конкретно-языковую фразовую категорию, как артикль, со специфической функциональной проекцией, доминирующей над группой лексического существительного, возник вопрос об универсальности структуры именной группы: является ли наличие/отсутствие артиклей в языке параметром, характеризующим только лексикон, или за ним стоит базовое отличие в синтаксическом устройстве именных составляющих. Полемика об универсальности DP-структуры именных групп особенно остро и плодотворно ведется в последнее десятилетие как раз на материале славянских языков. В частности, один из противников существования DP в безартиклевых языках Желько Бошкович (Bošković 2008) рассматривает целый ряд параметров, противопоставляющих артиклевые и безартиклевые языки, и утверждает, что подобные отличия можно вывести из дихотомии DP- vs. NP-статуса именных групп в этих языках.

Одним из параметров, имеющим непосредственное отношение к нашей проблематике, является количество генитивов, лицензируемых в именной группе. Бошкович указывает, что в то время как английские ИГ допускают два генитивных зависимых (внутренний аргумент оформляется *of*-генитивом, а внешний аргумент — *'s*-генитивом), русские именные группы располагают только одной генитивной позицией для аргументов ИГ, ср. (3.106)–(3.107).

- (3.106) a. John's picture of Bill
 'фотография Билла, сделанная Джоном'
 b. John's reading (of) the book
 'чтение книги Джоном'
- (3.107) a. исполнение арии
 b. исполнение Шаляпина
 c. *исполнение арии Шаляпина

Тезис Бошковича, однако, легко опровергается эмпирическими данными русского языка. Как указывается во многих работах, посвященных русским именным группам, начиная по меньшей мере со статей (Падучева 1984) и (Борщев, Кнорина 1990), и впоследствии в (Englehardt, Trugman 1998; Rappaport 1998, 2002, 2004; Гращенков 2004; Trugman 2005, 2007; Pereltsvaig 2007, 2013, 2015; Лютикова 2014а), двухвалентные русские существительные могут иметь два генитивных аргумента. В (3.108) приводятся примеры, наиболее часто упоминаемые в литературе.

- (3.108) а. коллекция редких монет профессора
б. конспект лекции брата
в. фотографии крестьян Смирнова
г. таблица элементов Менделеева

Поиск в корпусе подтверждает грамматичность и распространенность подобных конструкций: в (3.109) приводится лишь незначительное количество полученных текстовых примеров.

- (3.109) личная коллекция старинных фотографий Сергея Покаякина; коллекция зажигалок вашего хозяина; коллекция игрушек вашего ребенка; коллекция вирусов Института вирусологии; закон тяготения Ньютона; закон мнений Локка — Юма; закон тождества формальной логики; закон передвижения согласных Гримма; принцип ограниченной рациональности поведения человека Г. Саймона; теория относительности Эйнштейна; гипотеза времени Э. Гуссерля; обобщение понятия разбиения Кокстера; распределение вероятностей Пуассона; портрет Мольера Шарля Лебрена; «Портрет женщины в черной шляпе» Рембрандта; портреты русских знаменитостей швейцарского фотографа Мишеля Конта; фотографии ушедшей эпохи Прокудина-Горского

Таким образом, налицо контраст между русскими номинализациями в (3.107), действительно допускающими только один аргумент в генитиве, и производными существительными, лицензирующими два генитивных аргумента.

Этот факт используется М. Энгельхардт и Х. Тругман, а также Г. Раппапортом (Englehardt, Trugman 1998; Trugman 2005, 2007; Rappaport 2002, 2004) для аргументации DP-анализа именных групп в русском языке. Исследователи высказывают гипотезу, согласно которой в русских именных группах имеется два источника аргументного генитива — лексическая вершина N и функциональная вершина D. Генитив, приписываемый этими вершинами, имеет разный статус. Лексическая вершина приписывает падеж при управлении, одновременно с передачей аргументу семантической роли. Такой генитив оказывается тесно связан со своим источником и относится к ингерентным в типологии Теории падежа. Функциональная вершина D приписывает структурный генитив: он не «привязан» к определенной семантической роли и доступен в любой именной конструкции, проецирующей DP.

Если эти исходные предположения верны, становится понятной дистрибуция генитивных зависимых в ИГ с производными именными

вершинами и в номинализациях. Именные группы с вершиной — переходным существительным могут иметь два аргументных генитива, если лексическое существительное приписывает своему комплементу ингерентный генитив. В номинализациях же лексическая вершина N отсутствует (или по меньшей мере не имеет собственных аргументов), поэтому источник родительного падежа один — это функциональная вершина D.

Анализ Энгельхардт и Тругман, с одной стороны, и анализ Раппапорта, с другой стороны, отличаются некоторые детали: в частности, Энгельхардт и Тругман предполагают, что генитивный внешний аргумент располагается в позиции Spec, DP, и постулируют для русского языка правое ветвление спецификатора; Раппапорт допускает получение посессором генитива от вершины D *in situ*, без передвижения в соответствующую проекцию. Тем не менее в обоих случаях объяснение различного поведения предметных существительных и номинализаций получает объяснение с опорой на гипотезу о D как источнике генитива в именной группе.

Отдельный вопрос представляет позиция притяжательных местоимений и прилагательных в структуре русской именной группы. В таких языках, как английский и французский, они обнаруживают дополнительную дистрибуцию с артиклями и фразовыми посессорами и тем самым претендуют на статус вершины или спецификатора в проекции D. Для славянских языков, в частности для русского, также имеются данные, свидетельствующие о структурном сходстве генитивных и притяжательных посессоров.

Во-первых, притяжательные местоимения и прилагательные референтны, что подтверждается их способностью связывать анафоры и выступать антецедентами текстовой анафоры (3.110), см. (Падучева 1974, 1977, 1984, 2009; Pereltsvaig 2007; Шмелев 2008). Во-вторых, они демонстрируют категориальное сходство с генитивными посессорами: могут сочетаться с ними (3.111) и соответствуют генитиву в копирующих падеж сравнительных оборотах (3.112).

(3.110) а. <Юнкера> ценили его преданность училищу и его_i гордость своими_i александровцами.

б. Родители были слишком заняты друг другом, чтобы замечать ее_i недовольство собой_i и окружающим миром...

(3.111) а. моя и моей жены машина (Rappaport 2004)

б. ...мое и Сашки рабочее место было рядом с кабинетом НВ...

с. Дубай поразил сознание мое и Кирсана своим размахом в строительстве и бизнесе.

(3.112) а. Ваша задача как европейцев будет... (Rapaport 2004)

б. ...ставит под сомнение Вашу компетентность / компетентность Вас как биографа (Падучева 1984)

Исходя из этих данных, обычно предполагают, что притяжательные местоимения и прилагательные занимают структурную позицию генитивного посессора; притяжательность, таким образом, это генитивная форма местоимений и некоторых существительных (*мамин, Колин, Марков*).

Итак, структура именной группы в русском языке в подходе М. Энгельгардт, Х. Тругман и Г. Рапппорта оказывается максимально приближена к аналогам артиклевых языков: генитивный посессор / аргумент номинализации оказывается связан с проекцией определителя и в отношении падежа, и в отношении возможной структурной позиции и дополнительной дистрибуции с притяжательными зависимыми.

Этот анализ, однако, сталкивается с рядом проблем эмпирического и теоретического характера. Ниже будут представлены аргументы против гипотетической связи генитива в русской ИГ с функциональной проекцией D. Мы предполагаем подробнее рассмотреть следующие аспекты «теории D-генитива»: предсказания касательно порядка слов в ИГ с двумя аргументами, тезис о связи генитива с вершиной D, обоснованность объяснений различного поведения предметных существительных и номинализаций их деривационной историей и, наконец, представление о притяжательных формах как варианте озвучивания генитива.

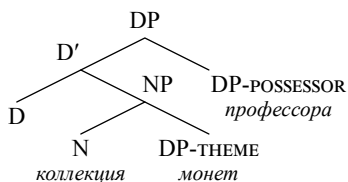
В (Engelhardt, Trugman 1998; Гращенков 2004; Trugman 2005) вводятся линейные иерархии правых генитивных зависимых в русской именной группе, которые обобщают регулярную закономерность, связанную со взаимным расположением внутреннего и внешнего аргумента предметного существительного: аргумент-тема предшествует аргументу-агенсу или посессору, как это представлено в (3.113).

(3.113) а.	фотографии	крестьян	Смирнова
	N	THEME	AGENT/POSSESSOR
б.	конспект	лекции	брата
	N	THEME	AGENT/POSSESSOR
в.	коллекция	монет	профессора
	N	THEME	AGENT/POSSESSOR

Такой порядок слов хорошо согласуется с представлением о двух источниках генитива в предметной ИГ: внутренний аргумент является комплементом существительного и получает ингерентный генитив *in situ*,

в то время как падеж внешнего аргумента является структурным и связан с вышестоящей вершиной D. Неважно, получает ли внешний аргумент генитив в базовой позиции или поднимается в (правый) спецификатор D — при последовательном правом ветвлении, которое предполагают для русской DP как Энгельхардт и Тругман, так и Раппапорт, внешний аргумент окажется дальше от вершины-существительного, чем внутренний:

(3.114)

Важный факт о порядке слов в русской ИГ, который не в состоянии объяснить теория D-генитива, состоит в том, что указанные линейные иерархии действуют только в том случае, если оба аргумента генитивные. Если же внутренний аргумент выражен другим падежом или соответствует предложной группе, базовый порядок слов меняется: генитивный внешний аргумент располагается ближе к именной вершине, чем негенитивный внутренний аргумент. В (3.115)–(3.116) и (3.117)–(3.118) приводятся результаты поиска в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) для предметных существительных *письмо* и *эскиз*, имеющих негенитивный внутренний аргумент.

(3.115) а. машинописное письмо Пастернака Хрущеву

б. письма Л. Пантелеева слушателям

в. кусочек из письма Пушкина Вяземскому

д. письмо Турганова правлению

е. письма трудящихся великому Сталину

ф. письмо операторов президенту Дмитрию Медведеву

г. письма президента «Роснефти» Сергея Богданчикова заместителю председателя правительства Игорю Сечину

h. письма Бакунина сестрам

i. письмо Поппера руководству Австралийского университета

- (3.116) a. ...узнал о судьбе своих писем Сталину
b. письмо Травкину от матери
c. письма родным с фронта
d. Сестра поэта О. С. Павлищева в письме мужу 13–15 августа 1831 года признавалась...
- (3.117) a. эскизы И. Рабиновича к опере «Любовь к трем апельсинам»
b. три ярких эскиза художника В. Фуфыгина к спектаклю 1966 года
c. эскиз Нателлы к «Золушке»
d. эскизы Куманькова к этой картине
- (3.118) a. ...внук В. Д. Поленова, чьи эскизы к спектаклям Русской оперы Мамонтова...
b. эскиз к третьему действию балета, выполненный художником Э. Вардаунисом
c. его эскиз к декорации Эрмитажного театра
d. мой словесный эскиз к этой теме
e. все мои эскизы к портрету Троцкого

Примеры (3.115) и (3.117) найдены в результате поиска по запросу «существительное в родительном падеже на расстоянии 1–3 слов от лексической вершины»; мы видим, что дативный внутренний аргумент и внутренний аргумент, выраженный предложной группой, могут следовать за сочетанием «вершина + генитивный внешний аргумент». Примеры (3.116) и (3.118) — результат поиска по зеркальному запросу «существительное в дательном падеже / предлог *к* на расстоянии 1–3 слов от лексической вершины». Все найденные контексты объединяет тот факт, что ни один из них не сопровождается генитивным внешним аргументом. Агенса либо выражается притяжательным местоимением (*свои письма, мой эскиз*), либо соответствует имплицитному аргументу (*письма с фронта, Павлищева признавалась в письме*).

Аналогичные результаты получаем для абстрактных существительных и несобытийных номинализаций (Result-nominals/R-nominals в терминологии (Grimshaw 1990, Alexiadou 2001)): негенитивный внутренний аргумент следует за именной вершиной только в том случае, если внешний

аргумент не выражается генитивом, ср. (3.119) и (3.121) с (3.120) и (3.122). Как справедливо отмечает А. Перельцвайг (Pereltsvaig 2015), это обобщение не действует для событийных номинализаций: генитивный аргумент не обязан прилагать к существительному. Так, поиск в Яндексе фиксированного словосочетания «захват самолета террористами» с контактным расположением генитива дает около 2 тысяч результатов, а альтернативный вариант «захват террористами самолета» — 871 контекст⁹⁶.

- (3.119) а. недовольства соратников его контактами с чеченскими сепаратистами
 б. естественное недовольство артиста самим собой
 в. общее недовольство коллег по цеху агрессивной политикой «молодых олигархов»
 д. недовольство Сталина самонадеянностью одного из маршалов
 е. недовольство населения этой проблемой
- (3.120) а. президентское недовольство активностью крупного бизнеса
 б. ... высказала свое недовольство покрывками
 в. очевидное недовольство премьером со стороны части администрации президента
 д. недовольство Беспаловым в «Единой России»
- (3.121) а. помощь Арнольда Попову
 б. помощь тети Поли своим землякам
 в. помощь жены и семьи предпринимателю
 д. гуманитарная помощь России Афганистану
 е. помощь правительства русской иммиграции
 ф. помощь Ирака палестинским экстремистам
 г. помощь немцев евреям
- (3.122) а. его активная помощь следствию
 б. помощь Петлюре от красных
 в. советская помощь Монгольской Народной Республике

⁹⁶ О порядке следования аргументов событийной (= процессной) номинализации (Event nominals / E-nominals) см. подробнее в разделе 3.4.3.

Данные о порядке слов в несобытийных именных группах с двумя аргументами суммированы в (3.123). Мы видим, что линейный порядок аргументов определяется двумя параметрами. Первый параметр — это способ оформления аргумента, второй параметр — это семантическая роль аргумента. Если существительное управляет негенитивным внутренним аргументом, то ближе к именной вершине располагается генитивный внешний аргумент (3.123b–d). Если же внутренний аргумент существительного оформляется генитивом, то на линейный порядок аргументов начинает влиять дихотомия внешнего и внутреннего аргументов: внутренний аргумент оказывается ближе к именной вершине, чем внешний (3.123a).

(3.123) a.	фотографии	крестьян	Смирнова
	N	INT	EXT
b.	письмо	Пушкина	Вяземскому
	N	EXT	INT
c.	эскиз	Нателлы	к «Золушке»
	N	EXT	INT
d.	ответ	Кремля	коммунистам
	N	EXT	INT

Легко видеть, что такие закономерности словорасположения плохо соотносятся с гипотезой D-генитива внешнего аргумента, поскольку противоречат тому, что мы знаем о связи структурных падежей и линейной позиции цели. Действительно, если ИГ-цель получает структурный падеж *in situ*, тогда ее линейная позиция определяется принципом проекции. В таком случае ИГ с одной семантической ролью (внешнего аргумента) должны оказываться в одной структурной позиции. Следовательно, генитивный аргумент в (3.123a) и (3.123b) находятся в идентичных позициях в составе ИГ, но при этом внутренний аргумент существительного (*крестьян* и *Вяземскому* соответственно) располагается либо левее, либо правее этой позиции. Поскольку в обоих случаях предполагается, что мы имеем дело с комплементом N, получающим ингерентный падеж *in situ*, такая конфигурация невозможна. Если же ИГ-цель получает структурный падеж — D-генитив — в «области» зонда (Спец, DP), тогда генитивный внешний аргумент должен всегда оказываться в крайней левой (или крайней правой) позиции в ИГ, чего мы, очевидно, не наблюдаем в (3.123b–d). Таким образом, порядок следования аргументов в несобытийных именных группах плохо совместим с «теорией D-генитива».

Вторым направлением нашей критики «теории D-генитива» является поведение именных групп с генитивными зависимыми в контексте

количественной конструкции. В серии работ А. Перельцвайг (Pereltsvaig 2006a, 2007, 2013) проводится мысль о внутриязыковой параметризации ИГ в отношении проекции DP: именные группы полной структуры образуют DP, в то время как именные группы неполной структуры (Small Nominals, SN) проецируют группу лексического существительного (NP) и, возможно, некоторые промежуточные функциональные группы, такие как количественная группа (NumP). Такая типология позволяет объяснить регулярно воспроизводящуюся в разных языках и в разных синтаксических позициях совокупность синтаксических и семантических свойств, характеризующих различающиеся количеством функциональной структуры именные группы.

Одним из признаков, свидетельствующих об отсутствии проекции DP, для русского языка считается отсутствие предикативного согласования с количественной конструкцией. Как известно, количественные группы в позиции подлежащего либо вызывают предикативное согласование по множественному числу (3.124a), либо допускают форму 3-го л. ед. ч. ср. р. сказуемого, что интерпретируется как означивание признаков по умолчанию (3.124b). Если исходить из наличия DP в русском языке и тезиса Перельцвайг о параметризации категориального статуса именных групп внутри русского языка, то мы получаем естественное объяснение вариативному предикативному согласованию в (3.124): в (3.124a) представлена DP, в то время как в (3.124b) — ИГ малой структуры, QP.

(3.124) а. Пришли [_{DP} (эти) [_{QP} пять писем]].

б. Пришло [_{QP} (*эти) пять писем].

«Теория D-генитива» предсказывает, что в отсутствие проекции D генитив внешнего аргумента окажется недоступен. Однако, как видно из (3.125), эти предсказания не подтверждаются языковым материалом: количественные группы, в которых внешний аргумент получает генитив, сочетаются с дефолтным предикативным согласованием, то есть проявляют свойства именных групп неполной структуры. Следовательно, (3.125) ставит под сомнение связь генитива внешнего аргумента с вершиной D.

(3.125) а. Сохранилось почти двести писем Антона к Александру.

б. <В архиве семьи Цетлиных-Прегель> содержалось более 60 писем Буниных Марии Самойловне Цетлиной за 1940–47 гг.

с. При последнем побеге я оставил в беспорядке свои бумаги; среди того, что захватил, оказалось несколько писем Дедкова.

д. На выставке представлено более 50 коллекций одежды молодых модельеров России.

Следующим аргументом против «теории D-генитива» становятся эмпирические данные о соотношении событийной интерпретации именной группы и производности существительного от глагола. Теория D-генитива опирается на простую дихотомию двух классов существительных в отношении доступности генитивных аргументов. Предметным непроизводным⁹⁷ существительным, проецирующим до двух аргументных генитивов (*коллекция*), противопоставляются событийные производные от глагола регулярным способом номинализации, допускающие выражение генитивом только одного аргумента (*коллекционирование*). Именно эта дихотомия делает очевидной предполагаемую в «теории D-генитива» связь между количеством генитивов и количеством именных проекций: в структуре [DP [VP]] именная проекция одна (DP), а в структуре [DP [NP]] таких проекций две (DP и NP).

Типология существительных, однако, в действительности сложнее: как неоднократно отмечалось в литературе о русских номинализациях (Падучева 1974, 1977, 1984, 2009; Апресян 1974; Comrie 1980; Пазельская 2003, 2004, 2005, 2006), регулярная производность от глагола и доступность событийной интерпретации являются двумя независимыми параметрами, вследствие чего наряду с указанными выше классами имеются также событийные непроизводные существительные (*критика*) и несобытийные существительные, производные от глагола регулярным способом (такие как *собрание*, *решение* или *сочинение* в предметном значении или значении результата).

Гипотеза «D-генитива» предсказывает, что количество доступных генитивов будет определяться статусом аргументов: если аргументы принадлежат глагольной группе, возможен только один генитив; если же аргументы проецируются существительным, то возможны два аргументных генитива. Вместо этого, однако, мы обнаруживаем корреляцию количества генитивов не с наличием глагольной основы, а с параметром событийности.

Непроизводные (и нерегулярные) событийные существительные в отношении аргументной структуры ведут себя как регулярные событийные номинализации на *-ние/-тие*. Например, существительные *запрет*, *критика*, *контроль*, *поддержка* встречаются в корпусе только с одним генитивным аргументом, внутренним или внешним (см. (3.126a–e), (3.127a–g), (3.128a–b), (3.129a–b)); одновременное выражение генитивом двух аргументов обычно невозможно (ср. (3.126f–h), (3.127h), (3.128c), (3.129c)).

⁹⁷ Под непроизводностью в данном контексте имеется в виду не словообразовательная непрозрачность, а отсутствие изменения синтаксической категории (номинализации) в ходе синтаксической деривации. Подобное понимание восходит к работе (Chomsky 1970); см. также ее обсуждение в (Marantz 1997).

- (3.126) a. запрет ислама изображать живые существа
- b. строители вплоть до запрета Госгортехнадзора вели работы днем и ночью
 - c. получить повод для запрета КПРФ
 - d. запрет изданий АН на иностранных языках
 - e. добился официального запрета секты караймов
 - f. ???запрет испытаний химического оружия конгресса США (OKконгрессом США)
 - g. *запрет городских властей рекламы пива (OKгородскими властями)
 - h. *запрет компартии Ельцина / *запрет Ельцина компартии (OKЕльциным)
- (3.127) a. ...известный своей последовательной критикой действий президента РФ
- b. жесткая критика делегатов со стороны городской общест-
венности
 - c. «ЯБЛОКО» хочет побеждать за счет повальной критики «Со-
юза правых сил»
 - d. критика премьера Михаила Касьянова в адрес министра фи-
нансов Алексея Кудрина
 - e. эйнштейновская критика старика Планка
 - f. Марксова критика взглядов Штирнера
 - g. их аргументированная критика концепции «реальной политики»
 - h. *критика Планка Эйнштейна / *критика Эйнштейна Планка (OKЭйнштейном)
- (3.128) a. поддержка курса рубля
- b. поддержка Алексея Кудрина
 - c. *поддержка курса рубля Алексея Кудрина (OKАлексеем Куд-
риным)

- (3.129) а. контроль качества медицинской помощи
- б. контроль глав регионов над ключевыми позициями в органах местного самоуправления
- в. *контроль качества медицинской помощи грамотных специалистов (^{OK}грамотными специалистами)

Отдельно следует остановиться на регулярно фиксируемом в корпусе выражении внешнего аргумента творительным падежом (ср. также (3.126f–h), (3.127h), (3.128c), (3.129c)). Появление агентивного дополнения в творительном падеже не в номинализациях на *-nie/-mie*, а в конструкциях с производными существительными явным образом свидетельствует против «пассивного» анализа номинализаций: мы видим, что доступность агентивного дополнения в творительном падеже принципиально не связана с пассивизацией переходной структуры. С другой стороны, производные отглагольные существительные на *-nie/-mie*, развивающие несобытийные предметные и абстрактные значения (result nominals), обнаруживают способность управлять двумя аргументными генитивами. В этом отношении они ведут себя как производные предметные и абстрактные существительные. Заметим, что, лишившись процессной интерпретации, существительные на *-nie/-mie* утрачивают и способность присоединять агентивное дополнение в творительном падеже.

- (3.130) а. собрание картин Эрмитажа (*Эрмитажем)
- б. преобразования векторного пространства Лоренца (# Лоренцем)
- в. обобщение разбиений Кокстера (# Кокстером)
- г. распределение вероятности Фишера (# Фишером)
- д. ранение рук лейтенанта (# лейтенантом)

Итак, оказывается, что (не)допустимость двух генитивов коррелирует не с деривационной историей существительного, а с его интерпретацией: событийные существительные допускают только один генитив (не считая ингерентного интенционального генитива внутреннего аргумента) и в этом случае лицензируют агентивное дополнение; предметные существительные и несобытийные абстрактные существительные (result nominals) допускают два генитивных аргумента.

Наконец, последний тезис «теории D-генитива» увязывает притяжательные местоимения и прилагательные с проекцией DP и представляет

их как реализацию генитива местоимений и некоторых существительных. Это положение также не лишено недостатков.

Несмотря на существенное пересечение семантических функций притяжательных адъективов и генитивных ИГ, представление о притяжательном местоимении как генитиве местоимения-существительного в общем случае неверно. Можно указать как минимум три случая, когда «генитив местоимения» в именной группе не взаимозаменяем с притяжательным местоимением. Во-первых, это партитивный (количественный) генитив, который возникает в конструкциях с количественными существительными (3.131). Во-вторых, это интенциональный генитив, управляемый существительными со значением эмоции, желания, с модальным значением (3.132). В-третьих, это отмечаемый в работах Е. В. Падучевой и А. Г. Пазельской (Падучева 1984; Rapoport 2002; Пазельская 2006) случай, когда генитив внутреннего аргумента в переходной номинализации не может быть выражен притяжательной формой (3.133). Таким образом, с формальной точки зрения генитив личного местоимения и притяжательное местоимение — это разные единицы.

- (3.131) а. Часть меня (# моя часть) осталась где-то в ланкастерских полях, а может быть, на берегу Северного моря.
- б. ...в Петербурге большинство нас (# наше большинство) уже давно начало порядочно голодать...
- с. Кажется, что потерял я половину себя (# свою половину), и не могу понять чего хочу?
- (3.132) а. Он увидел красную, веселую Москву Честнову и вздрогнул от боязни ее (# ее боязни).
- б. Народ имеет несомненное право на власть, но хочет народ — не власти (жажда ее (# ее жажда) свойственна лишь процентам двум)...
- с. В этой повышенной оценке смерти не скрывается ли тоже своеобразный страх ее (# ее своеобразный страх)?
- (3.133) а. Конечно, признание меня в Италии сыграло решающую роль в том, что я сразу получила известность у себя на родине. (# мое признание)
- б. Но самым характерным в той ситуации эпизодом было облачение меня в сценический костюм. (# мое облачение)

- c. Поторопившись родиться, поторопился я совершить первую в моей жизни бестактность: досточтимому отцу Овельту, настоятелю польской церкви (что в Милютинском переулке), при погружении меня в купель совершенно отчетливо показал я нос. (# при моем погружении)
- d. Со времени увольнения меня в отставку, я считаю себя от всяких обязательств по отношению к Вам свободным и предложение Ваше для себя совершенно необязательным. (# моего увольнения)

С содержательной точки зрения идентичность генитивных и притяжательных форм также сомнительна. Притяжательные формы никогда не конкурируют с генитивными зависимыми за семантическую роль: на долю притяжательных местоимений и прилагательных достаются лишь те интерпретации, которые не были выражены генитивными (и другими) именными группами в аргументных позициях. Так, в (3.134a) постпозитивные генитивные ИГ однозначно интерпретируются как внутренний аргумент (тема) и внешний аргумент (агенса); для притяжательного местоимения доступна посессивная интерпретация. В (3.134b) выражен один генитивный аргумент-тема, поэтому притяжательное местоимение может получить интерпретацию посессора или агенса. Если в ИГ переходного существительного не выражено ни одного генитивного аргумента, притяжательная форма допускает любую интерпретацию (3.134d). Однако, как показывает (3.134c), приоритет в выражении аргументов всегда за генитивными зависимыми.

- (3.134) a. мой (POSSESSOR) портрет Пушкина (ТЕМЕ) художника Кипренского (AGENT)
 b. мой (AGENT/POSSESSOR) портрет Пушкина (ТЕМЕ)
 c. *мой (ТЕМЕ) портрет художника Кипренского (AGENT)
 d. мой (POSSESSOR/AGENT/ТЕМЕ) портрет

Наконец, неидентичность генитива ИГ и притяжательного местоимения или прилагательного можно продемонстрировать при помощи следующего рассуждения. Как мы видели выше, событийные существительные не допускают двух аргументных генитивов. Притяжательные местоимения и прилагательные в этой ситуации позволяют выразить дополнительный (квази)аргумент, ср. (3.135a–b), (3.136a–b). Однако если бы притяжательные формы были реализацией генитива, из их грамматичности в (3.135b), (3.136b) следовала бы грамматичность генитивных зависимых в (3.135a), (3.136a).

- (3.135) а. *критика взглядов Штирнера Маркса
 б. Марксова критика взглядов Штирнера
- (3.136) а. *аргументированная критика концепции «реальной политики»
 оппозиционно настроенных интеллектуалов
 б. их аргументированная критика концепции «реальной политики»

Подведем промежуточные итоги. Мы не выявили никаких свидетельств того, что источником какого-либо генитива в русской ИГ является функциональная вершина D; напротив, генитивные аргументы проявляют тесную связь с вершиной-существительным. Аргументная структура ИГ определяется не словообразовательной моделью, а значением; релевантным параметром оказывается противопоставление событийных и несобытийных существительных. Притяжательные элементы в ИГ не нуждаются в падеже и, таким образом, не связаны с аргументным генитивом.

Приписывание генитива посессору со стороны (посессивного) D является стандартным анализом приименного генитива в хомскианской модели приписывания падежа при согласовании. Сделанные нами выводы указывают на необходимость альтернативного анализа падежного оформления аргументов существительных. Кроме того, предпринятое обсуждение показало также, что синтаксис именных групп, возглавляемых событийными и несобытийными существительными, существенно различается, что должно найти отражение в их анализе. В следующих разделах мы обсудим некоторые варианты.

3.4.2. Падежная грамматика несобытийных именных групп

Обобщим требующие объяснения характеристики аргументной структуры и падежного синтаксиса именных групп, возглавляемых несобытийными существительными. Во-первых, они допускают более одной аргументной генитивной именной группы. Во-вторых, генитивное оформление аргументов не используется при лексическом управлении аргументом со стороны именной вершины. В-третьих, порядок следования аргументов регулируется двумя принципами: падежным (генитивный аргумент должен прилагать к именной вершине) и тематическим (внутренний аргумент располагается ближе к вершине, чем внешний). В-четвертых, падежное оформление аргументов независимо от функциональной вершины D.

Какие компоненты анализа необходимы, чтобы объяснить данные характеристики?

Потребность генитивного аргумента в прилагании к именной вершине напоминает известное требование падежного прилагания (Case adjacency), сформулированное в (Stowell 1981). Стоуэлл предполагает, что неграмматичность (3.137b) связана с тем, что ИГ *her allowance* расположена неконтактно с переходной вершиной V, приписывающей этой ИГ аккузатив. Тот факт, что номинализации в (3.138) допускают различный порядок следования аргументов — предложных групп, говорит о том, что неграмматичность (3.137b) не связана с различиями в семантических ролях.

- (3.137) a. Maggie donated [_{NP} her allowance] [_{PP} to the charity].
 ‘Мэгги пожертвовала свои карманные деньги на благотворительность.’
 b. *Maggie donated [_{PP} to the charity] [_{NP} her allowance].
 ‘Мэгги пожертвовала на благотворительность свои карманные деньги.’
- (3.138) a. [Maggie’s donation [_{PP} of her allowance] [_{PP} to charity]] was nice.
 ‘То, что Мэгги пожертвовала свои карманные деньги на благотворительность, было очень мило.’
 b. ?[Maggie’s donation [_{PP} to charity] [_{PP} of her allowance]] was nice.
 ‘То, что Мэгги пожертвовала на благотворительность свои карманные деньги, было очень мило.’

В русском языке требование падежного прилагания засвидетельствовано как минимум еще в одной конструкции — компаративной (Grashchenkov, Lyutikova 2008). В (3.139) представлен случай, когда эталон сравнения выражен генитивной именной группой. Мы видим, что эта ИГ должна располагаться ближе к компаративу, чем внутренний аргумент прилагательного — предложная группа к *футболу*. Примечательно, что это ограничение действует только для генитивного эталона: из (3.140) видно, что эталон сравнения, вводимый союзом *чем*, «пропускает» вперед компонент прилагательного.

- (3.139) a. равнодушнее Пети к футболу
 b. *равнодушнее к футболу Пети
- (3.140) a. ?равнодушнее, чем Петя, к футболу
 b. равнодушнее к футболу, чем Петя

Важно отметить, что падежное прилагательное всегда связано с приписыванием падежа управляющей вершиной. В этой связи требование прилагательного внешнего аргумента к вершине-существительному более естественно трактовать как свидетельство падежной связи между внешним аргументом и именной вершиной.

Поскольку взаимное расположение внешнего и внутреннего аргументов определяется с учетом их падежного кодирования и отличается в конструкциях с одним и двумя генитивами (3.141), очевидно, что деривация одного или другого варианта словорасположения должна быть связана с передвижением. Будем исходить из более рестриктивного тезиса, что грамматика не допускает «правые» спецификаторы и передвижение вправо. В таком случае в (141b) представлен исходный порядок аргументов, соответствующий тематической иерархии, а (141a) должно быть результатом передвижения внутреннего аргумента в позицию выше внешнего.

(3.141) а.	фотографии	крестьян	Смирнова
	N	INT	EXT
б.	письмо	Пушкина	Вяземскому
	N	EXT	INT

Заметим также, что именная вершина в таких конструкциях не может находиться в своей базовой позиции (N^0) — иначе мы обязаны предположить либо правое ветвление спецификатора, либо адьюнктный статус одного из аргументов.

Конфигурации в (3.141) напоминают конструкции с двойным объектом английских битранзитивных глаголов, такие как в (3.142): лексическая вершина предшествует двум аргументам, которые могут располагаться в разном порядке относительно друг друга⁹⁸. Более того, порядок следования аргументов также, по-видимому, определяется двумя принципами: падежным (именная группа, падежно зависимая от вершины, должна прилагаться к вершине) и тематическим (если от глагола падежно зависимы два аргумента, то ближе к глаголу находится «более внутренний» аргумент, в (3.142a) — цель).

⁹⁸ Весьма показательно, что английские конструкции до работы Р. Ларсона (Larson 1988) получали такие же структурные интерпретации, что и русские конструкции с двумя аргументами: «плоские» структуры (Oehrle 1976) либо структуры с правым ветвлением спецификатора (Chomsky 1981).

- (3.142) a. I sent Mary a note.
 V INT EXT
 ‘Я послал Марии записку.’
- b. I sent a note to Mary.
 V EXT INT
 ‘Я послал записку (к) Марии.’

Представляется, что анализ конструкций в (3.142) Р. Ларсона (Larson 1988) может быть привлечен и для объяснения (3.141). Следует предположить, что именная вершина оказывается левее «правильно» (т. е. в соответствии с тематической иерархией) расположенных аргументных именных групп в (3.141b) в результате передвижения вершин, аналогично тому, как «нижний» лексический глагол в системе Ларсона передвигается в вышестоящую глагольную вершину, оставляя за собой два внутренних аргумента, которые он проецирует. В (3.141a) передвижение также имеет место, но здесь передвижению подвергается составляющая, состоящая из лексической вершины N^0 и ее генитивного внутреннего аргумента.

Два варианта такого анализа представлены в (Лютикова 2014a) и (Pereltsvaig 2015). Рассмотрим их подробнее.

В (Лютикова 2014a) я предлагаю анализ, в соответствии с которым все аргументы несобытийных существительных возникают в расширенной лексической проекции существительного — N и «переходного» легкого n , отвечающего за проецирование внешнего аргумента в именной области в соответствии с анализом в (Radford 2000). Внешний аргумент располагается в спецификаторе n , внутренний аргумент — в позиции компонента N , как показано в (3.143)

- (3.143) a. [_{NP} профессора n [_{NP} хендаут [_{PP} к лекции]]]
 b. [_{NP} Бакунина n [_{NP} письмо [_{DP} сестрам]]]
 c. [_{NP} брата n [_{NP} конспект [_{DP} лекции]]]

За падежное маркирование аргументов отвечают проецирующие их вершины: внутренний аргумент падежно зависим от N (или от предлога, который выбирает N), внешний аргумент получает падеж от легкого существительного n . Заметим, что в такой системе находит свое отражение падежная асимметрия внешнего и внутреннего аргументов несобытийного существительного: внутренний аргумент может оформляться идиосинкратичным, свойственным конкретной лексической вершине способом, в то время как внешний аргумент единообразно маркируется генитивом. Таким образом, реализуется система Э. Вулфорд

(см. таблицу 3.3) — внутренний аргумент получает лексический падеж, а внешний аргумент получает ингерентный падеж.

В ходе дальнейшей деривации именная вершина претерпевает передвижение в вышестоящую функциональную проекцию X, конкретная природа которой не вполне ясна; предположительно это проекция довольно низкого уровня, например NumP. В таком случае в качестве мотивации передвижения естественно предложить некоторый признак именной вершины, значимый для морфосинтаксиса числа, например счетность.

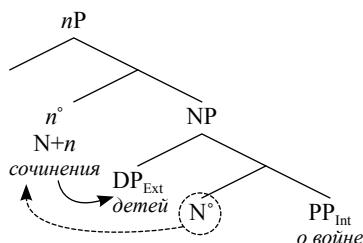
В этот момент возникают отличия в структуре ИГ с генитивным и негенитивным внутренним аргументом. Если внутренний аргумент негенитивный (или его нет), происходит передвижение вершины N, в результате чего все аргументы оказываются справа от глагола, причем генитивный внешний аргумент предшествует прочим аргументам (3.144a–b). Если же внутренний аргумент генитивный, передвижение вершины нарушает конкретно-языковое ограничение — запрет на разрыв генитивной связи, введенный в работе (Зализняк, Падучева 1979). Вследствие этого происходит не передвижение вершины N в вершину X, а передвижение группы NP в проекцию XP, так что группа «вершина + генитивный внутренний аргумент» оказывается левее внешнего аргумента (3.144c).

- (3.144) a. [_{XP} хендаут + n + X [_{NP} профессора # [_{NP} ~~хендаут~~ [_{PP} к лекции]]]]]
 b. [_{XP} письмо + n + X [_{NP} Бакунина # [_{NP} ~~письмо~~ [_{DP} сестрам]]]]]
 c. [_{XP} [_{NP} конспект [_{DP} лекции]] X [_{NP} брата n [_{NP} ~~конспект~~ [_{DP} лекции]]]]]

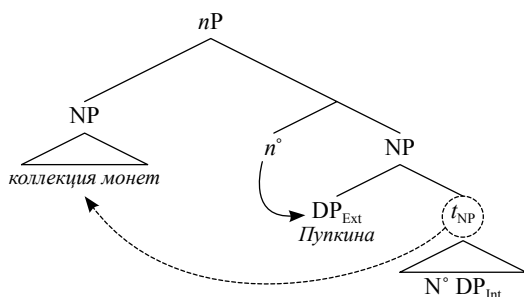
Таким образом, нам удастся объяснить весь комплекс явлений, связанных с аргументной структурой и падежными характеристиками несобытийных существительных. Наименее тривиальное допущение, которое приходится сделать, — это оговорка о невозможности «разрыва генитивной связи», которая представляется совершенно необъяснимой на фоне допустимого извлечения именной вершины из других конструкций с лексическими падежами.

В (Pereltsvaig 2015) представленный анализ уточняется следующим образом: А. Перельсвайг справедливо указывает, что исходя из данных адъективной модификации мишень передвижения именной вершины (X) должна быть ниже, чем Num, и предполагает, что такой мишенью является в действительности легкое *n*. Внешний аргумент в этом случае должен проецироваться ниже, в Spec, NP, как это представлено в (3.145).

(3.145) а.

б.

Недостаток этой структуры по сравнению с (3.143) в том, что для деривации именных групп с двумя генитивными аргументами предполагается передвижение составляющей $[N\ DP_{INT}]$, которая в анализе (Лютикова 2014а) соответствует максимальной проекции (NP), а в анализе (Pereltsvaig 2015) — нет. Впрочем, если принять во внимание структуру групп в соответствии с теорией Р. Кейна (Kayne 1994), то группа $[N\ DP_{INT}]$ без внешнего аргумента также будет иметь статус NP. В таком случае, по-видимому, можно допустить передвижение $[_{NP}\ N\ DP_{INT}]$ в Spec, nP при остающемся *in situ* внешнем аргументе в Spec, NP.

И в анализе (Лютикова 2014а), и в анализе (Pereltsvaig 2015) приписывание падежа происходит в соответствии со стандартной падежной моделью генеративной грамматики — со стороны вершин. Поскольку приписываются неструктурные падежи, вопрос о связи падежа с согласованием не возникает. Важно, однако, что падежное взаимодействие вершин и аргументов имеет существенные последствия для деривации соответствующих именных групп: выбор между передвижением вершины N vs. передвижением группы NP мотивирован типом падежного взаимодействия между N и внутренним аргументом. Имея это в виду, обратимся к возможным альтернативам.

В падежной модели русского языка Д. Песецкого (Pesetsky 2013) родительный падеж именной группы может иметь два источника: во-первых,

это «изначальный» генитив существительного, распространяющийся на возглавляемую им NP, и, во-вторых, это генитив существительного, в проекции которого оказывается именная группа. Напомним, что «изначальный» генитив мы можем наблюдать только в ограниченном числе конструкций — в количественных конструкциях с большими и малыми числительными и, возможно, в составе некоторых сложных слов. Очевидно, что генитивные аргументы существительного не попадают под этот тип. Следовательно, все приименные генитивные DP получают в системе Песецкого единообразный анализ как составляющие в проекции вершины N. Этот вывод, в принципе, хорошо соотносится с нашим заключением о независимости падежа генитивных зависимых от D.

Анализ Песецкого также не испытывает затруднений с лексическим управлением именной вершины другими падежами и с селекцией предложных групп для выражения аргументов: напомним, что в системе Песецкого все косвенные падежи являются экспонентами категориальных признаков выраженных или нулевых предлогов. При соединении такой предложной группы и именной вершины категориальный признак NGEN не сможет пересечь границу PP, поскольку DP является фазой и отражает морфологически только признаки, приписанные в первом соединении (в данном случае — с ROVL). Наконец, анализ Песецкого предсказывает невозможность аккумулятива и номинатива у аргументных ИГ в проекции лексического существительного — лексическая вершина VACC не задействована в деривации, а категориальный признак DNOM окажется невидим после соединения с N из-за действия Правила одного суффикса.

Отличия в предсказаниях системы Песецкого и изложенного выше анализа связаны с количеством генитивов, лицензируемых в несобытийной именной группе. Очевидно, что для Песецкого количество генитивов ограничено исключительно количеством DP, которые могут соединиться с проекцией N. Наш анализ ограничивает количество приписанных падежей, поскольку падеж увязывается с выражением семантической роли при лексической вершине N (или *n*). Соответственно, сомнительность (3.146) будет связана с разными ограничениями — на количество аргументов в NP у Песецкого и на количество приписанных падежей в нашей системе.

(3.146) ?*портрет Пушкина художника Кипренского коллекционера Смирнова

Анализ в духе (Pesetsky 2013), однако, существенно проигрывает в том отношении, что не в состоянии объяснить запрет на разрыв составляющей

«вершина + генитивный внутренний аргумент» и, соответственно, различный порядок слов в (3.141a–b).

Такие же проблемы возникают при анализе падежной системы в русских именных группах в рамках конфигурационной модели падежа. Действительно, предположим, что именная группа, возглавляемая несобытийным существительным, не является областью падежного соревнования, а генитив представляет из себя немаркированный падеж в пределах именной группы, как и предлагает А. Марантц (Marantz 1991: 24). В таком случае сперва будут приписаны лексически управляемые падежи внутреннего аргумента, а затем все остальные DP получают немаркированный падеж — генитив. В такой системе специфика порядка слов в (3.141) едва ли может быть привязана к падежным характеристикам аргументов.

3.4.3. Падежная грамматика событийных именных групп

Обратимся теперь к именным группам, проецируемым событийными существительными. Обсуждение в 3.4.1, а также в (Лютикова 2014a; Pereltsvaig 2015; Герасимова 2016; Gerasimova et al. 2016) позволяет сделать следующие обобщения об аргументной структуре и падежном синтаксисе событийных именных групп.

Во-первых, в полном соответствии с утверждениями Дж. Гримшо (Grimshaw 1990) и А. Алексиаду (Alexiadou 2001), событийная интерпретация и проецирование аргументной структуры (по меньшей мере внутренних аргументов) у номинализаций связаны двусторонними имплицативными отношениями. Аргументная структура событийных существительных по набору и семантическим ролям аргументов соответствует аргументной структуре производящих глаголов.

Во-вторых, порядок следования аргументов событийных существительных, по-видимому, значительно более свободный и независимый от падежного оформления аргументов. В экспериментальном исследовании (Герасимова 2016) показано, что на выбор испытуемыми порядков слов <N EXT INT> и <N INT EXT> не влияет падежное оформление аргументов. В (Engelhardt, Trugman 1998; Гращенков 2004) высказывается предположение, что одним из факторов является «тяжесть» ИГ-аргумента: более тяжелые составляющие имеют тенденцию к постпозиции, см. примеры (3.147), которые приводятся в (Pereltsvaig 2015). Частным случаем этой закономерности можно считать прилежание местоименного аргумента (3.148), отмечаемое также в (Babby 1997).

- (3.147) а. *Поддержка [Сирией] [экстремистских организаций и группировок, ведущих активную силовую борьбу против Израиля]*, является главным раздражающим фактором в двусторонних отношениях и именно это дает повод Израилю проводить силовые акции против Сирии. [Израиль вновь обвинил Сирию в пособничестве террористам (2004) // РБК, 2004.09.13]
- б. А пока «втягивание» не произошло, должна быть обеспечена *поддержка [других слов] [развитыми институтами социального государства]*. [Александр Шубин. Социализм XXI века // «Неприкосновенный запас», 2009]
- (3.148) а. коллекционирование марок детьми / детьми марок
- б. коллекционирование их детьми
- с. коллекционирование ими марок

В исследовании (Герасимова 2016) при сбалансированных по тяжести аргументных ИГ на первый план выходит, по-видимому, эффект прайминга. В корпусных примерах, которые приводятся в (Pereltsvaig 2015), отмечается действие закономерностей коммуникативного словорасположения: как и в клаузе, в номинализации аргумент-тема предшествует аргументу- реме:

- (3.149) а. Упущения в организации радиолокационной разведки и выдаче информации, невысокая готовность к боевому применению сил и средств РТВ явились одной из причин невыполнения войсками ПВО возложенных на них задач во время *нанесения американской авиацией первого удара 15 апреля 1986 г.* и недостаточной эффективности противовоздушной обороны, когда последовали новые атаки. [Анатолий Сергиевский. «Огонь в прерии» (2004) // «Воздушно-космическая оборона», 2004.08.15]
- б. Как только игрок пересек линию кона, защищающиеся отдают мяч нападающим для *нанесения следующего удара очередным игроком*. [Борис Руденко, Сергей Фокин. Возвращение русской лапты // «Наука и жизнь», 2006]

Таким образом, очевидно, что в событийных именных группах на порядок слов не действуют ни падежный принцип (расположение

генитивного аргумента контактно с существительным), ни тематический (внутренний аргумент ближе к существительному, чем внешний).

Перейдем теперь к падежному оформлению аргументов событийных существительных. В предшествующей литературе (Апресян 1974; Падучева 1974, 1977, 1984; Comrie 1976, 1980; РГ 1980: Т II, § 1825, 1835, 1838, 1861; Koptjevskaja-Tamm 1993, 2013; Schoorlemmer 1995; Pesetsky 1995; Babby 1997; Engelhardt, Trugman 1998; Rappaport 1998, 2000) постулируется следующая модель падежного маркирования аргументов: (i) косвенно-падежное и предложно-падежное управление внутренним аргументом совпадает с таковым у глагольной основы; (ii) аргументы в структурных падежах (номинатив и аккузатив) перекодируются приименным генитивом; (iii) в случае, если в составе клаузы аргументы, проецируемые глагольной основой, получили бы два структурных падежа (что имеет место при прямопереходном глаголе), то внутренний аргумент оформляется генитивом, а внешний — инструменталисом.

Обобщение (iii) обычно рассматривается как свидетельство «эргативной» или «пассивной» стратегии в оформлении аргументов номинализации (см. (Падучева 1974, 1977; Comrie 1980; Koptjevskaja-Tamm 1993, 2013; Engelhardt, Trugman 1998; Alexiadou 2001) и др.), при которой S- и P-аргументы оформляются «немаркированным» падежом, а A-аргумент оформляется иначе: специальным падежом, зарезервированным для внешнего аргумента переходной конструкции, или выражается в качестве адъюнкта⁹⁹. Родственное отношение с пассивной конструкцией усиливается двумя фактами: во-первых, единством словообразовательного суффикса в пассивном причастии на *-н/-т* и регулярной номинализации на *-ние/-тие* (Пазельская, Татевосов 2008), и во-вторых, единообразным кодированием агентивного дополнения в пассивной конструкции и в событийных номинализациях (см., однако, аргументы против пассивного характера событийных номинализаций в (Alexiadou 2001: 107ff); в частности, как отмечается в (Лютикова 2014а), «пассивную» морфему *-н/-т* содержат и номинализации от непереходных глаголов (*спанье, падение, управление, командование*), притом что их аргументная структура не содержит следов пассивного преобразования). В действительности аналогии и с пассивной, и с эргативной конструкцией не вполне точны: «пассивная гипотеза» не учитывает оформления аргументов одноместных и двухместных непереходных основ (принимается гипотеза, что «пассивизируются» только переходные основы), а «эргативная гипотеза» не делает предсказаний об оформлении

⁹⁹ Тем самым на материале номинализаций еще раз возникает тезис К. Уленбека (Уленбек 1950) о пассивном характере эргативной конструкции.

аргументов переходной неагентивной основы. Тем не менее обе аналогии дают представление об описательных обобщениях касательно оформления аргументов событийных существительных в сопоставлении с исходным глаголом, представленные в таблице 3.8 и проиллюстрированные примерами из НКРЯ в (3.150).

Таблица 3.8
Оформление аргументов основ разных типов
в финитных клаузах и событийных номинализациях:
литературный «стандарт»

	Клауза		Номинализация	
	внутренний аргумент	внешний аргумент	внутренний аргумент	внешний аргумент
неаккузативы	NOM	—	GEN	—
неэргативы	—	NOM	—	GEN
двухместные непереходные	OBL/PP	NOM	OBL/PP	GEN
переходные	ACC	NOM	GEN	INSTR

(3.150) а. неаккузативы:

Правительство ссылается на Госкомстат, алармисты — на многодневное *падение российских акций*.

б. неэргативы:

Но *плавание экипажа фрегата «Аврора»* и для того времени, и для нашего остается примером небывалого героизма и проявления высочайшего человеческого духа.

с. двухместные непереходные:

Китайское правительство согласилось даровать новые льготы *торговле англичан опиумом* в Китае;

Понятно, что при таких условиях *подражание детей поведению их родителей* может вместо добра привести к самым печальным последствиям.

д. переходные:

Блестящее *исполнение актрисой С. Зелянковской оригинального пластического рисунка* стало центром этого талантливого спектакля.

Рассмотрим возможности анализа этих эмпирических данных в различных падежных моделях.

В (Лютикова 2014а) предлагается анализ, опирающийся на генеративную модель падежа. Событийная интерпретация существительных, в соответствии с работами (Grimshaw 1990; Marantz 1997; Alexiadou 2001; Гращенков, Лютикова 2008) и многими другими, связывается с проекцией V в синтаксической структуре именной группы. Однако в отличие от предшествующих работ предполагается, что любое существительное с событийной семантикой производно от глагола, независимо от наличия в его составе словообразовательных морфем. Это допущение возможно реализовать, если воспользоваться механизмами лексического вставления Распределенной морфологии (Halle, Marantz 1993; Marantz 1997), позволяющими фиксировать в отдельном словаре информацию о выборе лексемы, озвучивающей определенную вершину в определенной синтаксической конфигурации (например, лексическая единица $V + v + N$ для значения 'критиковать' должна выглядеть как *критика*, а не как **критикование*).

Таким образом, любая номинализация (как регулярная, так и нерегулярная) связана с инкорпорацией глагола в именную вершину (3.151a–b).

- (3.151) a. [_{NP} торговля_V + v + N [_{VP} англичан торговля_V + v [_{VP} торговля_V [_{DP} опиумом]]]]
 b. [_{NP} исполнение_V + v + N [_{VP} исполнение_V + v [_{VP} исполнение_V [_{DP} арии]]]]
 c. * [_{NP} исполнение_V + v + N [_{VP} Шаляпина исполнение_V + v [_{VP} исполнение_V [_{DP} ария]]]]

Как уже указывалось выше, во многих работах по русским номинализациям предполагается предварительная «пассивизация» глагольной основы, в связи с чем внутренний аргумент становится «подлежащим» номинализации, а внешний аргумент оказывается в позиции агентивного дополнения. В (Лютикова 2014а), а также в данном изложении я отказываюсь от гипотезы «предварительной пассивизации» при номинализации переходных глаголов. Я предполагаю, что эффект «пассивизации» состоит в том, что при инкорпорации в N глагол теряет способность управлять аккузативом, аналогично тому, как в анализе генитива прямого дополнения под отрицанием у С. Браун вершина Asp теряет способность приписывать аккузатив при инкорпорации в вершину Neg (Brown 1999). Вместо этого сложная вершина $V + v + N$ приписывает генитив ближайшей с-командуемой беспадежной цели. Важно заметить, что ближайшей целью может оказаться как внешний аргумент (3.151a), так и внутренний аргумент при отсутствии внешнего (3.151b). Неграмматичная

структура с двумя аргументными генитивами при таком анализе исключается: имеется всего один источник падежа вне глагольной группы, и этот падеж «расходится» на ближайшую с-командуемую ИГ-цель, так что лексически не управляемый внутренний аргумент оказывается без падежа (3.151с). В этой связи внешний аргумент переходной номинализации не может быть выражен в аргументной позиции; для указания на него могут использоваться притяжательные элементы либо адъюнкты в творительном падеже, возникающий, по утверждению Л. Бэбби (Babby 2009), в тех случаях, когда семантической валентности недостает позиции в аргументной структуре. Сходным образом, Д. Песецкий (Pesetsky 1995: 312) отмечает, что агентивное дополнение возникает не только при пассивизации, но и во всех других случаях, когда глагол, проецирующий внешний аргумент, подвергается морфологическим изменениям, препятствующим приписыванию аккузатива внутреннему аргументу.

Как видно из сопоставления (3.144) и (3.151), событийные и несобытийные существительные имеют различный синтаксис, причем не только в отношении проецирования NP, но и в отношении дальнейших синтаксических процессов, связанных с проецированием функциональной структуры ИГ. В частности, отличие «неразрывной» генитивной связи между несобытийным существительным и его внутренним аргументом и легко разрываемого сочетания событийного существительного и его генитивного внешнего или внутреннего аргумента связано с различными источниками падежа (N в первом случае и сложная вершина V + v + N во втором случае) и различными обстоятельствами его приписывания (при лексическом управлении, одновременно с приписыванием тета-роли в первом случае и вне тета-маркирования — во втором случае).

Предлагаемый анализ также позволяет объяснить ограничения на выражение внутреннего аргумента переходных событийных номинализаций: внутренние аргументы не могут соответствовать притяжательным местоимениям и прилагательным (**мой* (ТЕМЕ) *осмотр доктора* (AGENT), **Петино* (Theme) *обследование врача* (AGENT)). Этот запрет следует из необходимости выражения внутреннего аргумента глагола в аргументной позиции (Grimshaw 1990); принципиально, что для русского языка притяжательные элементы с аргументной позицией не соотносятся (к аналогичным выводам приходит и Г. Раппапорт (Rappaport 1998)). Таким образом, примеры (3.107) и аналогичные им не образуют парадигмы: номинализации переходных основ без внутреннего аргумента не имеют процессной интерпретации (ср. (3.152)), а значит, относятся к классу несобытийных (предметных или абстрактных) существительных.

- (3.152) а. *постоянное исполнение Шаляпина
б. *во время исследования Павлова
в. *регулярное назначение врача

Каковы предсказания других падежных моделей? Падежная модель Д. Песецкого, очевидно, не в состоянии предсказать доступность только одного генитива; более того, поскольку приписывание признаков происходит только при соединении, это означает, что генитивные аргументы событийных существительных не являются аргументами глагольной основы, а проецируются существительным (NGEN). Таким образом, разница между событийными и несобытийными существительными не может быть сведена к различиям в «принадлежности» аргументов глагольной или именной основе, и не вполне понятно, откуда она в принципе может следовать в подобной системе.

Конфигурационная падежная модель вполне совместима с предложенной выше структурой событийной именной группы, в которой расширенная глагольная проекция (νP) вложена под номинализующую морфологию. Предположим, что сложная вершина $V + \nu + N$ задает падежную область. Сперва будет приписан лексически управляемый падеж — косвенные падежи внутренних аргументов. Затем, на этапе приписывания зависимого падежа, верхняя беспадежная аргументная именная группа получит инструменталис — «зависимый» падеж русской номинализации. После этого наступает этап приписывания немаркированного падежа. Немаркированным падежом в именной группе является генитив, поэтому все аргументные ИГ, не получившие лексически управляемого или зависимого падежа, должны будут оформляться генитивом. Единственность генитива в таком случае аналогична единственности номинатива в клаузе.

Однако это еще не конец истории с падежным маркированием аргументов событийных существительных. В (Pereltsvaig 2015; Герасимова 2016; Gerasimova et al. 2016) были получены новые данные, которые поставили под сомнение универсальность эмпирических обобщений, содержащихся в таблице 3.8. В результате качественных и количественных исследований корпусных данных (НКРЯ), интернет-корпуса и лингвистического эксперимента (более 120 носителей русского языка) были обнаружены дополнительные модели падежного маркирования аргументов номинализаций, не представленные выше. Выяснилось, что лишь порядка 30% носителей русского языка последовательно применяют модель таблицы 3.8; остальные носители допускают оформление творительным падежом не только внешнего аргумента переходных основ, но и внешнего аргумента неэргативов и двухместных непереходных основ, как это представлено в таблице 3.9. (см. примеры в (3.153)).

Таблица 3.9
Оформление аргументов основ разных типов в финитных
клаузах и событийных номинализациях: новые данные

	Клауза		Номинализация	
	внутренний аргумент	внешний аргумент	внутренний аргумент	внешний аргумент
неаккузативы	NOM	—	GEN	—
неэргативы	—	NOM	—	GEN/INSTR
двухместные непереходные	OBL/PP	NOM	OBL/PP	GEN/INSTR
переходные	ACC	NOM	GEN	INSTR

(3.153) а. неэргативы:

«Голяком ходить» — так соседская бабушка характеризует экипировку современных девушек зимой, *хождение ими* в тонких колготах;

Затем выполняется рефлекторное *ползание ребенком* на животе...

б. двухместные непереходные:

Заведование кафедрой доцентами (кандидатами наук) допускается не более двух сроков подряд;

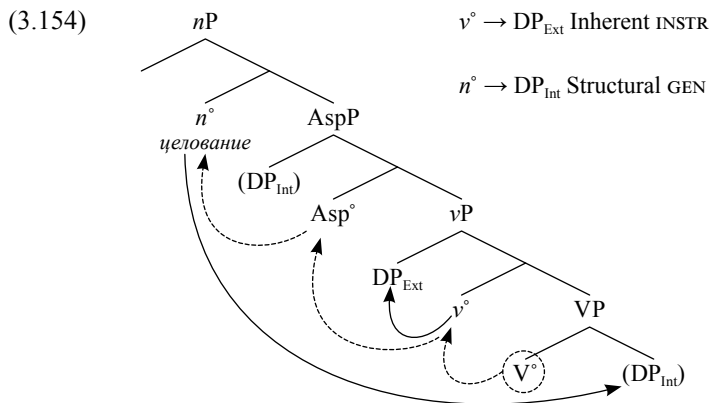
На сферу общения ребенка, *овладение им речью*, на развитие личности и самосознания оказывает влияние общение ребенка со взрослым...;

Увы, не специалист по монетам, но меня в свое время вот это смутило: *Подражания скандинавами монетам Руси!*;

...при этом во время процесса *размышления ими над тем, какую ставку сделать*, по выражению их лица можно будет понять очень многое...

В (Pereltsvaig 2015) предлагается модель, учитывающая оформление внешнего аргумента творительным падежом в любой конфигурации. Это по сути модель ингерентного падежа внешнего аргумента Э. Вулфорд (Woolford 2006). А. Перельцвайг предполагает, что инструменталис аналогичен эргативу в том отношении, что это ингерентный падеж агентивного (или экспериенциального) внешнего аргумента, приписываемый легким глаголом вместе с соответствующей семантической ролью. Еще одним свойством данного легкого глагола (назовем его v_{INSTR}), очевидно, является его непереходность, т. е. неспособность приписывать структурный аккузатив внутреннему

аргументу. Вследствие этого внутренний аргумент переходной основы может получить только генитив — падеж именной номинализующей вершины n (см. (3.154)). Тот факт, что v_{INSTR} доступен только в номинализациях (и, возможно, в пассивных конструкциях с переходным глаголом), возвращает нас к гипотезе пассивной vP , выбираемой номинализующей морфологией.

Заметим, что возможность кодирования внешнего аргумента творительным падежом в контексте неэргативов и непереходных двухместных основ представляет существенные сложности для конфигурационной модели: если инструменталис приписывается в результате конкуренции с нижестоящим беспадёжным аргументом, то он не должен быть доступен в этих конструкциях: неэргативы не имеют других аргументов, а внутренний аргумент двухместных переходных основ получает лексически управляемый падеж и не участвует в падежной конкуренции.

Интересно, однако, что экспериментальное исследование (Герасимова 2016) показало «избыточное» использование творительного падежа исключительно в конструкциях с непереходными двухместными основами (*поддакивание секретарем начальнику, ухаживание за артисткой инженером, мицение водителю пешеходом*); в конструкции с неэргативом творительный падеж употребил только один испытуемый (*плавание дедушкой*). При этом те примеры на использование творительного падежа с неэргативными основами, которые находятся при поиске в корпусе и в Сети, обычно содержат разного рода обстоятельства (*лежание им на диване, хождение ими в нестираных носках* и т. п.). Складывается впечатление, что наличие любого зависимого от глагольной вершины материала (как аргументов, так и адьюнктов) вынуждает выбор вершины v_{INSTR} . Это предположение, конечно, требует дополнительных исследований.

4. Падежное варьирование

В этой главе речь пойдет о варьировании в падежном маркировании аргументов. Во вводном разделе 4.1 мы перечислим основные языковые феномены, подпадающие под этот термин, рассмотрим лицензирующие факторы, определяющие выбор падежного оформления аргумента, обсудим возможные подходы к падежному варьированию, представленные в литературе. В разделе 4.2 мы обратимся к материалу татарского языка. Мы покажем, что вариативное падежное оформление дополнения в татарском языке мотивировано в первую очередь структурным фактором: именные группы полной структуры (DP) имеют падежный признак, в то время как именные группы неполной структуры (NP, NumP) лишены его. Из этого следуют отличия в линейной позиции и интерпретации падежно оформленных и беспадежных именных групп. Раздел 4.3 продолжает обсуждение беспадежных составляющих в русском языке. Опираясь на гипотезу Л. Бэбби и Я. Г. Тестельца о специальном статусе контекстов прямого падежа, мы покажем, что дистрибуция аргументов различных синтаксических категорий в русском языке определяется их способностью к выражению падежа. Наконец, в разделе 4.4 мы обсудим объяснительный потенциал различных падежных теорий в отношении падежного варьирования. Мы покажем, что само существование падежного варьирования, его формальные характеристики, а также эмпирически засвидетельствованные типы контекстов и лицензоров имеют существенные последствия для формальных моделей падежа.

4.1. Падежное варьирование: основные контексты и лицензоры

Падежное варьирование мы понимаем как не связанный с залоговыми или — шире — диатезными преобразованиями выбор падежной формы аргумента в зависимости от некоторого формального или семантического фактора. Такой фактор мы будем далее называть лицензором падежного

варьирования. Так, в (4.1) возможна как форма аккузатива, так и форма генитива прямого дополнения, причем выбор падежной формы определяется семантическим фактором: в (4.1a) речь идет об определенном (квантованном) количестве коньяка, в то время как в (4.1b) — о неопределенном, неквантованном количестве. В примере (4.2) из агульского языка (Ganenkov et al. 2009: 177 (12)–(13)) различное падежное оформление субъекта коррелирует с его агентивными характеристиками, в первую очередь волиитивностью: в (4.2a) представлена стандартная эргативная конструкция с волиитивным агенсом, в (4.2b) — так называемая конструкция с ненамеренным агенсом (*involuntary agent construction*), в которой внешний аргумент оформляется адэлативом. Наконец, в (4.3) из языка ялаку (группа нду, сепикские языки Папуа — Новой Гвинеи, (Aikhenvald 2015)) различия в падежном маркировании посессора лицензируются референтностью: нереферентный посессор выражается соположением номинативной формы «обладателя» и «обладаемого», а референтный посессор выражается генитивом.

(4.1) а. Петя выпил коньяк.

б. Петя выпил коньяка.

(4.2) а. *baw.a* *neḱ* *aṭuzu-ne*.
 мать.ERG молоко.NOM выливать-PST
 ‘Мать вылила молоко.’

б. *baw.a-f-as* *neḱ* *aṭuzu-ne*.
 мать-AD-EL молоко.NOM выливать-PST
 ‘Мать пролила молоко.’

(4.3) а. *meda* *ḥene*
 казуар ребенок
 ‘птенец казуара, казуаренок’

б. *meda-na* *ḥene*
 казуар-GEN ребенок
 ‘птенец (какого-то) казуара’

В (4.4)–(4.5) приводятся примеры различного оформления аргументной именной группы в случае актантно-значимых преобразований: антипассивизации в дирбал (4.4a–b) (Dixon 1972: (65)–(66)), каузативизации (4.5a–b) и пассивизации (4.5b–c) в карачаево-балкарском языке. Хотя сами эти преобразования, безусловно, мотивированы некоторым семантическим фактором или грамматической потребностью (ср., например, тезис

Е. В. Падучевой, что «всякий диатетический сдвиг, т. е. изменение синтаксических позиций участников с заданными ролями, влечет вполне ощутимые различия прагматического порядка, которые можно представить как изменение коммуникативного (или синтаксического) ранга участников» (Падучева 2004: 51–52)), тем не менее изменение падежного оформления аргумента является лишь следствием такого преобразования, а не самостоятельным феноменом.

- (4.4) a. bala-n dʉgumbil ba-ŋgu-l
 DEF.ABS-CL2 женщина.ABS DEF-ERG-CL1
 yaʒa-ŋgu balga-n.
 мужчина-ERG ударить-PRS/PST
 ‘Мужчина бьет женщину.’
- b. bayi yaʒa ba-gu-n
 DEF.ABS.CL1 мужчина.ABS DEF-DAT-CL2
 dʉgumbil-gu balgal-ŋa-ŋu.
 женщина-DAT ударить-APASS-PRS/PST
 ‘Мужчина бьет женщину.’
- (4.5) a. buz erit-ti.
 лед.NOM растаять-PST.3
 ‘Лед растаял.’
- b. marat buz-nu erit-tir-di.
 Марат.NOM лед-ACC растаять-CAUS-PST.3
 ‘Марат растопил лед.’
- c. buz erit-tir-il-di.
 лед.NOM растаять-CAUS-PASS-PST.3
 ‘Лед растопили.’

Падежное варьирование засвидетельствовано в большом количестве разноструктурных языков. Наибольшее число публикаций в типологической литературе посвящено варьированию в оформлении прямого дополнения; для обозначения этого явления используется термин, предложенный Г. Боссонгом (Bossong 1985), — Differential object marking (DOM). Типологические исследования DOM (см., например, библиографию в учитывающей двадцать лет исследований DOM работе (de Swart 2007)) выявили целый ряд факторов, лицензирующих вариативное падежное маркирование — например, видо-временные и акциональные характеристики предиката; полярность; наклонение; одушевленность, определенность, референтность объекта.

В обобщающей работе (von Heusinger et al. 2008) указывается целый ряд параметров, характеризующих DOM в конкретном языке. Первый параметр — это параметр лицензора: тип DOM определяется тем, какой грамматический признак вызывает альтернацию в оформлении объекта.

Большую группу факторов составляют семантические, референциальные и коммуникативные признаки аргумента. Например, в испанском и осетинском языке таким признаком является одушевленность ИГ-объекта: объекты, занимающие высокие позиции в иерархии одушевленности, получают падежное маркирование (4.6a), (4.7a), в то время как неодушевленные объекты остаются немаркированными (4.6b), (4.7b).

- (4.6) a. Veo a la mujer.
‘Я вижу женщину.’
- b. Veo la casa.
‘Я вижу дом.’
- (4.7) a. Æз ахуыргæнæдж-ы уынын.
я учитель-GEN видеть.PRS.1SG
‘Я вижу учителя.’
- b. Æз хæзар уынын.
я дом видеть.PRS.1SG
‘Я вижу дом.’

В иврите при помощи предлога *et* маркируются только определенные объекты (см. примеры (4.8a–b) из (Danon 2006: (1))), а в турецком языке лицензором DOM считается специфичность (Enç 1991), пример (4.9a–b).

- (4.8) a. Dan kara *(et) ha-itonim.
Дан читал ОМ DEF-газеты
‘Дан читал (определенные) газеты.’
- b. Dan kara (*et) itonim.
Дан читал (*ОМ) газеты
‘Дан читал (какие-то) газеты.’
- (4.9) a. Ali kitab-ı al-dı.
Али книга-ACC покупать-PST.3SG
‘Али купил (конкретную) книгу.’
- b. Ali kitap al-dı.
Али книга покупать-PST.3SG
‘Али купил (какую-то) книгу.’

Влияние коммуникативного статуса дополнения на его оформление исследуется в монографии М. Далримпл и И. Николаевой. В приводимых ниже примерах (4.10) из тигре (эфиосемитский язык афразийской семьи, (Dalrymple, Nikolaeva 2011: 135)) объектный маркер — предлог *ʔəgəl* — оформляет только топикальные дополнения. В (4.10a) прямое дополнение *kaləb* ‘пёс’ относится к двум основным протагонистам нарратива и тем самым обладает высокой топикальностью. В (4.10b) в двух переходных клаузах полипредикативной конструкции представлено маркированное топикальное дополнение, соответствующее ранее введенному в рассмотрение дискурсивному референту, и немаркированное дополнение, вводимое в дискурс нового участника.

- (4.10) a. *daʔam dəmmu... ʔəgəl kaləb*
но кошка ом пес
wəʔul talmat ʔəttu.
намеренно обмануть.SU.3SG.F его
‘Но пса кошка намеренно обманула.’
- b. *wa lawašāyfa ʔəgəl lasanduqat kfət-kəmsalʔabalaya*
и ее.служанки ом грудь когда-открыли.SU.3PL.OBJ.3SG
gəna bakke rakbaya.
ребенок плачущий находить.SU.3PL
‘И когда ее грудь раскрыли ее служанки, то нашли (там) плачущего ребенка.’

Выделенность референта маркированного дополнения часто грамматизируется в виде оппозиции местоимений и существительных. Так, в стандартном каталанском местоимения в позиции дополнения всегда маркируются объектным показателем, в то время как полные именные группы остаются немаркированными, независимо от их одушевленности, определенности, коммуникативного статуса (Escandell-Vidal 2009):

- (4.11) a. *No havien vist (*a) l' alcalde.*
NEG aux.3PL видеть.PART ом DEF мэр
‘Мэра они не видели.’
- b. *Només va invitar la Maria i *(a) ell.*
только AUX приглашать DEF Мария и *(ом) он
‘Пригласит только Марию и его.’

Следующая группа факторов, оказывающих влияние на выбор оформления дополнения, отражает семантические характеристики предиката, в первую очередь те, которые традиционно связываются с повышением /

понижением переходности (Hopper, Thompson 1980): вид, время, наклонение, поляриность. Так, в эстонском языке на выбор падежа объекта влияет аспектуальная характеристика глагольной группы, возглавляемой инкрементальным глаголом: в перфективной клаузе инкрементальный объект оформляется генитивом, а в имперфективной — партитивом (см. также (Kiparsky 1998) об аналогичном явлении в финском языке):

- (4.12) a. Ta ehitas silla (kahe aasta-ga).
 он строить.PST мост.GEN (два.GEN год.OBL-COMIT)
 ‘Он построил мост (за два года).’
- b. Ta ehitas silda (kaks aastat).
 он строить.PST мост.PRT (два.PRT год.PRT)
 ‘Он строил мост (два года).’

Сходным образом, в русском языке использование партитива, хотя и не меняет видовой характеристики глагольной группы, оказывает влияние на степень вовлеченности объекта (см. пример (4.1) выше). В литовском языке прямое дополнение при сентенциальном отрицании обязательно оформляется генитивом, вне зависимости от одушевленности, определенности, коммуникативного ранга или морфологического класса имени (Arkadiev 2016: 38):

- (4.13) a. Jon-as per-skait-ė laišk-ą.
 Йонас-NOM.SG PRV-читать-PST.3 письмо-ACC.SG
 ‘Йонас прочитал письмо.’
- b. Jon-as ne-per-skait-ė laišk-o.
 Йонас-NOM.SG NEG-PRV-читать-PST.3 письмо-GEN.SG
 ‘Йонас не прочитал письмо.’
- c. Ne-mači-au tav-ęs / *tav-e.
 NEG-видеть-PST.1SG ты-GEN / *ТЫ-ACC
 ‘Я не видел тебя.’

Порядок слов — в частности, расположение дополнения относительно глагола — также часто называют лицензором DOM. Например, в работе (von Heusinger, Kornfilt 2005) указывается, что в турецком языке оформленные аккузативом прямые дополнения являются как минимум специфичными, однако «падежный суффикс является надежным индикатором специфичности только в том случае, если прямое дополнение располагается непосредственно в предглагольной позиции. В любой другой позиции прямое дополнение обязано принять падежный показатель, получая при

этом специфичную интерпретацию или, при определенных обстоятельствах, генерическую (и тем самым неспецифичную) интерпретацию (не смотря на присутствие выраженного показателя аккузатива)»¹⁰⁰.

- (4.14) Bizim ev-de çay-*(1) her zaman Aytül yap-ar.
 наш дом-LOC чай-ACC всегда Айтюль делать-AOR
 'В нашей семье чай всегда готовит Айтюль.' (von Heusinger, Kornfilt 2005: (10))

Точка зрения К. фон Хойзингера и Ж. Корнфилт, таким образом, состоит в том, что порядок слов является одним из факторов, лицензирующих DOM в турецком. Представляется, однако, что порядок слов, в частности выдвигание прямого дополнения из глагольной группы в (4.14), скорее является следствием некоторого другого свойства этой именной группы — например, ее нерематичности / топиальности. Хотя во многих случаях DOM действительно коррелирует с линейной позицией дополнения, сама линейная позиция является не лицензором DOM, но эпифеноменом истинного лицензора (или лицензоров).

Второй параметр — это различие «одномерного» и «многомерного» DOM: вариативное маркирование объекта может быть чувствительно не к одному, а к нескольким признакам. Так, например, Дж. Айссен (Aissen 2003) показывает, что на выбор средства маркирования объекта влияет не только одушевленность, но и референциальный статус. В каннада наблюдается сходная ситуация: одушевленные дополнения обязательно получают падежное маркирование, в то время как маркирование неодушевленных дополнений зависит от их специфичности (Lidz 2006). Влияние целого ряда факторов — структурных, семантических, референциальных, коммуникативных — на DOM в группе уральских языков продемонстрировано в работе (Сердобольская, Толдова 2012).

Третий параметр, предложенный в (de Hoop, Malchukov 2007), разграничивает симметричный и асимметричный DOM. В эстонском примере (4.12) и литовском примере (4.13) мы наблюдаем варьирование двух в равной мере маркированных падежей в объектной позиции, то есть симметричный DOM. Напротив, в примерах (4.6)–(4.11) выбор происходит между маркированной (предлог, падежный показатель) и немаркированной формой.

¹⁰⁰ «The case suffix is a reliable indicator of specificity only if the direct object stands in the immediately preverbal position. In any other position, the direct object has to take the case suffix, thus either obligatorily having a specific reading or, in some limited circumstances, having a generic (and thus non-specific) reading (despite the overt accusative marker)» (von Heusinger, Kornfilt 2005: 11).

В литературе отмечаются значимые корреляции между рассмотренными параметрами. А. Мальчуков и П. де Сварт (Malchukov, de Swart 2008) указывают, что системы с асимметричным вариативным маркированием объекта обычно ориентированы на признаки самого объекта (одушевленность, определенность, референтность), что соответствует параметру индивидуации пациенса в (Hopper, Thompson 1980), в то время как системы с симметричным вариативным маркированием объекта опираются на более широкий круг признаков, не обязательно определенных собственно на объекте, таких как вид (аспект), фактивность, полярность и т. п.

Следует оговорить еще два возможных параметра, которые зачастую используются для характеристики DOM в типологической литературе. Во-первых, это параметр зависимостного *vs.* вершинного маркирования (Nichols 1986), или, иными словами, вариативного падежного оформления *vs.* вариативного согласования. В литературе часто принимается гипотеза, что вариативное согласование (т. е. наличие *vs.* отсутствие согласования с дополнением) является «вершинным» аналогом асимметричного падежного маркирования объекта. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что лицензорами вариативного согласования зачастую оказываются те же факторы, что и для падежного варьирования. Так, например, в ненецком языке прямое дополнение всегда оформляется аккузативом, однако объектное согласование является факультативным (4.15а). Обычно глагол согласуется с топикальным объектом (Dalrymple, Nikolaeva 2011: 134); кроме того, неспецифичные именные группы не могут контролировать объектное согласование (4.15б).

- (4.15) а. *pyíryibtya-m pyúr°ŋa / pyúr°ŋada.*
 девушка-ACC искать.3SG.SU искать.OBJ.3SG.SU
 ‘Он ищет (конкретную) девушку.’

- б. *xurkaɣəw° pyíryibtya-m pyúr°ŋa / *pyúr°ŋada.*
 некий девушка-ACC искать.3SG.SU искать.OBJ.3SG.SU
 ‘Он ищет какую-то девушку.’

Релевантность такого рода данных для наших целей определяется в конечном итоге соотношением между согласованием и падежом. Учитывая обсуждавшийся в главе 3 параметр зависимости падежа от согласования (Case-Dependence of Agreement Parameter, CDAP (Baker 2008)), будем считать, что вариативное согласование интересует нас лишь в той мере, в какой оно является отражением падежного варьирования. Те случаи, когда согласование не коррелирует однозначно с падежом (как в ненецком или амхарском языке), останутся за рамками нашего обсуждения.

Наконец, еще один параметр, обсуждение которого можно встретить в литературе, — это противопоставление факторов DOM как «триггеров» и «результатов», которые лицензируют, соответственно, DOM по модели «расщепления» (split DOM) и DOM по модели «флуктуации» (fluid DOM) (de Hoop, Malchukov 2007). Суть этой дихотомии в следующем: фактор-триггер запускает вариативное маркирование (например, одушевленность ИГ в осетинском языке или тип именной группы в стандартном каталанском языке), а фактор-результат является следствием того или иного маркирования (например, в концепции Ж. Корнфилт (Kornfilt 1997; von Heusinger, Kornfilt 2005) специфичность именной группы в турецком языке является следствием ее маркирования аккузативом). При факторах-триггерах возникает распределение всех именных групп на классы с одинаковым оформлением в соответствии со значением релевантного признака (DOM по модели расщепления, «сплит»). Поскольку именная группа не может изменить свой признак одушевленности или структурный тип, несоответствие кодирующей техники признакам именной группы приводит к неграмматичности. Напротив, при факторах-результатах конкретная именная группа совместима с разными значениями релевантного признака, поэтому вариативное падежное маркирование сопровождается соответствующими интерпретациями (DOM по модели флуктуации, «плавающий DOM»): морфема аккузатива в турецком языке как бы одновременно «означает» прямое дополнение и специфичность.

Хотя дихотомия факторов-триггеров и факторов-результатов удобна для описательной характеристики конкретных эмпирических данных, перспектива рассматривать грамматические значения, связанные с факторами-результатами, как *значения падежных показателей* языков с флуктуирующим DOM не кажется заманчивой. Представляется, что «нулевой гипотезой» должно быть представление о DOM как всегда вызываемом факторами-триггерами, а соответствующее значение (например, специфичность) должно не возникать в ходе деривации, но вступать в деривацию в виде исходно заданного признака (или значения признака) именной группы, глагольной группы, клаузы.

Итак, дифференцированное маркирование объекта, рассматриваемое в ракурсе падежного варьирования, представляет собой выбор между двумя падежами (симметричный DOM) либо выбор между падежной формой и отсутствием падежного показателя (асимметричный DOM). Симметричный и асимметричный DOM создают как общие, так и специфические проблемы для теории падежа. Оба типа DOM обладают общим свойством: варьирование падежного оформления всегда происходит с одним из структурных падежей, то есть таких падежей, выбор которых зависит

не от индивидуальных свойств управляющего слова, а от его принадлежности к максимально широкому синтаксическому классу. Соответственно, для обоих типов DOM встает вопрос о специфике структурных падежей, позволяющей им, в отличие от лексических, варьировать с другими падежами или оставаться невыраженными.

В случае симметричного DOM на первый план выходят проблемы поиска лицензора падежа, варьирующего со структурным, и объяснение механизма выбора одного из падежей (в качестве примера можно привести многолетнюю дискуссию о русском генитиве под отрицанием, варьирующем с аккумулятивом и номинативом). При этом именно структурный падеж является «падежом по умолчанию», который объектная ИГ получила бы при отсутствии лицензора DOM (в приведенном примере — сен-тенциального отрицания).

Асимметричный DOM устроен по-другому: наличие лицензора (например, положительное значение признака «одушевленность») вызывает оформление объекта структурным падежом, а в отсутствие лицензора объект остается неоформленным. Важно отметить, что в случае асимметричного DOM именно «приоритетные» (prominent) именные группы — одушевленные, определенные, локуторы и т. д. — получают падеж. Функциональные объяснения этой закономерности обычно опираются на идею Б. Комри (Comrie 1975, 1981/1989), в соответствии с которой прототипическая переходная конструкция представляет собой такую конфигурацию, в которой А-аргумент имеет высокую одушевленность и определенность, а Р-аргумент — низкую одушевленность и определенность. Соответственно, маркироваться будет отклонение от «переходного» прототипа — одушевленный и определенный пациенс. Формальные модели скорее имеют тенденцию рассматривать падежное маркирование при асимметричном DOM как «стандартный» вариант и предполагают специфический статус немаркированного аргумента: как не занимающего аргументную позицию (например, инкорпорированного или псевдоинкорпорированного в глагол); как структурно неполноценного и потому не располагающего падежным признаком; как получающего особый тип падежа в особой структурной позиции.

Хотя дифференцированное падежное маркирование характерно в первую очередь для позиции прямого дополнения (во многих работах, посвященных данной проблематике, цитируется высказывание Г. Егера: «Почти во всех аккумулятивных языках есть DOM»¹⁰¹), не меньший интерес представляет падежное варьирование в других структурных позициях. К таким позициям относятся в первую очередь позиции подлежащего и посессора.

¹⁰¹ «Almost all accusative languages have DOM» (Jäger 2007: 102).

Дифференцированное маркирование подлежащего (Differential subject marking, DSM) в независимом предложении засвидетельствовано в первую очередь для переходной конструкции эргативных языков, как в примере (4.2) из агульского языка. Следует отметить, что, хотя конструкции с вариативным падежным оформлением субъекта / агенса эргативных языков известны достаточно давно, ср. (Silverstein 1976; Dixon 1979; DeLancy 1981), изучение DSM как единого феномена имеет сравнительно недолгую историю (см. сборник (de Hoop, de Swart (eds) 2009) и вступительную статью (de Hoop, de Swart 2009)). Основные явления, подпадающие под понятие DSM в эргативных языках, включают так называемую расщепленную эргативность (split ergativity) и активную (ролевую) стратегию падежного маркирования (active / semantic alignment, split intransitivity).

Под расщепленной эргативностью (Silverstein 1976; DeLancey 1981; Dixon 1994) понимается ситуация, когда эргативная конструкция характеризует не все переходные клаузы некоторого языка и не реализуется в зависимости от некоторого фактора. Эти факторы образуют две группы. Во-первых, расщепленная эргативность может опираться на значения ТАМ-категорий, в первую очередь вида (аспекта) и времени, в той степени, в какой его выражение совмещено с видом (Coop 2013a, 2013b), так что клаузы, имеющие определенные значения признаков ТАМ, не реализуют эргативную конструкцию. Во-вторых, расщепленная эргативность может базироваться на характеристиках А-аргумента (и возможно, также на комбинации характеристик А- и Р-аргументов). Рассмотрим эти случаи по порядку.

Расщепленная эргативность на базе ТАМ-категорий хорошо известна на материале индо-арийских и картвельских языков. Перфективность / предельность / пунктивность / прошедшее время благоприятствуют эргативности, в то время как имперфективность / неопределенность / прогрессивность / настоящее-будущее время ей препятствуют. Так, в хинди в перфективных клаузах (4.16a,c) агентивный внешний аргумент оформляется эргативом, а в имперфективных клаузах (4.16b,d) эргативное маркирование недоступно (Mohanani 1994: 70).

- (4.16) a. *gām-ne ravī-ko pīṭaa.*
 Рам-ERG Рави-ACC бить.PF
 ‘Рам побил Рави.’

- b. *gām ravī-ko pīṭaa hai.*
 Рам.NOM Рави-ACC бить.IPF AUX.PRS
 ‘Рам бьет Рави.’

- c. laṛke-ne kitāb xarīdī.
 мальчик-ERG книга.NOM покупать.PF
 ‘Мальчик купил книгу.’
- d. laṛkā kitāb xarīdtā hai.
 мальчик.NOM книга.NOM покупать.IPF AUX.PRS
 ‘Мальчик покупает книгу.’

В баскском языке эргативная конструкция, представленная в перфективе (4.17), меняется на биабсолютивную (биноминативную) конструкцию в прогрессиве (4.18) (Лака 2006; Сооп 2013b). Биноминативная конструкция в имперфективных клаузах представлена во многих дагестанских языках (Кибрик и др. 1977; Кибрик (ред.) 1999, 2001; Gagliardi et al. 2014 и мн. др.):

- (4.17) a. Ehiztari-ak otso-a harrapatu du.
 охотник-DET.ERG волк-DET.ABS поймать AUX(иметь)
 ‘Охотник поймал волка.’
- b. Otso-a etorri da.
 волк-DET.ABS прийти AUX(быть)
 ‘Волк пришел.’
- (4.18) a. emakume-a ogi-a ja-te-n ari da.
 женщина-DET.ABS хлеб-DET.ABS есть-NMN-LOC PROG AUX(быть)
 ‘Женщина ест хлеб.’
- b. emakume-a dantza-n ari da.
 женщина-DET.ABS танец-LOC PROG AUX(быть)
 ‘Женщина танцует.’

Заметим, что и в хинди, и в баскском изменение падежного маркирования внешнего аргумента не оказывает влияния на падежное оформление внутреннего аргумента (абсолютивное в баскском, номинативное или аккузативное в хинди). Однако в грузинском языке «сдвигу» падежного маркирования в имперфективной серии I подвергается не только внешний (4.19a–d), но и внутренний аргумент (4.19a–b), так что ТАМ-категории лицензируют одновременно DSM и DOM:

- (4.19) a. Серия II, эргативный внешний аргумент, номинативный внутренний аргумент:
 nino-m gia-s surateb-i ačvena.
 Нино-ERG Гия-ДАТ картина-NOM показывать.AOR
 ‘Нино показала Гии картину.’

- b. Серия I, номинативный внешний аргумент, дативный внутренний аргумент:

nino gia-s surateb-s ačvenebš.
Нино.NOM Гия-DAT картина-DAT показывать.PRS

‘Нино показывает Гии картину.’

- c. Серия II, эргативный внешний аргумент:

vano-m ipikra mariķa-ze.
Вано-ERG думать.AOR Марика.DAT-o

‘Вано думал о Марике.’

- d. Серия I, номинативный внешний аргумент:

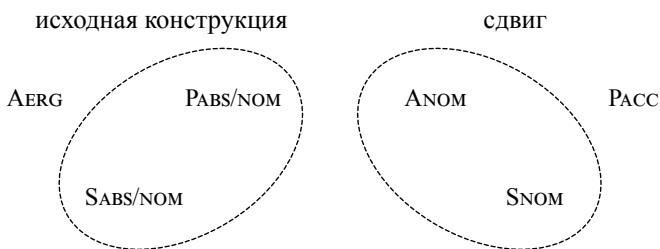
vano pirobs mariķa-ze.
Вано.NOM думать.PRS Марика.DAT-o

‘Вано думает о Марике.’

Поскольку DSM и DOM в таких случаях лицензируются одновременно, можно говорить не столько о вариативном падежном маркировании А-аргумента, сколько об изменении стратегии падежного маркирования базовых аргументов. Дж. Кун (Coon 2013b), исследуя возможные падежные типы расщепленной эргативности, основанной на ТАМ-категориях, отмечает, что «сдвиг» эргативной модели при этом типе расщепленной эргативности, в отличие от расщепленной эргативности, основанной на категории лица (см. ниже), не предполагает изменения базовой конструкции предложения с эргативной на аккумулятивную согласно схеме 4.1:

Схема 4.1

Сдвиг эргативная конструкция — аккумулятивная конструкция

В действительности происходит один из трех типов сдвигов: сдвиг эргативной конструкции к нейтральной в соответствии со схемой 4.2 (см. примеры (4.17)–(4.18) из баскского языка), сдвиг эргативной конструкции к «расширенной эргативной конструкции» (extended ergative, (Dixon

1979)) в соответствии со схемой 4.3 (см. примеры (4.20) из чольского майянского языка) или сдвиг эргативной конструкции к непереходной (абсолютивно-косвенно-падежной) конструкции в соответствии со схемой 4.3 (см. примеры (4.19) из грузинского языка).

Схема 4.2

**Сдвиг эргативная конструкция —
биабсолютивная (нейтральная) конструкция**

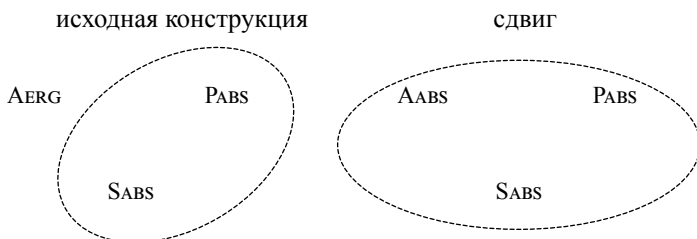
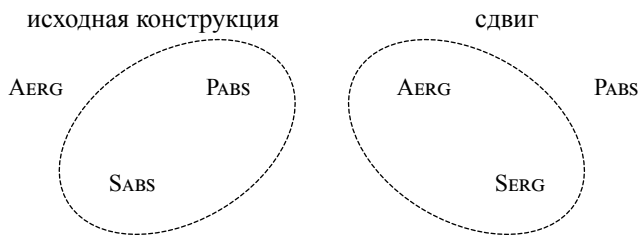

Схема 4.3

**Сдвиг эргативная конструкция —
расширенная эргативная конструкция**

- (4.20) а. перфектив, эргативный внешний аргумент, абсолютивный внутренний аргумент:

Tyɪ k-mek'-e-yety.

PFV 1ERG-TR-обнимать-2ABS

‘Я обнял тебя.’

- б. перфектив, абсолютивный единственный аргумент:

Tyɪ wāy-i-yety.

PFV спать-INTR-2ABS

‘Ты поспал.’

- с. имперфектив, эргативный внешний аргумент, абсолютный внутренний аргумент:

Choñkol k-mek'-ety.
 PROG 1ERG-обнимать-2ABS

‘Я обнимаю тебя.’

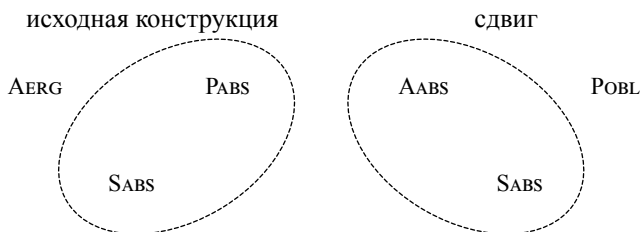
- d. имперфектив, эргативный (пациентивный!) единственный аргумент:

Choñkol a-wäy-el.
 PROG 2ERG-sleep-NMN

‘Ты спишь.’

Схема 4.4

Сдвиг эргативная конструкция — непереходная конструкция

Итак, мы видим, что категория вида регулярно выступает лицензором DSM, причем в ряде случаев DSM независим от DOM, а в некоторых случаях аспектуальные значения сопровождаются одновременно DSM и DOM. Примечательно, что и DOM, и DSM в качестве триггера неканонического маркирования аргумента выбирают аспектуальные значения, связанные с пониженной переходностью — имперфектив, прогрессив, неопределенность (DeLancey 1981; Hopper, Thompson 1980). При этом такие значения вызывают симметричный DOM (кодирование объекта особой падежной формой вместо канонического аккумулятива) и асимметричный DSM (отсутствие маркирования субъекта вместо канонического эргатива).

Надо отметить, что в принципе непосредственное взаимовлияние значений ТАМ-категорий, в частности аспекта, и свойств аргумента ожидаемо для внутреннего аргумента и не ожидаемо для внешнего аргумента. В качестве обоснования достаточно указать на то, что только внутренний аргумент может быть инкрементальной темой (Dowty 1991) / накопителем эффекта (Гловинская 1982; Падучева 2004) для обозначаемого глаголом события, так чтобы мереология аргумента отображалась в мереологию события, выражаемую как раз аспектуальными категориями. Поэтому

очевидно, что объяснение влияния вида на DOM и DSM должно быть различным. В частности, если аспектуально-мотивированный DOM может анализироваться как селекция / лицензирование видовой вершины особой количественной формы внутреннего аргумента или, наоборот, вычисление аспектуальных характеристик глагольной группы и клаузы на основании формы внутреннего аргумента (так называемая аспектуальная композиция, (Verkuyl 1993; Krifka 1998)), то для аспектуально-мотивированного DSM следует искать иные объяснения. Независимый от DOM аспектуально-мотивированный DSM во многих языках происходит в конструкциях, проявляющих свойства биклаузных (Laka 2006; Кибрик (ред.) 1999, 2001; Coon 2013b; Coon, Preminger (to appear)), так что внешний аргумент оказывается падежно зависим не от собственной, а от вышестоящей клаузы. Аспектуально-мотивированный DSM, при котором падежное варьирование внешнего аргумента происходит одновременно с падежным варьированием внутреннего аргумента, можно рассматривать как «паразитирующий» на DOM, так что влияние аспекта на падежное маркирование внешнего аргумента опосредовано особым выражением внутреннего аргумента, превращающим клаузу в формально непереходную.

Обратимся теперь к расщепленной эргативности, связанной с характеристиками А-аргумента (*nominal splits*). Наиболее известными среди них являются расщепления падежных систем по категории лица и — шире — в соответствии с иерархией типов именных групп (известной как «иерархия одушевленности»¹⁰², (Silverstein 1976)).

Рассмотрим парадигму (4.21) из языка дирбал (Dixon 1972) (цит. по (Arkadiev 2015)):

- (4.21) a. bayi yaḡa bani-ju.
 DET.M.ABS мужчина.ABS приходить-PRS
 ‘Мужчина приходит.’

¹⁰² Иерархия одушевленности, как она представлена в (Silverstein 1976), вероятно, не образует единой иерархии в полном смысле слова, но состоит из трех достаточно независимых иерархий: лица (в которой локуторы выше нелокуторов), типа ИГ (в которой местоимения выше существительных) и собственно одушевленности (в которой люди выше животных, а животные выше неодушевленных предметов) (Croft 1990). В последующем изложении мы будем использовать термины «иерархия одушевленности» и «одушевленность» в кавычках, если имеется в виду описательное обобщение о типе именной группы в соответствии с (Silverstein 1976), и термин *одушевленность* без кавычек, если речь будет идти собственно о языковой категории одушевленности.

- b. bayi yağa bangun qugumbi-ṭu balga-n.
DET.M.ABS мужчина.ABS DET.F.ERG женщина-ERG ударить-PRS
'Женщина ударяет мужчину.'
- c. ṇaḍa bani-ṇu.
я.NOM приходить-PRS
'Я прихожу.'
- d. ṇaḍa ṇinuna balga-n.
я.NOM ты.ACC ударить-PRS
'Я тебя бью.'
- e. ṇaḍa bayi yağa balga-n.
я.NOM DET.M.ABS мужчина.ABS ударить-PRS
'Я бью мужчину.'
- f. ṇayguna baṅgul yağa-ṇgu balga-n.
я.ACC DET.M.ERG мужчина-ERG бить-PRS
'Мужчина бьет меня.'

Мы видим, что клаузы с именными группами с вершиной-существительным (4.21a–b) реализуют эргативную стратегию падежного маркирования, а в клаузах с именными группами 1–2-го лица (локуторами) (4.21c–d) используется аккузативная стратегия. (4.21e–f) показывают, что выбор падежного оформления для внешнего и внутреннего аргументов происходит независимо: местоимения 1–2-го лица имеют аккузативную падежную парадигму, а прочие именные группы — эргативную, в результате чего в (4.21e) представлена нейтральная конструкция предложения, а в (4.21f) — контрастная (трехчастная). Эти данные обобщены в таблице 4.1

Таблица 4.1
Падежное маркирование именных групп разных типов в дирбал

	Местоимения 1 и 2 л. (локуторы)	Местоимения 3 л.	Существительные
A	-Ø	-ṇgu	-ṇgu
S	-Ø	-Ø	-Ø
P	-na	-Ø	-Ø

Дж. Кун и О. Премингер (Coon, Preminger (to appear)) указывают, что именные сплиты при DSM в эргативных системах значительно беднее, чем мотивированные характеристиками именной группы сплиты при DOM: вариативное эргативное маркирование подлежащих обычно коррелирует

с дихотомией локуторов-нелокуторов (1–2 vs. 3 л.), в то время как вариативное маркирование дополнений чувствительно к таким признакам, как одушевленность, специфичность, определенность¹⁰³. Сходное замечание делает Э. Вулфорд: «Проблема с подходом Силверстейна состоит в том, что он одинаково подходит к субъектным и объектным сплитам, как к двум крайним точкам одного континуума. Но если бы это было так, мы ожидали бы встретить в языках мира одинаковое разнообразие среди субъектных и объектных сплитов; однако это предсказание не выполняется. Вместо этого мы обнаруживаем очень незначительное количество типов субъектных сплитов и огромное разнообразие объектных. Например, Б. Комри отмечает, что, притом что определенность часто бывает фактором DOM, мы не находим ясных случаев, когда бы при DSM маркировалось неопределенное подлежащее»¹⁰⁴. А. Нэсс также приходит к выводу, что параметр определенности не является лицензирующим фактором для DSM (Næss 2004).

По-видимому, эти обобщения, хотя и отражают определенные тенденции, не носят абсолютного характера. Так, в дирбал и цахурском, действительно, эргативная модель недоступна только для локуторов (в дирбал местоимения 1–2-го л. имеют аккузативную парадигму, в цахурском — нейтральную). Однако в другом австралийском языке — марийском языке бидьяра — все местоимения противопоставляются существительным (местоимения имеют формы номинатива и аккузатива, существительные — эргатива и абсолютива / номинатива). В паноанском языке кашинава местоимения 3-го л. обладают формами трех грамматических падежей — эргатива, номинатива и аккузатива (Dixon 1994), см. таблицу 4.2.

¹⁰³ «Overall, while differential ergative marking on subjects (DSM) typically correlates with the 1st / 2nd person vs. 3rd person distinction, differential case marking on objects (DOM) is typically sensitive to features like animacy, specificity, and definiteness» (Coon, Preminger (to appear)).

¹⁰⁴ «One problem with Silverstein's approach is that it treats subject splits and object splits alike, as two ends of the same continuum. But if that is so, we expect to find an equal diversity of types of subject and object splits in the world's languages; however, that prediction is not borne out. Instead, there are very few kinds of subject splits, in contrast to an enormous diversity of object splits. For example, Comrie (1981/1989: 123) notes that while definiteness is frequently the basis of object splits, there is an embarrassing absence of clear attestations of the predicted marked indefinite subject» (Woolford 2001: 535).

Таблица 4.2

Падежное маркирование именных групп разных типов в кашинава

	Местоимения 1 и 2 л. (локуторы)	Местоимение 3 л.	Существительные
A	-Ø	<i>habũ</i>	назализация
S	-Ø	<i>habu</i>	-Ø
P	-a	<i>haa</i>	-Ø

В австралийском языке мангарайи именной сплит противопоставляет неодушевленные существительные прочим типам именных групп: неодушевленные существительные имеют эргативно-абсолютивную парадигму, а местоимения и одушевленные существительные — номинативно-аккузативную (с маркированным номинативом), ср. (4.22)–(4.23) из (Arkadiev 2015):

- (4.22) a. *ŋa-malam ya-j.*
 MNOM-человек идти-PST
 ‘Человек ушел.’
- b. *landi mod may ŋa-malam.*
 N.ABS.дерево рубить AUX.PF MNOM-человек
 ‘Человек срубил дерево.’
- c. *malam ŋa-daɾawu-b.*
 M.ACC.человек 1SG>3SG-найти-PF
 ‘Я нашел человека.’
- (4.23) a. *wumbawa landi jir jaygi-ni*
 N.ABS.один N.ABS.дерево стоять AUX-PST.CNT
wuburgba ŋa-bundal-an.
 середина N.LOC-проток-LOC
 ‘Одно дерево стояло посреди протока.’
- b. *ŋa-landi ja-nidba man.*
 N.ERG-дерево 3SG>3SG-иметь N.ABS.смола
 ‘Дерево имеет смолу.’

Формальный именной сплит, таким образом, представляет собой либо чистый DSM (если эргативная стратегия варьирует с нейтральной), либо сочетание DSM и DOM (если эргативная стратегия варьирует с аккузативной или контрастивной). Соотношение между лицензирующим фактором — уровнем «одушевленности» — и стратегией DOM отвечает гипотезе Б. Комри: специально маркируются непрототипические агенты (т. е.

именные группы, расположенные низко в «иерархии одушевленности») и непрототипические пациенсы (т. е. именные группы, расположенные высоко в «иерархии одушевленности»).

Однако наряду с представленными данными в DSM существует и противоположная тенденция: специального маркирования приоритетного (prominent) участника в позиции А-аргумента. Так, в самоанском языке одушевленные именные группы в позиции внешнего аргумента переходного глагола последовательно кодируются эргативом, в то время как неодушевленные именные группы (например, обозначающие силы природы) варьируют между эргативным и косвенно-падежным (локативным) кодированием (Malchukov 2008: 206–207):

- (4.24) a. Na tapuni e le matagi le faitoto'a.
 PST закрывать ERG DET ветер DET дверь
 'Ветер закрыл дверь.'
- b. Na tapuni i le matagi le faitoto'a.
 PST закрывать LOC DET ветер DET дверь
 'Ветер закрыл дверь.'

Специальное маркирование приоритетной именной группы в позиции внешнего аргумента переходного глагола, подлежащего или агенса любого глагола — «прагматическое», «факультативное» или «иконичное» — отмечается во многих работах (Malchukov 2008; Barðdal, Chelliah (eds) 2009; McGregor, Verstraete 2010; McGregor 2010; Fauconnier 2011). Более того, к числу релевантных для DSM факторов относится не только одушевленность, представляющая собой формальный (хотя и интерпретируемый) класс именной группы, но и такие признаки, как волитивность, контроль (ср. пример (4.2), где показана конструкция с ненамеренным агенсом, использующая адэлативное кодирование) и даже коммуникативный статус именной группы. Здесь имеется в виду так называемая фокусная эргативность (focal ergativity), когда эргативное маркирование появляется на эмфатически выделенных, новых, рематических, контрастивно-фокусных А-аргументах, причем этот коммуникативный статус часто сопровождает неопределенные именные группы (см. подробнее (Malchukov 2008)). Например, в невари (тибето-бирманский язык сино-тибетской группы, (Givón 1984: 154)) А-аргумент переходного глагола получает эргатив только в рематической позиции; соответственно, (4.25a) может быть ответом на вопрос «Кто разбивает окно?», а (4.25b) — «Что делает мужчина?». Такая же закономерность регулирует выбор между эргативной и биноминативной конструкцией в имперфективных клаузах многих дагестанских языков.

- (4.25) a. Wō maṇu-nā jhya tajya-na co-na.
 DET мужчина-ERG окно разбивать-AUX быть-AUX
 ‘Мужчина разбивает окно.’
- b. Wō maṇu-nā jhya tajya-na co-na.
 DET мужчина окно разбивать-AUX быть-AUX
 ‘Мужчина РАЗБИВАЕТ ОКНО.’

Активная стратегия кодирования аргументов — расщепленная непереходность — характеризует такие языки, в которых единственный ядерный аргумент непереходного глагола кодируется не единообразно: часть оформляется как А-аргумент переходного глагола, а остальные — как Р-аргумент переходного глагола.

- (4.26) a. baba-k ister-u.
 отец-АСТ играть-3SG.AOR
 ‘Отец играл.’
- b. baba dišol-u.
 отец мокнуть-3SG.AOR
 ‘Отец вымок.’

Естественным основанием для DSM-сплита представляется ролевая характеристика аргумента, т. е. противопоставление агенса и пациенса, как в примере (4.26) из лазского языка (картвельская семья, (Кибрик 1992)). Однако активная стратегия может предполагать самые различные лицензирующие факторы: противопоставление действия и состояния, предельных и непредельных, контролируемых и неконтролируемых, воздействующих (affected) и не воздействующих на аргумент ситуаций, см. (Mithun 1991; Donohue 2008; Donohue, Wichman (eds) 2008). Например, в восточном помо (помоанский язык Северной Америки) сплит опирается на контролируемость и волиитивность (4.27), а в центральном помо ситуация сложнее: для динамических предикатов релевантен параметр контроля ([+eventive] [+control] = A, [+eventive] [-control] = P), а для стативных — параметр воздействия (affectedness) ([-eventive] [+affected] = P, [-eventive] [-affected] = A) (Mithun 1991: 518–524).

- (4.27) a. há· ba·téc`ki
 я.AGT ударился
 ‘Я ударился (намеренно).’
- b. wí ba·téc`ki
 я.PAT ударился
 ‘Я ударился (случайно).’

Языки с расщепленной непереходностью также существенно варьируют в отношении «сферы действия» лицензирующего параметра. DSM может быть организован по типу сплита, когда принадлежность к классу является словарным свойством непереходного глагола, а может допускать вариативное маркирование субъекта при одном и том же глаголе — тогда возникает DSM флуктуирующего (плавающего) типа. Объем класса глаголов, совместимых с обоими типами маркирования субъекта, также существенно варьирует.

Отметим, что расщепленная непереходность — в той степени, в какой она семантически мотивирована, — демонстрирует зависимость от того же набора факторов, что и «прагматическая» эргативность, связанная с приоритетными свойствами внешнего аргумента (агентивность, волитивность, контроль). Этот факт подтверждает гипотезу об опосредованном влиянии TAM-категорий на DSM. Наличие двух разнонаправленных стратегий именного сплита — парадигматической формальной стратегии, основанной на «иерархии одушевленности», и флуктуирующей прагматической стратегии, опирающейся на степень «эталонности», «выделенности», высокой агентивности А-аргумента, — свидетельствует о том, что за ними стоят различные модели падежного варьирования. Если первая стратегия в принципе допускает такой анализ, при котором единый абстрактный падеж по-разному реализуется морфологически на разных формальных классах именных групп, то для объяснения второй стратегии анализ должен имплементировать семантические параметры, стоящие за DSM.

Вариативное падежное оформление субъекта независимого предложения в аккумулятивных языках встречается существенно реже. Обычно в таких случаях речь идет о внутреннем аргументе непереходного глагола, падежное оформление которого варьирует так же, как и падежное оформление Р-аргумента переходного глагола. Так, в русском языке генитив субъекта при отрицании традиционно считается свойством неаккумулятивных глаголов. В (4.28a–b) мы наблюдаем DSM — варьирование генитива и номинатива. Каков бы ни был тот фактор (или группа факторов), предопределяющий выбор падежа в (4.28a–b), очевидно, что он совпадает с фактором, лицензирующим варьирование в позиции прямого дополнения (4.28c–d). По-видимому, феномены такого рода не стоит разделять на DOM и DSM на основании производной синтаксической позиции внутреннего аргумента.

- (4.28) a. Письма не пришли.
b. Писем не пришло.
c. Почтальон не принес письма.
d. Почтальон не принес писем.

Еще одна группа явлений, связанных с падежным варьированием в субъектной позиции аккумулятивных языков, может быть выявлена в результате синтаксического анализа. Рассмотрим (4.29):

(4.29) а. Прошли (эти) десять минут.

б. Прошло (*эти) десять минут.

В (4.29a) подлежащее стоит в форме именительного падежа (что видно по падежу премодификатора) и контролирует предикативное согласование. В (4.29b) глагол-сказуемое демонстрирует дефолтное согласование, а премодификаторы недоступны. Учитывая непосредственную связь между номинативным подлежащим и предикативным согласованием в русском языке, следует предположить, что в (4.29b) номинативное подлежащее отсутствует, а группа *десять минут* является беспадежной. Таким образом, можно рассматривать (4.29) как случай DSM асимметричного типа — варьирование между падежной формой номинатива и отсутствием падежа. Аналогичное варьирование можно продемонстрировать на материале симметричного DSM в финском языке (4.30). Подробнее о таких явлениях речь пойдет в разделе 4.3; см. также (Лютикова 2015).

(4.30) а. Pöydällä on kirjoja.
 стол.SUP.ESS AUX.3SG книга.PRT.PL

‘На столе лежат книги.’

б. Helsingistä tulee kirjeitä.
 Хельсинки.IN.ALL приходить.3SG письмо.PRT.PL

‘Из Хельсинки приходят письма.’

Существенно чаще DSM в аккумулятивных языках отмечается в зависимых клаузах. Во многих языках встречаются полипредикативные конструкции, в которых подлежащее может получать падеж из разных источников — как в собственной клаузе, так и в главной. Например, в турецком языке (как и во многих других тюркских языках) подлежащее номинализованной клаузы допускает оформление как номинативом, так и генитивом. В (von Heusinger, Kornfilt 2005: 15; Kornfilt 2009) утверждается, что в турецком примере (4.31) лицензирующий фактор DSM тот же, что и в турецком DOM, а именно — специфичность.

(4.31) а. Yol-dan bir araba geç-tiğ-in-i gör-dü-m.
 дорога-AVL один машина проехать-NMN-3SG-ACC видеть-PST-1SG

‘Я видел, что по дороге проехала машина <non-specific>.’

- b. Yol-dan bir araba-nın geç-tiğ-in-i gör-dü-m.
 дорога-AVL один машина-GEN проехать-NMN-3SG-ACC видеть-PSF-1SG
 ‘Я видел, что одна машина <specific> проехала по дороге.’

Во многих случаях, однако, обнаружить лицензирующий фактор не так просто. Так, в бурятском примере (4.32) источники и генитива, и аккумулята подлежащего номинализованной клаузы понятны (генитив от номинализующей морфологии или именных функциональных проекций номинализации, аккумулятив из главной клаузы), но выбор падежа, по-видимому, не имеет явных последствий для интерпретации¹⁰⁵.

- (4.32) саян-ые / саян-ын бадма-да хүбү-еэ угаа-лга-һ-ые
 Саяна-ACC / Саяна-GEN Бадма-ДАТ сын-ACC.REFL мыть-CAUS-PF-ACC
 би хар-аа-б.
 я видеть-PART-1SG
 ‘Я видел, что Саяна заставила Бадму помыть сына.’

DSM в зависимой клаузе встречается не только в аккумулятивных языках. В примере (3.30b) из вальбири субъект может кодироваться как эргативом, так и падежом посессора — дативом. Это явление характерно для многих эргативных языков с падежно-независимой от финитности или наличия Т аргументной структурой, таких как цахурский язык или багвалинский язык (пример (4.33) из (Кибрик (ред.) 2001).

- (4.33) a. ʕali-la q'očan-č'i
 Али-ДАТ хотеть-NEG
 rasul-i-r e-w w-aXa w-it'ē-r.
 Расул-OBL-ERG LOG-M М-прочь М-гнать-NMN
 ‘Али не нравится, как Расул его прогнал.’
 b. ʕali-la q'očan-č'i
 Али-ДАТ хотеть-NEG
 rasul-i-b e-w w-aXa w-it'ē-r.
 Расул-OBL-GEN.N LOG-M М-прочь М-гнать-NMN
 ‘Али не нравится, что Расул его прогоняет.’

Отличия в интерпретации между (4.33a) и (4.33b), по-видимому, связаны с количеством функциональной структуры клаузы и именной группы: эргативное оформление коррелирует с конкретной событийной

¹⁰⁵ Выражаю благодарность Т. И. Бондаренко за предоставленный доступ к бурятским полевым материалам и их обсуждение.

интерпретацией («референтным событием»), а генитивное — с генерической («нереферентным событием»).

Наконец, остановимся вкратце на вариативном маркировании посессора (differential possessor marking, DPM). DPM как единый феномен в предшествующей литературе не выделяется, что, вероятно, связано с непродуктивностью объединения частных явлений. Можно указать три основных типа DPM, отличающиеся друг от друга и по формальным параметрам, и по лицензирующим факторам.

К первому типу можно отнести падежное варьирование как частный случай отличий в кодирующей технике для разных типов семантических отношений между именной вершиной и ее именным зависимым. Дж. Хайман (Haiman 1983) формулирует следующую типологическую закономерность: языковая дистанция между выражениями отражает концептуальную дистанцию между ними¹⁰⁶. Применительно к посессивным конструкциям это означает, что семантические типы обладания образуют иерархию (неотчуждаемая принадлежность предполагает меньшую концептуальную дистанцию, чем отчуждаемая принадлежность) и концептуально менее тесная связь должна выражаться формально более сильным средством. Таким образом, выбор конструкции для выражения семантического отношения имеет иконическую мотивацию (см. также (Croft 1990: 175ff)). Иерархия языковых средств (по Хайману, «языковое расстояние») показана в (4.34).

- (4.34) (i) *X слово/морфема Y* (функциональное слово или элемент)
 (ii) *X Y* (соположение)
 (iii) *X-Y* (связанное выражение)
 (iv) *Z* (портманто)

Применительно к падежному варьированию (4.34) может быть проинтерпретировано как наличие падежа на ИГ-обладателе *vs.* соположение беспадежной ИГ-обладателя и обладаемого. Так, в языке каядилт неотчуждаемая принадлежность оформляется соположением (4.35a), в то время как прочие типы отношений — генитивной конструкцией (4.35b) (Evans 1995: 143, 248).

- (4.35) a. *dangkaa thukanda*
 мужчина подбородок
 ‘подбородок мужчины’

¹⁰⁶ «The linguistic distance between expressions corresponds to the conceptual distance between them» (Haiman 1983: 782).

- b. dibirdibi-karran dulk
 скальная_треска-GEN место
 ‘место (обитания) скальной трески’

Второй тип DPM связан с дихотомией внешнего и внутреннего посессора (осетинский пример (4.36a–b)), когда падеж внутреннего посессора определяется в именной группе, а падеж внешнего посессора — вне ее (см., однако, (Deal 2013a, 2013b) о возможности ЕСМ-маркирования внутреннего посессора). Деривационные отношения между внешним и внутренним посессором, отличия в интерпретации и лицензирующие экстрапозицию посессора факторы отличаются чрезвычайным разнообразием (см., в частности, (Shibatani 1994; Payne, Barshi (eds) 1999; Кибрик 2000, 2003; Kim et al. (eds) 2004). Видимо, стоит согласиться с тем, что исходной мотивацией для экстрапозиции посессора (и тем самым его альтернативного падежного оформления) является несоответствие низкого грамматического статуса внутреннего посессора в предложении и его высокого коммуникативного статуса. В таком случае DPM является эпифеноменом альтернативной синтаксической конструкции, аналогично тому, как DOM и DSM возникают при пассивизации или антипассивизации.

- (4.36) a. mæ мад-ы хæзæр
 1SG.GEN мать-GEN дом
 ‘дом моей матери’
- b. mæ мад-æн йæ хæзæр
 1SG.GEN мать-DAT 3SG.GEN дом
 ‘дом моей матери’ (букв. ‘моей матери ее дом’)

Наконец, третий тип DPM, который мы будем затрагивать в следующем разделе, связан с падежным варьированием посессоров, имеющих различный референциальный статус. В татарском языке посессивное отношение может быть выражено при помощи двух конструкций, называемых в традиционной литературе изафетными (Татарская грамматика 1993–1995, III): конструкции с генитивным посессором и согласовательным показателем на именной вершине (изафетная конструкция 3, (4.37a)) и конструкции с немаркированным падежом посессора и согласовательным показателем на именной вершине (изафетная конструкция 2, (4.37b)).

- (4.37) a. бала-лар-ның китаб-ы
 ребенок-PL-GEN книга-3
 ‘книга (конкретных) детей’

б. бала-лар китаб-ы
 ребенок-PL книга-3
 ‘книга (каких-то) детей’ / ‘детская книга’

В экспериментальном исследовании (Гращенков 2007), а также в (Pereltsvaig, Lyutikova 2014) показано, что на выбор изафетной конструкции оказывает влияние референциальный статус посессора: определенные посессоры выражаются в изафетной конструкции 3, а неопределенные или нереферентные — в изафетной конструкции 2. Таким образом, в татарском языке вариативное маркирование посессора устроено асимметрично: определенный посессор получает генитив, а неопределенный или нереферентный остается беспадежным¹⁰⁷.

На этом мы завершаем обзор падежного варьирования и лицензирующих его факторов. Следующий раздел содержит конкретно-языковое исследование — описание и анализ DOM в татарском языке, — выполненное на материале двух идиомов мишарского диалекта татарского языка¹⁰⁸. Изучение падежного варьирования позволит нам не только предложить принципиально новое, структурное объяснение DOM в татарском языке, но и сделать выводы о деривационных механизмах, стоящих за приписыванием падежа, с одной стороны, и интерпретационными возможностями именных групп — с другой.

4.2. Дифференцированное маркирование объекта в татарском языке

Дифференцированное маркирование объекта в том или ином виде представлено во всех тюркских языках. Наиболее типичной парадигмой могут служить примеры (4.38) из турецкого языка (примеры адаптированы из (Enç 1991; Çetinoğlu, Butt 2008)):

¹⁰⁷ В (Pereltsvaig, Lyutikova 2014) показано, что в действительности релевантным параметром является не референциальный статус, а структурный тип именной группы; интерпретационные эффекты лишь следуют из него. Подробнее мы остановимся на этом вопросе в следующем разделе.

¹⁰⁸ Материалы этого раздела частично представлены в (Лютикова 2014б; Лютикова, Перельдвайг 2015; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b; Pereltsvaig, Lyutikova 2014).

- (4.38) a. Ali kitab-ı al-dı.
 Али книга-ACC покупать-PST
 ‘Али купил (конкретную) книгу.’
- b. Ali kitap al-dı.
 Али книга покупать-PST
 ‘Али купил книгу/книги.’
- c. Ali su-yu iç-ti.
 Али вода-ACC пить-PST
 ‘Али выпил воду.’
- d. Ali su-dan iç-ti.
 Али вода-AVL пить-PST
 ‘Али выпил воды.’

В то время как симметричное вариативное маркирование объекта (аблатив в (4.38d) vs. аккузатив в (4.38c)) лексически ограничено и существенно варьирует по тюркским языкам, асимметричное вариативное маркирование объекта типа (4.38a–b), отражающее референциальные признаки объектной именной группы, наблюдается практически при всех классах переходных глаголов и распространено во всех тюркских языках. При этом тюркские языки демонстрируют значительное варьирование в том, какие параметры и значения параметров вызывают аккузативное маркирование. Так, например, для турецкого языка параметром, вызывающим сплит, считается специфичность (specificity) объекта: определенные и специфичные неопределенные ИГ-дополнения получают аккузативное маркирование, в то время как неспецифичные дополнения остаются неоформленными (Enç 1991; Kornfilt 1997; von Heusinger, Kornfilt 2005; Öztürk 2005; Kornfilt, von Heusinger 2009). В узбекском языке, помимо референциальных свойств объекта, на падежное оформление влияет одушевленность: только неодушевленные неопределенные именные группы демонстрируют вариативное маркирование, связанное со специфичностью (von Heusinger et al. 2008). В литературном татарском языке аккузативное маркирование прямого дополнения считается свойством определенных именных групп (Татарская грамматика 1993–1995, III: 119).

Еще одна важная характеристика вариативного маркирования объекта в тюркских языках — это тот факт, что некоторые структурные типы именных групп получают аккузативное маркирование в объектной позиции вне зависимости от параметра, определяющего DOM. Так, например, в турецком языке показатель аккузатива обязателен на дополнении (в том числе и неспецифичном), которое не расположено непосредственно

в предглагольной позиции (4.39) (= (4.14)); также обязательно аккузативное маркирование для объектов, представляющих собой расщепленную партиитивную группу, в которой количественное выражение субстантивируется и получает показатель согласования по лицу с генитивной именной группой ((4.40), (Kornfilt 1990; Enç 1991)).

- (4.39) Bizim ev-de çay-*(i) her zaman Aytül yap-ar.
 наш дом-LOC чай-ACC всегда Айтюль делать-AOR
 ‘В нашей семье чай всегда готовит Айтюль.’ (von Heusinger, Kornfilt 2005: (10))

- (4.40) Ali kadın-lar-in iki-sin-*(i) tanı-yor-du.
 Али женщина-PL-GEN два-AGR[3]-ACC знать-PROG-PST
 ‘Али знал двух из (этих) женщин.’ (Enç 1991: (28))

Далее в этом разделе мы рассмотрим вариативное маркирование объекта в двух идиомах мишарского диалекта татарского языка. Первый идиом — это говор села Кутлушкино (Яуширма) Чистопольского района Республики Татарстан, исследованный в ходе лингвистической экспедиции кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 2011 г. Второй идиом — говор села Рыбушкино (Рбишча) Краснооктябрьского района Нижегородской области, с которым одноименная экспедиция работала в 2012 г.¹⁰⁹ Мы покажем, что между двумя идиомами имеются существенные различия в области вариативного маркирования объекта, отражающие важные морфосинтаксические параметры, релевантные для падежной теории. Сперва мы рассмотрим данные идиома с. Кутлушкино, который ближе к литературному татарскому языку в отношении языковых явлений, связанных с DOM, а затем, в разделе 4.2.5, перейдем к сопоставлению этих данных с данными второго идиома (с. Рыбушкино).

4.2.1. Дистрибуция аккузативных и немаркированных дополнений

Как и в литературном татарском языке, в идиоме с. Кутлушкино представлено вариативное маркирование объекта, что демонстрируется в примере (4.41):

¹⁰⁹ Далее мишарские примеры приводятся в традиционной татарской кириллической нотации с учетом диалектных фонетических особенностей.

- (4.41) a. Марат машина-ны сат-ып ал-ды.
 Марат машина-ACC продавать-CONV братъ-PST
 ‘Марат купил машину.’
- b. Марат машина сат-ып ал-ды.
 Марат машина продавать-CONV братъ-PST
 ‘Марат купил машину.’

ДОМ возможен не с любыми ИГ. В частности, всегда получают аккузативное падежное оформление следующие виды именных групп:

— все местоимения-существительные (личные, анафорические, возвратные, вопросительные, неопределенные, отрицательно-полярные)¹¹⁰:

- (4.42) a. Марат а-лар-*(ны) күр-де.
 Марат он-PL-ACC видеть-PST
 ‘Марат их увидел.’
- b. Эгәр дә берер-кем-*(не) күр-сә-ң
 если EMPH INDEF-кто-ACC видеть-COND-2SG
 мина әйт-ер-сең.
 я.DAT говорить-FUT-2SG
 ‘Если кого-нибудь увидишь, скажешь мне.’

— личные имена:

- (4.43) a. Алсу Марат-*(ны) чакыр-ды.
 Алсу Марат-ACC приглашать-PST
 ‘Алсу пригласила Марата.’
- b. Мин Казан-*(ны) ярат-а-м.
 я Казань-ACC любить-PRS-1SG
 ‘Я люблю Казань.’

— именные группы, содержащие «исчерпывающие» кванторы (каждый, оба)¹¹¹:

- (4.44) a. Марат һәр бирем-*(не) чиш-те.
 Марат каждый задача-ACC решать-PST
 ‘Марат решил каждую задачу.’

¹¹⁰ Некоторые носители допускают отсутствие маркирования на вопросительном местоимении *нәрсә* ‘что’ и производных от него.

¹¹¹ Прилагательное *бетен* ‘все/весь’ (литературное *бөтен*) не является кванторным.

- b. Марат ике бирем-*(не) дә чиш-те.
 Марат два задача-АСС ЕМРН решать-РСТ
 ‘Марат решил обе задачи.’

— именные группы, содержащие указательные местоимения *бу* ‘этот’, *шул* ‘тот’:

- (4.45) Марат бу машина-*(ны) сат-ып ал-ды.
 Марат этот машина-АСС продавать-CONV брать-РСТ
 ‘Марат купил эту машину.’

— именные группы, содержащие генитивный посессор и согласованные с ним по категории лица и числа (так называемая *изафетная конструкция* 3, см. (Закиев, Курбатов 1971; Татарская грамматика 1993–1995, III); в мишарском диалекте — см. (Гращенков 2007)):

- (4.46) Марат Рамил-нең машина-сы-*(н) сат-ып ал-ды.
 Марат Рамиль-GEN машина-3-АСС продавать-CONV брать-РСТ
 ‘Марат купил машину Рамиля.’

— расщепленные количественные, кванторные и атрибутивные группы с субстантивированным числительным / квантором / прилагательным (ср. с турецким примером (4.40)):

- (4.47) а. Ул китап-лар-ның еч-есе-*(н) укы-ды.
 он книга-PL-GEN три-3-АСС читать-РСТ
 ‘Из книг он прочитал три.’
 б. Марат машина-лар-ның яңа-сы-*(н) ал-ды.
 Марат машина-PL-GEN новый-3-АСС брать-РСТ
 ‘Из машин Марат взял новую.’

Все остальные типы именных групп допускают в позиции прямого дополнения опущение показателя аккузатива. Присутствие / отсутствие падежного показателя в таких случаях семантически коррелирует с определенностью: определенные именные группы обычно маркируются аккузативом (4.48) (ср., однако, (4.49), где единственный в своем роде и потому определенный объект может оставаться неоформленным). Неопределенные специфичные ИГ также, согласно суждениям большинства носителей, требуют аккузативного показателя (4.50).

- (4.48) Бездә эт һәм песи яшиләр.
 ‘У нас живут кошка и собака.’

a. Мин күбесенчә эт-не ярат-а-м.
 я больше собака-ACC любить-PRS-1SG
 ‘Я больше люблю собаку.’

b. #Мин күбесенчә эт ярат-а-м.
 я больше собака любить-PRS-1SG
 *‘Я больше люблю собаку.’
 ‘Я больше люблю собак.’

(4.49) Алсу ай-(ны) күр-де.
 Алсу луна-ACC видеть-PST
 ‘Алсу увидела луну.’

(4.50) Бүлмәгә берничә бала керде.
 ‘В комнату зашли несколько детей.’

Мин ике кыз-*(ны) бел-ә-м.
 я два девочка-ACC знать-PRS-1SG
 ‘(Из них) я знаю двух (конкретных) девочек.’

Аналогичные обобщения об интерпретации оформленных и не оформленных показателем аккузатива (далее просто *неоформленных*) прямых дополнений находим и в работах, посвященных литературному татарскому языку: «Если прямое дополнение выражает предмет, уже известный как говорящему, так и слушающему, оно обязательно принимает аффикс винительного падежа... Если прямое дополнение выражает предмет, о котором упоминается впервые, оно обязательно находится рядом с господствующим членом и не принимает никакого аффикса» (Татарская грамматика 1993–1995, III: 119); «Основной падеж обозначает прямой объект и выступает дополнением... Значение прямого объекта характерно и для винительного падежа. Однако в отличие от объекта винительного падежа объект основного имеет оттенок неопределенности» (Татарская грамматика 1993–1995, II: 46); «Когда первое дополнение оформляется морфологически выраженным винительным падежом, речь идет об определенном предмете, а если оно имеет нулевую форму, речь идет о неопределенном, неконкретном предмете» (Вильданова, Гарипов 1988: 39).

Возможно также, что референциальные свойства прямого дополнения — главный, но не единственный параметр, лицензирующий вариативное маркирование объекта: определенное влияние на предпочтения носителей языка оказывают одушевленность референта, семантический класс глагола (так, при глаголах, имеющих пресуппозицию существования объекта, например *ремонтлау* ‘ремонтировать’ или *дәвалау* ‘лечить’, в нейтральном

контексте предпочтителен аккузативный объект, а при глаголах созидания, например *тезу* (лит. *təzʉ*) ‘строить’ или *язу* ‘писать’, — напротив, неформальный, дискурсивная выделенность соответствующего участника.

В наши задачи, однако, не входит выявление всех факторов, влияющих на DOM в исследуемом идиоме в тех случаях, когда он возможен. Вместо этого мы хотели бы поставить вопрос в другой плоскости: верно ли, что во всех случаях, когда мы наблюдаем аккузативное маркирование прямого дополнения, оно объясняется влиянием одного из упомянутых факторов (или их нетривиальным взаимодействием)? Иными словами, верно ли, что именные группы, которые не допускают опущения показателя аккузатива в контексте прямого дополнения и употребляются только в форме аккузатива, по своей природе (*intrinsically*) обладают теми признаками, которые вызывают аккузативное маркирование?

На первый взгляд, кажется возможным объяснить запрет на опущение аккузативного показателя влиянием факторов, релевантных для DOM. Действительно, если считать референциальные характеристики ИГ «ответственными» за выбор между маркированной и немаркированной формой прямого дополнения, удастся объяснить, почему личные местоимения, личные имена, именные группы с универсальными кванторами и именные группы с указательными местоимениями требуют аккузативного показателя в контексте прямого дополнения: такие ИГ всегда определенные. Если удастся показать, что ИГ с изафетной конструкцией 3 и расщепленные группы также всегда являются определенными, то запрет на опущение показателя аккузатива для всех классов именных групп можно будет объяснить действием факторов, вызывающих DOM.

Однако обнаруживается, что такие именные группы не только не являются всегда определенными, но и могут быть нереферентными. Так, в (4.51a) ИГ *Тукайның ике шигырен* ‘два стихотворения Тукая’ может иметь как широкую (соответствующую определенному или неопределенному референтному референциальному статусу) сферу действия по отношению к универсальному квантору, так и узкую сферу действия, при которой выбор двух стихотворений варьирует по ученикам. Если бы эта именная группа была определенной, она бы демонстрировала только широкую сферу действия по отношению к другим кванторам. В (4.51b) именная группа *Алсуньң бер фотографиисен* ‘одну фотографию Алсу’ может иметь узкую сферу действия относительно сентенциального отрицания и являться нереферентной (имеет экзистенциальный денотативный статус, согласно классификации Е. В. Падучевой (Падучева 1985/2002)). Наконец, в (4.51c) демонстрируется расщепленная количественная группа в позиции прямого дополнения; перевод показывает, что такая группа может иметь как широкую (*две конкретные*

книги), так и узкую (*любые две книги*) сферу действия относительно модального предиката. При этом, однако, опущение аккузативного показателя в примерах (4.51a–c) недопустимо ни при одной из интерпретаций.

- (4.51) а. *Һәр укучы Тукай-нын*
каждый ученик Тукай-GEN
ике шигыр-е-(н) укы-ды.*
два стихотворение-3-ACC читать-PST
'Каждый ученик прочитал два стихотворения Тукая.'
 $2 > \forall$ (= определенные 2 стихотворения прочитал каждый)
 $\forall > 2$ (= каждый прочитал какие-то 2 стихотворения)
- б. *Марат Алсу-нын бер фотография-се-*(н) дә*
Марат Алсу-GEN один фотография-3-ACC ЕМРН
кур-ме-де.
видеть-NEG-PST
'Марат не видел ни одной фотографии Алсу.'
 $Neg > \exists$
'Марат не видел только одну фотографию Алсу.'
 $\exists > Neg$
- в. *Бу китап-лар-нын ике-се-*(н) укы-рга кирәк.*
этот книга-PL-GEN два-3-ACC читать-INF нужно
'Из этих книг нужно прочитать две (конкретные / любые).'
 $две > нужно$
 $нужно > две$

Таким образом, в исследуемом идиоме обнаруживаются такие структурные типы именных групп, обязательное маркирование которых в контексте прямого дополнения не может быть объяснено действием тех факторов, которые регулируют выбор падежного оформления для именных групп, допускающих падежное варьирование. Иными словами, именные группы с изафетной конструкцией 3 и расщепленные группы не входят в область определения правил, регулирующих DOM, но должны получать показатель аккузатива согласно правилам другой природы (заметим, что именно такое решение принимают Ж. Корнфилт и К. фон Хойзингер (Kornfilt 1997; von Heusinger, Kornfilt 2005)). Если допустить, что необходимость падежного маркирования может возникать в связи со структурными особенностями именной группы (что мы наблюдаем, как минимум, в случае изафетной конструкции 3 и расщепленной конструкции), возникает целая группа новых вопросов:

- в чем конкретно состоит структурное своеобразие ИГ с изафетной конструкцией 3 и расщепленных групп;
- каким образом это структурное своеобразие влияет на необходимость падежного оформления;
- не выявляется ли то же самое структурное отличие у аккузативно маркированных именных групп тех классов, для которых возможно вариативное оформление в позиции прямого дополнения?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы будем действовать следующим образом. Сперва мы выявим синтаксические свойства беспадежных прямых дополнений и обсудим возможные структурные интерпретации этих свойств. Затем мы покажем, что в иерархическом устройстве мишарской именной группы выявляется по меньшей мере три уровня (в первом приближении можно называть их *группа общего имени*, *группа числа* и *группа согласования*). После этого мы аргументируем гипотезу, что немаркированные прямые дополнения соответствуют именным группам меньшей структуры, чем маркированные.

4.2.2. Свойства неоформленных прямых дополнений

Неоформленные прямые дополнения обнаруживают целый ряд семантико-синтаксических свойств, которые едва ли выводимы из их неопределенности / нереферентности / нетопикальности.

Напомним, что неоформленными могут оставаться именные группы с любыми зависимыми, кроме перечисленных в 4.2.1: в их состав могут входить непр производные и производные (в т. ч. ветвящиеся) прилагательные, числительные, причастные обороты, имя в изафетной конструкции 1 (напр., *кемеш белэзек* <серебро-браслет> ‘серебряный браслет’) и в изафетной конструкции 2 (напр., *мәктәп дәфтәр-е* <школа тетрадь-3> ‘школьная тетрадь’), сочиненные именные группы. Некоторые примеры приводятся в (4.52).

- (4.52) а. Мин [Марат исем-ле бер малай] бел-ә-м.
я Марат имя-ATR один мальчик знать-PRS-1SG
‘Я знаю одного парня по имени Марат.’
- б. [Мәктәп дәфтәр-е] һәм [ике ручка] ал!
школа тетрадь-3 и два ручка братъ
‘Купи школьную тетрадь и две ручки!’

- с. Казан-да [яна бала-лар хастәханә-се] тезе-де-ләр.
 Казань-LOC новый ребенок-PL больница-3 строить-PST-3PL
 ‘В Казани построили новую детскую больницу.’

Неоформленное прямое дополнение демонстрирует ряд семантико-синтаксических ограничений.

(i) Неоформленное прямое дополнение должно располагаться строго в предглагольной позиции; между неоформленным прямым дополнением и глаголом не допустимы ни другие дополнения, ни подлежащие, ни обстоятельства образа действия; единственный тип элементов, разрывающий комплекс «неоформленное прямое дополнение + глагол», — это фокусные частицы (*-да*, *-гына*):

- (4.53) а. Марат бала-га тиз яна китап-(ны) укы-ды.
 Марат ребенок-DAT быстро новый книга-ACC читать-PST
 ‘Марат быстро прочитал ребенку новую книгу.’
- б. Марат бала-га яна китап-*(ны) тиз укы-ды.
- с. Марат тиз яна китап-*(ны) бала-га укы-ды.
- д. Бала-га яна китап-*(ны) Марат укы-ды.
- е. Марат бала-га яна китап-кына укы-ды.
 Марат ребенок-DAT новый книга-EMPH читать-PST
 ‘Марат только прочитал ребенку новую книгу.’
 ‘Марат прочитал ребенку только новую книгу.’

Аналогичные ограничения действуют в литературном татарском языке: «...дополнение, выраженное существительным в основном падеже, находится непосредственно перед сказуемым; изменение места дополнения в предложении изменяет его падежную форму — прямое дополнение передается винительным падежом...» (Татарская грамматика 1993–1995, II: 46).

(ii) Неоформленные прямые дополнения демонстрируют ограничения на сочинение. Хотя сочинение неоформленных прямых дополнений возможно (4.52b), оформленное прямое дополнение не может быть сочинено с неоформленным прямым дополнением (4.54a). Грамматичность (4.54b) не противоречит этому утверждению — аккузативный показатель оформляет сочиненную группу целиком; таким образом, в (4.54b) представлена так называемая групповая флексия, демонстрируемая также в (4.55a–b).

- (4.54) a. *Марат китап-ны һәм ниндидер газет
 Марат книга-ACC и какой-то газета
 сат-ып ал-ды.
 продавать-CONV брать-PST
 ‘Марат купил книгу и какую-то газету.’
- b. Марат [китап һәм ниндидер газет]-не
 Марат книга и какой-то газета-ACC
 сат-ып ал-ды.
 продавать-CONV брать-PST
 ‘Марат купил книгу и какую-то газету.’
- (4.55) a. [мәдәният һәм сәнгать]-кә
 культура и искусство-DAT
 битарафлык күр-сәт-ү
 равнодушие видеть-CAUS-NMN
 ‘проявление равнодушия к культуре и искусству’
- b. [бетен-дөнья һәм Россия]-дә
 весь-мир и Россия-LOC
 ‘во всем мире и в России’

(iii) В отличие от аккузативных прямых дополнений, неоформленные прямые дополнения никогда не имеют широкой сферы действия по отношению к другим кванторам или операторам. Так, в (4.56a–b) показан интерпретационный контраст для неоформленного и аккузативного прямого дополнения в сравнении с кванторным подлежащим, а в (4.57a–b) — сфера действия неоформленного и аккузативного прямого дополнения по отношению к сентенциальному оператору отрицания.

- (4.56) a. һәр укучы ике китап укы-ды.
 каждый ученик два книга читать-PST
 ‘Каждый ученик прочитал две книги.’
 $\forall > 2$
 $* 2 > \forall$
- b. һәр укучы ике китап-ны укы-ды.
 каждый ученик два книга-ACC читать-PST
 ‘Каждый ученик прочитал две книги.’
 $\forall > 2$
 $2 > \forall$

- (4.57) а. Марат ике китап укы-ма-ды.
 Марат два книга читать-NEG-PST
 ‘Марат не прочитал две книги.’
 Neg > 2
 *2 > Neg
- б. Марат ике китап-ны укы-ма-ды.
 Марат два книга-ACC читать-NEG-PST
 ‘Две книги Марат не прочитал.’
 *Neg > 2
 2 > Neg

В контексте интенциональных предикатов неоформленные прямые дополнения интерпретируются *de dicto*:

- (4.58) а. Мин табип эзл-и-м.
 я доктор искать-PRS-1SG
 ‘Я ищу (любого / какого-нибудь) доктора.’ (*de dicto*)
- б. Мин табип-ны эзл-и-м.
 я доктор-ACC искать-PRS-1SG
 ‘Я ищу (конкретного) доктора.’ (*de re*)

Таким образом, неоформленные прямые дополнения всегда имеют максимально узкую сферу действия. Учитывая их фиксированную линейную позицию, которая соответствует самой глубокой ветвящейся составляющей, можно считать, что сфера действия неоформленных дополнений фиксирована (*frozen score*) *in situ*, в их поверхностной позиции (*surface score*).

(iv) У неоформленных прямых дополнений, не имеющих показателя числа, наблюдается нейтрализация числового противопоставления (*number neutrality*): именные группы, не содержащие числового показателя, могут интерпретироваться и как единичные объекты, и как множества (4.59a). ИГ, имеющая числовой показатель, интерпретируется как множественная (4.59b). Оформленное падежным показателем прямое дополнение при отсутствии показателя числа не демонстрирует числовой нейтральности: в (4.59c) прямое дополнение однозначно соотносится с единичным объектом.

- (4.59) а. Марат кызыл алма аша-ды.
 Марат красный яблоко есть-PST
 ‘Марат съел красное яблоко / красные яблоки.’

- b. Марат кызыл алма-лар аша-ды.
 Марат красный яблоко-PL есть-PST
 ‘Марат съел *красное яблоко / красные яблоки.’

- c. Марат кызыл алма-ны аша-ды.
 Марат красный яблоко-ACC есть-PST
 ‘Марат съел красное яблоко / *красные яблоки.’

(v) Неоформленные прямые дополнения обладают синтаксическим статусом обычных прямых дополнений при лицензировании падежного оформления в каузативной конструкции. Мишарский диалект татарского языка, как и литературный татарский язык, демонстрирует отклонение от сформулированного Б. Комри правила выбора падежа для каузируемого (Paradigm case, (Comrie 1976)): при каузативизации непереходного глагола каузируемый оформляется аккузативом (в полном соответствии с правилом Комри), а при каузативизации переходного глагола каузируемый оформляется не дативом, как предсказывает правило Комри, а аблативом (подробнее о каузативной конструкции в мишарском диалекте татарского языка см. (Бонч-Осмоловская 2007)).

В идиоме с. Кутлушкино оформленность прямого дополнения не оказывает влияния на выбор падежа каузируемого: вне зависимости от того, имеет ли прямое дополнение показатель аккузатива, каузируемый в такой конструкции получает аблатив (о возможных альтернативах внутри группы тюркских языков см., например, (Соловьев 2001; Letuchiy 2006)).

- (4.60) a. Мин Марат-тан китап-(ны) ал-дыр-ды-м.
 я Марат-ABL книга-ACC брать-CAUS-PST-1SG
 ‘Я заставил Марата купить книгу.’

- b. *Мин Марат-ны китап ал-дыр-ды-м.
 я Марат-ACC книга брать-CAUS-PST-1SG
 ‘Я заставил Марата купить книгу.’

(vi) Неоформленные прямые дополнения могут выступать антецедентом дискурсивной анафоры, притом не только в случае модальной субординации (modal subordination, (Roberts 1989, 1996)) (4.61a), но и в конкретном-референтных контекстах (4.61b):

- (4.61) a. Син анарга китап ала ала-сың.
 ты этот.DAT книга брать-IPFV мочь.PRS-2SG
 Ым а-ны матур ит-еп тер-еп
 и этот-ACC красиво делать-CONV заворачивать-CONV

бүлэк ит-ергэ була.
подарок делать-INF быть.PRS

‘Ты можешь купить ему книгу. Ты можешь красиво ее завернуть и подарить.’

b. Марат бер китап укы-ды.
Марат один книга читать-PST
Ул инглиз-чә иде.
этот английский-ADV AUX.PST

‘Марат прочитал одну книгу. Она была на английском языке.’

Попытаемся теперь проинтерпретировать указанные свойства.

Неспособность неоформленных прямых дополнений к сочинению с аккузативно маркированными прямыми дополнениями (свойство (ii)) указывает на то, что неоформленное и аккузативное прямое дополнение — это именные группы разных структурных типов. Вкупе со свойствами (i) и (iv) данный факт может быть проинтерпретирован, если предположить, что неоформленное прямое дополнение инкорпорировано в глагол, образуя при этом нечто вроде сложного предиката (complex predicate), ср. с аналогичным анализом для турецкого языка в (Knecht 1986; Kornfilt 2003). Анализ через инкорпорацию позволяет объяснить как контактное расположение существительного и глагола, так и неспособность к сочинению с полноценной (неинкорпорированной) именной группой. Нейтрализация числового противопоставления при этом может расцениваться как отсутствие числовых характеристик у инкорпорированной именной основы, что как раз является одним из ярких признаков инкорпорации (ср. *самолетостроение* ← *строят самолеты* или англ. *foxhunting* ‘охота на лис’). Отсутствие падежного маркирования на инкорпорированном существительном также вполне ожидаемо: оно не занимает аргументную позицию, но является компонентом глагольной словоформы. Неспособность иметь широкую сферу действия (ii) может быть проинтерпретирована как неспособность инкорпорированного существительного получать кванторную (quantificational) или референциальную интерпретацию.

Однако другие свойства неоформленных прямых дополнений противоречат инкорпорационному анализу. Во-первых, при инкорпорации в глагол инкорпорируется только именная вершина (ср. (Baker 1988)), из чего следует, что инкорпорированная именная вершина не может иметь собственных зависимых, то есть неспособна ветвиться (ср. (4.62)). Как мы видели выше, неоформленные прямые дополнения в мишарском диалекте способны к практически неограниченному ветвлению. Следует отметить, тем не менее, что существуют случаи инкорпорации, при которых зависимые

именной вершины «передаются» вершине, в которую происходит инкорпорация (ср. (4.63)). Однако данный вид анализа ветвящихся неоформленных прямых дополнений не может быть аргументирован для мишарского: такие зависимые именной группы, как атрибутивные группы или указательные местоимения-прилагательные (например, *теге* ‘такой’), не могут выступать зависимыми в глагольной синтагме, а числительные, выступая в качестве зависимых глагола, имеют другую интерпретацию (ср. (4.64a–b)).

(4.62) female foxhunting

*‘охота на лис-самок’ (← hunting [female foxes])

‘женская охота на лис’

(4.63) точное приборостроение

← строят [точные приборы]

≠ точно строят приборы

(4.64) а. Ике ручка ал!

два ручка брать.IMP

‘Купи две ручки!’

б. Марат ике (тапкыр) кибет-тэн ручка ал-ды.

Марат два раз магазин-авл ручка брать-PST

‘Марат дважды покупал в магазине ручку / ручки.’

Далее, инкорпорированные существительные неспособны поддерживать дискурсивную анафору (ср. (4.65)), что противоречит свойству (vi) неоформленных прямых дополнений.

(4.65) В России до 1929 года *приборо*строение было развито слабо и было представлено всего несколькими небольшими предприятиями по выпуску термометров, манометров, весов и других простых устройств // *по их выпуску.

Наконец, наиболее сильный аргумент против инкорпорационного анализа немаркированных прямых дополнений состоит в том, что в татарском языке (и его мишарском диалекте) представлены синтаксические конфигурации, которые можно проинтерпретировать как инкорпорацию именной вершины в глагольную словоформу, и в таких конфигурациях также допустимы неоформленные прямые дополнения. Речь идет о сложных предикатах (complex predicates), состоящих из полузнаменательного глагола и существительного, таких как *хезмэт итәргә* <труд делать> ‘работать, трудиться’ или *бүләк итәргә / бирергә* <подарок делать / давать> ‘дарить’ (аналогичный аргумент использует К. Мегердумян (Megerdooomian 2008)

при анализе сложных предикатов и немаркированных прямых дополнений в фарси; о различном синтаксическом статусе неглагольного компонента сложного предиката и немаркированного прямого дополнения в фарси см. также (Moynes 1970; Karimi 1997; Folli et al. 2005)).

Сложные предикаты в мишарском диалекте, в отличие от неоформленных прямых дополнений, демонстрируют все признаки структур с инкорпорацией (неспособность к ветвлению, поддержке дискурсивной анафоры, широкой сфере действия; строго предглагольная позиция; нейтрализация числового противопоставления). При этом переходные сложные предикаты могут сочетаться с неоформленным прямым дополнением (4.66):

- (4.66) Эти-се Марат-ка яңа машина-(ны) булэк ит-те.
отец-3 Марат-дат новый машина-(ACC) подарок делать-PST
‘Отец подарил Марату новую машину.’

Очевидно, что неоформленное дополнение и компонент сложного предиката не могут быть одновременно инкорпорированы в глагол, поскольку исходная позиция для инкорпорации — прямое дополнение глагола *итү* ‘делать’ — только одна. Отметим также, что в (4.66) единицы *яңа машина* ‘новая машина’ и *булэк* ‘подарок’ не образуют составляющей (если бы, например, ИГ *яңа машина* ‘новая машина’ была зависимой именной вершины *булэк* ‘подарок’, то такая конструкция требовала бы появления на именной вершине лично-числового согласовательного показателя, т. е. изафетной конструкции 2: *яңа машина булэк-е*).

Дополнительное свидетельство в пользу того, что анализ сложных предикатов и сочетаний неоформленных прямых дополнений с глаголом должен быть различным, может быть получено при исследовании каузативной конструкции. Как было показано выше (ср. пример (4.60)), в каузативной конструкции с неоформленным прямым дополнением каузируемый маркируется аблативом и не может получить аккузатив. Если же компонентом каузативной морфемы выступает непереходный сложный предикат, то каузируемый оформляется аккузативом:

- (4.67) Укыгучы укучы-ны/*-дан хезмэт ит-тер-де.
учитель ученик-ACC/*-ABL труд делать-CAUS-PST
‘Учитель заставил ученика трудиться.’

Итак, анализ неоформленных прямых дополнений как инкорпорированных в глагол именных вершин оказывается неадекватным.

Следует отметить, что аналогичные проблемы с интерпретацией ветвящихся неоформленных дополнений возникали и при анализе других языков, таких как венгерский, хинди, иврит, полинезийский язык ниуэ, фарси,

уйгурский, мальгашский, тамильский, амхарский, адыгейский (ср. Mithun 1984; Van Geenhoven 1998; Massam 2001, 2009; Bartos 2001; Farkas, de Swart 2003; Dayal 2003, 2011; Chung, Ladusaw 2004; Danon 2006; Rodríguez-Mondoñedo 2007; Megerdooimian 2008; Muro 2009; Paul 2009; Shklovsky, Sudo 2010; Baker 2011; Тестелец 2014), а также отдельных тюркских языков — турецкого и якутского (Aydemir 2004; Öztürk 2005; Kornfilt 2009; Baker 2009; Baker, Vinokurova 2010). Среди этой обширной группы конкретно-языковых проявлений ДОМ выделяется один содержательный тип, который получил наименование *псевдоинкорпорация имени* (pseudo-noun incorporation, PNI), или просто *псевдоинкорпорация* (pseudo-incorporation) (Massam 2001). Это название мотивировано тем, что псевдоинкорпорация демонстрирует многие семантические и структурные эффекты истинной инкорпорации (т. е. инкорпорации именной вершины), однако при этом псевдоинкорпорации может подвергаться ветвящаяся именная составляющая (именная группа). Согласно (Kamali 2008), основными свойствами псевдоинкорпорированных именных групп в разноструктурных языках являются:

- нейтрализация числовой оппозиции;
- отсутствие широкой сферы действия;
- нереферентность; неспособность служить антецедентом дискурсивной анафоры;
- недопустимость в составе псевдоинкорпорированных именных групп определенных артиклей;
- соответствие сочетания глагола с дополнением конвенционализированному виду деятельности¹¹².

¹¹² Например, *чтение научной литературы / чтение женских романов / чтение глянцевого журнала* может быть описано как определенный тип (kind) деятельности, в то время как *чтение коротких рассказов* — нет. Требование обозначать естественный класс событий (nameworthy event) напоминает ограничение на использование английских определенных ИГ в форме единственного числа в качестве генерических, приписываемое Б. Парти и цитируемое, например, в (Carlson 1977; Krifka et al. 1995):

- (i) a. The cola bottle has a narrow neck.
 ‘У бутылки кока-колы узкое горлышко.’ (конкретно-реф., генерич.)
 b. The green bottle has a narrow neck.
 ‘У зеленой бутылки узкое горлышко.’ (конкретно-реф., *генерич.)

В отличие от зеленых бутылок, не представляющих собой естественного класса, бутылки (для) кока-колы имеют известную всем форму, размер, оформление и т. п. и образуют, таким образом, естественный класс в таксономии бутылок, благодаря чему ИГ *the cola bottle* и может обозначать определенный тип (kind) бутылок.

Признаки, часто сопровождающие псевдоинкорпорацию, но представленные не во всех языках, включают:

- отсутствие падежного маркирования (но: в венгерском языке псевдоинкорпорированное дополнение получает падеж, хотя и не вызывает объектного согласования);
- уменьшение переходности (но: в хинди псевдоинкорпорированная ИГ сохраняет синтаксический статус дополнения);
- контактное расположение с глаголом (но: в турецком языке псевдоинкорпорированное неоформленное прямое дополнение может подвергаться коммуникативному передвижению (скрэмлиngu)).

Следует сразу отметить, что описанные нами выше свойства неоформленных прямых дополнений в идиоме с. Кутлушкино не вполне укладываются в общую картину псевдоинкорпорации: во-первых, они способны выступать антецедентами анафорических местоимений (ср. (4.61)); во-вторых, их сочетания с глаголом не всегда обозначают естественные классы событий (ср., например, *поедание красных яблок* из примера (4.59) или *чтение двух книг* из примера (4.56)); в-третьих, числовая нейтральность возможна для именных групп без показателя числа (*-лар*), но отсутствует у именных групп в форме множественного числа (см. (4.59)). С другой стороны, в исследуемом говоре проявляются необязательные признаки псевдоинкорпорации: отсутствие падежного маркирования и невозможность скрэмлинга.

Более того, не вполне понятно также, является ли псевдоинкорпорация в действительности единым феноменом. Легко видеть, что набор свойств, характерных для подобных ИГ, во-первых, не универсален, а во-вторых, включает разнообразные синтаксические признаки (падежное маркирование, структурная позиция, аргументный статус ИГ), семантические признаки (нейтрализация числа, узкая сфера действия, нереперентность, неопределенность), энциклопедические знания (конвенционализация коллокации имени и глагола). При этом сами феномены, на которых базируются обсуждаемые признаки, в каждом конкретном языке могут выступать субъектом различных ограничений, не обязательно связанных с псевдоинкорпорацией (например, скрэмлинг в английском языке значительно более ограничен, чем в русском, а контактное расположение дополнения и глагола не в любом языке следует связывать с псевдоинкорпорацией). Поэтому в дальнейшем обсуждении мы сосредоточимся на поиске возможных вариантов анализа максимально большого набора свойств, проявляемых псевдоинкорпорированными именными группами, и попытаемся применить эти варианты к нашим данным.

Наиболее значимую и часто воспроизводящуюся от языка к языку группу свойств составляет следующий набор семантико-синтаксических феноменов: нереферентность/неопределенность, связанная с узкой сферой действия по отношению к возможным кванторам и операторам клаузы, фиксированная линейная позиция, особое падежное маркирование или отсутствие падежа. Общей чертой объяснительных механизмов, привлекаемых в анализе таких феноменов (Belletti 1988; Mahajan 1990; Diesing 1992; de Hoop 1996, 2005; Sportiche 1996), является постулирование двух синтаксических позиций, в которых возможно лицензирование прямого дополнения, и эти две позиции оказываются связаны с интерпретацией. Согласно (de Hoop 1996), различается так называемый *слабый падеж* (weak case), который приписывается внутри глагольной группы именной составляющей-сестре лексического глагола, и *сильный падеж* (strong case), который прямое дополнение может получить, поднявшись из глагольной группы в Спес, AgrOP. Именная группа в слабом падеже интерпретируется как модификатор предиката (т. е. имеет тип $\langle\langle e, t \rangle, \langle e, t \rangle\rangle$), а именная группа в сильном падеже имеет аргументный тип и интерпретируется как обобщенный квантор ($\langle\langle e, t \rangle, t \rangle$). Соответственно, именные группы в слабом падеже будут нереферентными и линейно расположенными в базовой позиции дополнения, а именные группы в сильном падеже будут обладать всеми свойствами канонических аргументных именных групп. Другими вариантами воплощения этой идеи можно считать подходы М. Дизинг (Diesing 1992), В. ван Генховен (van Geenhoven 1995), а также С. Чанг и У. Ладусоу (Chung, Ladusaw 2004), которые предполагают, что неопределенные именные группы, оставшиеся в базовой позиции, интерпретируются как свободная переменная (Diesing 1992) или как предикат над индивидами (van Geenhoven 1995; Chung, Ladusaw 2004) и подвергаются экзистенциальному закрытию на уровне глагольной группы (Heim 1982; Heim, Kratzer 1998). В частности, анализ Чанг и Ладусоу предполагает, что при соединении глагола и дополнения, означаемым которого является предикат (4.68a), денотат глагола (4.68b) соединяется с денотатом дополнения (4.68c) при помощи операции *рестрикции предиката* (predicate restriction), в ходе которой предикат над индивидами, обозначаемый именной группой, ограничивает область определения функции, обозначаемой предикатом; при этом соответствующая аргументная позиция не насыщается (4.68d). Аргументная позиция закрывается позже, при помощи операции экзистенциального закрытия (existential closure), (4.68e).

(4.68) а. $[_{VP} \text{ buy } [a \text{ book}]]$

б. $[[\text{ buy }]] = \lambda y. \lambda e. \text{ buy}'(y, e)$

- c. $[[a \text{ book}]] = \lambda x. \text{book}'(x)$
- d. $[[VP]] = \text{RESTRICT}([\lambda y. \lambda e. \text{buy}'(y, e)], [\lambda x. \text{book}'(x)]) =$
 $= [\lambda y. \lambda e. \text{buy}'(y, e) \wedge \text{book}'(y)]$
- e. $[[[ExCL VP]]] = \text{EXISTENTIAL CLOSURE}(\lambda y. \lambda e. \text{buy}'(y, e) \wedge$
 $\text{book}'(y)) = \lambda e. \exists y. \text{buy}'(y, e) \wedge \text{book}'(y)$

Семантика «модификации предиката» (predicate modification), в отличие от заполнения аргументной позиции, эксплуатируется также в семантических подходах к (псевдо)инкорпорации Д. Массам (Massam 2001, 2009), В. Дайял (Dayal 2003, 2011), Д. Фаркас и Х. де Сварт (Farkas, de Swart 2003). Отметим, что такой анализ позволяет объяснить, почему только внутренние аргументы (псевдо)инкорпорируются в глагол: для операции рестрикции предиката необходимо, чтобы соответствующая именная группа была аргументом лексического глагола, а не вводилась функциональной вершиной (v , Voice; (Kratzer 1996)).

С синтаксической точки зрения псевдоинкорпорированные именные группы рассматриваются либо как имеющие особый (слабый) падеж, выражающийся нулевой морфемой, либо как беспадежные. Так, в (Massam 2001) предполагается, что псевдоинкорпорированное дополнение — это именная группа, не получившая структурного падежа, не покидающая пределов глагольной группы и неспособная поэтому иметь широкую сферу действия. Аналогичное предложение касательно деривации турецких неформальных прямых дополнений находим в (Öztürk 2005) и (Lima 2006). М. Бейкер, принимая анализ (Massam 2001), высказывает дополнительное предположение: контактное расположение псевдоинкорпорированной ИГ с глаголом вызвано тем, что только в такой конфигурации именная вершина, подвергаясь скрытой инкорпорации в глагол, может быть озвучена непротиворечивым образом (Baker 2009, 2011).

Анализ, увязывающий отсутствие структурного падежа, синтаксическую позицию именной группы и ее возможную интерпретацию, нуждается в прояснении вопроса о том, почему некоторые именные группы остаются внутри глагольной группы (и получают слабый падеж / не получают падежа), а другие именные группы покидают глагольную группу и получают (сильный) падеж. Такая опция оказывается теоретически возможной, если предположить, что не все именные группы входят в сферу действия падежного фильтра (или, говоря языком минимализма, обладают неозначенным признаком падежа). Допустим, что только именные группы полной структуры (DP) должны получить абстрактный падеж, в то время как именные группы меньшей структуры (Small Nominals, (Pereltsvaig

2006а) — например, NP или количественные группы) не нуждаются в падеже. Иными словами, неинтерпретируемым синтаксическим признаком падежа обладают только DP, и этот признак возникает в деривации не с вершиной N, а с вершиной D. Применительно к асимметричному DOM подобные идеи развиваются в (Bartos 2001; Dayal 2003; Danon 2006).

Далее, если означивание признака падежа базируется на согласовании функциональной вершины, следует предположить, что получающая падеж DP обладает необходимыми признаками, делающими ее подходящей целью для согласования. Заметим, что отсутствие означенного признака лица (или ограничения на 1–2-е лицо) есть характерный признак неопределенных именных групп, остающихся *in situ* ((Belletti 1988; Rizzi 1986; Longobardi 2008); ср. с ограничением на согласование по лицу с дополнением в исландском языке (Taraldsen 1995), см. (3.5с); см. также анализ английских неопределенных «заглагольных» подлежащих в (Chomsky 1998, 1999, 2001)). В этой связи можно предположить, что неприписывание (сильного) падежа таким именным группам связано с их неспособностью обеспечить приписывающую падеж функциональную вершину необходимым комплектом ф-признаков. Фиксированная линейная позиция беспадежной именной группы в таком случае может быть продеривирована независимо от падежа, как потребность вызывающих возможное передвижение именной группы вершин-зондов в полном комплекте ф-признаков.

С другой стороны, конфигурационный подход к падежу предполагает, что беспадежная именная группа — это именная группа в дефолтном морфологическом падеже (таком же, как, например, падеж подлежащего). Для того чтобы прямому дополнению был приписан дефолтный падеж, необходимо, чтобы в локальной области не было другой беспадежной ИГ, имеющей над прямым дополнением структурный приоритет, в противном случае будет приписан зависимый аккузатив. Эта идея эксплуатируется в (Baker, Vinokurova 2010; Levin, Preminger 2015; Kornfilt, Preminger 2015) при анализе якутского DOM.

Легко видеть, что конфигурационный анализ DOM по типу псевдоинкорпорации базируется на позиционном распределении аккузативных и номинативных прямых дополнений: аккузативные ИГ должны располагаться вне VP, чтобы конкурировать за падеж с беспадежным подлежащим, в то время как номинативные — внутри VP. При этом основанием для подъема прямого дополнения из глагольной группы не может выступать потребность ИГ в получении структурного падежа, поскольку падежный фильтр исключается из теории. Возможным обоснованием обязательного подъема прямого дополнения из глагольной группы может стать необходимость избежать экзистенциального закрытия и получить

референтную / определенную интерпретацию. Это означает, что аккумулятивные и неоформленные дополнения должны быть дополнительно распределены в отношении возможности узкой сферы действия / нереферентной интерпретации и синтаксической позиции вне vs. внутри глагольной группы.

Возвращаясь к мишарскому материалу, отметим, что структурная альтернатива DOM (именные группы разной структуры, возможно, в одной синтаксической позиции) делает лучшие предсказания, чем конфигурационная альтернатива DOM (именные группы в разных синтаксических позициях, возможно, одной структуры). Во-первых, среди именных групп, обязательно оформляемых аккумулятивом, имеются именные группы определенной синтаксической структуры, а именно — ИГ с посессивным показателем (ИКЗ, расщепленная количественная конструкция) и проформы. Во-вторых, беспадежные прямые дополнения не сочиняются с аккумулятивными, что предположительно свидетельствует о том, что они соответствуют составляющим разного типа. В-третьих, как показывают примеры (4.53a), (4.66), а также (4.69)–(4.70), аккумулятивные ИГ могут располагаться *in situ* (контактно с глаголом, справа от обстоятельств уровня глагольной группы) и не покидать пределов глагольной группы в синтаксисе.

- (4.69) а. Тиз-тиз китап-лар-ны актар-ды-м,
 быстро-быстро книга-PL-ACC ворошить-PST-1SG
 интернет-тан төрле мәгълүмат-лар-ны кара-ды-м.
 интернет-авл разный сведения-PL-ACC смотреть-PST-1SG
 ‘Я быстро-быстро полистала книги, посмотрела из Интернета
 разные сведения.’
- б. Мин бик тиз аны ач-ты-м.
 я очень быстро он.ACC открывать-PST-1SG
 ‘[Тут нам начали раздавать подарки.] Я очень быстро его открыла.’
- (4.70) Алсу кат-кат бу шигыр-ләр-не укы-ды.
 Алсу снова-снова этот стихотворение-PL-ACC читать-PST
 ‘Алсу снова и снова читала эти стихи.’

В-четвертых, аккумулятивные дополнения не обязательно демонстрируют широкую сферу действия по отношению к другим кванторам и операторам и, таким образом, не обязательно определенные или референтные, см. примеры (4.51) выше. Заметим, что такими же свойствами обладают и аккумулятивные дополнения в турецком языке: насколько можно судить по текстам, маркированные показателем аккумулятора ИКЗ далеко не всегда специфичны, ср. примеры (4.71a–c).

- (4.71) a. (Контекст: Конечно, он мог бы найти что-нибудь, что бы урони-
ло Адрияно в глазах девушки.)
Adriano'-nun kusur-u-nu aray-acak-ti.
Адрияно-GEN недостаток-3-ACC искать-FUT-PST
'(Он) намеревался искать (какой-нибудь) недостаток Адрияно.'
- b. Kim-se-nin de yuvas-ı-nı yık-ma-m.
кто-3-GEN EMPH гнездо-3-ACC разрушать-NEG.PRS-1SG
'(Я) ничего гнезда не разрушу.'
- c. Adriano'-nun cevab-ı-nı bekle-me-den
Адрияно-GEN ответ-3-ACC ждать-NEG-CONV
lokanta kışm-ı-na geç-ti-ler.
столовая часть-3-DAT проходить-PST-PL
'Не ожидая ответа Адрияно, они прошли в сектор столовой.'

В (4.71a) аккузативное прямое дополнение находится в сфере действия интенционального предиката и модальности и имеет интерпретацию *de dicto*; такого рода ИГ не являются специфичными в концепции М. Энч и не являются референтными в более привычных терминах. В (4.71b) прямое дополнение содержит отрицательно-полярную единицу *kimse de* 'никто' и тем самым заведомо находится в сфере действия сентенциального отрицания, а специфичные ИГ должны иметь более широкую сферу действия, чем отрицание. Наконец, в (4.71c) над аккузативным прямым дополнением семантически доминируют интенциональный предикат и отрицание; ИГ *Adriano'nun cevabını* 'ответ Адрияно' в этом контексте не предполагает никакого референта, в том числе и специфичного.

Таким образом, в дальнейшем мы будем развивать такой анализ DOM, который опирается на корреляции структурных альтернатив ИГ и их падежного оформления. Чтобы обосновать подобный анализ, необходимо показать, что различные структурные типы ИГ в мишарском диалекте не только обнаруживаются в контексте прямого дополнения, но и обладают различной синтаксической дистрибуцией вне его. Именно этому посвящен следующий раздел.

4.2.3. Иерархическая структура именной группы

Линейная структура мишарской именной группы подробно описана в (Гращенков 2000, 2007). Согласно этим описаниям, порядок следования модификаторов в именной группе определяется следующей иерархией (4.72): ближе всех к вершине располагается существительное — компонент иза-

фетной конструкции 1 (ИК1), затем зависимое существительное в ИК2, затем неветвящиеся адъективные зависимые — непроизводные прилагательные, производные прилагательные и одиночные причастия. Следующий от вершины слот включает числительные, кванторы и указательные местоимения. Далее располагаются ветвящиеся зависимые — атрибутивные группы и относительные предложения. «Замыкают» левую границу именной группы генитивные зависимые вершины (ИК3).

- (4.72) {N_{GEN} REL ATT} {DET QUANT}
 рекурсивный слот референциальный слот
 {PART ADJ_D ADJ_{ND} N₂ N₁} HEAD_NOUN
 объектообразующий слот

Марат-нын Казан-дан килдер-гэн
 Марат-GEN Казань-AVL привозить-PART

ике кызык-лы яңа китаб-ы
 два интерес-ATR новый книга-3

‘две привезенные из Казани интересные новые книги Марата’

Такую же линейную структуру имеет и ИГ в литературном татарском языке. М. З. Закиев пишет: «Если определение подчиняется определяемому только при помощи обязательного соседства, то оно, естественно, занимает место непосредственно перед определяемым. Остальные определения в зависимости от скрепляющей силы средств связи могут занимать разные позиции по отношению к определяемому. Дальше всего от определяемого могут находиться существительные в родительном падеже, ближе их — существительные с падежеподобным аффиксом *-дагы*, еще ближе — глаголы в форме причастия, затем — существительные с аффиксом *-сыз/-сез* или *-лы/-ле*, еще ближе — производные прилагательные, за ними — непроизводные прилагательные и, наконец, рядом с господствующим словом — имя существительное в основном падеже» (Татарская грамматика 1993–1995, III: 336).

Именная словоформа в мишарском диалекте татарского языка демонстрирует следующий порядок суффиксов (4.73): ближе всего к основе располагается показатель числа, далее показатель согласования с посессором, далее падежный показатель.

- (4.73) N-Num-Poss-Case
 бала-лар-ы-нын
 ребенок-PL-3-GEN
 ‘его детей’

Легко видеть, что указательные местоимения, числительные и кванторы, обычно располагающиеся на периферии ИГ, в мишарском диалекте татарского языка занимают среднее положение, между ветвящимися и неветвящимися модификаторами¹¹³. Следовательно, указательные местоимения, кванторы и числительные едва ли возглавляют соответствующие функциональные проекции (DP, NumP, QP). Далее, хотя относительные предложения и ветвящиеся атрибутивные группы находятся на левой периферии ИГ (сразу после генитивного зависимого), тем не менее имя в ИК2, располагающееся близко к именной вершине, допускает ветвление. Поэтому также неадекватен анализ, предполагающий, что элементы объектообразующего слота и референциального слота — это вершины, последовательно принимающие ИГ в качестве комплемента, а элементы рекурсивного слота — адьюнкты к самой высокой проекции ИГ¹¹⁴. Более того, ветвящиеся адъективные зависимые, как и неветвящиеся, интерпретируются рестриктивно, что невозможно, если они соединяются с группой общего имени после кванторов.

Таким образом, мы приходим к заключению, что линейный порядок модификаторов в ИГ не может быть напрямую мотивирован ее иерархической структурой и порядком семантической композиции: очевидно, что по меньшей мере одним из «возмущающих факторов» является тяжесть модификатора — тяжелые модификаторы располагаются дальше от вершины, чем легкие.

¹¹³ В (Гращенков 2000, 2007) предлагается функциональное объяснение этому факту: если ветвящиеся зависимые располагаются перед референциальным слотом, то числительные, указательные местоимения и кванторы, располагающиеся в крайних левых позициях, однозначно интерпретируются как модификаторы компонентов рекурсивного слота:

(i) ике тэрэз-ле йырт
 два окно-агг дом
 ‘дом с двумя окнами’ / *‘два дома с окнами’

Если бы ситуация была обратной (референциальный слот предшествовал ветвящимся модификаторам), то возникала бы регулярная структурная неоднозначность: (i) могло бы быть проинтерпретировано и как ‘дом с двумя окнами’, и как ‘два дома с окнами’.

¹¹⁴ Синтаксические различия между ветвящимися и неветвящимися (одиночными) модификаторами в ИГ не являются чем-то уникальным: так, во многих языках одиночные прилагательные проявляют свойства вершин, а ветвящиеся — свойства групп (см. подробнее (Pereltsvaig 2007)), что отражается в синтаксическом анализе как их расположение в разных структурных позициях.

Значительно более многообещающей с точки зрения установления иерархической структуры ИГ выглядит структура именной словоформы в (4.73). Если порядок следования аффиксов на вершине отражает иерархическую структуру групп, содержащих вершину (так называемый Принцип зеркальности — *Mirror principle* (Baker 1985), см. также о глагольных словоформах (Вубее 1985)), то в первом приближении мишарская ИГ может выглядеть следующим образом:

(4.74) [KP ... [PossP ... [NumP ... [NP ... N] Num] Poss] K]

Чтобы проверить это предположение и понять, в каких проекциях полагаются модификаторы ИГ, рассмотрим синтаксическую дистрибуцию именных групп различной структуры.

Как уже было продемонстрировано выше, минимальная именная составляющая — вершина N — выступает в качестве неглагольного компонента сложного предиката (см. примеры (4.66), (4.67)). Никакие модификаторы этой вершины не допускаются (4.75). Не засвидетельствовано сложных предикатов, в которых именной компонент содержал бы показатель множественного числа, а также таких, в которых первым компонентом выступала бы проформа.

(4.75) Эти-се Марат-ка машина (*яхшы / *бер / *теге)
отец-3 Марат-ДАГ машина хороший / один / такой
бүләк ит-ге.
подарок делать-РСТ
‘Отец подарил Марату машину.’

Такие же ограничения накладываются на зависимое существительное в изафетной конструкции 1: в (4.76a–b) демонстрируется, что зависимый компонент в ИК1 не может иметь собственных зависимых (ср. с ИГ в (4.76с)); (4.76d) показывает, что проформы в этой позиции также невозможны. Наконец, (4.77) демонстрирует неграмматичность ИК1 с зависимым существительным с показателем множественного числа.

(4.76) а. алтын йезек
 золото кольцо
 ‘золотое кольцо’

б. *чын алтын йезек
 истинный золото кольцо
 ‘кольцо чистого золота’

с. чын алтын-нан йезек
истинный золото-AVL кольцо
'кольцо из чистого золота'

d. *ул / *аның йезек
он / он.GEN кольцо
'кольцо из него'

(4.77) а. таш йырт
камень дом
'каменный дом'

b. *таш-лар йырт
камень-PL дом
'дом из камней'

с. таш-лар-дан йырт
камень-PL-AVL дом
'дом из камней'

Следующая по размеру именная составляющая выявляется в контексте атрибутивизатора *-лы*. Комплементом этой морфемы может выступать ветвящаяся именная группа с различными типами модификаторов: изафетной конструкцией 1 (4.78a), прилагательными (4.78b), указательными местоимениями (4.78c), числительными (4.78d), кванторными словами (4.78e–f). Атрибутивизация изафетной конструкции 2 допустима, однако в этом случае согласовательный показатель не может быть сохранен (ср. (4.79a–b)).

(4.78) а. алтын йезек-ле кыз
золото кольцо-ATR девочка
'девушка с золотым кольцом / золотыми кольцами'

b. биек табан-ны туфли-лар
высокий подошва-ATR туфель-PL
'туфли на высоком каблуке'

с. бу эмблема-лы футболка
этот эмблема-ATR футболка
'футболка с этой эмблемой / с этими эмблемами'

d. биш тәрәз-ле йырт
пять окно-PL дом
'дом с пятью окнами'

- e. һәр кен-не зат-лар
каждый день-АТР вещь-PL
‘повседневные вещи’
- f. бетен бул-ачак недостатка-лы кеше
весь быть-ПАРТ недостаток-АТР человек
‘человек со всеми возможными недостатками’
- (4.79) a. татар тел-*(е)
татарин язык-3
‘татарский язык’
- b. татар тел-*(е)-ле бала-лар
татарин язык-3-АТР ребенок-PL
‘татароязычные дети’

Не допускается атрибутивизация следующих типов именных групп: ИГ с показателем числа (4.80), ИГ с генитивным посессором в изафетной конструкции 3 (4.81), местоимений-существительных (4.829)¹¹⁵. Заметим, что, как показывают примеры (4.78a–с) и (4.80), именная группа, выступающая компонентом атрибутивизатора -лы, нейтральна в отношении числа.

- (4.80) a. күк чәчәк-ле чашка
синий цветок-АТР чашка
‘чашка с синим цветком / чашка с синими цветами’
- b. *күк чәчәк-ләр-ле чашка
синий цветок-PL-АТР чашка
- c. кыска жиң-*(ләр)-ле күлмәк
короткий рукав-3-PL-АТР платье
‘платье с короткими рукавами’
- (4.81) a. *Тукай-ның рәсем-е-ле китап
Тукай-GEN рисунок-3-АТР книга
‘книга с портретом Тукая’

¹¹⁵ Примечательно, что единственное местоимение-существительное, допустимое в контексте атрибутивизатора -лы, — это местоимение *нәрсә* ‘что’, ср. (i):

(i) Аны матур кыз ди-гән-нәр, әллә нәрсә-ле?
она.АСС красивый девушка говорить-РФV-PL но что-АТР
‘Ее называли красивой девушкой, но почему (букв. с чем, с каким качеством)?’

- б. *Тукай-нын рәсем-ле китап
 Тукай-GEN рисунок-ATR книга
 ‘книга с портретом Тукая’
- с. Тукай-нын рәсем-ле китаб-ы
 Тукай-GEN рисунок-ATR книга-3
 ‘книга Тукая с рисунком / с рисунками’
- (4.82) а. *мин-ле фотография
 я-ATR фотография
 ‘фотография со мной (с моим изображением)’
- б. *кем-ле дер фотография
 кто-ATR INDEF фотография
 ‘фотография с чьим-то изображением’

Из этого мы делаем следующие выводы. Во-первых, атрибутивизатор *-лы* выбирает в качестве комплемента собственно именную группу (NP). Во-вторых, NP демонстрирует нейтральность в отношении грамматической категории числа. В-третьих, все представители референциального слота (указательные местоимения, числительные, кванторы) могут входить в состав NP и, следовательно, не возглавляют соответствующих функциональных проекций¹¹⁶. В-четвертых, в состав NP не могут входить показатели числа, а также генитивные посессоры. В-пятых, местоимения-

¹¹⁶ В литературе представлена убедительная аргументация того, что разного рода определители (указательные местоимения, числительные и адъективные кванторы) не обязательно соответствуют высоким функциональным проекциям в именной группе. Так, например, в (Szabolcsi 1994) показано, что позицию вершины D в венгерском языке может занимать только определенный артикль, а все прочие определители располагаются ниже этого уровня. Аналогичные наблюдения о структурной позиции указательных местоимений, числительных и кванторных выражений в разноструктурных языках можно найти в (Giusti 1995, 1997). Согласно (Dapou 2006), определенный артикль в иврите также является единственным представителем категории D. Я предполагаю, что числовая, определенная и кванторная интерпретации NP, содержащей числительные, указательные местоимения и кванторы, возникает только тогда, когда эта именная группа вложена в функциональные оболочки высокого уровня, отвечающие за количественную интерпретацию (NumP) и определенную / кванторную интерпретации (DP). В отсутствие же таких проекций NP, содержащая эти элементы, не имеет ассоциируемой с ними интерпретации. Например, указательное местоимение *бу* ‘этот’ в выражении *бу эмблемалы футболка* ‘футболка с этой эмблемой’ интерпретируется адъективно, как ‘подобный, такой, такого типа’, ср. в русском: *пять этих самолетов* = ‘пять таких

существительные (кроме *нэрсэ* ‘что’) не могут замещать NP и являются проформами для более крупных именных составляющих.

Диагностическим контекстом, позволяющим выявить именную составляющую следующего уровня — NumP, — является позиция зависимого в изафетной конструкции 2. В составе NumP допустимы те же типы зависимых, что и в NP, однако нейтральность в отношении категории числа не наблюдается: именная вершина в NumP может иметь показатель множественного числа (*-лар*), а именная группа без числового показателя интерпретируется только как «единственное число».

- (4.83) а. кырсаk-лы хатын-нар кием-е
живот-АТР женщина-PL одежда-3
‘одежда (для) беременных женщин’
- б. бала-лар хастаханэ-се табиб-ы
ребенок-PL больница-3 врач-3
‘врач детской больницы (# детских больниц)’
- с. сугыш дэвер-е-н-дэ
война период-3-OBL-LOC
‘во время войны’
- д. сугыш-лар дэвер-е-н-дэ
война-PL период-3-OBL-LOC
‘в период войн’

При этом NumP не может включать в свой состав генитивные зависимые, вызывающие согласование на вершине (ИК3). Рассмотрим пример (4.84). В (4.84a) представлена ИГ с изафетной конструкцией 2: зависимая ИГ *укучы дэфтэрлэре* ‘ученические тетради’ выступает в номинативе и вызывает согласование на вершине *папкасы* ‘папка’. При этом сама зависимая ИГ *укучы дэфтэрлэре* ‘ученические тетради’ также оформлена ИК2: ИГ *укучы* ‘ученик’ стоит в именительном падеже, а вершина *дэфтэрлэре* ‘тетради’ имеет посессивный показатель. Таким образом, пример (4.84a) показывает, что в качестве зависимого в ИК2 может выступать ИГ с ИК2. В (4.84b) ИГ содержит два именных модификатора: ИГ в номинативе (*дэфтэрлэр* ‘тетради’), образующую с вершиной ИК2, и генитивное зависимое (*укучынын* ‘ученика’), образующую с вершиной

самолетов’. Кванторное слово *һәр* ‘каждый’ в составе выражения *һәр кенне затлар* ‘вещи на каждый день’ не имеет собственно кванторной интерпретации с широкой сферой действия.

папкасы ‘папка’ изафетную конструкцию 3. Из перевода (а также из отсутствия на словоформе *дәфтәрләр* ‘тетради’ посессивного показателя) следует, что обе ИГ модифицируют общую вершину *папкасы* ‘папка’ и не образуют составляющей. Следовательно, генитивная ИГ не входит в состав именного зависимого в ИК2. Далее, в (4.84с) показана ИК3, зависимым компонентом в которой выступает ИГ с генитивным посессором (*укучы-ның дәфтәрләренең* ‘тетрадей ученика’), которая также оформляется при помощи ИК3. Соответственно, можно заключить, что ИГ с ИК3 может выступать именным зависимым в ИК3. Наконец, в (4.84d) представлена неграмматичная ИГ с изафетной конструкцией 2, в которой именным зависимым выступает ИГ *укучының дәфтәрләре* ‘тетради ученика’, имеющая генитивный посессор и согласовательный показатель на вершине (ИК3). Отсюда можно заключить, что ИГ с изафетной конструкцией 3 не может выступать в позиции именного зависимого в ИК2, что означает, что ИК3 оформляет именные группы большей структуры, чем те, которые допустимы в составе ИК2.

- (4.84) a. [[укучы дәфтәр-ләр-е] папка-сы] [[ИК2] ИК2]
 ученик тетрадь-PL-3 папка-3
 ‘папка для ученических тетрадей’
- b. [укучы-ның [дәфтәр-ләр папка-сы]] [ИК3 [ИК2]]
 ученик-GEN тетрадь-PL папка-3
 ‘папка ученика для тетрадей’
- c. [[укучы-ның дәфтәр-ләр-е-нең] папка-сы] [[ИК3] ИК3]
 ученик-GEN тетрадь-PL-3-GEN папка-3
 ‘папка для тетрадей ученика / с тетрадями ученика’
- d. *[[укучы-ның дәфтәр-ләр-е] папка-сы] *[[ИК3] ИК2]
 ученик-GEN тетрадь-PL-3 папка-3
 ‘папка для тетрадей ученика’

Еще одним типом ИГ, не допустимым в составе ИК2, являются местоимения-существительные¹¹⁷:

¹¹⁷ Местоимение *нәрсә* ‘что’ допустимо в ИК2:

- (i) Бу паста-дан нәрсә тәм-е кил-ә?
 этот паста-AVL что вкус-3 приходит-PRS
 ‘Какой вкус у этой пасты?’ (букв. ‘Вкус чего от этой пасты приходит? (мяты, яблока...)’)

- (4.85) а. *мин дэфтэр-ем
 я тетрадь-1SG
 (ОК: минем дэфтэр-ем)
 я.GEN тетрадь-1SG
 ‘моя тетрадь’
- б. *бер-кем дэ дэфтэр-е
 INDEF-кто EMPH тетрадь-3
 (ОК: бер-кем-нең дэ дэфтэр-е)
 INDEF-кто-GEN EMPH тетрадь-3
 ‘ничья тетрадь’

Таким образом, обнаруживается, что в мишарском диалекте татарского языка имеются структурные типы ИГ, недопустимые в качестве именного зависимого в ИК2: ИГ с генитивным зависимым (изафетной конструкцией 3) и именные проформы. Мы полагаем, что они соответствуют максимальным именным проекциям, которые мы предположительно определили как PossP в (4.74) и которые в дальнейшем будем называть DP, имея в виду под этим ярлыком максимальную именную проекцию, которую замещают проформы и которая интерпретируется как индивид или обобщенный квантор¹¹⁸. Генитивный посессор, таким образом, лицензируется только в DP, что находит отражение в обсуждавшихся в разделе 3.4 гипотезах А. Сабољчи и С. Эбни.

Падежная морфема в татарском языке может рассматриваться и как признак именной группы, и как особая функциональная вершина K(ase) в духе (Bittner, Hale 1996). В дальнейшем изложении мы будем для простоты считать, что падеж является признаком, характеризующим DP (альтернативный анализ состоит в том, что вершина K выбирает в качестве компонента DP).

DP допустима в любых аргументных позициях: подлежащего, дополнения глагола, послелого, генитивного зависимого в другой DP. Кроме того, некоторые атрибутивизаторы (-дагы, -ныкы) также способны принять в качестве компонента DP (см., например, (Гумашева, Ирисов 1989; Сулейманов 1996))¹¹⁹:

¹¹⁸ В работах Ж. Корнфилт аналогичная проекция в турецком языке обозначается как группа согласования, AGRP.

¹¹⁹ Происхождение атрибутивизаторов -дагы и -ныкы довольно прозрачно: они представляют собой падежную форму локатива/генитива, вложенную под атрибутивизатор -гы, существующий независимо от -дагы и -ныкы, ср. кичаге ‘вчерашний’ от кича ‘вчера’.

- (4.86) а. Химия дәрес-е-н-дә [Менделеев-нен
 химия урок-3-OBL-LOC Менделеев-GEN
 таблица-сы-н]-дагы химик элемент-лар-ны
 таблица-3-OBL-ATR химический элемент-PL-ACC
 эйрән-ә-ләр.
 изучать-PRS-PL
 ‘На уроке химии изучают химические элементы в таблице Менделеева.’
- б. Бу китап кем-неке?
 этот книга кто-ATR
 ‘Чья эта книга?’

Подведем итоги. На основании синтаксической дистрибуции выявляются следующие типы именных составляющих: N (вершина) — неветвящееся существительное, выступающее в качестве именного компонента в ИК1 и в сложных предикатах; NP (группа лексического существительного) — существительное с разнообразными модификаторами, кроме генитивного посессора, нейтральная в отношении числового противопоставления, выступающая в качестве компонента атрибутивизатора *-лы*; NumP (группа числа) — NP, в которой фиксировано значение категории числа, выступающая в качестве именного зависимого в ИК2; DP (максимальная именная составляющая) — существительное с любыми модификаторами, в том числе и с генитивным зависимым, а также проформы, выступающие в любых аргументных позициях, в том числе и в позиции генитивного зависимого в ИГ.

Таким образом, мы располагаем следующими структурными диагностиками типа именной составляющей:

- не допускающее ветвления существительное: N;
- существительное с любым модификатором: минимум NP, максимум DP;
- существительное с показателем числа либо без показателя числа, не допускающее нейтрализации числа при интерпретации: минимум NumP, максимум DP;
- существительное с генитивным зависимым, проформа: DP.

Именная группа максимальной структуры демонстрируется в (4.87):

- (4.87) [DP Марат-нын [NumP [NP яна [N китап]]-лар]-ы]
 Марат-GEN новый книга-PL-3
 ‘новые книги Марата’

Отдельно стоит остановиться на расщепленных конструкциях с субстантивированным числительным / квантором / прилагательным, демонстрируемых в (4.88):

- (4.88) Кыз-лар-нын ике-се / бетен-есе / зур-лар-ы кил-де.
 девочка-PL-GEN два-3 / весь-3 / большой-PL-3 приходить-PST
 ‘Из девочек пришли две / все / большие.’

В (Гращенко 2000, 2007; Grashchenkov 2007) убедительно аргументирован анализ, согласно которому такого рода конструкции представляют собой именные группы со структурой ИКЗ, в которой генитивное зависимое вызывает согласование на местоименной вершине, как это показано в (4.89):

- (4.89) [_{DP} [_{DP} bärän-när-nen]_{+def} beten [_n -e] -se] (= Grashchenkov 2007: (23c))
 баран-PL-GEN весь-PRON-3
 ‘все из баранов’

Если этот анализ верен, то еще один структурный тип ИГ, соответствующий максимальной именной проекции (DP), — это расщепленные количественные / кванторные / атрибутивные конструкции.

Итак, в этом разделе мы показали, что мишарская именная группа имеет иерархическую структуру, и выделили, на основе синтаксической дистрибуции и структурных свойств, три класса именных проекций: NP, NumP и DP. В следующем разделе мы предложим анализ вариативного маркирования объекта в идиоме с. Кутлушкино, опирающийся на структурные альтернативы ИГ.

4.2.4. Падеж и структура именной группы

Мы предполагаем, что вариативное падежное маркирование объекта в идиоме с. Кутлушкино может быть описано при помощи параметризации падежного фильтра (4.90):

- (4.90) *DP, если DP не имеет абстрактного падежа.

(4.90) утверждает, что в сферу действия падежного фильтра входят только максимальные именные составляющие — DP. Таким образом, (4.90) допускает существование беспадежных ИГ меньшей структуры — NP и NumP.

Допущение, что не все структурные типы ИГ должны лицензироваться падежным признаком, находит подтверждение в исследованиях,

посвященных различным языкам. Так, например, для венгерского языка аргументируется гипотеза, что только DP, но не NP в позиции прямого дополнения вызывает согласование глагола с объектом (Szabolcsi 1994; Bartos 2001). Дистрибуция DOM в иврите (ср. пример (4.8)) объясняется сходным образом: предлог, приписывающий абстрактный падеж, обязателен перед теми ИГ, которые со структурной точки зрения являются DP (ИГ с определенным артиклем), в то время как неопределенные ИГ анализируются как NP (Danon 2006).

Падежный фильтр имплементируется в минималистской теории как наличие у именной группы неозначенного признака падежа. Следовательно, DP обладает признаком падежа, а именные группы меньшей структуры — нет. Такое различие в признаковых матрицах возможно, если вершиной — носителем признака падежа является D.

Обсудим теперь признаковые характеристики именных групп малой структуры. Очевидно, что отличие NumP от NP состоит в том, что NumP имеет означенный признак числа, а NP — нет, что проявляется в ее числовой нейтральности. Ограничения на использование личных местоимений (именных групп 1-го и 2-го лица) в составе именных групп, меньших чем DP, можно рассматривать как отсутствие признака лица у NP и NumP. Таким образом, признаковые матрицы именных фразовых категорий выглядят как в (4.91).

- (4.91) a. DP: [*u*Case], [*i*Person], [*i*Number]
 b. NumP: [*i*Number]
 c. NP:

Мы будем строить анализ в рамках теории приписывания падежа при согласовании, в минималистской модели. Источником аккузатива мы будем считать функциональную вершину v_{tr} (переходный легкий глагол), которая обладает неозначенными ф-признаками. Допустим, что морфологический аккузатив является реализацией синтаксического (абстрактного) аккузатива. Тогда наличие морфологического показателя аккузатива на именной группе свидетельствует о том, что данная именная группа является DP, а отсутствие показателя аккузатива говорит о том, что перед нами именная группа малой структуры — NP или NumP.

- (4.92) a. Марат [_{DP} машина-ны] сат-ып ал-ды.
 Марат машина-ACC продавать-CONV брать-PST
 ‘Марат купил машину / *машины.’

- b. Марат [_{NP / NumP} машина] сат-ып ал-ды.
 Марат машина продавать-CONV брать-PRST
 ‘Марат купил машину / машины.’
- c. Марат [_{NumP} машина-лар] сат-ып ал-ды.
 Марат машина-ACC продавать-CONV брать-PRST
 ‘Марат купил машины.’

В (4.92a) в позиции прямого дополнения располагается DP. Отметим, что аккумулятивно-маркированные ИГ никогда не демонстрируют числовой нейтральности, из чего мы заключаем, что под проекцией DP имеется также проекция NumP. Эта именная группа способна также иметь любые модификаторы уровня NP, что означает, что ИГ в (4.92a) — это именная группа полной структуры ($[_{DP}[_{NumP}[_{NP} \text{ машина}]]]$). В (4.92b) в позиции прямого дополнения находится именная группа малой структуры — NumP или NP. Возможность анализа ИГ *машина* как NP ($[_{NP} \text{ машина}]$) объясняет допустимость нейтральной в отношении числа интерпретации (*купил машину / машины*), которую мы наблюдали у NP, выступающих компонентами атрибутивизатора *-лы*¹²⁰. Наконец, наличие показателя множественного числа на прямом дополнении в (4.92c) предполагает анализ этой ИГ как NumP ($[_{NumP}[_{NP} \text{ машина}]\text{-лар}]$).

Гипотеза (4.90) легко объясняет, почему ИГ с изафетной конструкцией 3, местоимения и расщепленные количественные, кванторные и атрибутивные конструкции в позиции прямого дополнения обязательно маркируются аккумулятивом: такие ИГ соответствуют максимальной именной проекции (DP) и, следовательно, неграмматичны, если не получают падежа. В рамках признаковой реализации падежного фильтра признак падежа DP должен быть означен в процессе деривации, иначе он не может быть удален, что приведет деривацию к краху на интерфейсных уровнях.

¹²⁰ Таким образом, NP допустима не только в качестве компонента атрибутивизатора, но и в аргументной позиции. Предположительно, NP возможна не только в позиции дополнения, но и в позиции (неаккумулятивного) подлежащего, ср.: «...понятие множества в тюркских языках, в том числе и в татарском, может обозначаться и нулевой формой имени существительного; при этом выражается одновременно весь класс, род существ, предметов в целом» (Кононов 1956: 67):

- (i) Өстәл-дә китап ят-а.
 стол-LOC книга лежать-PRS
 ‘На столе лежит книга / лежат книги.’

Итак, приписывание синтаксического аккузатива происходит в результате согласования вершины — источника падежа — функциональной вершины v_{tr} — с объектной DP по ф-признакам (лицу и числу). Важно отметить, что означивание признака падежа происходит *in situ* и не требует (видимого) подъема аргумента из глагольной группы: напомним, что аккузативные прямые дополнения грамматичны в позиции между наречиями уровня глагольной группы и собственно глаголом:

- (4.93) а. Марат тиз [китап-ны] укы-ды.
 Марат быстро книга-ACC читать-PST
 ‘Марат быстро прочитал книгу.’
- б. [v_P тиз [v_P [$_{DP}$ китап] [v укы]] v]

Рассмотрим подробнее процесс приписывания структурного аккузатива объектной DP.

Именная группа [$_{DP}$ *kıtan*] ‘книга’, помещенная в аргументную позицию, обладает следующими признаками: интерпретируемым и означенным признаком лица (признак вершины D), интерпретируемым и означенным признаком числа (признак вершины Num) и неинтерпретируемым и неозначенным признаком падежа (признак вершины D). Потенциальный источник падежа вершина v_{tr} обладает неинтерпретируемыми и неозначенными признаками лица и числа. Таким образом, DP и v обладают неозначенными признаками и активны для согласования (4.94а). В процессе взаимодействия этих составляющих происходит означивание признаков лица и числа вершины v ; вершина v с означенными признаками оказывается способной приписать синтаксический аккузатив DP (4.94б). При озвучивании глагольной группы те из признаков, которые могут быть реализованы морфологией, получают морфологическую реализацию: DP *kıtan* озвучивается как *китап-ны* <книга-асс>. Для семантической интерпретации глагольной группы неинтерпретируемые признаки нерелевантны, поэтому действует соглашение о стирании означенных неинтерпретируемых признаков, и на вход семантического компонента глагольная группа поступает в виде (4.94с).

- (4.94) а. деривация глагольной группы: до согласования и приписывания падежа
[v_P [v_P [$_{DP}$ китап] [v укы]]	v]
[<i>uCase</i> :___]	[<i>uPerson</i> :___]
[<i>iPerson</i> :3]	[<i>uNumber</i> :___]
[<i>iNumber</i> :sg]	

- b. деривация глагольной группы: после согласования и приписывания падежа

[_{VP} [_{VP} [_{DP} китап] [_V укы]]	v]
[<i>uCase:acc</i>]	[<i>uPerson:3</i>]
[<i>iPerson:3</i>]	[<i>uNumber:sg</i>]
[<i>iNumber:sg</i>]	

- c. деривация глагольной группы: стирание неинтерпретируемых признаков перед семантической интерпретацией

[_{VP} [_{VP} [_{DP} китап] [_V укы]]	v]
{ <i>uCase:acc</i> }	{ <i>uPerson:3</i> }
[<i>iPerson:3</i>]	[<i>uNumber:sg</i>]
[<i>iNumber:sg</i>]	

Отметим, что, хотя приписывание DP падежа при данном анализе не требует передвижения DP, получение именной группой падежа оказывается связано с ее способностью к перемещению. Эта связь может быть по-разному проинтерпретирована в конкретной теоретической системе. В исходной формулировке падежного фильтра следы от передвижения вопросительных слов, операторов и т. п. (т. е. переменные) признавались субъектами падежного фильтра на основании неграмматичности примеров типа (4.95) (см., например, (Lasnik, Freidin 1981; Chomsky 1981; Epstein 1991)).

- (4.95) *Who_i did John try t_i to leave?
 ‘*Кто Джон пытался, чтобы уехал?’

Если цепь, образованная передвижением именной группы, должна иметь позицию, маркированную абстрактным падежом, а конечная позиция передвижения не является падежной (как это происходит при A'-передвижении вопросительных и относительных местоимений, топикализации и т. п.), очевидно, что падеж должен быть получен в начале цепи. Отсюда следует, что целью в A'-взаимодействии может становиться только такая именная группа, которая уже обеспечила себе прохождение падежного фильтра¹²¹.

Такой подход, однако, не учитывает возможности существования именных групп, на которые не распространяется падежный фильтр, т. е. не имеющих неинтерпретируемого падежного признака. Чтобы сделать беспадежные именные группы невидимыми для механизмов,

¹²¹ «An expression is only active for A-bar movement if it has an active A-bar feature (e. g. a *wh*-feature) but no active A-feature (e. g. no unvalued case feature)» (Radford 2004: 410).

вызывающих передвижение, следует предположить, что помимо A'-признаков (например, топиальности) вызывающая A'-передвижение вершина ищет ф-признаки. Следовательно, именная группа малой структуры не может быть «притянута» в A'-спецификатор, поскольку не обладает признаком лица (NumP) или обоими ф-признаками (NP). Соответственно, только DP может покинуть пределы глагольной группы.

Узкая сфера действия именных групп малой структуры в позиции дополнения может получать как семантическое объяснение в духе подхода (van Geenhoven 1998) или (Chung, Ladusaw 2004) (в таком случае именные группы малой структуры должны иметь предикатный тип и подвергаться экзистенциальному закрытию в глагольной группе), так и синтаксическое объяснение. Если подъем квантора — это скрытое A'-передвижение именных групп в спецификатор связанной с квантификацией функциональной проекции клаузы (ср., например, с проекцией RefP, в которую поднимаются обобщенные кванторы для проверки признака [+GQP] в (Beghelli, Stowell 1997)), то узкая сфера действия именных групп неполной структуры может объясняться так же, как и их неспособность к открытому передвижению (скрэмблингу).

Более того, допущение, что беспадежные дополнения не могут подняться из глагольной группы ни открыто, ни скрыто, помогает объяснить обязательность аккузативного маркирования прямых дополнений, содержащих указательные местоимения и исчерпывающие кванторы. Поскольку определенные ИГ обладают максимально широкой сферой действия по отношению к любым операторам в предложении, в семантическом представлении они должны оказаться вне сферы действия других операторов / кванторов. Именные группы с исчерпывающими кванторами в объектной позиции также должны подняться из глагольной группы, чтобы получить кванторную интерпретацию. Это значит, что для того, чтобы именная группа, содержащая указательное местоимение *бу* 'этот' или квантор *һәр* 'каждый', получила определенную или кванторную интерпретацию, она должна быть вложена в оболочку DP, чтобы быть видимой для внешних зондов (4.96).

(4.96) а. [_{DP}[_{NumP}[_{NP} бу китап]]]

б. [_{DP}[_{NumP}[_{NP} һәр китап]]]

Итак, аккузативно маркированным ИГ в позиции прямого дополнения может быть сопоставлен единый анализ, учитывающий их структурный тип и предсказывающий известную свободу в линейном положении относительно глагола, вариативную сферу действия и отсутствие числовой нейтральности.

Обсудим теперь деривацию предложений с беспадешным прямым дополнением. В соответствии с развиваемым нами анализом, беспадешное прямое дополнение — это именная группа меньшей структуры, чем DP (NP или NumP), находящаяся в аргументной позиции в глагольной группе. NP не обладает ф-признаками, (4.97a), NumP обладает означенным признаком числа (4.97b).

- (4.97) а. деривация глагольной группы: NP в позиции дополнения

[_{VP} [_{VP} [_{NP} китап] [_V укы]]	<i>v</i>]
	[<i>u</i> Person:___]
	[<i>u</i> Number:___]

- б. деривация глагольной группы: NumP в позиции дополнения

[_{VP} [_{VP} [_{NumP} китап] [_V укы]]	<i>v</i>]
[<i>i</i> Number:sg]	[<i>u</i> Person:___]
	[<i>u</i> Number:___]

Поскольку ни NP, ни NumP не обладают неозначенными признаками, они не являются активными для взаимодействия с вершиной *v*. Более того, даже если предположить, что неактивная составляющая может выступать в качестве цели, если является носителем нужных признаков, в любом случае признак лица вершины *v* (а также и признак числа в (4.97a) останется неозначенным. В теоретической системе (Chomsky 2000) следствием этого будет крах деривации и неграмматичное предложение.

Гипотетическая неграмматичность структур в (4.97) — не что иное, как имплементированный в анализ приписывания падежа через согласование инвертированный падежный фильтр (Inverse case filter, (Bošković 1997, 2002)), согласно которому вершина, способная приписать падеж, должна приписать падеж. Инвертированный падежный фильтр позволяет объяснить, например, недопустимость беспадешных составляющих в контексте лексического падежа в русском языке (см. подробнее (Babby 1985; Franks 1994, 1995); полный список структурных типов составляющих, не допустимых в контексте лексического падежа в русском языке, представлен в (Testelefs 2013), см. раздел 4.3):

- (4.98) а. Он владеет десятью языками / *около десяти языков / *много языков

- б. Каждый верит двум учителям / *по учителю.

Что касается структурного падежа, то результаты действия инвертированного падежного фильтра не столь однозначны. Действительно,

во многих языках глаголы, способные приписать аккузатив своему прямому дополнению, могут принимать в качестве комплемента и составляющие, на которых падеж не определен: например, клаузы или предложные группы, ср. (4.99) из английского языка и (4.100) из мишарского татарского.

- (4.99) a. John believes [him / it].
 ‘Джон верит ему / в это.’
 b. John believes [that Bill has left].
 ‘Джон верит, что Билл уехал.’
- (4.100) a. Мин [а-ны] бел-э-м.
 я этот-ACC знать-PRS-1SG
 ‘Я его / это знаю.’
 b. Мин [Алсу-нын кил-ү-е-н] бел-э-м.
 я Алсу-GEN приходит-NMN-3-ACC знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что Алсу пришла.’
 c. Мин [Алсу кил-де дип] бел-э-м.
 я Алсу приходит-PRST что знать-PRS-1SG
 ‘Я знаю, что Алсу пришла.’

Понятно, что в (4.99b) и в (4.100c) дополнение не получило аккузатив, что, однако, не привело к неграмматичности.

Имплементация инвертированного падежного фильтра как недопустимости неозначенных согласовательных признаков вершины — приписывателя падежа также вызывает сомнения. Это особенно очевидно в том случае, если согласование вершины — приписывателя падежа с мишенью приписывания падежа реализуется морфологически, например в случае предикативного согласования при получении падежа подлежащим. Так, в русском языке беспадежные составляющие в позиции подлежащего не вызывают неграмматичности, при этом согласовательные признаки финитной вершины означиваются «дефолтно» (3-е л., ед. ч., ср. р.):

- (4.101) a. Прошло около десяти дней.
 b. С каждого дерева упало по груше.
 c. Меня радует, что ты вернулся.

Аналогичное — дефолтное — предикативное согласование вызывают неноминативные подлежащие в исландском языке, ср. пример (4.102) из (Sigurðsson 2012: 192 (3)):

(4.102) а. подъем дативного подлежащего

Mér sýndist þeim hafa verið hjálpað.
 я.DAT казаться.PST.3SG.DFT они.DAT AUX1.INF AUX2.PP помогать.PP
 ‘Мне кажется, что им помогли.’

б. подъем номинативного подлежащего

Mér sýndust þeir hafa bjargast.
 я.DAT казаться.PST.3PL они.NOM AUX1.INF спастись.PP
 ‘Мне кажется, что они спаслись.’

Такого рода данные, как кажется, свидетельствуют о том, что инвертированный падежный фильтр применительно к структурным падежам накладывает слишком жесткие ограничения на языковую структуру (см. обсуждение в (Nevins 2005; Stepanov 2007; Sigurðsson 2012)). Возможно также, что сама идея о связи согласования и получения структурного падежа неадекватна: абстрактный падеж (в виде падежного фильтра) регулирует лицензирование ИГ в аргументных позициях, в то время как согласование относится к поверхностным, морфологическим феноменам, нерелевантным для собственно синтаксиса (см. обсуждение в 3.3.3, а также (Bobaljik 2008; Preminger 2011, 2014); ср. с противопоставлением управления и согласования в (Кибрик 1992)). Таким образом, мы полагаем, что, даже если согласование происходит одновременно с приписыванием падежа и обуславливает способность вершины выступить его источником, в том случае, когда вершина не обнаруживает в локальной области подходящей для согласования ИГ, неозначенные согласовательные признаки вершины перед озвучиванием могут быть означены дефолтно, и при этом приписывания падежа не происходит:

(4.103) а. деривация глагольной группы: NP в позиции дополнения

[_{VP} [_{VP} [_{NP} китап] [_V укы]] v]
 [_uPerson:___]
 [_uNumber:___]

б. деривация глагольной группы: дефолтное означивание признаков v

[_{VP} [_{VP} [_{NP} китап] [_V укы]] v]
 [_uPerson:3]
 [_uNumber:sg]

в. деривация глагольной группы: стирание неинтерпретируемых признаков перед семантической интерпретацией

[_{VP} [_{VP} [_{NP} китап] [_V укы]] v]
 {_uPerson:3}
 {_uNumber:sg}

Предложенная деривационная история неоформленных прямых дополнений в идиоме с. Кутлушкино предполагает, таким образом, что неоформленные прямые дополнения — это ИГ малой структуры (NP или NumP), лишенные абстрактного падежа и не покидающие пределов глагольной группы. Они находятся в той же структурной позиции, в которой располагаются и оформленные прямые дополнения, но, в отличие от последних, неспособны к передвижению за пределы глагольной группы. Тем самым объясняется их контактное расположение с глаголом и только узкая сфера действия по отношению к другим кванторам и операторам, содержащимся в предложении. Если неоформленное прямое дополнение соответствует NP, то наблюдается нейтрализация числового противопоставления. При этом неоформленные прямые дополнения находятся в аргументной позиции, заполняя семантическую и синтаксическую валентность глагола, и вследствие этого не оказывают влияния на оформление каузируемого в каузативной конструкции. Наконец, способность неоформленных прямых дополнений выступать в качестве антецедента дискурсивной анафоры может получить объяснение, если предположить, что в данном случае имеет место так называемая *несвязанная анафора* (E-type anaphora, donkey anaphora, см. (Heim, Kratzer 1998; von Stechov 2008)), при которой для правильной семантической интерпретации необходимо добиться коиндексирования анафорического местоимения и его антецедента, однако синтаксические механизмы для такого коиндексирования (например, расположение их обоих в составляющей, над которой имеет структурный приоритет общий оператор) отсутствуют. Действительно, если неоформленные прямые дополнения подвергаются экзистенциальному закрытию в ядерной сфере действия других операторов / кванторов, то квантор, связывающий их, не может получить сферу действия над следующими отрезками дискурса. Для семантического анализа несвязанной анафоры предлагались различные подходы (см. обобщающие работы (Abbott 2004; Moltmann 2006)); здесь важно отметить лишь то, что анафора такого типа не является исключительным свойством конструкций с неоформленным прямым дополнением (см. аналогичный анализ для анафоры с турецкими неоформленными прямыми дополнениями в (Lima 2006)).

4.2.5. Параметризация AGREE

Перейдем теперь к рассмотрению DOM в идиоме с. Рыбушкино.

Сформулированные в 4.2.1. ограничения на допустимость вариативного оформления объекта (обязательное маркирование аккузативом

определенных классов именных групп) действует также и в говоре с. Рыбушкино. Отличия между двумя идиомами касаются в первую очередь свойств неоформленных прямых дополнений¹²².

Во-первых, неоформленные прямые дополнения могут располагаться неконтактно с глаголом, в том числе и в постпозиции:

- (4.104) a. Марат китап анарга тыш-ка цыг-ып¹²³ бир-де.
 Марат книга он.DAT улица-DAT выходить-CONV давать-PST
 ‘Выйдя на улицу, Марат отдал ему книгу.’
- b. Үткен ай-ны банк-лар эц мәртәбә бас-кан-нар.
 прошлый месяц-ACC банк-PL три раз грабить-PFV-PL
 ‘В прошлом месяце банки три раза грабили.’
- c. Шәһәр-дә тезе-де-ләр Тукай урам-ы.
 город-LOC строить-PST-PL Тукай улица-3
 ‘В городе построили улицу Тукая.’
- d. Кем уки ал-ды ун китап?
 кто читать.CONV.IPFV мочь-PST 10 книга
 ‘Кто смог прочитать 10 книг?’

Во-вторых, неоформленные прямые дополнения могут иметь широкую сферу действия относительно других операторов и кванторов:

- (4.105) a. Һәр укучы ике мәсәлә эшлә-де.
 каждый ученик два задача делать-PST
 ‘Каждый ученик решил две задачи.’
 $\forall > 2$
 $2 > \forall$ (Есть две задачи, которые решил каждый ученик)
- b. Марат Алсу-га бер китап та ал-ма-ды.
 Марат Алсу-DAT один книга емрн брать-NEG-PST
 (i) ‘Марат не купил для Алсу ни одной книги.’ (Neg > $\exists$)
 (ii) ‘Марат только одну книгу для Алсу не купил.’ ($\exists$ > Neg)

¹²² Часть примеров в этом разделе любезно предоставлена автору П. В. Гращенковым, М. Б. Ермолаевой и С. Г. Татевосовым.

¹²³ В говоре села Рыбушкино представлен цокающий вариант мишарского диалекта, однако соответствие $\psi \rightarrow \psi$ нерегулярно и варьирует по носителям языка. В дальнейшем мы приводим примеры в той форме, в какой они были записаны.

В-третьих, если неоформленное прямое дополнение располагается в предглагольной позиции, то в каузативной конструкции возможно оформление каузируемого как аблативом, так и аккумулятивом:

- (4.106) Мин Марат-тан/-ны китап ал-дыр-ды.
я Марат-ABL/-ACC книга брать-CAUS-PST
'Я заставил Марата купить книгу.'

При этом между указанными параметрами обнаруживаются примечательные корреляции.

Во-первых, оторванные от глагола немаркированные прямые дополнения не обнаруживают числовой нейтральности. Сравним (4.107a) и (4.107b). В (4.107a) ИГ *китап* 'книга' расположена в предглагольной позиции и демонстрирует нейтральность в отношении категории числа. В (4.107b) немаркированное прямое дополнение, отделенное от глагола аргументной ИГ, может интерпретироваться только как единичный объект.

- (4.107) a. Марат анарга китап бир-де.
Марат он.DAT книга давать-PST
'Марат отдал ему книгу / книги.'
- b. Марат китап анарга бир-де.
Марат книга он.DAT давать-PST
'Марат отдал ему книгу/*книги.'

Во-вторых, нейтральные в отношении числа неоформленные прямые дополнения не могут иметь широкой сферы действия.

- (4.108) Ыр укучы авыр мäsälä эшлэ-де.
каждый ученик трудный задача делать-PST
'Каждый ученик решил трудную задачу / трудные задачи.'
- (i) $\forall > \exists$, одна задача:
'Каждый ученик решил по трудной задаче.'
- (ii) $\forall > \exists$, несколько задач:
'Каждый ученик решил по несколько трудных задач.'
- (iii) $\exists > \forall$, одна задача:
'(Одну) трудную задачу решил каждый ученик.'
- (iv) $*\exists > \forall$, несколько задач:
* '(Некие) трудные задачи решил каждый ученик.'

В-третьих, если при каузативизации переходного глагола каузируемый оформляется аккумулятивом, то на немаркированное прямое дополнение

(которое при этом должно находиться в предглагольной позиции) накладывается дополнительное ограничение: оно не может выступать в форме множественного числа (4.109a), при этом форма единственного числа демонстрирует числовую нейтральность (4.109b). Кроме того, такое прямое дополнение не имеет широкой сферы действия (4.109c–d).

- (4.109) а. *Мин Марат-ны китап-лар ал-дыр-ды.
 я Марат-ACC книга-PL братъ-CAUS-PST

‘Я заставил Марата купить книги.’

- б. Мин Марат-ны китап ал-дыр-ды.
 я Марат-ACC книга братъ-CAUS-PST

‘Я заставил Марата купить книгу / книги.’

- с. Мин Марат-ны китап ал-дыр-ма-ды.
 я Марат-ACC книга братъ-CAUS-NEG-PST

‘Я не заставил Марата купить книгу / книги.’

Neg > ∃

*∃ > Neg

- д. һәр укытучы Марат-ны
каждый учитель Марат-ACC
авыр мәсәлә эшлә-т-те.
трудный задача делать-CAUS-PST

‘Каждый учитель задал (=заставил решать) Марату трудную задачу / трудные задачи.’

∀ > ∃, одна / несколько задач

*∃ > ∀, одна / несколько задач

Таким образом, в говоре с. Рыбушкино, в отличие от говора с. Кутлушкино, обнаруживается два класса неоформленных прямых дополнений. Неоформленные дополнения первого класса демонстрируют те же свойства, что и неоформленные дополнения в идиоме с. Кутлушкино: они не отрываются от глагола, проявляют нейтральность в отношении числового противопоставления и не имеют широкой сферы действия по отношению к другим кванторам и операторам, содержащимся в предложении. Единственное отличие состоит в том, что такие дополнения в идиоме с. Рыбушкино лицензируют аккузативное маркирование каузируемого в каузативной конструкции. Неоформленные прямые дополнения второго класса допускают скрэмблинг, могут иметь широкую сферу действия и обладают фиксированным грамматическим числом. Опираясь на интерпретацию числа, можно предположить, что различие между двумя классами

является структурным: неоформленные дополнения первого класса являются NP, а прямые дополнения второго класса — NumP.

Если эта гипотеза верна, то неоформленная NumP в позиции прямого дополнения обладает всеми свойствами оформленных DP (способность к открытому и скрытому передвижению, фиксированное число), кроме одного — морфологически реализованного падежа. В (Лютикова 2014б) предлагается анализ, противопоставляющий абстрактный и морфологический падеж. Поскольку наличие падежа у именной группы в этой работе считается непосредственным условием для ее способности к скрэмблингу и получению широкой сферы действия, то приходится заключить, что NumP в позиции дополнения обладает абстрактным падежом. Чтобы обеспечить получение NumP абстрактного падежа, падежный фильтр для идиомы с. Рыбушкино в (Там же) модифицируется следующим образом:

(4.110) *DP / *NumP, если DP / NumP не имеет абстрактного падежа

Отсутствие показателя падежа у получающей абстрактный аккузатив NumP объясняется при помощи правил синтактико-морфологического интерфейса. Предполагается, что абстрактный аккузатив по-разному реализуется на именных группах разной структуры: на DP — как морфологический аккузатив, а на NumP — как морфологический номинатив. Неформально это интерфейсное правило представлено в (4.111).

(4.111) a. [Case: Acc] $\Leftrightarrow$ [Mcase: ACC] / — DP

b. [Case: Acc] $\Leftrightarrow$ [Mcase: NOM] / — NumP

Заметим, что аккузатив в любом случае демонстрирует неединообразное кодирование, не сводимое к фонологическим правилам: морфологический показатель аккузатива реализуется как *-н* после согласовательного показателя 3-го л. (*китаб-ы-н* ‘его книгу’) и как *-ны* в остальных случаях (*китап-ны* ‘книгу’, *тамчы-ны* ‘каплю’, *китаб-ым-ны* ‘мою книгу’). Следовательно, правило типа (4.111) не является единственным правилом, ставящим реализацию аккузатива в зависимость от структурных свойств именной группы.

Итак, анализ в (Лютикова 2014б) предсказывает, что ИГ-прямые дополнения с показателем аккузатива в идиоме с. Рыбушкино являются DP и обладают теми же свойствами, что и DP идиомы с. Кутлушкино (способность к передвижению, возможность широкой сферы действия в отношении других операторов и кванторов, отсутствие числовой нейтральности). Прямые дополнения без показателя аккузатива представлены двумя структурными типами. NP в позиции прямого дополнения лишена абстрактного

падежа и демонстрирует неспособность к скрэмлиngu, узкую сферу действия и числовую нейтральность. Прямое дополнение, представляющее собой NumP, обладает абстрактным падежом; отсюда следует корреляция между отсутствием числовой нейтральности и способностью к открытому (при скрэмлиnge) или скрытому (при подъеме квантора) передвижению.

Последний вопрос, который нам осталось обсудить, — это предсказания нашего анализа применительно к оформлению каузируемого в каузативной конструкции. В таблице 4.3 представлены засвидетельствованные в двух идиомах способы оформления каузируемого в каузативной конструкции на базе переходного глагола. Мы видим, что идиомы отличаются доступностью аккузативного кодирования каузируемого: в идиоме с. Кутлушкино каузируемый при переходном глаголе неизменно кодируется аблативом, вне зависимости от падежных свойств прямого дополнения. В идиоме с. Рыбушкино аккузативное кодирование каузируемого возможно в том случае, если в позиции прямого дополнения располагается NP.

Таблица 4.3
Падежное оформление в каузативной конструкции
(переходный глагол)

Структурный тип прямого дополнения	Идиом с. Кутлушкино			Идиом с. Рыбушкино		
	морфологический падеж каузируемого	морфологический падеж прямого дополнения	абстрактный падеж прямого дополнения	морфологический падеж каузируемого	морфологический падеж прямого дополнения	абстрактный падеж прямого дополнения
DP	ABL	ACC	Acc	ABL	ACC	Acc
NumP	ABL	∅	—	ABL	NOM	Acc
NP	ABL	∅	—	ACC	∅	—

В рамках предложенного в (Лютикова 20146) анализа обобщение о кодировании каузируемого в идиоме с. Рыбушкино можно сформулировать следующим образом: каузируемый оформляется аккузативом, если прямому дополнению не приписан абстрактный аккузатив. Это обобщение позволяет увязать аккузативное кодирование каузируемого со свойствами прямого дополнения: числовой нейтральностью, контактным расположением с глаголом, отсутствием широкой сферы действия и отсутствием показателя аккузатива.

Отличия двух идиомов в оформлении каузативной конструкции в таком случае сводятся к следующему обобщению: в идиоме с. Кутлушкино выбор падежа каузируемого определяется только переходностью глагола;

на этот выбор не влияет тот факт, был ли приписан абстрактный аккузатив. Иными словами, в этом идиоме важна сама доступность абстрактного аккузатива в синтаксической структуре (например, переходность вершины *v*). В идиоме с. Рыбушкино выбор падежа каузируемого основывается не на доступности, а на реализации абстрактного аккузатива: если абстрактный аккузатив не был реализован на прямом дополнении, он может быть приписан каузируемому.

Рассмотренный нами анализ, однако, имеет тот существенный недостаток, что связь падежа с мобильностью именной группы представляется как некоторое допущение *ad hoc*. В разделе 4.2.4 мы предположили, что эта связь опосредована наличием у именной группы ф-признаков: именные группы полной структуры (DP) обладают полным набором означенных ф-признаков и поэтому видимы как для А-зондов, так и для А'-зондов. Именные группы неполной структуры не имеют ф-признаков (NP) или имеют неполный набор ф-признаков (NumP), поэтому не могут вступить во взаимодействие с приписывателями падежа и с вершинами, вызывающими открытое и скрытое А'-передвижение. Рассмотренная в этой перспективе, ситуация в идиоме с. Рыбушкино выглядит следующим образом: имеющие неполный набор ф-признаков NumP не обладают признаком падежа и поэтому не реализуют его морфологически, однако видимы для А'-зондов. Сопоставление параметра видимости для двух идиомов представлено в таблице 4.4.

Таблица 4.4
Видимость именных групп для разных типов зондов

	Идиом 1			Идиом 2		
	DP	NumP	NP	DP	NumP	NP
Признаки	<i>i</i> Person <i>i</i> Number	<i>i</i> Number	–	<i>i</i> Person <i>i</i> Number	<i>i</i> Number	–
Падеж	+	–	–	+	–	–
Скрэмблинг (видимое передвижение)	+	–	–	+	+	–
Широкая СД (скрытое передвижение)	+	–	–	+	+	–

Подобное варьирование между диалектами можно представить как следствие параметризации операции *agree*. В идиоме с. Кутлушкино и А-зонды, и А'-зонды выбирают для взаимодействия только составляющие, обладающие полным набором ф-признаков. Вследствие этого для

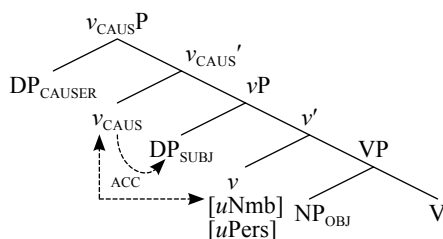
всех типов взаимодействий доступны только DP. Именно поэтому класс получающих падеж именных групп совпадает с классом именных групп, способных к скрэблингу и широкой сфере действия. В идиоме с. Рыбушкино операция AGREE менее избирательна в том смысле, что вершина H с признаками [*u*Person], [*u*Number] может вызвать передвижение не только DP, обладающих полным набором ф-признаков, но и NumP, которая обладает означенным признаком числа, но не обладает признаком лица. В результате в идиоме с. Рыбушкино возникает три класса именных групп: (i) DP, которые обладают полным набором ф-признаков, получают падеж от означивших свои признаки (ф-complete) А-зондов и способны к открытому и скрытому передвижению; (ii) NumP, которые обладают признаком числа, не получают падеж, но способны к скрэблингу и скрытому передвижению; (iii) NP, которые не обладают ф-признаками, не получают падеж и синтаксически инертны.

При таком анализе нет необходимости постулировать расхождение между морфологическим и абстрактным падежом: морфологический аккузатив всегда соответствует синтаксическому аккузативу. Это, однако, возвращает нас к необходимости реанализа падежного оформления каузи в каузативной конструкции. Следует объяснить, почему каузируемый может маркироваться аккузативом только в том случае, когда прямое дополнение имеет статус NP, и не может получать аккузатив, если в позиции прямого дополнения располагается NumP.

Для начала попробуем понять, каким образом в системе с приписыванием структурных падежей функциональными вершинами может быть смоделировано правило парадигматического падежа. Очевидно, что падеж, приписываемый каузативной вершиной v_{CAUS} , не может быть выбран *a priori*: каузи — внешний аргумент неэргативов получает тот же падеж, что и каузи — внутренний аргумент неаккузативов. Поэтому необходимо предусмотреть некоторое взаимодействие между каузативной вершиной и минимально асимметрично с-командуемой ею вершиной v . В идиоме с. Кутлушкино в ходе этого взаимодействия проверяется тип вершины v : если она переходная, v_{CAUS} приписывает каузируемому аблатив, в противном случае — аккузатив. В идиоме с. Рыбушкино, по-видимому, проверяется наличие хотя бы одного означенного ф-признака. Если у вершины v означен хотя бы один ф-признак, это значит, что она переходная и вступила в согласование с объектной именной группой по меньшей мере по числу, т. е. в позиции дополнения находится DP или NumP. В таком случае v_{CAUS} приписывает каузируемому аблатив. Если же v не обладает ни одним означенным ф-признаком, то либо эта вершина непереходная (и не имеет ф-признаков), либо внутренний аргумент не располагает

ни одним означенным ф-признаком, т. е. является NP (эта ситуация схематически представлена в (4.112))¹²⁴.

(4.112)

Подведем итоги нашего обсуждения. Мы рассмотрели феномен вариативного маркирования прямого дополнения в двух говорах мишарского диалекта татарского языка. Было показано, что в обоих говорах за вариативным маркированием дополнения стоят структурные альтернативы ИГ: именные группы максимальной структуры (DP) получают аккузативное кодирование, в то время как именные группы неполной структуры остаются немаркированными. Мы предположили, далее, что два содержательных класса неоформленных прямых дополнений в говоре с Рыбушкино также различаются по своим структурным свойствам: NP не могут выступать мишенями A'-зависимостей, в то время как NumP хотя и остаются беспаджными, тем не менее синтаксически активны. Мы связали эти различия с признаковыми характеристиками NP и NumP: NP лишены ф-признаков, а NumP обладают означенным признаком числа.

Безусловно, предложенный анализ не может быть распространен на все типы вариативного маркирования объекта. В частности, он кажется едва ли применимым для DOM, ориентированного на одушевленность, коммуникативные характеристики ИГ-объекта, для мультифакторного DOM. В тех случаях, когда маркированные и немаркированные дополнения представляют собой позиционные альтернативы, равно применимы и стандартная падежная теория (с подъемом нуждающегося в падеже дополнения из глагольной группы), и конфигурационная теория конкуренции (морфологических) падежей. Тем не менее для таких типов DOM, когда маркированные и немаркированные ИГ не отличаются позиционно, но проявляют структурные различия, анализ с параметризацией падежного фильтра кажется оптимальным.

¹²⁴ Напомним, что «дефолтное» означивание ф-признаков зонда происходит только перед озвучиванием. Таким образом, в тот момент, когда вершина v_{CAUS} проверяет признаки v , они могут быть означенными только в результате согласования с дополнением.

Если предложенный анализ верен, то он позволяет по-новому взглянуть на ряд проблем, связанных с грамматикой падежа. Предпринятое нами обсуждение намечает направление поисков ответа на вопрос о том, почему именно в позиции структурного (но не лексического) падежа наблюдается как симметричный, так и асимметричный DOM. Специфика структурных падежей состоит, по-видимому, в том, что для них не действует инвертированный падежный фильтр. Соответственно, структурный падеж может остаться неприписанным, если составляющая в аргументной позиции не активна для взаимодействия с функциональной вершиной — приписывателем падежа. Это может произойти в том случае, когда данная составляющая лишена падежного признака (например, является PP, CP или NP): при этом возникает асимметричный DOM, т. е. варьирование падежа и отсутствия падежа. С другой стороны, это возможно, если составляющая в аргументной позиции входит в сферу действия падежного фильтра, но получила падеж из другого источника (например, генитив отрицания, партитив и т. п.): в таком случае возникает симметричный DOM, т. е. варьирование структурного и некоторого лексического падежа, лицензируемого триггером DOM. В первом приближении соотношение дихотомии структурных / лексических падежей и инвертированного падежного фильтра может быть сформулировано следующим образом: лексические вершины подпадают под действие инвертированного падежного фильтра, в то время как функциональные вершины — нет.

Вопрос следующего уровня — чем мотивировано отличие лексических вершин от функциональных в отношении обязательности падежного взаимодействия. По-видимому, ответ на этот вопрос следует искать в отличии процессов, следствием которых является приписывание падежа. Приписывание падежа лексическими вершинами всегда строго локально и происходит одновременно с заполнением тематической аргументной позиции при данной лексической вершине (*theta-role discharging*). Следовательно, нарушение падежного взаимодействия приведет к тому, что именная составляющая не будет идентифицирована как аргумент данной лексической вершины. Подобная ситуация создаст проблемы в интерпретации языкового выражения. Приписывание же падежа функциональными вершинами сопровождается означиванием формальных признаков вершины в результате согласования. Это означивание, однако, может произойти и без согласования: если зонд не находит цель, то признаки зонда означиваются (или даже только озвучиваются) по умолчанию (Preminger 2011, 2014).

В следующем разделе мы перейдем к материалу русского языка и покажем, что объяснительные механизмы, задействованные нами в анализе

DOM в татарском языке, могут быть успешно использованы для прояснения структуры целого ряда русских конструкций.

4.3. Беспadeжные именные группы в русском языке

Падежная проблематика всегда была одной из центральных в исследованиях русского синтаксиса. Помимо уже обсуждавшегося в связи с теорией накладывающихся падежей вопроса о дистрибуции гомогенной и гетерогенной падежной модели в конструкциях с большими и малыми числительными, падеж и падежное варьирование оказываются релевантны в исследованиях связочных, полусвязочных и предикативных конструкций (4.113) (Chvany 1975; Nichols 1981; Bailyn, Rubin 1991; Bailyn, Citko 1999; Bailyn 2001, 2002, 2012; Pereltsvaig 2001, 2006b; Strigin, Demjjanow 2001; Matushansky 2008, 2010 и мн. др.), в качестве диагностики неаккузативности или особого семантического типа аргумента (4.114) (Babby 1980; Ицкович 1982; Pesetsky 1982b; Борик 1995; Babyonyshev 1996; Bailyn 2004; Borschev, Partee 2002; Borschev et al. 2008; Brown 1999; Mustajoki, Heino 1991; Падучева 1997, 2004, 2006; Harves 2002; Partee, Borschev 2004; Рахилина (ред.) 2008), в дискуссии о лицензировании PRO и падеже приинфинитивного подлежащего (4.115) (Greenberg, Franks 1991; Babby 1998; Moore, Perlmutter 2000; Sigurðsson 2002; Landau 2006). Перифразирова название книги К. Нейдл (Neidle 1988), «роль падежа в русском синтаксисе» трудно переоценить.

(4.113) а. Петя был пьяный / ?пьяным.

б. Петя вернулся пьяный / пьяным.

с. Друзья привели Петю домой пьяного / пьяным.

д. Друзья помогали Пете *пьяным / %пьяному.

(4.114) а. Петя не читает стихи / стихов.

б. Самолеты не падали / Самолетов не падало.

с. Самолеты не летали / ???Самолетов не летало.

(4.115) а. Глупо идти туда одному / *один.

б. Миша решил пойти туда один / *одному.

с. Алёша попросил Мишу не ходить туда одному / %одного / *один.

Важнейшее наблюдение, сделанное в работе Л. Бэбби о предложных квантификаторах (Babby 1985), состоит в том, что среди аргументных позиций в русском языке выделяется два класса: позиции прямых падежей (номинатива и аккузатива), в которых возможны все типы именных групп, в том числе и именные группы с предложными квантификаторами (*около десяти крестьян*) (4.116a–b), и позиции косвенных падежей, в которых некоторые типы составляющих, которые Бэбби считает именными, недопустимы (4.116c).

(4.116) а. Присутствовало около десяти крестьян.

б. Он насчитал около десяти крестьян.

с. *Помещик владел около десяти крестьян / около десятью крестьянами.

Бэбби выявляет 4 типа составляющих, для которых действует Условие прямого падежа (Direct Case Condition, DCC). Помимо именных групп с предложными квантификаторами, к ним относятся генитивные именные группы, возникающие в контексте сентенциального отрицания, и партитивные генитивы; гетерогенные конструкции с числительными, в которых существительное выступает в форме генитива, и именные группы с наречными квантификаторами типа *мало* (Babby 1985: 107). Рассмотрим падежную теорию Бэбби подробнее.

Позиции прямых и косвенных падежей, согласно Бэбби, различаются в терминах управления (Babby 1980, 1985). Управляемыми (governed) являются позиции, в которых падеж аргументной именной группе приписывается лексической единицей, ее проецирующей (легко видеть, что это аналог ингерентного / лексически управляемого падежа). Если же лексическая единица не накладывает специальных требований на падежное оформление своего аргумента, то его позиция является неуправляемой (ungoverned). К такой именной группе может быть применено специальное падежное правило клаузального уровня (приписывание генитива под отрицанием). Если же и этого не происходит, аргументные именные группы маркируются номинативом или аккузативом в соответствии со своими структурными позициями в поверхностной репрезентации предложения.

Легко видеть, что падежная теория Бэбби в своих существенных характеристиках является предтечей дизъюнктивной иерархии падежей Марантца. Управлению у Бэбби соответствует лексически управляемый падеж Марантца, а падежу, приписываемому синтаксическим правилом, можно сопоставить немаркированный падеж Марантца. Наконец, номинатив и аккузатив Бэбби относит к «структурным дефолтам» для субъектной

и объектной позиции, что достаточно близко к позиции Марантца в отношении номинатива. Приписывание падежей в обеих теориях происходит в соответствии с иерархией, от наиболее конкретного и идиосинкратичного к наиболее дефолтному и затрагивающему самый широкий класс случаев.

Однако, в отличие от теории Марантца, в теории Бэбби падежная иерархия не постулируется *ad hoc*, но следует из двух принципов: Принципа инертности (Inertness principle) и Принципа удовлетворения требований лексических вершин (Lexical satisfaction principle, (Babby 1985: 108)). Принцип инертности гласит, что именная группа может получить падеж в ходе деривации лишь единожды, после чего она становится «инертной», то есть ее падеж не может быть изменен. Принцип удовлетворения требований лексических вершин состоит в том, что (лексически) управляемый падеж должен быть реализован в предложении. Прямой падеж, будучи (лексически) неуправляемым, не обязательно морфологически реализуется. Так, в (4.116a–b) реализуются управляемый предлогом генитив (на числительном) и управляемый предложным квантификатором генитив (на существительном), а номинатив и аккумулятив подлежащего и прямого дополнения остаются морфологически нереализованными.

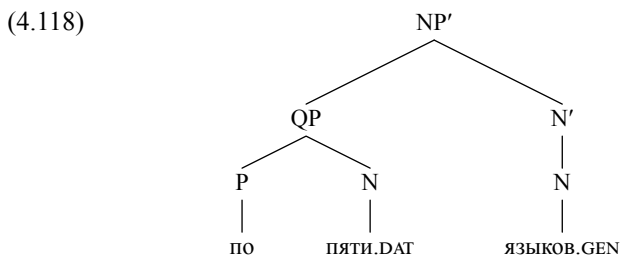
Бэбби полагает, что причиной DCC является падежный конфликт. Действительно, среди составляющих, подчиняющихся DCC (Бэбби приписывает им всем структурный статус именных групп, NP), представлены исключительно такие, в которых именная составляющая более низкого уровня должна получать падеж от квантификатора или в результате действия специального правила (генитив в сфере действия отрицания). Так, в (4.117) составляющая *языков* оказывается в ситуации падежного конфликта: с одной стороны, она должна получить управляемый генитив от квантификатора, а с другой — управляемый инструменталис от глагола *владеть*. В соответствии с принципом инертности оба падежа не могут быть реализованы на одной и той же составляющей, что приводит к неграмматичности конфигурации (4.117a)¹²⁵. Напротив, в контексте прямого падежа в соответствии с Принципом удовлетворения требований лексических вершин реализуется управляемый генитив, а номинатив / аккумулятив остаются нереализованными. Аналогично объясняется и (4.117b).

¹²⁵ Отметим, что в последующих работах (например, (Babby 1987)) Л. Бэбби предлагает несколько иной способ разрешения падежного конфликта в ситуациях типа (4.117a): выбор падежа для именной составляющей в ситуации падежного конфликта происходит в соответствии с падежной иерархией (LEXICAL CASE > GEN(Q^m) > ном/ACC, (Ibid.: 116)). В контексте прямых падежей побеждает «причислительный» генитив (GEN(Q^m)), а в контексте управляемых падежей — лексический падеж.

В (4.117с) снова имеет место падежный конфликт, на этот раз — между управляемым творительным падежом и генитивом, приписываемым специальным правилом в сфере действия отрицания. Неграмматичность (4.117с) следует из принципа инертности. Если же правило приписывания генитива под отрицанием не применяется, мы получаем грамматичную конфигурацию (*не владеет языками*).

- (4.117) а. *владеет [_{NP} [_{QP} пять] [_N языков]]
 б. *владеет [_{NP} [_{QP} мало] [_N языков]]
 в. *не владеет [_{NP} языков]
 д. *владеют [_{NP} [_{QP} [_P по] [_{NP} пяти]] [_N языков]]

Наконец, наиболее сложный случай представляет (4.117д). Структура именной группы с предложным квантификатором, согласно Бэбби, выглядит как (4.118).

В (4.118) лексические требования предлога удовлетворяются приписыванием падежа составляющей *пяти*, а лексические требования квантификатора — приписыванием генитива составляющей *языков*. Однако если конструкция (4.118) будет помещена в контекст управляемого падежа, как в (4.117д), то окажется, что лексические требования глагола *владеет* не могут быть реализованы ни на одной именной составляющей.

Следующим важным шагом в объяснении феномена DCC становится работа Я. Г. Тестельца (Testelet 2013), в которой автор каталогизирует набор явлений, подчиняющихся DCC, существенно расширяя список Бэбби. К ним относятся:

- (i) конструкции с наречными кванторами (*мало книг, (не) больше пяти языков*);
- (ii) конструкции с предложными кванторами (*около пяти рублей, от двух до пяти лет*);

- (iii) редуплицированные конструкции с предлогом *за* (*проходит день за днем, курит сигарету за сигаретой*);
- (iv) вопросительные конструкции вида *что (это) за* (*Что за книгу ты читаешь?*);
- (v) конструкции с аппроксимативной инверсией (*человек пять*);
- (vi) генитив отрицания;
- (vii) имена собственные, имеющие внутреннюю структуру РР и СР (*«В окопах Сталинграда», «По ком звонит колокол»*).

Я. Г. Тестелец отмечает важное общее свойство данных составляющих: несмотря на семантику, сопоставимую с семантикой именных групп (обозначение единичных индивидов или их множеств), и выражение семантических ролей, эти составляющие неспособны присоединять адъективные (согласуемые) модификаторы: **эти мало книг, *последние от двух до пяти лет*. Этот факт особенно важен в свете гипотезы Дж. Бейлина о едином категориальном статусе и единой структуре количественных составляющих с различными квантификаторами (Bailyn 2004). Числительные, количественные наречия, количественные предложные группы и идиомы демонстрируют общее свойство — управление количественным генитивом. Бейлин предполагает, что это неслучайно и такое управление — не случайное совпадение свойств различных лексических категорий, но единый феномен — управление со стороны нулевой вершины Q^{126} . Таким образом, количественное выражение располагается в спецификаторе проекции Q_P , а категориальный статус количественных групп определяется нулевой квантифицирующей вершиной (4.119a–d).

- (4.119) a. купил [Q_P пять [$Q \emptyset$] [NP книг]]
 b. написал [Q_P много [$Q \emptyset$] [NP статей]]
 c. знает [Q_P до фига [$Q \emptyset$] [NP языков]]
 d. принес [Q_P с десяток [$Q \emptyset$] [NP яблук]]
 e. натекло [Q_P [$Q \emptyset$] [NP воды]]
 f. ждет [Q_P [$Q \emptyset$] [NP автобуса]]
 g. набрал [Q_P [$Q \emptyset$] [NP грибов]]
 h. не читает [Q_P [$Q \emptyset$] [NP газет]]

¹²⁶ В славистике является общепринятым обозначать функциональную проекцию, связанную с числительными (NumP), как Q_P .

Обобщая этот анализ, Бейлин предлагает считать любой количественный генитив (партитивный, (4.119e), при кумулятивных глаголах, (4.119g)), а также генитив отрицания (4.119h) и интенциональный генитив (4.119f) падежом, который именная группа получает от нулевого квантификатора.

Заметим, что и альтернативный анализ количественного генитива как падежа NP, на который в количественной конфигурации из-за опосредующей вершины Q не наложился номинатив — падеж D (Pesetsky 2013), также предполагает унификацию конфигураций (4.119) как таких, в которых передвижение вершины Q в D блокирует распространение признака D_{ном} на NP.

Однако из обобщения Я. Г. Тестельца следует, что единый анализ структур в (4.119) как QR (или как групп некоторой другой единой категории) невозможен: количественная группа, содержащая числительное (4.119a), может иметь согласуемые премодификаторы, в то время как все прочие количественные выражения — нет. В свете предыдущего обсуждения это обобщение можно сформулировать следующим образом: количественные группы с числительным могут быть вложены в DP, в то время как для остальных выражений такой «маршрут» деривации закрыт. С этим связан, очевидно, весь комплекс свойств, который А. Перельцвайг (Pereltsvaig 2006a) называет семантико-синтаксическим профилем ИГ малой структуры: неспособность контролировать предикативное согласование, отсутствие коллективной, специфической, определенной интерпретации, только узкая сфера действия по отношению к любым операторам и кванторам, отсутствие референциального индекса, что влечет неспособность к связыванию анафорических выражений, и, наконец, неграмматичность в контексте ингерентного падежа, что объясняется отсутствием DP — проекции, вводящей падежный признак. Таким образом, если составляющую, в которой располагаются количественные числительные, можно рассматривать как промежуточную функциональную проекцию в иерархической структуре ИГ (4.120a), то прочие количественные конструкции, очевидно, имеют другой (или другие) категориальный статус (4.120). Так, в (Testelefs 2013) предлагается считать конструкции из (4.119b,e,g,h) группами наречия (возможно, с нулевым наречным квантором), (4.119c–d) — предложными группами. Генитивные ИГ, выступающие при интенциональных предикатах, в партитивном контексте и под отрицанием (4.119e–g), по-видимому, можно также анализировать как NP, падеж которых лицензируется, а не управляется (ср. с подходом к расщепленным количественным конструкциям и генитиву под отрицанием в (Лютикова, Тестелец 2013)); в таком случае вложение NP под DP нарушит отношение лицензирования, и NP станет невидима для лицензора.

- (4.120) a. [_{DP} ... [_{QP/NumeralP/XP} ... *Numeral* ... [_{NP} ...]]] (эти последние)
пять книг
- b. [_{AdvP/PP/YP} ... *Adv/P/Y* ... [_{NP} ...]]] мало книг, до хрена языков
- c. *[[_{DP} ... [_{AdvP/PP/YP} ... *Adv/P/Y* ... [_{NP} ...]]]] *эти мало книг
- d. [_{AdvP/NP} ...] воды, газет
- e. *[[_{DP} ... [_{AdvP/NP} ...]]] *эту воды, *эти газет

Таким образом, единый анализ количественных структур, связывающий генитив с нулевой квантифицирующей вершиной, входящей в расширенную проекцию именной группы, не может быть реализован. Часть конструкций — а именно те, которые допускают препозитивные адъективные модификаторы и тем самым могут быть вложены в проекцию DP, — избегают действия DCC, в то время как для тех количественных конструкций, которые не принимают адъективных модификаторов и не могут быть вложены в DP, ограничение DCC действует. Обращаясь к неколичественным выражениям, таким как «длинные» имена собственные или вопросительные группы, Я. Г. Тестелец указывает, что их категорию определить затруднительно, но она едва ли является именной.

Учитывая, что редулицированные конструкции с предлогом *за* и вопросительные конструкции вида *что (это) за* способны к морфологическому различению падежа (по меньшей мере между номинативом и аккузативом), Я. Г. Тестелец приходит к выводу, что «беспадежные» составляющие на самом деле имеют падеж. DCC получает следующее объяснение: структурный и ингерентный падежи в русском языке различаются требованиями, которые приписывающие их вершины накладывают на цель. Лексические вершины, в отличие от функциональных вершин T и v, требуют, чтобы составляющая, получающая от них падеж, имела статус именной группы. Таким образом, подход Я. Г. Тестельца предполагает, что структурный падеж получают любые составляющие в соответствующих аргументных позициях, в то время как лексический падеж способны получать только именные группы.

Представляется, однако, что тезис о наличии у составляющих, подчиняющихся действию DCC, структурного падежа создает существенные сложности для теории. Приписывание падежа (по меньшей мере номинатива) функциональными вершинами чувствительно к согласованию: номинатив приписывается именной группе только тогда, когда ее ф-признаки означивают ф-признаки финитного глагола. В конструкциях же с «беспадежными» именными группами возможно (и даже предпочтительно) «дефолтное» согласование:

(4.121) а. Проходит / ???проходят день за днем.

б. Пришло / ???пришли от трех до пяти писем.

Если же считать, что приписывание номинатива и аккузатива независимо от согласования и номинатив может быть приписан и при дефолтном означивании ф-признаков финитного глагола, то необъяснимой оказывается парадигма в (4.122). Действительно, отличие между составляющими *пять писем* в (4.122a–b), согласно (Testelefs 2013), не может быть сведено к падежу, следовательно, обе группы имеют признак номинатива, независимо от их структурного статуса. Однако одна из них контролирует предикативное согласование, а другая — нет.

(4.122) а. Пришли (эти) пять писем.

б. Пришло (*эти) пять писем.

Я предполагаю, что обобщение Я. Г. Тестельца о DCC может быть переформулировано следующим образом. Синтаксический падеж является свойством DP; соответственно, только DP может получить ингерентный (при лексическом управлении) или структурный (от функциональной вершины, при согласовании) падеж. Прочие типы составляющих (QP, PP, CP, ...) не имеют признака синтаксического падежа. Для лексически управляемого падежа действует инвертированный падежный фильтр: если лексическая вершина приписывает ингерентный падеж, он должен быть приписан¹²⁷. Для структурных падежей инвертированный падежный фильтр не действует, поэтому в позиции структурного падежа может оказаться составляющая с любым категориальным статусом, однако только DP получит синтаксический номинатив или аккузатив. Предикативное согласование является свидетельством получения DP падежа, а его отсутствие (дефолтное означивание ф-признаков финитного глагола) — свидетельством отсутствия DP в позиции подлежащего.

Если эта гипотеза верна, то составляющая *пять писем* в (4.122a) является DP и имеет признак именительного падежа, а составляющая *пять писем* в (4.122b) представляет из себя QP и является беспадежной, как это представлено в (4.123).

¹²⁷ Легко видеть, что инвертированный падежный фильтр вкупе с постулатом о наличии синтаксического падежа только у DP дает те же результаты, что и анализ Я. Г. Тестельца: в лексически управляемых позициях падежей возможны только именные группы (DP). Ср. также (Longobardi 1994) об обязательном статусе DP для аргументной интерпретации именной группы.

(4.123) а. Пришли [_{DP} (эти) [_{QP} пять писем]].

б. Пришло [_{QP} (*эти) пять писем].

Прочие типы составляющих, дистрибуция которых ограничена контекстом прямого падежа, имеют категориальный статус, отличный от DP и при этом такой, что D не может выбрать их в качестве компонента.

Однако теория в таком виде не в состоянии объяснить неграмматичность примера (4.124а), в котором именная составляющая малой структуры (NP) находится в позиции подлежащего и не вызывает предикативного согласования. При этом, если NP находится в составе AdvP с партиципной нулевой вершиной (4.124с), отсутствие предикативного согласования допустимо (см. (Bošković 2006)). Заметим, что наш анализ DOM в мишарском диалекте татарского языка предполагал возможность NP, не получающей синтаксического падежа, ср. (4.124а–б) и (4.125а–б).

(4.124) а. *[[_{NP} Вода] натекло.

б. [_{DP} [_{NP} Вода]] натекла.

с. [_{AdvP} ∅_{PART} [_{NP} Воды]] натекло.

(4.125) а. [_{NP} Китап] укы-ды-м.
книга читать-PST-1SG

‘(Я) читаю книгу.’

б. [_{DP} [_{NP} Китап-ны]] укы-ды-м.
книга-ACC читать-PST-1SG

‘(Я) читаю книгу.’

По-видимому, дистрибуцию NP ограничивают морфологические причины. В татарском примере (4.125а) лишенная падежа NP не имеет морфологических падежных показателей и тем самым может быть противопоставлена выраженному падежу (показатель аккузатива *-ны*). В русском языке, однако, падеж выражается кумулятивно с числом и в системе парадигматических морфологических противопоставлений, так что (склоняемое) существительное (как и, впрочем, любые адъективные единицы) не может иметь форму «никакого» падежа. Соответственно, структура в (4.124а) не может быть озвучена.

Если это предположение верно, то становится понятным, почему список «беспадежных» категорий включает такие составляющие, в которых источником морфологического падежа вложенных в них именных групп оказывается некоторая другая единица — квантификатор, предлог и т. п. Именно их присутствие позволяет группе лексического существительного

миновать морфологический «падежный фильтр». Таким образом, общее свойство составляющих, подчиняющихся DCC, следующее: они не являются DP и не могут быть вложены в проекцию DP, вследствие чего (i) не допускают адъективных модификаторов; (ii) не имеют синтаксического падежа; (iii) не могут вступать в отношение согласования с функциональными вершинами, что выражается в дефолтном согласовании; (iv) их внутренняя структура «самодостаточна» в морфологическом отношении.

Отличие теории Я. Г. Тестельца от теории, предлагаемой нами, критично, если синтаксический падеж является лицензором аргумента. Действительно, если составляющие, подпадающие под действие DCC, лицензируются синтаксическим падежом (хотя и не выражают его), мы можем выявить три типа контекстов с точки зрения падежного лицензирования: (i) контекст лексически управляемого падежа, где для лицензирования аргумента необходим синтаксический падеж и статус именной группы; (ii) контекст структурного падежа, где для лицензирования аргумента необходим только падеж; и (iii) беспадежный контекст, в котором фонологически выраженные аргументы не лицензируются.

Как мы видели в главах 2 и 3, в английском и исландском языках лицензирующий статус синтаксического падежа выявляется в контексте подлежащего инфинитивного оборота. Помимо того чтобы иметь аргументный статус, именная группа в этой позиции должна получить синтаксический падеж — от комплементаризера инфинитивного оборота или в результате подъема в падежную позицию главной клаузы (подъем в позицию подлежащего, ЕСМ/подъем в Spec, AgrOP). Однако в русском языке проверить лицензирующий статус структурного падежа таким образом невозможно: истинный подъем из инфинитивного оборота, который нельзя было бы проанализировать как реструктурирование, отсутствует; нет также приписывающих структурный падеж комплементаризеров. Недопустимость аргументных составляющих любых типов в позиции подлежащего инфинитивных оборотов при предикатах контроля может следовать не из их падежной дистрибуции с PRO, а, например, из того, что при контроле происходит подъем в аргументную позицию (Hornstein 1999). С другой стороны, мы знаем, что (неконтролируемое) PRO в русском языке демонстрирует признаки дательного падежа, что может объяснить контраст в (4.126): беспадежная AdvP не может оказаться в контексте косвенного падежа, каковым является приинфинитивный датив, в то время как DP — может.

- (4.126) а. *[_{CP} [_{AdvP} Мало спортсменов] поехать на Олимпиаду] просто смешно.

- b. [_{CP} [_{DP} Этим спортсменам] поехать на Олимпиаду] просто смешно.

Наконец, даже в английском языке, где лицензирующие свойства синтаксического падежа и дихотомия именных групп и других типов аргументов особенно наглядны, не нуждающиеся в падеже составляющие не могут выступать в беспадежной позиции подлежащих инфинитивного оборота, ср. (4.127b).

- (4.127) a. [_{CP} That the earth is round] is known by everyone.
'Что Земля круглая, известно всем.'
b. *[_{CP} That the earth is round] to be known by everyone is satisfying.
'То, что всем известно, что Земля круглая, вызывает удовлетворение.'

Таким образом, невозможно показать, что неименные составляющие, подпадающие под DCC, лицензируются синтаксическим падежом, а значит, не являются беспадежными.

Гипотеза об отсутствии синтаксического падежа у именных групп малой структуры имеет интересные следствия для анализа конструкций с «исчезающей одушевленностью», таких как в (4.128):

- (4.128) a. принял на два пациента / *двух пациентов больше
b. стоял через три человека / *трех человек от меня
c. заплатил за жену два барана / *двух баранов
d. численность составляет четыре ребенка / *четырёх детей
e. в каждый отряд назначили по два вожатых / *двух вожатых

Примеры в (4.128a–d) с синтаксической точки зрения объединяет то, что предлоги и глаголы в них обычно приписывают своим дополнениям аккумулятив (*принял на одного пациента больше*), однако, если их дополнением оказывается конструкция с малым числительным, различающая «одушевленный» и «неодушевленный» аккумулятив в других употреблениях (*увидел три картины, но увидел трех девочек*), в контексте данных лексем одушевленность не реализуется и мы наблюдаем форму не генитива, а номинатива, как у неодушевленных именных групп (Rapaport 2003). К этим предлогам и глаголам примыкает дистрибутивный предлог *по*, который также присоединяет количественную конструкцию с малым числительным в форме, которая может интерпретироваться как номинатив или неодушевленный аккумулятив (Harves 2002, 2003).

С семантической точки зрения выражения, заполняющие аргументную позицию этих предлогов и глаголов, нереферентны и выражают идею количества. И. А. Мельчук (Мельчук 1980, 1985) объединяет такие предлоги, послелог и глаголы при помощи особого синтаксического признака «колич(ественный)» и постулирует в таких конструкциях «обязательное рассогласование S и N по одушевленности» (полные списки этих единиц см. в работах (Мельчук 1980, 1985; Микаэлян 2012; Mikaelian 2013)). Связь такого рассогласования и количественного (измерительного) значения конструкции, однако, при таком подходе необъяснима.

Если же гипотеза о допустимости беспадежных аргументных составляющих в русском языке верна, то мы получаем возможность объяснить связь между значением и формой конструкций в (4.128). Опираясь на ярлыками фразовой структуры, можно сказать, что перечисленные вершины избирательны в отношении категориального статуса своего аргумента и выбирают QR. Поскольку QR не обладает синтаксическим признаком падежа, она остается беспадежной. С морфологической точки зрения она выглядит как номинативная, но в действительности это такая же беспадежная составляющая, как QR в (4.123b).

Возможно ли «развести» морфологически беспадежную QR и номинативную DP, содержащую QR из (4.123), не опираясь на предикативное согласование, чтобы проверить нашу гипотезу относительно конструкций с исчезающей одушевленностью? В качестве такого способа рассмотрим конструкции с малыми числительными и существительными женского рода. Известно, что в таких конструкциях прилагательное может выступать как в форме генитива множественного числа (*две новых книги*), так и в форме номинатива множественного числа (*две новые книги*) (РГ 1980; Голуб 1997; Розенталь 1997; Шкапа 2011). Аналогично ведут себя и субстантивированные прилагательные женского рода (*две прачечных / прачечные, две вожатых / вожатые*).

На выбор между номинативом и генитивом в современном языке, согласно рекомендациям пособий по стилистике, влияют такие параметры, как морфологический разряд прилагательного, акцентный тип существительного и некоторые другие; впрочем, в (Шкапа 2011) показано, что эти тенденции не подтверждаются количественными подсчетами. Единственная закономерность, которая явно прослеживается как в качественных, так и в количественных исследованиях (Franks, Pereltsvaig 2004; Шкапа 2011), состоит в том, что при выборе формы номинатива в конструкции с малым числительным невозможно дефолтное предикативное согласование, ср. пример (4.129) из (Franks, Pereltsvaig 2004):

(4.129) В этом предложении ...

- a. пропущены три запятые.
- b. ?пропущены три запятых.
- c. *пропущено три запятые.
- d. пропущено три запятых.

М. В. Шкапа также отмечает близкий к стопроцентному характер этой закономерности: «Синтаксически словосочетания с именительным падежом определения как минимум по одному параметру отличаются от словосочетаний с родительным падежом: первые в 97 % примеров требуют от глагола формы множественного числа, тогда как вторые в 25 % случаев допускают единственное число глагола». Примеров типа (4.129с) в НКРЯ встретилось всего 5 (один из них приводится в (4.130)).

(4.130) Как видно из рисунка, в оптимальном варианте топологии к первоначальному каркасу присоединено три дополнительные линии [«Информационные технологии», № 10, 2003].

Если предикативное согласование означает наличие DP, то парадигма в (4.129) показывает, что номинатив прилагательного возможен только в DP. Следовательно, он сигнализирует о наличии структурного падежа и отличает падежную форму номинатива от беспадежной¹²⁸:

(4.131) В этом предложении ...

- a. пропущены [_{DP} [_{QP} три запятые]].
- b. ?пропущены [_{DP} [_{QP} три запятых]].
- c. *пропущено [_{DP} [_{QP} три запятые]].
- d. пропущено [_{QP} три запятых].

Если падеж прилагательного является средством различения DP и QP (и тем самым именительного падежа или отсутствия падежа в конструкции с малыми числительными), мы можем использовать эту диагностику для проверки нашего анализа в конструкциях с «исчезающей одушевленностью». Если в таких конструкциях, как пишет Мельчук, происходит

¹²⁸ Заметим, что Д. Песецкий (Pesetsky 2013) также увязывает номинатив прилагательного с наличием D и приписыванием признака Dном именной группе. У Песецкого за альтернатию отвечает факультативный характер Quant-to-D передвижения в случае, если паукальное числительное (вернее, морфема паукального числа) перед этим передвинулось в Quant.

«рассогласование по одушевленности» и приписывается аккузатив, который для неодушевленных именных групп совпадает с формой номинатива, мы ожидаем такое же варьирование падежа прилагательного, как и в позиции подлежащего. Если же в таких конструкциях выступают беспадежные группы, то мы ожидаем исключительно родительного падежа прилагательного.

- (4.132) а. Сегодня врач принял на три беременных / *три беременные / *трех беременных больше, чем вчера.
- б. На каждый отряд выделили по две вожатых / ???две вожатые / *двух вожатых.
- в. Он насчитал только четыре немолодых женщины / ???четыре немолодые женщины / *четырёх немолодых женщин.

(4.132) показывает, что в конструкциях с «исчезающей одушевленностью» явно предпочтителен генитив прилагательного, в том числе субстантивированного. Если грамматические суждения в (4.132), проверенные в пилотном опросе носителей русского языка, будут подтверждены более масштабными корпусными и экспериментальными исследованиями, это будет серьезным аргументом в пользу гипотезы о наличии в русском языке беспадежных количественных групп.

4.4. Формальное моделирование падежного варьирования

В заключительном разделе этой главы мы поговорим об объяснительном потенциале различных падежных теорий применительно к падежному варьированию разных типов. Мы хотим показать, что само существование падежного варьирования, равно как и факторы, являющиеся основой этого варьирования, должно быть принято к сведению и учитываться при моделировании механизмов приписывания падежа.

Изложение будет построено следующим образом. В 4.4.1 мы обсудим аналитический потенциал гибридной модели падежного маркирования, предлагаемой в (Baker, Vinokurova 2010) для якутского языка. На примере этой модели хорошо видны объяснительные механизмы хомскианской и конфигурационной моделей падежа и характерные признаки, «шаблоны поведения» падежей, предсказываемые в одной модели и необъяснимые в другой. Затем, в разделе 4.4.2, мы вновь обратимся к татарскому языку и рассмотрим контексты падежного варьирования, лицензирующие его факторы

и объяснительные возможности каждой из теорий. Наконец, раздел 4.4.3 будет посвящен обобщению объяснительного потенциала разных формальных теорий падежа в отношении разных типов падежного варьирования.

4.4.1. Два типа структурных падежей в якутском языке

В работе М. Бейкера и Н. Винокуровой (Baker, Vinokurova 2010) утверждается, что в некоторых языках, например в якутском, две модели приписывания падежа — хомскианская модель приписывания падежа при согласовании и имплементированная в синтаксис конфигурационная модель — могут сосуществовать в пределах единой грамматики. Таким образом, в якутском языке дистрибуция падежной морфологии требует гибридной теории приписывания падежа. Из четырех структурных падежей якутского языка — номинатива, генитива, датива и аккузатива — распределение аккузатива и датива может быть описано только в рамках конфигурационной теории, в то время как дистрибуция номинатива и генитива объясняется теорией приписывания падежа функциональными вершинами.

Каким образом может быть сделан выбор между двумя моделями? Существует как минимум два параметра, различающих марантцеву и хомскианскую модели приписывания падежа: (i) зависит ли падеж от наличия в локальной области другой именной группы (NP) или определенной функциональной вершины (F) и (ii) сопровождается ли приписывание падежа обязательным согласованием с именной группой вершины — приписывателя падежа. Значения параметров для четырех падежей якутского языка приведены в таблице 4.5.

Таблица 4.5
Характеристики якутских падежей

Падежи	Номинатив	Генитив	Датив	Аккузатив
NP/F	F (финитное T)	F (посессивное D)	NP (в глагольной области)	NP (в клаузе)
Согласование	+	+	—	—
	(предикативное)	(посессивное)		
Падежная модель	хомскианская	хомскианская	марантцева	марантцева

Бейкер и Винокурова полагают, что номинатив приписывается именной группе — подлежащему в процессе согласования с ним предикативной функциональной вершины Т (4.133); примечательно, что каждому номинативному подлежащему соответствует только один согласовательный показатель (4.134). Таким образом, предикативное согласование и номинативное подлежащее связаны логическим отношением эквивалентности.

- (4.133) Masha-qa at-tar ber-ilin-ni-ler || *ber-ilin-ne.
 Маша-ДАТ лошадь-PL давать-PASS-PST-3PL || давать-PASS-PST.3SG
 ‘Лошади были отданы Маше.’ (Baker, Vinokurova 2010: (66))

- (4.134) a. En süüj-büt e-bik-kin.
 ТЫ.NOM победить-PART AUX-PART-2SG
 b. En süüj-bük-kün e-bit.
 ТЫ.NOM победить-PART-2SG AUX-PART
 c. *En süüj-büt e-bit.
 ТЫ.NOM победить-PART AUX-PART
 d. *En süüj-bük-kün e-bik-kin.
 ТЫ.NOM победить-PART-2SG AUX-PART-2SG
 ‘В результате ты победил.’ (Ibid.: (76))

Аналогичную взаимозависимость между падежом и согласованием мы находим и в именной группе: посессор в генитиве доступен тогда и только тогда, когда именная вершина имеет посессивный суффикс. Соответственно, Бейкер и Винокурова полагают, что в якутском языке генитивный посессор лицензируется только тогда, когда именную группу возглавляет согласуемая функциональная вершина D (ср. (4.135)). Многократное согласование с именной группой, маркированной родительным падежом, также запрещено. Как показывает (4.136), для лицензирования генитива на именной группе *en* ‘ты’ необходим посессивный показатель либо на номинализованном причастии (4.136a), либо на именной вершине (4.136b). В отсутствие посессивного показателя на обеих именных вершинах (4.136c) генитив не лицензируется, что в связи с отсутствием возможностей альтернативного падежного оформления (причастие как нефинитная форма неспособно приписать номинатив своему подлежащему) приводит к неграмматичности. Наконец, невозможно и согласование обеих именных составляющих с генитивным зависимым (4.136d). Таким образом, приписывание генитива находится в одно-однозначном соответствии с посессивным согласованием, так же как приписывание номинатива — с предикативным согласованием.

- (4.135) a. Aisen aqa-ta
 Айсен.GEN отец-3SG
 ‘отец Айсен’
- b. *Aisen aqa
 Айсен.GEN отец
 ‘отец Айсен’ (Baker, Vinokurova 2010: (71))

- (4.136) a. en kel-bit-inj suraq-a
 ты.GEN приходить-PART-2SG слух-3SG
- b. en kel-bit suraq-yn
 ты.GEN приходить-PART слух-2SG
- c. *en kel-bit surax
 ты.GEN приходить-PART слух
- d. *en kel-er-inj suraq-yn
 ты.GEN приходить-AOR-2SG слух-2SG
 ‘слух, что ты пришел’ (Ibid.: (68), (70), (73))

Таким образом, дистрибуция номинатива и генитива в якутском языке и связь приписывания этих падежей с согласованием функциональной вершины отвечает предсказаниям хомскианской модели структурного падежа. Это способ падежного маркирования очевидным образом контрастирует со способом приписывания датива и аккузатива. Во-первых, приписывание датива и аккузатива никогда не зависит от (наблюдаемого) согласования какой-либо функциональной вершины. Именные группы, маркированные дативом или аккузативом, могут контролировать согласование лишь в особых конструкциях, где генитивный посессор или номинативное подлежащее, выступив контролерами посессивного и предикативного согласования соответственно, претерпевают подъем и в новой позиции получают датив или аккузатив, например:

- (4.137) a. Misha-qa beqehee at-a öl-lö.
 Миша-DAT вчера лошадь-3SG умирать-PST.3SG
 ‘У Миши вчера умерла лошадь.’ (Ibid.: (46a))
- b. Min ehigi-ni бүгүн kyaj-yax-xyt dien erem-mit-im.
 я вы-ACC сегодня win-FUT-2PL что надеяться-PST-1SG
 ‘Я надеюсь, что вы сегодня победите.’ (Ibid.: (37a))

Во-вторых, приписывание датива и аккузатива оказывается зависимым от наличия другой именной группы в определенной структурной области. Датив приписывается верхней именной группе в глагольной группе (VP),

если в VP имеется другая не получившая падеж именная группа. Таким образом, структурный датив, встречающийся при битранзитивных глаголах и в каузативах переходных глаголов, является зависимым падежом уровня глагольной группы¹²⁹.

- (4.138) a. Min [Masha-qa kinige bier]-di-m.
я [vp Маша-ДАТ книга дать]-pst-1sg
‘Я дал Маше книги / книгу.’ (Baker, Vinokurova 2010: (11a))
- b. Misha [Masha-qa miin sie-t]-te.
Миша [vp Маша-ДАТ суп есть-CAUS]-pst.3sg
‘Миша заставил Машу есть суп.’ (Ibid.: (21b))

В теории М. Бейкера и Н. Винокуровой аккумулятив в якутском языке тоже является зависимым падежом; из двух именных групп без падежа, находящихся в одной клаузе, он приписывается нижней именной группе, т. е. той, над которой обладает структурным приоритетом вторая беспадёжная именная группа. Это обобщение прекрасно описывает важную характеристику синтаксиса клаузы в якутском языке: прямое дополнение в аккумулятиве появляется вне глагольной группы (обычно левее обстоятельств уровня глагольной группы и не прямых дополнений), в то время как немаркированное прямое дополнение располагается в своей базовой позиции внутри глагольной группы. Когда определенное / специфичное прямое дополнение поднимается из глагольной группы, чтобы избежать экзистенциального закрытия, оно оказывается в одной падежной области с подлежащим и маркируется зависимым аккумулятивом при наличии выраженного беспадёжного субъекта.

- (4.139) Min kinige-ni [Masha-qa kinige bier]-di-m.
я книга-ACC [vp Маша-ДАТ книга давать]-pst-1sg
‘Я дал эту книгу Маше.’ (Ibid.: (11b))

Основным аргументом в пользу марантцевой модели приписывания аккумулятива в якутском языке является специфика падежного маркирования

¹²⁹ Возможность одинаковой трактовки датива при битранзитивных глаголах и датива в каузативной конструкции требует нетривиального допущения, что каузативная морфема возглавляет собственную группу лексического глагола. Ср.: «But the causative morpheme is an additional verbal element; it integrates the agent of the verb root into a larger VP that it heads, and it introduces a still higher argument, the causer. Since, the agent of the base verb is now contained in the maximal VP, it receives dative case if and only if there is another, lower NP inside that VP—if and only if the base verb is transitive» (Baker, Vinokurova 2010: 607).

в зависимых клаузах с подлежащим в аккумулятиве, как в примере (4.140). Оказывается, что доступность аккумулятива не зависит от наличия в главной клаузе вершины, способной приписывать аккумулятив (например, переходного легкого глагола, ср. (4.140a) с непереходным глаголом и (4.140b) с глаголом в пассиве); напротив, наличие другой беспадежной именной группы в главной клаузе существенно для возможности приписывания аккумулятива подлежащему зависимой клаузы (4.140с).

- (4.140) a. Keskil Aisen-y [kel-bet dien]
 Кескиль Айсен-ACC идти-NEG.AOR.3SG что
 хомој-do.
 становиться-грустным-PST.3SG
 ‘Кескиль расстроился из-за того, что Айсен не пришла.’ (Baker, Vinokurova 2010: (39a))

- b. Sargy kim-i daqany [tönn-üm-üö dien]
 Сарги кто-ACC емрн вернуться-NEG-FUT.3SG что
 erenner-ilin-ne.
 обещать-PASS-PST.3SG
 ‘Сарги было обещано, что никто не вернется.’ (Ibid.: (40))

- c. Bүgүн munnjax-xa Masha-(*ny) [ehiil
 сегодня встреча-ДАТ Маша-(*ACC) [следующий год
 Moskva-qa bar-ya dien] cuolkajdan-na.
 Москва-ДАТ идти-FUT.3SG что] становиться.очевидным-PST.3SG
 ‘Сегодня на встрече стало ясно, что Маша в следующем году поедет в Москву.’ (Ibid.: (42a))

Таким образом, анализ Бейкера и Винокуровой использует одновременно и хомскианскую, и марантцеву модели для приписывания структурного падежа. Недавно для якутского языка была предложена альтернатива гибридной модели. Т. Левин и О. Премингер (Levin, Preminger 2015) предложили исключительно конфигурационную модель приписывания падежа в якутском языке. Они предположили, что генитив и номинатив являются немаркированными падежами для именной и клаузальной областей соответственно. Развивая модель согласования, предложенную в (Bobaljik 2008) и (Preminger 2011, 2014), они рассматривают согласование вершин T и D как падежно-ограниченное (case-discriminating), в том смысле, что в якутском языке в качестве цели видны только именные группы в немаркированном падеже. Согласование является локальным процессом, поэтому в некоторых структурных конфигурациях подходящая по падежным характеристикам цель — контролер согласования — может отсутствовать, как это происходит

в (4.141). В таких случаях согласования не происходит, однако это не влечет за собой неграмматичности, как предполагает хомскианская модель; наоборот, в якутском языке в таком случае выбирается дефолтная форма вершины — это будет нулевая форма для D (4.141a) и форма 3SG для T (4.141b).

- (4.141) a. *terilte-ni salaj-aaccy*
 компания-ACC управлять-AGT.NMN
 ‘управляющий компании’ (Levin, Preminger 2015: (7a))
- b. *Saakky-ny sorujan ötüje-nen aldjat-ylvn-na.*
 чашка-ACC намеренно молоток-INSTR разбивать-PASS-PST.3SG
 ‘Чашка была умышленно разбита молотком.’ (Ibid.: (13))

В работах (Kornfilt 2013; Kornfilt, Preminger 2015) эта линия анализа получает дальнейшее развитие: высказывается гипотеза, что «номинатив» и «генитив» являются просто описательными ярлыками для беспадежных именных групп, которые озвучиваются соответственно в клаузалной и именной областях. В такой системе согласование ориентировано на ИГ без падежа, и только такие ИГ могут претерпевать подъем и получать зависимый падеж, продолжая контролировать согласование из своей исходной беспадежной позиции.

Следует заметить, однако, что одинаковый подход к предикативному согласованию и посессивному согласованию принципиально неверен. В то время как любая финитная клауза, действительно, должна выражать предикативное согласование с подлежащим и в отсутствие подлежащего, обладающего ф-признаками, сказуемое выступает в дефолтной форме 3-го л. ед. ч., посессивное согласование возникает только при наличии посессора. Соответственно, подходы Левина и Премингера, а также Корнфилт и Премингера не в состоянии разграничить именные группы, имеющие структуру изафетной конструкции 3, и именные группы меньшей структуры, в которых согласование с посессором отсутствует, а генитивный посессор не лицензируется. Например, в (4.142a–с) модель Бейкера и Винокуровой правильно предсказывает неграмматичность первых трех примеров: именная группа *Masha* ‘Маша’ не может получить генитив (поскольку в таком случае на именной вершине *saakky* ‘чашка’ был бы согласовательный показатель 3-го л. ед. ч.), а номинатив в нефинитной клаузе (равно как и предикативное согласование) не лицензируется. В конфигурационных моделях с падежно-ограниченным согласованием по меньшей мере один из примеров (4.142b–с) должен быть грамматичен. Именная группа *Masha* ‘Маша’ лицензируется принципом проекции, как внешний аргумент предиката ‘пить’. Если эта именная группа остается в клаузе,

то она имеет дефолтный номинатив. В таком случае мы должны наблюдать предикативное согласование по 3-му л. ед. ч. и дефолтное посессивное согласование на именной вершине *saakky* ‘чашка’ (пример (4.142b)). Если же именная группа *Masha* ‘Маша’ поднимается в вышестоящую именную группу, возглавляемую именной вершиной *saakky* ‘чашка’, то она получает немаркированный падеж именной группы — генитив и становится подходящей мишенью для посессивного согласования.

- (4.142) a. *Masha cej ih-er saakky
 Маша.NOM/GEN чай пить-AOR чашка
 ‘чашка, из которой Маша пьет чай’
- b. *Masha cej ih-er-e saakky
 Маша.NOM/GEN чай пить-AOR-3SG чашка
 ‘чашка, из которой Маша пьет чай’
- c. *Masha cej ih-er-e saakky-ta
 Маша.NOM/GEN чай пить-AOR-3SG чашка-3SG
 ‘чашка, из которой Маша пьет чай’
- d. Masha cej ih-er saakky-ta
 Маша.GEN чай пить-AOR чашка-3SG
 ‘чашка, из которой Маша пьет чай’ (Baker, Vinokurova 2010:
 (69a), (71a), (72a))

Еще одна проблема с конфигурационным подходом состоит в том, что если генитивный посессор не лицензируется посессивным согласованием, то количество таких посессоров в именной группе не ограничено. Соответственно, мы ожидаем множественных генитивных зависимых при переходных предметных существительных (*picture nouns*), а также возможность множественных подъемов из зависимой клаузы в именную группу при номинализациях. Хотя Бейкер и Винокурова не оговаривают специально подобные случаи, материал других тюркских языков, не допускающих множественных генитивных зависимых в именной группе и ведущих себя в этом отношении весьма последовательно, заставляет усомниться в применимости анализа с немаркированным генитивом для якутского языка.

Таким образом, дискуссия о механизмах падежного маркирования, опирающаяся на якутский материал, весьма полезна в отношении выявления комбинаций признаков, характеризующих падежи различного типа. Примечательно, однако, что в литературе едва ли затронут самый очевидный вопрос: чем мотивирована доступность различного падежного маркирования для именных групп во множестве структурных конфигураций (прямое дополнение, посессор, подлежащее зависимой клаузы) и как это

варьирование реализуется в каждой из выдвинутых систем. Кажется, что в модели конфигурационного приписывания падежа регулярно эксплуатируется только один объяснительный механизм: если для некоторой именной группы доступно различное падежное маркирование, то это следствие того, что она может принадлежать различным областям приписывания падежа. Так, дифференцированное маркирование объекта в (4.138а) и (4.139) объясняется позиционными отличиями: немаркированное дополнение находится внутри глагольной группы, а аккузативное дополнение — вне ее. Подъем ИГ-дополнения из ее обычной позиции вызывается интерпретационными нуждами, в частности необходимостью конкретной ИГ получить более широкую сферу действия по сравнению с уровнем глагольной группы, которая традиционно считается областью экзистенциального закрытия.

Еще один механизм, который теоретически должен срабатывать с той же регулярностью, но при этом эмпирически намного более экзотичный, состоит в том, что варьирование падежного оформления некоторой именной группы связано не с изменением ее собственной позиции, а с изменением позиции или падежного статуса ее падежного конкурента. Например, в (Baker 2015; Woolford 2009; Coon, Preminger (to appear)) указывается, что в эргативных языках позиция дополнения может влиять на приписывание эргатива подлежащему: в тех случаях, когда дополнение поднимается из глагольной группы, оно оказывается в одной падежной области с внешним аргументом, который получает зависимый эргатив. Если же дополнение остается внутри глагольной группы, падежная конкуренция не возникает, и обе именные группы остаются немаркированными. Такая ситуация имеет место, например, в хантыйском:

(4.143) a. mə-ŋəp ləʊə əllə juʊ kanʃa
мы-ERG они [vp большой дерево за

aməʊaləʊ.

клась. PST. ОВJ. 3 PL. SU. 1 PL]

‘Мы поставили их (корзины с ягодами) за большим деревом.’

b. mā t'əkəjəʎləmnä
мы. DUAL. NOM младшая_сестра. COMIT

ula mənʉäləm].

[vp ягоды собирать. PST. SU. 1 PL]

‘Мы с младшей сестрой собирали ягоды’ (Gulia 1966, цит. по: Baker 2015)

Следует также упомянуть об обсуждавшихся в разделе 4.1 случаях аспектуально-мотивированного DSM, «паразитирующего» на DOM, при

котором падежное варьирование внешнего аргумента происходит одновременно с падежным варьированием внутреннего аргумента. Однако такие ситуации — скорее редкость. Обычно на приписывание структурного падежа оказывает большее влияние тип конструкции (непереходная, переходная, транзитивная), чем локальный падежный статус или даже наличие другого аргумента в падежной области. Так, например, в литературном татарском языке каузируемый в каузативной конструкции от переходного глагола не может получать аккузатив, даже если внутренний аргумент маркируется лексическим падежом или остается немаркированным.

- (4.144) a. Марат сөт / сөт-не / сөт-тән эч-ти.
 Марат молоко / молоко-ACC / молоко-AVL пить-PST
 ‘Марат выпил молоко/молока.’

- b. Алсу Марат-тан/*-ны
 Алсу Марат-AVL/-ACC
 сөт / сөт-не / сөт-тән эч-ер-ди.
 молоко / молоко-ACC / молоко-AVL пить-CAUS-PST
 ‘Алсу напоила Марата молоком.’

Соответственно, в рамках конфигурационной модели приходится предпринимать дополнительные усилия в случаях, когда условий для приписывания зависимого падежа нет, а он тем не менее приписывается. Целый класс таких случаев — DSM при расщепленной непереходности, когда агентивное подлежащее непереходного глагола получает эргатив в отсутствие падежного конкурента, как в примерах (4.145a–b) из баскского и грузинского языков.

- (4.145) a. Gizona-k kurritu du.
 мужчина-ERG бежать AUX
 ‘Мужчина бежал.’
 b. vano-m ipikra marika-ze.
 Вано-ERG думать.AOR Марика.DAT-o
 ‘Вано думал о Марике.’

Эту проблему отмечает уже А. Марантц (Marantz 1991); его решение состоит в том, что в баскском и грузинском языках внешний аргумент может конкурировать за падеж не только с выраженным внутренним аргументом, но и с незаполненной объектной позицией¹³⁰. Соответственно,

¹³⁰ «A slight conceptual jump is required to see why Georgian, Hindi, and Basque can get ERG case on the subject of an intransitive verb when the subject is not raised from

языки варьируют в отношении того, какие объекты «видимы» для целей падежной конкуренции. При этом оказывается, что в качестве падежного конкурента могут выступать не только такие единицы, которые хотя и никогда не получают падеж, тем не менее являются именными группами (например, PRO), но и гипотетические объекты, такие как «объектная позиция», «морфема антипассива» и т. п. Таким образом, императивная зависимость механизма приписывания «зависимого» падежа от наличия беспадежной именной группы в локальной области имеет не только плюсы, но и минусы. Объяснительный механизм конфигурационной теории, опирающийся на позиционные различия проявляющей падежное варьирование именной группы или ее падежного конкурента, в одних случаях оказывается недостаточен, а в других — избыточен.

В наиболее проработанной системе (Baker, Vinokurova 2010) существует еще одна возможность анализа падежного варьирования, связанная с падежным статусом немаркированной ИГ: такая беспадежная ИГ может либо получать (немаркированный) номинатив, либо быть (псевдо)инкорпорированной в глагольную (или именную) основу слова и, таким образом, избегать падежного фильтра. Так, например, в (4.146a) именная составляющая *sibekki* ‘цветок’ инкорпорирована в глагол и является беспадежной, поэтому не может быть оторвана от глагола обстоятельством и не вызывает согласования на вершине именной группы *kem* ‘время’. В (4.146b) именная группа не инкорпорирована, поэтому может иметь морфему множественного числа, способна отрываться от глагола и вызывает согласование именной вершины.

(4.146) a. *sibekki* (**emiske*) *tyll-ar* *kem*
 цветок (*вдруг) цвести-AOR время
 ‘время, когда (*внезапно) зацветают цветы’

b. *sibekki-ler* *emiske* *tyll-ar* *kem-nere*
 цветок-PL вдруг цвести-AOR время-3PL
 ‘время, когда внезапно зацветают цветы’

Немаркированная беспадежная (и бесчисловая!) форма существительного в концепции Бейкера и Винокуровой отличается от немаркированного морфологически номинатива подлежащего. Если же вслед за Корнфилт

an object position — i. e., when the verb is unergative (subjects of unergatives can bear ergative case, unfortunately for the terminology). In the case of normal intransitives, the object position will be empty and thus available to count as the distinct ‘unmarked’ position in opposition to which ERG case may be realized» (Marantz 1991: 26).

и Премингером считать, что «номинатив» есть беспадёжная форма существительного, для всех случаев падежного варьирования остается только одно объяснение: падежное варьирование есть не что иное, как позиционное варьирование.

Хомскианская модель приписывания падежа более гибкая, поскольку она способна учитывать как внешние, так и внутренние факторы в качестве лицензоров варьирования падежа. Такие факторы, как предельность, перфективность или полярность, могут рассматриваться как функциональные вершины (или их признаки), которые приписывают падеж именной группе напрямую или влияют на приписывание падежа со стороны других вершин. Влияние совокупности параметров, свойственных именным группам, таких как структурный тип (существительное / местоимение) или формальные и семантические характеристики (одушевленность), может быть рассмотрено как отличие в морфологической реализации единого синтаксического падежа. Кроме того, учитывая по меньшей мере фазовую локальность приписывания падежа функциональными вершинами, позиционная альтернатива также может характеризовать падежное варьирование в хомскианской модели. Более того, если верна гипотеза о том, что некоторые типы именных групп, например (псевдо)инкорпорированные существительные и именные группы или именные группы неполной структуры, такие как группы лексического существительного NP или количественные группы QP, не нуждаются в падеже (и не получают его), появляется дополнительный тип падежного варьирования — между именной группой, маркированной падежом, и именной составляющей без падежа (см. анализ DOM и DSM в мишарском диалекте татарского языка в работах (Лютикова 2014б; Pereltsvaig, Lyutikova 2014; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b; Лютикова, Перельсвайг 2015), а также в разделе 4.2).

С учетом вышеизложенного мы переходим к рассмотрению материала литературного татарского языка. В следующем разделе мы определим контексты варьирования падежа и выявим факторы, влияющие на это варьирование.

4.4.2 Падежное варьирование в татарском языке

В татарском языке варьирование падежа встречается в следующих структурных контекстах¹³¹:

¹³¹ Описание падежного варьирования в литературном татарском языке опирается на работу (Lyutikova, Ibatullina 2015). Источниками примеров являются

- Комплемент РР
- Прямое дополнение
- Приименной посессор
- Подлежащее номинализации
- Подлежащее относительной клаузы
- Подлежащее финитной клаузы с *dip.*

Наиболее просто устроено падежное варьирование в оформлении complements отыменных послелогов: личные местоимения получают падежный показатель генитива (4.147a), в то время как существительные не получают специального падежного показателя (4.147b) (в этом разделе мы будем называть морфологически немаркированную форму «номинативом», хотя использование данного термина носит исключительно дескриптивный характер и априори не предполагает никакого конкретного анализа).

(4.147) а. Бел-еп тор: кайда гына бул-са-м да,
 знать-CONV AUX где EMPH быть-COND-1SG EMPH

жан-ым гел синен ян-ың-да.
 душа-1SG всегда ты.GEN рядом-2SG-LOC

‘Запомни, где бы я ни был, моя душа всегда рядом с тобой.’

б. Алар иртэгә Гөлнур-ның эни-се
 они завтра Гүльнур-GEN мать-3

ян-ы-на кайт-ачак-лар.
 рядом-3-DAT вернуться-FUT-PL

‘Завтра они поедут к матери Гүльнур.’

Как видно из (4.147a–b), и генитивное, и номинативное зависимое контролируют посессивное согласование послелога. Никаких позиционных различий или интерпретационных эффектов не наблюдается.

Различия в падежном маркировании прямого дополнения в литературном татарском языке уже привлекали к себе внимание исследователей, см. подробнее раздел 4.2.1. В комплексном описании грамматики татарского языка (Татарская грамматика 1993–1995, III: 119) говорится, что татарский DOM опирается на признак определенности объектной ИГ: определенные ИГ получают аккузатив, в то время как неопределенные — номинатив. Однако, как и в мишарском диалекте, в литературном татарском такой интерпретационный эффект наблюдается только для подмножества

именных групп, а именно для таких именных групп, которые допускают в позиции дополнения и аккумулятивную, и номинативную формы. При этом существует несколько структурных типов именных групп, обязательно получающих аккумулятив, вне зависимости от их определенности или неопределенности. Так, местоименные дополнения и прямые дополнения, представляющие собой изафетную конструкцию 3 (ИК 3), обязательно требуют показателя аккумулятива, даже если они неопределенные и нерелевантные.

- (4.148) а. Алар Муса жәлил белән Тукай-дан ары
они Муса Джалиль с Тукай-авл кроме
бер-кем-не дә бел-ми.
один-кто-ACC ЕМРН знать-NEG.PRS

‘Они не знают никого кроме Мусы Джалиля и Тукая.’

- б. Алар монда кем-не-дер эзли-ләр бул-са кирәк.
они здесь кто-ACC-INDEF искать.PRS-PL быть-COND MODAL

‘Кажется, они здесь кого-то ищут.’

В разделе 4.2.4 применительно к материалу мишарского диалекта мы высказали гипотезу, что релевантным фактором здесь выступает синтаксическая категория именной группы. Именные группы полной структуры (DP) получают аккумулятив, в то время как именные группы неполной структуры (SN) не маркируются. Поскольку конструкции с местоимениями и ИК3 являются DP в обязательном порядке, в позиции прямого дополнения они могут выступать только в форме аккумулятива. В других видах именных групп эффект определенности при маркировании аккумулятивом является результатом мобильности DP, которая может претерпеть скрытый подъем в логической структуре и получить широкую сферу действия. По всей видимости, литературный татарский язык в этом отношении ведет себя так же, как идиом с. Кутлушкино: падежное маркирование различает два класса именных групп, DP и именные группы малой структуры. Первые получают падеж и могут иметь широкую сферу действия, вторые являются беспадажными и имеют только узкую сферу действия.

Интересно, что, в отличие от якутского языка, в татарском языке прямые дополнения в аккумулятиве могут не подниматься открыто за пределы своей глагольной группы: прямое дополнение в аккумулятиве в (4.149a–b) абсолютно грамматично в своей базовой позиции. При этом в обоих языках прямое дополнение в номинативе должно располагаться строго рядом с глаголом.

- (4.149) а. Байрас кат-кат хат-ны укы-ды,
Байрас снова-снова письмо-ACC читать-PRST

ни-дер аңла-рга тырыш-ты.
 что-INDEF понимать-INF пытаться-PST

‘Байрас снова и снова перечитывал письмо, пытаясь что-нибудь понять.’

b. Абы-ем-а машина-ны бүләк ит-эргә тели-м.
 брат-1SG-DAT машина-ACC дарить-INF хотеть-1SG

‘Я хочу подарить моему брату машину.’

Распределение посессоров в генитиве и номинативе в изафетных конструкциях 3 и 2 (ИКЗ и ИК2 в (Татарская грамматика 1993–1995, III)) во многих случаях похоже на распределение аккузатива и номинатива прямого дополнения. Так, личные местоимения и ИКЗ могут быть только посессорами в генитиве (4.150a–b), ср. также с данными мишарского диалекта в разделе 4.2.3; посессоры в генитиве и номинативе явно контрастируют по референциальности (4.150c–d).

(4.150) a. минем || *мин йорт-ым
 я.GEN || я дом-1SG
 ‘мой дом’

b. Гөлнур-ның эни-се-нең || *Гөлнур-ның эни-се йорт-ы
 Гульнур-GEN мать-3-GEN || Гульнур-GEN мать-3 дом-3
 ‘дом матери Гульнур’

c. бала-лар-ның китаб-ы
 ребенок-PL-GEN книга-3
 ‘книга детей’

d. бала-лар китаб-ы
 ребенок-PL книга-3
 ‘детская книга’

Вместе с тем распределение генитива и номинатива посессора сложнее. Во-первых, генитивный и номинативный посессоры занимают принципиально разные позиции в именной группе: посессор в генитиве является левой непосредственной составляющей DP, а посессор в номинативе — правым фразовым модификатором именной вершины. Обе изафетные конструкции могут быть одновременно представлены внутри одной именной группы, как в (4.151) (ср. с невозможностью иметь одновременно аккузативное и номинативное прямое дополнение в клаузе). Следовательно, два посессора не только занимают разные позиции в поверхностной синтаксической структуре (что верно и для двух прямых дополнений в якутском языке), но и порождаются в разных структурных позициях.

- (4.151) а. эдип-ләр-нең бала-лар күнел-е
 писатель-PL-GEN ребенок-PL душа-3
 ‘детская душа писателей’
- б. без-нең космос кораб-лар-ыбыз
 мы-GEN космос корабль-PL-1PL
 ‘наши космические корабли’

Следующий важный факт о дистрибуции изафетных конструкций 2 и 3 в татарском языке состоит в том, что их зависимые существенно различаются в отношении их синтаксической роли: ИК3 принимает аргументы (посессор, агенс, тема), а ИК2 — адьюнкты. Интересно, что имя собственное (т. е. определенная референтная именная группа) может выступать и в ИК2, но тогда она имеет не аргументную, а атрибутивную функцию, ср. (4.152a–b) и (4.152c):

- (4.152) а. Татарстан республика-сы
 Татарстан республика-3
 ‘Республика Татарстан’
- б. Марат урам-ы
 Марат улица-3
 ‘улица Марата’ (улица, названная в честь Марата)
- с. Марат-ның урам-ы
 Марат-GEN улица-3
 ‘улица Марата’ (улица, где живет Марат)

Посессор в генитиве всегда вызывает посессивное согласование именной вершины; однако статус посессивного аффикса в ИК2 остается спорным. С одной стороны, он формально идентичен согласовательному показателю 3-го лица изафетной конструкции 3. С другой стороны, поскольку именные группы 1-го и 2-го лица являются личными местоимениями, они не могут выступать посессорами в изафетных конструкциях 2, вследствие чего остается неясным, является ли посессивный аффикс в ИК2 отражением согласования с номинативным посессором или это его форма по умолчанию. Следует отметить, что ИК2 может утратить посессивный аффикс при вложении в ИК3 (как в примере (4.151b)) или при появлении атрибутивизатора *-лы*.

В литературном татарском языке падежное варьирование также присутствует в номинализованных клаузах: вложенное подлежащее может получать либо генитив, либо номинатив, как в (4.153).

(4.153) а. Тыңла-р иде-м кош-лар-ның || кош-лар жырла-в-ы-н.
 слушать-FUT AUX-1SG птица-PL-GEN || птица-PL петь-NMN-3-ACC
 ‘Послушал бы я пение птиц.’

б. Алаша-быз-ның || алаша-быз умыр-ып-умыр-ып
 жеребец-1PL-GEN || жеребец-1PL глотать-CONV-глотать-CONV

башак аша-ган-ы-н ярат-ып,
 сусло есть-PFV-3-ACC любить-CONV

сөөн-еп кара-п тора-м.
 радоваться-CONV смотреть-CONV AUX-1SG

‘С любовью и радостью смотрю на то, как мой жеребец с жадностью ест сусло.’

Несмотря на то что конструкции с генитивным и номинативным подлежащим внешне схожи с ИК3 и ИК2, они имеют существенные отличия. Во-первых, падежное варьирование в позиции подлежащего номинализации возможно для ИГ любой структуры (включая личные местоимения и другие именные группы полной структуры, такие как ИК3)¹³². Во-вторых, в номинализированных клаузах маркирование подлежащего генитивом или номинативом, в отличие от посессора, не обнаруживает явной корреляции со структурной позицией¹³³. В-третьих, и генитивное, и номинативное подлежащее, несомненно, имеет аргументный статус.

Интересно, что в некоторых контекстах номинативное подлежащее номинализации, как и номинативный посессор в ИК 2, допускает опущение посессивного аффикса (4.154).

(4.154) Алар кит-ү-гә, авыл жинел сула-п куй-ды.
 они уйти-NMN-DAT деревня легко дышать-CONV AUX-PST
 ‘Как только они уехали, в деревне вздохнули с облегчением.’

¹³² Ср. с данными турецкого языка (пример (4.31) из раздела 4.1), где также возможен DSM в номинализациях, однако, в отличие от литературного татарского, лицензирующим фактором оказывается специфичность.

(i) а. Yol-dan bir araba geç-tiğ-in-i gör-dü-m.
 дорога-AVL один машина проехать-NMN-3SG-ACC видеть-PST-1SG
 ‘Я видел, что по дороге проехала машина <non-specific>.’

б. Yol-dan bir araba-nın geç-tiğ-in-i gör-dü-m.
 дорога-AVL один машина-GEN проехать-NMN-3SG-ACC видеть-PST-1SG
 ‘Я видел, что одна машина <specific> проехала по дороге.’

¹³³ Это положение верно по меньшей мере для номинализаций на -ган; синтаксис имен действия на -у требует дополнительных исследований.

В литературном татарском языке, в отличие от мишарского диалекта, имеется еще один вид зависимых клауз, допускающих падежное варьирование между генитивом и номинативом в позиции подлежащего, — это относительные клаузы. Номинативное подлежащее не вызывает ни предикативного согласования предиката зависимой клаузы, ни посессивного согласования именной вершины (в (4.155a) именная вершина согласуется по 2-му л. ед. ч. с невыраженным генитивным посессором *синең* ‘ты.GEN’, а не с номинативным подлежащим причастного оборота *интәшең* ‘твой супруг’), в то время как генитивное подлежащее требует присутствия посессивного аффикса на существительном (4.155b).

- (4.155) а. Иптәш-ең Кәрим-гә жибәр-гән хат-ың
 супруг-2SG Карим-ДАТ посылать-PFV письмо-2SG
 белән рәсем-ең-не, Нәгыймә апай аркылы
 с рисунок-2SG-ACC Нагыйма тетя через
 ал-дыр-ып, укы-ды-м, күр-де-м.
 брать-CAUS-CONV читать-PST-1SG видеть-PST-1SG
 ‘Твои письмо и рисунок, которые супруг твой отправил Кариму,
 я достал через тетушку Нагыйму, читал, видел.’
- б. Без Гумбольдт-ның бүтән чор-лар турында
 мы Гумбольдт-GEN другой период-PL о.3
 әйт-кән фикер-ләр-е-нә тукта-л-ып
 говорить-PFV мысль-PL-3-ДАТ останавливать-PASS-CONV
 тор-мый-быз.
 AUX-NEG.PRS-1PL
 ‘Мы не будем останавливаться на мыслях, высказанных Гум-
 больдтом о других периодах.’

По-видимому, подлежащее в относительной клаузе может оформляться генитивом только в том случае, когда оно занимает крайнюю левую позицию в зависимой клаузе (или поднимается из нее); поэтому перестановка ИГ *Гумбольдтның* ‘Гумбольдта’ и послеложной группы *бүтән чор-лар турында* ‘о других периодах’ будет неграмматичной.

Наконец, последний контекст падежного варьирования, который мы рассмотрим, — это варьирование номинативного и аккумулятивного подлежащего во вложенных финитных клаузах с союзом *дип*. Обе падежные формы вызывают согласование предиката зависимой клаузы (4.157a). Что касается структурной позиции, то подлежащее в аккумулятиве предположительно занимает более высокую позицию, нежели подлежащее в номинативе — как и в предыдущем случае, для получения аккумулятора субъектная

ИГ должна занимать крайнюю левую позицию в клаузе. Но в отличие от якутского языка, в татарском языке аккумулятив может быть приписан подлежащему зависимой клаузы только в том случае, когда в главной клаузе присутствует переходный глагол, ср. (4.156a–b), (4.157a–b).

- (4.156) a. Син || сине кил-ер-сең дип кәтә-м.
ты || ты.ACC прийти-FUT-2SG что ждать.PRS-1SG

‘Я жду, что ты придешь.’

- b. Син || *сине кил-ер-сең дип кәт-ел-ә.
ты || ты.ACC прийти-FUT-2SG что ждать-PASS-PRS

‘Ожидается, что ты придешь.’

- (4.157) a. Алсу Марат || ?Марат-ны кунак-ка кил-ер
Алсу Марат || Марат-ACC гость-DAT прийти-FUT
дип өй-не жыештыр-ды.
что дом-ACC прибирать-PST

‘Алсу прибралась в доме, ожидая, что Марат придет в гости.’

- b. Алсу Марат || *Марат-ны кунак-ка кил-ер
Алсу Марат || Марат-ACC гость-DAT прийти-FUT
дип бизән-де.
что краситься-PST

‘Алсу нарядилась, ожидая Марата в гости.’

Подведем итоги. Во всех контекстах, в которых наблюдается морфологическое падежное варьирование, одна из падежных форм всегда является номинативом. ИГ в генитиве всегда требуют наличия посессивного согласования со стороны именной вершины, подлежащее в номинативе — предикативного согласования в финитной клаузе и посессивного согласования в некоторых номинализованных клаузах, посессоры в номинативе требуют наличия посессивного аффикса у именной вершины (его статус как согласовательного показателя неясен); подлежащее в аккумулятиве контролирует предикативное согласование вложенной финитной клаузы; для прямого дополнения в номинативе или аккумулятиве наличие какого-либо согласования неочевидно.

Явное позиционное различие наблюдается в половине контекстов — в частности, в конструкциях с посессором в генитиве/номинативе, подлежащим относительной клаузы в генитиве/номинативе и подлежащим финитной клаузы с союзным словом *дип* в аккумулятиве/номинативе. Аккумулятивное и номинативное прямое дополнение не являются позиционно распределенными в строгом смысле слова, но отличаются в отношении

доступных структурных позиций: номинативное дополнение может располагаться только *in situ*, контактно с глаголом, в то время как аккузативное дополнение может как оставаться в базовой позиции, так и покидать ее.

Что касается функциональных вершин как источников структурных падежей, мы можем идентифицировать финитное Т как вершину, приписывающую номинатив; посессивное D как вершину, приписывающую генитив; переходный легкий глагол *v* как вершину, приписывающую аккузатив; и послелог Р как вершину, приписывающую генитив / номинатив. Остается неясно, имеется ли падежная зависимость между некоторой функциональной вершиной и номинативным подлежащим нефинитной клаузы, номинативным дополнением и номинативным посессором.

Наконец, факторы-лицензоры падежного варьирования существенно отличаются в исследованных конструкциях: от чисто формального разграничения местоимений и существительных до дихотомии аргументов и атрибутов, определенности, референтности. В некоторых случаях, однако, крайне сложно обнаружить какой-либо семантический эффект падежного варьирования.

Итоговые данные обобщены в таблице 4.6.

Таблица 4.6
Параметры падежного варьирования в татарском языке

Контекст варьирования	Падежи	Согласование	Позиционные различия	Лицензирующие факторы
Комплемент РР	GEN/NOM	+/+	—	местоимение / существительное
Прямое дополнение	ACC/NOM	—/—	—	DP / Small Nominal определенный / неопределенный
Приименной посессор	GEN/NOM	+/?	+	DP / Small Nominal референтный / нереферентный аргумент / атрибут
Подлежащее номинализации	GEN/NOM	+/-	—	?
Подлежащее относительной клаузы	GEN/NOM	+/-	+	?
Подлежащее клаузы с <i>dip</i>	ACC/NOM	+/+	+	переходность главной клаузы / всегда

Из предыдущего изложения и из таблицы 4.6 видно, что материал татарского языка отличается от материала якутского языка в нескольких существенных аспектах. Во-первых, в татарской именной группе допустимы посессоры и в генитиве, и в номинативе; во-вторых, аккумулятивное и немаркированное прямое дополнение не полностью распределены позиционно; в-третьих, подлежащее нефинитной зависимой клаузы может выступать в номинативе, и согласование предиката с таким подлежащим не является обязательным; наконец, в-четвертых, доступность аккумулятора для подлежащего финитной зависимой клаузы определяется переходностью главной клаузы.

Понятно, что ни чисто конфигурационный анализ Т. Левина и О. Премингера, ни гибридный анализ М. Бейкера и Н. Винокуровой не может быть распространен на татарские данные. Очевидную проблему представляет собой приписывание аккумулятора, которое предопределяется наличием переходной функциональной вершины, а не присутствием другой беспадежной именной группы в клаузальной области. Кроме того, аккумулятивные прямые дополнения не обязаны покидать глагольную группу, так что аккумулятивные и номинативные дополнения принадлежат одной падежной области.

Еще одна проблема — это наличие двух типов посессоров, генитивного и аккумулятивного. Поскольку эти два падежа приписываются в одной и той же падежной области, анализ генитива как немаркированного падежа именной группы не может быть сохранен. Заметим, что ни генитив, ни номинатив внутри именной группы не могут рассматриваться как зависимый падеж, поскольку ни ИК3 не требует наличия ИК2, ни наоборот. Анализ приименного генитива, опирающийся на хомскианскую модель падежа и предложенный в (Baker, Vinokurova 2010) для якутского языка, хорошо справляется с описанием татарских данных, но в таком случае номинативный посессор нуждается в отдельном лицензоре и приписывателе падежа.

Наибольшие затруднения связаны с дистрибуцией номинатива. Действительно, номинатив не может рассматриваться как немаркированный падеж клаузы, поскольку он встречается в разных лексических областях — глагольной, именной, послеложной. Он не может быть и дефолтным падежом, так как недоступен для местоимений в послеложных группах и для полноструктурных DP в позиции прямого дополнения и посессора. Он также не может всегда приписываться согласующейся функциональной вершиной, поскольку иногда приписывание номинатива требует согласования (как в случае финитного подлежащего), иногда допускает согласование (как в случае подлежащего в номинализации), а иногда запрещает его (как в случае подлежащего относительной клаузы).

Учитывая вышесказанное, можно утверждать, что татарский материал действительно требует смешанной падежной теории, однако не в смысле смешения в одной модели хомскианского и марантцева подходов к приписыванию падежа. Вместо этого мы предлагаем чисто синтаксический подход в хомскианском стиле, который различает несколько «номинативов» и допускает неоднозначное соотношение между синтаксическим и морфологическим падежом.

Следуя анализу, предложенному в работах (Лютикова 2014б; Pereltsvaig, Lyutikova 2014; Lyutikova, Pereltsvaig 2015a,b; Лютикова, Перельцвайг 2015) и обоснованому в 4.2 для мишарского диалекта татарского языка, мы считаем, что в татарском языке именные группы отличаются по своему структурному статусу и могут представлять собой как именную группу полной структуры (DP), так и именную группу неполной структуры (SN). Только DP подчиняются требованиям падежного фильтра и должны получать падеж, в то время как SN остаются беспадёжными. Мы предполагаем, что не только номинативное прямое дополнение, но и номинативный посессор являются беспадёжными именными группами малой структуры. Их интерпретационные особенности и позиционные ограничения следуют из их структурного статуса.

От таких беспадёжных именных групп следует отличать номинативные подлежащие. Номинативные подлежащие — это именные группы, которым приписан абстрактный номинатив. Они с необходимостью контролируют предикативное согласование в финитных клаузах. Мы полагаем, что в нефинитных клаузах (по крайней мере в относительных клаузах и номинализациях на *-ган*) предикативное согласование с номинативным подлежащим также имеет место, но морфологически невидимо.

Номинатив комплемента послелогов не является ни беспадёжной формой, поскольку возможен у DP (например, в изафетной конструкции 3), ни абстрактным номинативом, приписываемым предикативной вершиной. Учитывая, что распределение между генитивом и номинативом в этом контексте чисто морфологическое, мы предлагаем считать припослеложные генитив и номинатив экспонентами морфологически несамостоятельного абстрактного «послеложного падежа».

Прочие структурные падежи однозначно соотносятся с функциональными вершинами: аккузатив приписывается переходным легким глаголом, а приименной генитив — функциональной вершиной D.

Уточненная спецификация морфологических падежей в татарском языке приведена в таблице 4.7 (см. с. 334).

Предлагаемый нами гибридный подход совмещает хомскианскую модель приписывания падежа и две гипотезы, независимо высказываемые

Таблица 4.7
Татарские структурные падежи в хомскианской падежной модели

Падеж / Контекст	Абстрактный падеж	Функциональная вершина, приписывающая падеж	Согласование
NOM / подлежащее финитной клаузы	NOM	финитное T	+ (предика- тивное)
NOM / подлежащее нефинитной клаузы	NOM	нефинитное T	– (морфо- логически невидимое)
NOM / посессор ИГ	–	–	– (маркер посессива в ИК2)
NOM / прямое дополнение	–	–	–
NOM / комплемент PP	POSTP	P	+ (посессив)
GEN / комплемент PP	POSTP	P	+ (посессив)
GEN / в прочих позициях	GEN	D	+ (посессив)
ACC	ACC	v_{tr}	– (морфо- логически невидимое)

в литературе: что некоторые структурные типы именных составляющих могут оставаться беспадёжными и что выбор экспонента абстрактного падежа может быть морфологически обусловлен. Данный подход, на наш взгляд, предпочтительнее как чисто конфигурационной модели, так и гибридной модели Бейкера и Винокуровой, поскольку он позволяет проанализировать падежное варьирование в татарском языке единым и непротиворечивым образом.

В заключительном разделе мы обобщим объяснительные возможности формальных теорий падежа в отношении падежного варьирования и выявим типы падежного варьирования, для которых та или иная модель оказывается предпочтительной.

4.4.3. Падежное варьирование и модели падежа

В работах А. Мальчукова и Х. де Хуп (de Hoop, Malchukov 2007, 2008; Malchukov 2008) проводится важное различие между двумя стратегиями дифференцированного падежного маркирования, которые прослеживаются в основном на материале DSM, но могут быть обнаружены и при DOM. С одной стороны, имеется тенденция маркировать специальным языковым средством (падежным показателем, служебным словом) «маркированную» ситуацию и, соответственно, участника, свойства которого отклоняются от «переходного прототипа», сформулированного Б. Комри (Comrie 1975; 1981/1989). Поскольку прототипическая переходная конструкция представляет собой такую конфигурацию, в которой А-аргумент имеет высокую одушевленность и определенность, а Р-аргумент — низкую одушевленность и определенность, ожидается маркирование одушевленного, определенного и т. п. дополнения и неодушевленного, нереперентного и т. п. подлежащего. Хотя падежное маркирование отклоняющегося от прототипа А-аргумента встречается в языках мира (см. (4.158) из мангарайи), обычно специальное маркирование получает непрототипический Р-аргумент.

- (4.158) a. Buuʔ ñan-wu-na ŋaʔa-bugbugʔʔ?
показывать 3SG→2SG-AUX-PP F.NOM-старуха

‘Старуха тебя показала?’

- b. Na-ŋugu ñim ŋan-ga-ŋiñ
N.ERG-вода погружать 3SG→2SG-AUX-PP

‘Вода покрыла меня.’

С другой стороны, имеется тенденция маркировать приоритетные аргументы (одушевленные, определенные, локуторы) независимо от позиции, в которой они находятся. Эта тенденция также благоприятствует маркированию «непрототипического» одушевленного и определенного дополнения, но при этом способствует маркированию «прототипического» подлежащего¹³⁴.

Мальчуков и де Хуп показывают, что за этими тенденциями стоят различные принципы. Тенденция маркировать приоритетный аргумент

¹³⁴ Следует отметить, однако, что принцип различительности как возможная мотивация дифференцированного маркирования аргументов подвергается критике во многих работах; см., например, (Arkadiev 2009).

независимо от его синтаксической позиции основывается на принципе индексирования важных участников. В таком случае выбор кодирующего средства для одного аргумента независим от характеристик и выбора кодирующего средства для другого аргумента.

Тенденция маркировать отклонение от прототипа основывается на принципе различения аргументов. В ситуации, соответствующей прототипической переходности, грамматический статус именных групп выводим из семантики предиката и одушевленности аргументов. Если же А-аргумент и Р-аргумент семантически близки (например, оба одушевленные или оба неодушевленные) или А-аргумент неодушевленный, а Р-аргумент одушевленный, используются специальные языковые техники, которые в принципе могут затрагивать все компоненты клаузы — предикат (ср. показатель инверсива в навахо), А-аргумент и Р-аргумент. Так, в языке автув (сепик-раму, Папуа — Новая Гвинея) прямое дополнение маркируется аккумулятивом только в том случае, когда оно выше подлежащего или равно ему по уровню одушевленности (4.159a–b).

- (4.159) a. Tey tale-re yaw d-æɫ-i.
 3F.SG женщина-ACC свинья F.AGT-кусать-PAT
 ‘Свинья укусила женщину.’
- b. Tey tale yaw d-æɫ-i.
 3F.SG женщина свинья F.AGT-кусать-PAT
 ‘Женщина укусила свинью.’

(4.159a) выглядит как обязательное маркирование аккумулятивом одушевленного дополнения, но в действительности это не так: падежный показатель на прямом дополнении сигнализирует не об абсолютном уровне приоритетности аргумента, а о приоритетности Р-аргумента относительно А-аргумента.

Возвращаясь к типам падежного варьирования, можно сопоставить принципу индексирования приоритетного аргумента *локальное* падежное варьирование, когда выбор между двумя падежными формами или между наличием и отсутствием падежа регулируется собственными характеристиками аргумента и именной группы. Принципу различения аргументов соответствует *нелокальное* падежное варьирование, когда для выбора падежного оформления аргумента следует учитывать характеристики другого аргумента (или других аргументов).

Легко видеть, что для моделирования нелокального падежного варьирования больше приспособлена конфигурационная теория падежа, а для моделирования локального падежного варьирования — теория

приписывания структурного падежа функциональными вершинами. Безусловно, речь не идет о принципиальной несовместимости различных моделей падежа с различными типами падежного варьирования. Учет влияния характеристик одного аргумента на падежное маркирование другого аргумента при нелокальном падежном варьировании возможен и в рамках хомскианской модели (ср. с анализом дифференцированного оформления каузируемого в зависимости от DOM в идиоме с. Рыбушкино, раздел 4.2.5). Локальное падежное варьирование в конфигурационной модели может интерпретироваться как позиционное; если позиционных различий не обнаруживается, может быть использован механизм (псевдо)-инкорпорации, делающий именную группу невидимой для приписывания падежа.

Какие еще параметры, кроме локальности *vs.* нелокальности падежного варьирования, противопоставляют две падежные модели? Очевидный параметр, о котором мы уже много говорили, — это связь падежного маркирования с согласованием. Если для современной теории приписывания падежа функциональными вершинами согласование — это необходимое условие падежного взаимодействия, конфигурационная теория допускает более изысканные взаимодействия между падежом и согласованием, учитывающие падежную дискриминацию, эффекты превосходства и возможность приоритета одних признаков над другими (см. (Preminger 2011, 2014)). Слабость конфигурационной модели в ее неспособности ограничить количество актов согласования различных функциональных вершин с одной и той же именной группой внутри некоторой фазы.

Еще один параметр, о котором стоит упомянуть в связи с двумя падежными моделями, — это способность выражать падежное варьирование, связанное с семантической ролью аргумента. Обе модели способны имплементировать лексическое управление, коррелирующее с семантической ролью. Однако если аргумент не получает лексического падежа, объяснительный потенциал хомскианской и марантцевой модели расходятся. Продемонстрируем это на материале каузативной конструкции. В (4.160) показаны каузативные структуры на базе неаккузативного, неэргативного и переходного глаголов в карачаево-балкарском языке (Лютикова и др. 2006). Мы видим, что падежное оформление каузируемого следует правилу Комри и определяется исключительно переходностью исходной конструкции. Независимо от семантической роли аргумента, его способности контролировать ситуацию, коррелирующих с семантическим параметром контактности/дистантности каузативной конструкции, каузируемый оформляется аккузативом при каузативизации одноместных глаголов и дативом при каузативизации переходных глаголов.

- (4.160) a. Alim cojun-nu tol-dur-du.
Алим ведро-ACC наполняться-CAUS-PST.3SG
'Алим наполнил ведро.'
- b. Lejla Kerim-ni /*-ge sekir-t-ti.
Лейла Керим-ACC/*-ДАТ прыгать-CAUS-PST.3SG
'Лейла заставила Керима прыгнуть.' / 'Лейла понянчила Керима (подбрасывая его).'
- c. Ana-sı fatima-ka /*-nı şorpa (-nı) aşı-t-tı.
мать-3 Фатима-ДАТ/*-ACC суп (-ACC) есть-CAUS-PST.3SG
'Мать заставила Фатиму есть суп.' / 'Мать накормила Фатиму супом.'

Такая система хорошо описывается в конфигурационной модели падежа. Действительно, вне зависимости от того, какая вершина проецирует аргумент и какую семантическую роль ему приписывает, каузируемый вступает в падежную конкуренцию либо с нижестоящим дополнением (и получает аккузатив), либо с вышестоящим подлежащим (и получает датив).

Однако падежное маркирование каузируемого в каузативной конструкции может быть чувствительно к его семантической роли. Например, в венгерском языке оформление каузируемого различается в зависимости от его агентивных свойств: если каузируемое событие контролируется каузатором, используется аккузатив (4.161a), а если оно контролируется каузируемым — то инструменталис (4.161b).

- (4.161) a. Az orvos pisiltette a gyereket.
DET врач.NOM мочиться.CAUS.3SG DET ребенок.ACC
'Врач вызвал у ребенка мочеиспускание.'
- b. Az orvos pisiltetett a gyerekket.
DET врач.NOM мочиться.CAUS.3SG DET ребенок.INSTR
'Врач сделал так, чтобы ребенок помочился.' (Ackerman 1994: 537)

В теории приписывания падежа функциональными вершинами регулярный семантически мотивированный падеж, такой как инструменталис в (4.161b), может быть проинтерпретирован в духе теории Э. Вулфорд (Woolford 2006), противопоставляющей лексические падежи не только регулярным структурным падежам, но и ингерентным эргативу и дативу, связанным с определенной функциональной вершиной и определенной

семантической ролью. Для конфигурационной же теории эргатив (и датив) неизбежно оказывается таким же семантически пустым, как аккумулятив.

Как мы уже неоднократно видели, падежные модели различаются тем, насколько критичны для них позиционные различия. Если хомскианская модель может работать как с позиционно распределенным, так и с позиционно нераспределенным падежным варьированием, в модели Марантца падежное варьирование сопряжено либо с позиционным варьированием самого аргумента, получающего разные падежи, либо с позиционным варьированием его падежного конкурента. Последняя опция является яркой особенностью конфигурационной модели, однако реальная потребность в ней возникает достаточно редко.

Еще один важный параметр связан с возможностью различения в рамках теории морфологического падежа как формы именной группы и синтаксического падежа как лицензора именной группы. В разделах 3.1–3.2 мы видели, что лексически управляемый падеж может как выступать в качестве единственного лицензора аргумента (русский язык), так и требовать одновременного получения именной группой синтаксического падежа (исландский язык). Поскольку конфигурационная теория отказывается от представления о падеже как о лицензоре именной группы, в ее рамках невозможно моделировать контраст между «лицензирующими» и «нелицензирующими» лексическими падежами.

Наконец, принципиально не может быть выражено в рамках конфигурационной модели отличие между отсутствием падежа и морфологически немаркированным падежом (например, номинативом подлежащего). Не важно, совпадают ли эти случаи под ярлыком «дефолтного падежа», как у Марантца (Marantz 1991), или под ярлыком «беспадежной именной группы», как у Корнфилт и Премингера (Kornfilt, Preminger 2015), — содержательно различить их не удастся, если не прибегать к (псевдо)инкорпорации беспадежной именной группы. Однако именно эта оппозиция оказывается релевантной для объяснения таких феноменов русского синтаксиса, как вариативное предикативное согласование с группой числительного и «исчезающая одушевленность» в количественных конструкциях.

Основные параметры, различающие модели приписывания падежа применительно к падежному варьированию, представлены в таблице 4.8 (см. с. 340).

Мы видим, что обе падежные теории имеют свои сильные и слабые стороны в моделировании дифференцированного падежного маркирования. Тем не менее само наличие различных моделей падежного варьирования в языках мира свидетельствует в пользу разработки различных моделей приписывания падежа — по крайней мере до тех пор, пока не будет

Таблица 4.8
Параметры падежного варьирования и теории падежа

Параметр	Теория приписывания падежа при согласовании	Конфигурационная теория падежа
Локальность падежного варьирования	локальное (независимое) варьирование	нелокальное (зависимое) варьирование
Связь с согласованием	жесткая корреляция с согласованием	возможность сплитов между падежом и согласованием
Семантическая мотивация	легко реализуема	не реализуема
Позиционные отличия	не важны	обязательны
Лицензирующая функция падежа	есть	нет
Инкорпорация аргумента	возможна	возможна
Различный падежный статус немаркированных форм	возможен	невозможен

предложена единая модель, достаточно гибкая для того, чтобы одинаково хорошо анализировать все засвидетельствованные типы падежного варьирования, и при этом достаточно ограничительная для того, чтобы не предсказывать незасвидетельствованных типов.

Заключение

Эта книга посвящена категории падежа — одной из самых загадочных грамматических категорий, демонстрирующей широкое разнообразие как в междязыковом, так и во внутриязыковом аспекте. Падежные системы языков сильно варьируют: наряду с языками, демонстрирующими бедные (в крайнем варианте — двухпадежные) системы, имеются языки с детально «проработанной» падежной областью, насчитывающие (при учете системы локативных падежей) десятки падежных граммем; эти крайние точки задают диапазон возможностей, внутри которого доступны разнообразные опции. Имеются и языки без морфологической категории падежа.

Внутриязыковое варьирование в пределах категории падежа также существенно. Кажется, что при достаточном инвентаре падежных граммем значения, выражаемые конкретными падежами, чрезвычайно разнообразны: от конкретных ролевых значений (инструмент или средство у инструменталиса, место у локатива) до абстрактных конфигурационных значений, то есть таких, функция которых состоит в указании на место именной группы в синтаксической конфигурации.

В книге мы сосредоточились на синтаксическом аспекте падежа. Во-первых, именная падежная морфология рассматривалась как отражение синтаксической категории падежа, то есть такой категории, которая характеризует синтаксические объекты — именные группы. Во-вторых, нас интересовали в первую очередь конфигурационные падежные значения, отражающие синтаксический статус именной группы; такие значения выражаются обычно падежами, которые называют грамматическими, конфигурационными, структурными. Наконец, в-третьих, речь шла о синтаксических теориях падежа, то есть о том, каким образом падежный признак именной группы вырабатывается и используется при синтаксической деривации.

Мы рассмотрели несколько формальных моделей приписывания падежа в синтаксисе: приписывание падежа при управлении, приписывание падежа в рамках операции согласования, копирование связанного с падежом признака в модели накладывающихся падежей. Эти модели не только

исторически соответствуют этапам развития генеративной грамматики, но и отражают последовательное решение общих архитектурных задач теории в области синтаксиса падежа. Использование управления как единой конфигурации, в которой происходит приписывание падежа, знаменует переход от идеологии частных конкретно-языковых фильтров к более общим принципам, регулирующим структуру грамматичных языковых выражений. Переход к модели приписывания падежа при согласовании ставит падежное взаимодействие в один ряд с другими типами взаимодействия зонда и цели, запускаемого механизмом неозначенных признаков. Наконец, последние модели, связанные с переосмыслением падежа как неинтерпретируемого варианта некоторого другого признака, мотивированы потребностью в унификации самой признаковой базы синтаксиса, попыткой последовательно провести в жизнь так называемый сильный минималистский тезис (*strongest minimalist thesis*, SMT) и избавиться от технических признаков, регулирующих функционирование вычислительного компонента, но не интерпретируемых на уровне интерфейсов (Chomsky 2000).

Отдельное направление исследований связано с изучением вопроса о соотношении падежной морфологии и синтаксических механизмов лицензирования именных групп. Анализ *quirky*-подлежащих в исландском языке и различных типов языков с эргативной моделью предложения заставило многих исследователей усомниться в том, что падежная морфология отражает структурное лицензирование именной группы. Отказ от представления о падеже как лицензоре именной группы дает начало конфигурационной модели Марантца — теории морфологического падежа, вырабатываемого в постсинтаксическом компоненте и имеющего характеристики морфологической категории (правила выбора граммемы «от частных к общим», наличие «дефолтного» значения категории). Современные варианты конфигурационной модели падежа локализуют ее в синтаксисе, приписывая фазе деривации статус падежной области. Исследование конкретно-языковых падежных явлений в рамках альтернативных моделей выявляет сильные и слабые стороны соответствующих теорий, демонстрирует их принципиальные ограничения и возможные «точки роста».

Эмпирическая область, где тестирование различных формальных моделей падежа оказывается особенно продуктивным, — это дифференцированное маркирование аргументов. Рассмотрение дифференцированного падежного маркирования как единого феномена и параметризация этого явления позволяет нам оценить гибкость падежной теории, ее способность иметь дело с различными наборами значений параметров, коррелирующими с выбором падежной граммемы. Отдельная проблема, связанная с дифференцированным маркированием аргументов, состоит в возможном

теоретическом осмыслении асимметричного шаблона дифференцированного падежного маркирования, при котором варьируют падежная и беспадёжная форма имени. Мы приходим к выводу, что подобный шаблон отражает варьирование именных групп полной и неполной структуры, так что именные группы полной структуры — DP — получают падеж, а именные группы неполной структуры — Small Nominals — остаются беспадёжными. Этот вывод имеет существенные следствия для теории падежа. С одной стороны, именные группы различаются в отношении обязательности для них падежного фильтра, и это различие непосредственно коррелирует с их структурным статусом. В рамках признаковой синтаксической модели этот факт естественным образом представляется как связь признака падежа с функциональной вершиной D. С другой стороны, для имплементации этого вывода необходимо теоретическое разграничение беспадёжных именных групп и именных групп с «дефолтным» падежом, что в рамках конфигурационной модели, естественно, затруднительно.

Закончить книгу про формальные модели падежа мне хотелось бы словами А. Е. Кибрика, в справедливости которых я не раз имела возможность убедиться: «...хорошо понятно лишь то, что формализовано» (Кибрик 1992: 43). Наши представления о сущности падежа еще далеки от того, что можно назвать пониманием; однако несомненно, что приближение к истине возможно лишь путем последовательного развития, уточнения и модификации моделей изучаемого явления. Модель, выхватывая лишь часть сложного и многопланового явления и будучи тем самым принципиально ограниченной, вместе с тем позволяет нам сфокусировать внимание на определенных аспектах исследуемого феномена и увидеть их резче и четче.

Условные обозначения и сокращения

1	— 1-е лицо; 1-й класс	AUX	— вспомогательный глагол
2	— 2-е лицо; 2-й класс	C	— подчинительный союз, комплементаризер
3	— 3-е лицо; 3-й класс	CAUS	— каузатив
4	— 4-й класс	CL	— клитика
A	— атрибутив	CNT	— конверб одновременности
AA	— одушевленный атрибутив	COMIT	— комитатив
ABESS	— абэссив	COMP	— комплементаризер, подчинительный союз
ABL	— аблатив	COND	— условный конверб
ABS	— абсолютив	CONJ	— конъюнктив
ACC	— аккузатив	CONN	— коннегатив
ACT	— актив	CONV	— конверб
AD	— локализация ‘AD’	CP	— группа подчинительного союза
ADJ	— адъективизатор	D	— определитель
ADV	— адвербиализатор	DAT	— датив
AFF	— аффектив	DEC	— декларатив
AGR	— согласовательный показатель	DEF	— определенный артикль
AGT	— агентив	DET	— артикль
ALL	— аллатив	DFT	— дефолтное согласование
ANA	— анафор	DO	— прямое дополнение
AOBL	— косвенный атрибутив	DP	— группа определителя
AOR	— аорист		
APASS	— антипассив		
ATR	— атрибутивизатор		

DUAL	— двойственное число	N	— средний род / класс
EL	— элатив	NBR	— аналитическое число
EMPH	— эмфатическая частица	NEG	— отрицание
ERG	— эргатив	NF	— нефинитная форма
ESS	— эссив	NMN	— номинализация
EXPL	— эксплетивное местоимение	NOM	— номинатив
F	— женский род / класс	NONFIN	— нефинитная форма
FOC	— фокусный показатель	NONFUT	— небудущее время
FUT	— будущее время	NONPST	— непрошедшее время
GEN	— генитив	NP	— именная группа (группа лексического существительного)
I	— предикативная вершина	OBJ	— объектное спряжение
ILL	— иллатив	OBL	— косвенная основа; обликус
IMP	— императив	OBV	— обвиатив
IN	— локализация 'IN'	OM	— объектный показатель
IND	— индикатив	P	— предлог / послелог
INDEF	— неопределенное местоимение	PART	— причастие
INF	— инфинитив	PASS	— пассив
INSTR	— инструменталис	PAT	— пациенс; пациентив
INTR	— непереходный глагол	PAUC	— паукальное число
IO	— не прямое дополнение	PF	— перфект
IPF	— имперфект	PFV	— перфектив
IPFV	— имперфектив	PL	— множественное число
LK	— линкер	POSS	— посессив
LOC	— локатив	PP	— предложная / после- ложная группа; стра- дательное причастие
LOG	— логофор	PRED	— предикативная вершина
LV	— легкий глагол	PRO	— нулевое подлежащее инфинитивного оборота
MNOM	— маркированный номинатив		
MODAL	— модальное слово / частица		

PROG	— прогрессив	SU	— субъектное спряжение; субъект (подлежащее)
PRON	— прономинал; местоимение		
PROX	— проксиматив	SUP	— локализация 'SUPER'
PRS	— презенс	T	— вершина времени
PRT	— причастие	TEMP	— временной конверб
PRV	— преверб	TERMIN	— терминатив
PST	— прошедшее время	TP	— группа вершины времени, клауза
PTC	— частица	TR	— переходный глагол
PURP	— целевой конверб	V	— глагол
Q	— вопросительный показатель	v	— легкий глагол
REFL	— рефлексив	VP	— глагольная группа
REL	— релятивизатор	vP	— группа легкого глагола
SG	— единственное число	UNM	— немаркированная форма
		ИГ	— именная группа

Литература

- Апресян 1974 — *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.
- Аркадьев 2015 — *Аркадьев П. М.* Теория грамматики в свете фактов языка каядилт // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 106–137.
- Бонч-Осмоловская 2007 — *Бонч-Осмоловская А. А.* Семантика актантных дериваций // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007.
- Борик 1995 — *Борик О. А.* Синтаксический признак неаккузативности глагола (на материале русского языка). Дипломная работа. М.: МГУ, 1995.
- Борщев, Кнорина 1990 — *Борщев В. Б., Кнорина Л. В.* Типы реалий и их языковое восприятие // *Иванов Вяч. Вс.* (ред.). Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990. С. 106–134.
- Булыгина, Крылов 1990 — *Булыгина Т. В., Крылов С. А.* Падеж // *Ярцева В. Н.* (ред.). Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Бэбби 1994 — *Бэбби Л. Х.* Нестандартные стратегии выбора падежа, задаваемые синтаксическим контекстом // Вопросы языкознания. 1994. № 2. С. 43–74.
- Вильданова, Гарипов 1988 — *Вильданова Н. Г., Гарипов Т. М.* Один нулевой падеж или нулевые формы разных падежей? // Сов. тюркология. 1988. № 4. С. 36–41.
- Герасимова 2016 — *Герасимова А. А.* Стратегии кодирования аргументов событийных номинализаций в русском языке (экспериментальное исследование). Курсовая работа. М.: МГУ, 2016.
- Гловинская 1982 — *Гловинская М. Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Голуб 1997 — *Голуб И. Б.* Стилистика русского языка: Учеб. пос. М.: Айрис-пресс, 1997.

- Гращенко 2000 — *Гращенко П. В.* Именная группа в мишарском диалекте татарского языка. Рукопись. М.: МГУ, 2000.
- Гращенко 2004 — *Гращенко П. В.* Двойной генитив в русских именных группах // Материалы междунар. конф. по компьютерной лингвистике «Диалог-2004». Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2004/Graschenkov.htm>
- Гращенко 2007 — *Гращенко П. В.* Изафетная конструкция: многофакторный анализ // Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике. Казань: Магариф, 2007.
- Гращенко, Лютикова 2008 — *Гращенко П. В., Лютикова Е. А.* Номинализация и семантико-синтаксический интерфейс // *Плунгян В. А., Татевосов С. Г.* (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 171–230.
- Закиев, Курбатов 1971 — *Закиев М. З., Курбатов Х. Р.* Современный татарский литературный язык: Синтаксис. М.: Наука, 1971.
- Зализняк 1967 — *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.
- Зализняк, Падучева 1979 — *Зализняк А. А., Падучева Е. В.* Синтаксические свойства местоимения КОТОРЫЙ // Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1979. С. 289–329.
- Ицкович 1982 — *Ицкович В. А.* Очерки синтаксической нормы. М., 1982.
- Кибрик 1975 — *Кибрик А. Е.* Номинативная / эргативная конструкция и логическое ударение в арчинском языке // Исследования по структурной и прикладной лингвистике. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 54–62.
- Кибрик 1977 — *Кибрик А. Е.* О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания. Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
- Кибрик 1979 — *Кибрик А. Е.* Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1979. № 4.
- Кибрик 1992 — *Кибрик А. Е.* Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992.
- Кибрик 2000 — *Кибрик А. Е.* Внешний посессор как результат расщепления валентностей // Слово в тексте и словаре. К 70-летию Ю. Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 429–441.

- Ки́брик 2003 — *Ки́брик А. Е.* Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Ки́брик (ред.) 1999 — *Ки́брик А. Е.* (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: ИМЛИ РАН, 1999.
- Ки́брик (ред.) 2001 — *Ки́брик А. Е.* (ред.). Багвалинский язык: грамматика, тексты, словари. М.: ИМЛИ РАН, 2001.
- Ки́брик и др. 1977 — *Ки́брик А. Е. и др.* Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1–3. М.: Изд-во МГУ, 1977.
- Кононов 1956 — *Кононов А. Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. М.; Л., 1956.
- Курилович 1962 — *Курилович Е.* Проблема классификации падежей // *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Ландер 2011 — *Ландер Ю. А.* Приименные посессивные конструкции в тантынском даргинском // *Кавказоведческие разыскания.* 2011. № 3. С. 77–95.
- Ландер 2015 — *Ландер Ю. А.* Даргинский вклад в типологию согласования. Аргументная структура, падеж и согласование в дагестанских языках. Материалы к докладу. Институт языкознания РАН, 11.12.2015.
- Лютикова 2014а — *Лютикова Е. А.* Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы междунар. конф. «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1 / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. М.: МГТУ, 2014. С. 120–145.
- Лютикова 2014б — *Лютикова Е. А.* Падеж и структура именной группы: вариативное маркирование объекта в мишарском диалекте татарского языка // *Вестник Московского гос. гуманитарного ун-та им. М. А. Шолохова.* Сер. «Филологические науки». 2014. № 4. С. 50–70.
- Лютикова 2015 — *Лютикова Е. А.* Согласование, признаки и структура именной группы в русском языке // *Русский язык в научном освещении.* 2015. № 30. С. 44–74.
- Лютикова и др. 2006 — *Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю. и др.* Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Лютикова, Перельцвайг 2015 — *Лютикова Е. А., Перельцвайг А. М.* Структура именной группы в безартиклёвых языках: универсальность и вариативность // *Вопросы языкознания.* 2015. № 3. С. 52–69.

- Лютикова, Татевосов 2014 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. Постоянная Кибрика // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Под ред. М. А. Даниэля, Е. А. Лютиковой, В. А. Плунгяна и др. СПб.: Алетейя, 2014. С. 140–168.
- Лютикова, Тестелец 2013 — Лютикова Е. А., Тестелец Я. Г. Родительный падеж при отрицании и расщепленные конструкции со значением количества в русском языке // Арутюнова Н. Д., Бочавер С. Ю. (ред.). Логический анализ языка: числовой код. М.: URSS, 2013. С. 22–35.
- Мельчук 1980 — Мельчук И. А. О падеже числового выражения в русских словосочетаниях типа *(больше) на два мальчика или по трое больших* // Russian Linguistics. Vol. 5. 1980. No. 1 (Jun.) P. 55–74.
- Мельчук 1985 — Мельчук И. А. Поверхностный синтаксис русских числовых выражений // Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 16. Vienna: Institut für Slawistik der Universität Wien, 1985.
- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Ч. 2. Морфологические значения. Москва; Вена: Языки русской культуры; Wiener slavistischer Almanach, 1998.
- Микаэлян 2012 — Микаэлян И. Л. О категории одушевленности в конструкциях с числительными в русском языке // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 429–447.
- Падучева 1974 — Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: Наука, 1974.
- Падучева 1977 — Падучева Е. В. О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке. Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л.: Наука, 1977.
- Падучева 1984 — Падучева Е. В. Притяжательное местоимение и проблема залога отглагольного имени // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1984. С. 50–66.
- Падучева 1985/2002 — Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений.) М.: Наука, 1985: 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2002.
- Падучева 1997 — Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 101–116.
- Падучева 2004 — Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

- Падучева 2006 — *Падучева Е. В.* Генитив дополнения в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 21–43.
- Падучева 2009 — *Падучева Е. В.* Посессивы и имена способа действия // Материалы междунар. конф. по компьютерной лингвистике «Диалог-2009». Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2009/materials/html/56.htm>
- Пазельская 2003 — *Пазельская А. Г.* Аспектуальность и русские предикатные имена // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С. 72–90.
- Пазельская 2004 — *Пазельская А. Г.* Регулярная многозначность русских предикатных имен // *Studia Slavica IV*. Сб. научных работ молодых филологов. Таллин: Изд-во ТПГУ, 2004. С. 291–301.
- Пазельская 2005 — *Пазельская А. Г.* Валентные свойства русских отглагольных имен эмоций // *Кобозева И. М., Нариньяни А. С., Селегей В. П.* (ред.). Труды международного семинара «Диалог» по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М.: Наука, 2005. С. 401–406.
- Пазельская 2006 — *Пазельская А. Г.* Наследование глагольных категорий именами ситуаций: на материале русского языка. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2006.
- Пазельская, Татевосов 2008 — *Пазельская А. Г., Татевосов С. Г.* Отглагольное имя и структура русского глагола // *Плунгян В. А., Татевосов С. Г.* (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 348–380.
- Пешковский 1956 — *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1956.
- Плунгян 2011 — *Плунгян В. А.* Введение в грамматическую семантику. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Рахилина (ред.) 2008 — *Рахилина Е. В.* (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. М., 2008.
- РГ 1980 — Русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой. Т. 1, 2. М., 1980.
- Розенталь 1997 — *Розенталь Д. Э.* Справочник по правописанию и стилистике. М.: Комплект, 1997.
- Сердобольская, Толдова 2012 — *Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю.* Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // Финно-угорские языки: фрагменты грамматического

- описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012.
- Соловьев 2001 — *Соловьев В. Д.* Маркировка каузируемого и проблема идентификации синтаксических позиций // Обработка текста и когнитивные технологии. Вып. 6. Казань, 2001.
- Сулейманов 1996 — *Сулейманов Д. Ш.* К вопросу о числе падежей в татарском языке // Исследования в лингвистике. Казань: Фэн, 1996. С. 70–84.
- Сумбатова, Ландер 2014 — *Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А.* Даргинский говор селения Танта: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014.
- Татарская грамматика 1993–1995 — Татарская грамматика: В 3 т. / Под ред. М. Ф. Закиева. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1993–1995.
- Тестелец 2001 — *Тестелец Я. Г.* Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001.
- Тестелец 2014 — *Тестелец Я. Г.* Структура именных конструкций и проблема чередования падежей в адыгских языках // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Под ред. М. А. Даниэля, Е. А. Лютиковой, В. А. Плунгяна и др. СПб.: Алетейя, 2014. С. 536–551.
- Тумашева, Ирисов 1989 — *Тумашева Д. Г., Ирисов Н. И.* К вопросу о падежном характере аффиксов *-дагы* и *-ныкы* // Советская тюркология. 1989. № 6. С. 3–10.
- Уленбек 1950 — *Уленбек Кристиан К.* Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки. К учению о падежах. *Agens* и *Patiens* в падежной системе индоевропейских языков. Идентифицирующий характер посессивной флексии в языках Северной Америки // *Бокарев Е. А.* (ред.). Эргативная конструкция предложения. Сб. пер. ст. М., 1950.
- Феоктистов 1993 — *Феоктистов А. П.* Мокшанский язык // Языки мира: Уральские языки. М., 1993. С. 178–189.
- Ханина, Шлуинский 2015 — *Ханина О. В., Шлуинский А. Б.* Прямой объект в энецком языке: объектное согласование глагола // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы междунар. конф. «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2 / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. М.: МПГУ, 2015. С. 400–420.

- Шкапа 2011 — *Шкапа М. В.* Согласование определения с существительным при числительных *два, три, четыре* // Проблемы русской стилистики по данным НКРЯ. Режим доступа: <https://www.ruscorpora.ru/stylistics/numagr.html>
- Шмелев 2008 — *Шмелев А. Д.* Посессивы в современной русской грамматике // *Динамические модели. Слово, предложение, текст*. М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 927–942.
- Якобсон 1985 — *Якобсон Р. О.* К общему учению о падеже // *Якобсон Р. О. Избранные работы* / Пер. с англ., нем., франц. М., 1985.
- Abbott 2004 — *Abbott B.* Definiteness and indefiniteness // *Horn L., Ward G.* (eds). *Handbook of Pragmatics*. Oxford: Blackwell, 2004. P. 122–149.
- Abney 1987 — *Abney S.* The English noun phrase in its sentential aspect. Ph. D. thesis. Cambridge, MA: MIT, 1987.
- Ackerman 1994 — *Ackerman F.* Entailments of predicates and the encoding of causes // *Linguistic Inquiry*. 1994. 25 (3). P. 535–547.
- Adger, Svenonius 2009 — *Adger D., Svenonius P.* Features in minimalist syntax // *Boeckx C.* (ed.). *The Oxford Handbook of linguistic minimalism*. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 27–51.
- Aikhenvald 2010 — *Aikhenvald A.* Gender and noun class in Paumari in a typological perspective // *Carlin E. B., van de Kerke S.* (eds). *Linguistics and archeology in the Americas*. Leiden: Brill, 2010. P. 236–252.
- Aikhenvald 2015 — *Aikhenvald A.* Differential case in Yalaku // *Oceanic Linguistics*. 2015. 54 (1). P. 240–269.
- Aissen 2003 — *Aissen J.* Differential object marking: Iconicity vs. Economy // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2003. 21. P. 435–483.
- Aldridge 2004 — *Aldridge E.* Ergativity and word order in Austronesian languages. Ph. D. Dissertation. Cornell University, 2004.
- Aldridge 2008 — *Aldridge E.* Generative approaches to ergativity // *Language and Linguistics Compass*. 2008. 5. P. 966–995.
- Alexiadou 2001 — *Alexiadou A.* Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001.
- Anagnostopoulou, Fox 2007 — *Anagnostopoulou E., Fox D.* Course materials for 24.952 Advanced Syntax, Spring 2007. MIT OpenCourseWare (<http://ocw.mit.edu/>). Massachusetts Institute of Technology. Accessed July 07, 2015.

- Anderson 1976 — *Anderson S.* On the notion of subject in ergative languages // *Li C.* (ed.). *Subject and topic*. New York: Academic Press, 1976. P. 1–24.
- Aoun, Sportiche 1983 — *Aoun J., Sportiche D.* On the formal theory of government // *Linguistic Review*. 1983. 2. P. 211–236.
- Arkadiev 2009 — *Arkadiev P.* Differential Argument Marking in Two-term Case Systems and its Implications for the General Theory of Case Marking // *de Hoop H., de Swart P.* (eds). *Differential Subject Marking*. Dordrecht: Springer, 2009. P. 151–172.
- Arkadiev 2015 — *Arkadiev P.* Typology of alignment. Ms. RGGU, 2015.
- Arkadiev 2016 — *Arkadiev P.* Long-distance genitive of negation in Lithuanian // *Holvoet A., Nau N.* (eds). *Argument realization in Baltic*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2016. P. 37–81.
- Asbury 2008 — *Asbury A.* The morphosyntax of case and adpositions (LOT Dissertation Series 180). Utrecht: LOT, 2008. (URL: http://www.lotpublications.nl/Documents/180_fulltext.pdf)
- Aydemir 2004 — *Aydemir Y.* Are Turkish preverbal bare nouns syntactic arguments? // *Linguistic Inquiry*. 2004. 35 (3). P. 465–474.
- Babby 1980 — *Babby L. H.* Existential sentences and negation in Russian. Ann Arbor, Michigan, 1980.
- Babby 1985 — *Babby L. H.* Prepositional quantifiers and the direct case condition in Russian // *Flier M. S., Brecht R. D.* (eds). *Issues in Russian morphosyntax*. Columbus: Slavica Publishers, 1985. P. 91–117.
- Babby 1987 — *Babby L.* Case, prequantifiers, and discontinuous agreement in Russian // *Natural language and linguistic theory*. 1987. 5. P. 91–138.
- Babby 1997 — *Babby L. H.* Nominalization in Russian // *Browne W., Dornisch E., Kondrashova N., Zec D.* (eds). *Formal approaches to Slavic linguistics: The Cornell Meeting*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 1997. P. 54–83.
- Babby 1998 — *Babby L.* Subject control as direct predication: Evidence from Russian // *Bošković Ž., Franks S., Snyder W.* (eds). *Formal approaches to Slavic linguistics: the Connecticut Meeting*. Michigan Slavic Publications: Ann Arbor, 1998. P. 17–37.
- Babby 2009 — *Babby L.* The syntax of argument structure. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Babyonyshev 1996 — *Babyonyshev M.* Structural Connections in syntax and processing: Studies in Russian and Japanese. D. Dissertation. MIT, 1996.

- Bailyn 2001 — *Bailyn J.* The syntax of Slavic predicate case // *ZAS Papers in Linguistics*. 2001. Vol. 22. P. 1–26.
- Bailyn 2002 — *Bailyn J.* Overt predicators // *Journal of Slavic Linguistics*. 2002. 10 (1–2). P. 23–52.
- Bailyn 2004 — *Bailyn J. F.* The case of Q // *Arnaudova O. et al.* (eds). Annual Workshop on formal approaches to Slavic linguistics: The Ottawa meeting 2003. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2004. P. 1–35.
- Bailyn 2012 — *Bailyn J.* The syntax of Russian. Cambridge: CUP, 2012.
- Bailyn, Citko 1999 — *Bailyn J., Citko B.* Case and agreement in Slavic predicates // *Dziwirek K., Coats H. S., Vakareliyska C.* (eds). Formal approaches to Slavic linguistics. 7: The Seattle Meeting. Ann Arbor, Michigan: Michigan Slavic Publications, 1999. P. 17–37.
- Bailyn, Rubin 1991 — *Bailyn J., Rubin E. J.* The Unification of Instrumental Case Assignment in Russian // *Toribio A., Harbert W.* (eds). Cornell Working Papers in Linguistics. 9. Ithaca, New York: Department of Modern Languages and Linguistics, Cornell University, 1991. P. 99–126.
- Baker 1985 — *Baker M.* The mirror principle and morphosyntactic explanation // *Linguistic Inquiry*. 1985. 16 (3). P. 373–415.
- Baker 1988 — *Baker M. C.* Incorporation: A theory of grammatical function changing. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1988.
- Baker 2008 — *Baker M. C.* The syntax of agreement and concord. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Baker 2009 — *Baker M. C.* Is head movement still needed for noun incorporation? The case of Mapudungun // *Lingua*. 2009. 119 (2). P. 148–165.
- Baker 2011 — *Baker M. C.* On the syntax of surface-adjacency: The case of pseudo noun incorporation. Manuscript, Rutgers University, 2011.
- Baker 2012 — *Baker M. C.* On the relationship of object agreement and accusative case: Evidence from Amharic // *Linguistic Inquiry*. 2012. 43. P. 255–274.
- Baker 2014a — *Baker M. C.* On dependent ergative case (in Shipibo) and its derivation by phase // *Linguistic Inquiry*. 2014. 45 (3). P. 341–379.
- Baker 2014b — *Baker M. C.* Types of cross linguistic variation in case assignment // *Carme Picallo M.* (ed.). Linguistic variation in the minimalist framework. Oxford: OUP, 2014.
- Baker 2015 — *Baker M. C.* Case. Its principles and its parameters. (Cambridge studies in linguistics. 146.) Cambridge: CUP, 2015.

- Baker, Vinokurova 2010 — *Baker M. C., Vinokurova N.* Two modalities of case assignment: Case in Sakha // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010. 28. P. 593–642.
- Barðdal, Chelliah (eds) 2009 — *Barðdal J., Chelliah S.* (eds). The role of semantic, pragmatic, and discourse factors in the development of case. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 2009.
- Bartos 2001 — *Bartos H.* Object agreement in Hungarian — a case for minimalism // *Alexandrova G. M., Arnaudova O.* (eds). The minimalist parameter. Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 311–324.
- Beghelli, Stowell 1997 — *Beghelli F., Stowell T.* Distributivity and negation: the syntax of *each* and *every* // *Szabolcsi A.* (ed.). *Ways of scope taking*. London: Kluwer, 1997. P. 71–107.
- Belletti 1988 — *Belletti A.* The case of unaccusatives // *Linguistic Inquiry*. 1988. 19 (1). P. 1–34.
- Belletti 1990 — *Belletti A.* Generalized verb movement. Torino: Rosenberg & Sellier, 1990.
- Bittner, Hale 1993 — *Bittner M., Hale K.* Ergativity: Towards a theory of a heterogeneous class. Ms. Rutgers and MIT, 1993.
- Bittner, Hale 1996 — *Bittner M., Hale K.* The structural determination of case and agreement // *Linguistic Inquiry*. 1996. 27. P. 1–68.
- Blake 2008 — *Blake B.* History of the research on case // *Malchukov A., Spencer A.* (eds). *The handbook of case*. Oxford: OUP, 2008. P. 13–26.
- Bobaljik 1993 — *Bobaljik J.* Ergativity and ergative unergatives // *Phillips C.* (ed.). *MIT Working Papers in Linguistics*. 1993. Vol. 19: Papers on Case and Agreement II. P. 45–88.
- Bobaljik 2008 — *Bobaljik J.* Where's phi? Agreement as a post-syntactic operation // *Harbour D. et al.* (eds). *Phi theory*. Oxford: OUP, 2008. P. 295–328.
- Bobaljik, Wurmbrand 2008 — *Bobaljik J., Wurmbrand S.* Case in GB/Minimalism // *Malchukov A., Spencer A.* (eds). *The Oxford handbook of case*. Oxford: OUP, 2008. P. 4–58.
- Borschev et al. 2008 — *Borschev V. B., Paducheva E. V., Partee B. H., Testelefs Y. G., Yanovich I.* Russian genitives, non-referentiality, and the property-type hypothesis // *Antonenko A. et al.* (eds). *Formal approaches to Slavic linguistics. Proceedings 16*. Ann Arbor. 2008. P. 48–67.
- Borschev, Partee 2002 — *Borschev V., Partee B. H.* The Russian genitive of negation in existential sentences: the role of theme-rheme structure

- reconsidered // *Hajičová E. et al.* (eds). *Travaux de Cercle Linguistique de Prague 4*. Amsterdam: Benjamins, 2002. P. 185–250.
- Bošković 1997 — *Bošković Ž.* The syntax of nonfinite complementation: An economy approach. Cambridge, MA: MIT Press, 1997.
- Bošković 2002 — *Bošković Ž.* A-movement and the EPP // *Syntax*. 2002. 5. P. 167–218.
- Bošković 2006 — *Bošković Ž.* Case and agreement with genitive of quantification in Russian // *Boeckx C.* (ed.). *Agreement systems*. Amsterdam: John Benjamins, 2006.
- Bošković 2008 — *Bošković Ž.* What will you have, DP or NP? // *Elfner E., Walkow M.* (eds). *Proceedings of the 37th Annual meeting of the North East linguistic society*. Amherst, MA: GLSA, 2008. P. 101–114.
- Bošković 2011 — *Bošković Ž.* On unvalued uninterpretable features // *Proceedings of the North Eastern Linguistics Society Annual Meeting 39*. Amherst: University of Massachusetts, GLSA, 2011. P. 109–120.
- Bossong 1985 — *Bossong G.* *Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in der neuiranischen Sprachen*. Tübingen: Narr, 1985.
- Bowers 1993 — *Bowers J.* The syntax of predication // *Linguistic Inquiry*. 1993. 24. P. 591–656.
- Brody 1997 — *Brody M.* Perfect chains // *Haegeman L.* (ed.). *Elements of grammar*. Dordrecht: Kluwer, 1997. P. 139–167.
- Brown 1999 — *Brown S.* The syntax of negation in Russian: A minimalist approach. Stanford, CA: CSLI. Publications, 1999.
- Burzio 1986 — *Burzio L.* *Italian syntax: A government-binding Approach*. Dordrecht: Reidel, 1986.
- Butt 2006 — *Butt M.* *Theories of case*. (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge: CUP, 2006.
- Bybee 1985 — *Bybee J.* *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. John Benjamins, 1985.
- Carlson 1977 — *Carlson G. N.* *Reference to Kinds in English*. University of Massachusetts. Ph. D. dissertation. Distributed by GLSA, Umass, 1977.
- Carstens 2000 — *Carstens V.* Concord in Minimalist Theory // *Linguistic Inquiry*. 2000. 31 (2). P. 319–355. (URL: <http://dx.doi.org/10.1162/002438900554370>)
- Çetinoğlu, Butt 2008 — *Çetinoğlu O., Butt M.* Turkish non-canonical objects // *Butt M., King T. H.* (eds). *Proceedings of the LFG08 Conference*. CSLI Publications, 2008. (URL: <http://csli-publications.stanford.edu/>)

- Chomsky 1965 — *Chomsky N.* Aspects of the theory of syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1965.
- Chomsky 1970 — *Chomsky N.* Remarks on Nominalization // *Jacobs R., Rosenbaum P.* (eds). Readings in English Transformational Grammar. Boston: Ginn. P. 184–221.
- Chomsky 1980 — *Chomsky N.* Rules and representations. Oxford: Blackwell, 1980.
- Chomsky 1981 — *Chomsky N.* Lectures on government and binding: The Pisa lectures. Dordrecht: Foris, 1981.
- Chomsky 1982 — *Chomsky N.* Some concepts and consequences of the theory of government and binding. Cambridge, MA: MIT Press, 1982.
- Chomsky 1986 — *Chomsky N.* Barriers. Cambridge, MA: MIT Press, 1986.
- Chomsky 1989 — *Chomsky N.* Some notes on economy of derivation and representation // *Laka I., Mahajan A.* (eds). MIT Working Papers in Linguistics. Vol. 10. 1989. P. 43–74.
- Chomsky 1991 — *Chomsky N.* Some notes on economy of derivation and representation // *Freidin R.* (ed.). Principles and parameters in comparative syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. P. 417–454.
- Chomsky 1992 — *Chomsky N.* A Minimalist Program for linguistic theory // MIT Occasional Papers in Linguistics. Vol. 1. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.
- Chomsky 1993 — *Chomsky N.* A minimalist program for linguistic theory // *Hale K. L., Keyser S. J.* (eds). The view from building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. P. 1–52.
- Chomsky 1995 — *Chomsky N.* The minimalist program. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- Chomsky 1998 — *Chomsky N.* Minimalist inquiries: the framework // MIT Occasional Papers in Linguistics. Vol. 15. Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
- Chomsky 1999 — *Chomsky N.* Derivation by Phase // MIT Occasional Papers in Linguistics. Vol. 18. Cambridge, MA: MIT Press, 1999.
- Chomsky 2000 — *Chomsky N.* Minimalist inquiries: The framework // *Martin R., Michaels D., Uriagereka J.* (eds). Step by step. Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. P. 89–155.
- Chomsky 2001 — *Chomsky N.* Derivation by phase // *Kenstowicz M.* (ed.). Ken Hale: A life in language. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. P. 1–52.

- Chomsky, Lasnik 1977 — *Chomsky N., Lasnik H.* Filters and control // *Linguistic Inquiry*. 1977. 8. P. 425–504.
- Chomsky, Lasnik 1995 — *Chomsky N., Lasnik H.* The theory of principles and parameters // *Chomsky N.* (ed.). *The minimalist program*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. P. 13–127
- Chung, Ladusaw 2004 — *Chung S., Ladusaw W. A.* *Restriction and Saturation*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2004.
- Chvany 1975 — *Chvany C. V.* On the syntax of BE-sentences in Russian. Cambridge, MA: Slavica, 1975.
- Comrie 1975 — *Comrie B.* Definite and animate direct objects: a natural class // *Linguistica Silesiana*. 1975. 3. P. 13–21.
- Comrie 1976 — *Comrie B.* The syntax of causative constructions: cross-language similarities and divergences // *Shibatani M.* (ed.). *The Grammar of Causative Constructions (Syntax and Semantics 6)*. New York: Academic Press, 1976. P. 261–312.
- Comrie 1978 — *Comrie B.* Ergativity // *Winfred P., Lehmann W. P.* (ed.). *Syntactic typology: Studies in the phenomenology of language*. Austin: Univ. of Texas Press, 1978. P. 329–394.
- Comrie 1980 — *Comrie B.* Nominalization in Russian: lexical noun phrases or transformed sentences? // *Chvany C. V., Brecht R. D.* (eds). *Morphosyntax in Slavic*. Columbus: Slavica Publishers, 1980. P. 212–220.
- Comrie 1981/1989 — *Comrie B.* *Language universals and linguistic typology*. 1st edition. Oxford: Blackwell, 1981. 2nd edition. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
- Comrie 2013 — *Comrie B.* Alignment of case marking of full noun phrases // *Dryer M. S., Haspelmath M.* (eds). *The world atlas of language structures online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. 2013. (URL: <http://wals.info/chapter/98>, accessed on 2016-01-06.)
- Coon 2013a — *Coon J.* *Aspects of split ergativity*. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Coon 2013b — *Coon J.* TAM split ergativity (parts 1–2) // *Language and Linguistics Compass*. 2013. 7. P. 171–200.
- Coon, Preminger (to appear) — *Coon J., Preminger O.* Split ergativity is not about ergativity // *Coon J., Massam D., Travis L.* (eds). *Oxford Handbook of Ergativity*. To appear.

- Corbett 2000 — *Corbett G. G.* Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Cowper 1988 — *Cowper E.* What is a subject? Non-nominative subjects in Icelandic // *Blevins J., Carter J.* (eds). Proceedings of NELS, GLSA. Amherst, 1988. P. 94–108.
- Croft 1990 — *Croft W.* Typology and universals. Cambridge: CUP, 1990.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — *Dalrymple M., Nikolaeva I.* Objects and information structure. Cambridge: CUP, 2011.
- Danon 2006 — *Danon G.* Caseless nominals and the projection of DP // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. 24. P. 977–1008.
- Dayal 2003 — *Dayal V.* A semantics for pseudo incorporation. Unpublished ms. Rutgers University, 2003. (URL: <http://semanticsarchive.net/Archive/WI2ZjZkM/pseudo-incorporation.pdf>)
- Dayal 2011 — *Dayal V.* Hindi pseudo-incorporation // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2011. 29 (1). P. 123–167.
- de Hoop 1996 — *de Hoop H.* Case configuration and noun phrase interpretation. Groningen: Grodil, 1996.
- de Hoop 2005 — *de Hoop H.* Case and strength // *Dekker P., Franke M.* (eds). Proceedings of the Fifteenth Amsterdam Colloquium. ILLC. Amsterdam, 2005. P. 33–38.
- de Hoop, de Swart 2009 — *de Hoop H., de Swart P.* Cross-linguistic Variation in Differential Subject Marking // *de Hoop H., de Swart P.* (eds). Differential Subject Marking. Dordrecht: Springer, 2009. P. 1–16.
- de Hoop, de Swart (eds) 2009 — *de Hoop H., de Swart P.* (eds). Differential subject marking. Dordrecht: Springer, 2009.
- de Hoop, Malchukov 2007 — *de Hoop H., Malchukov A. L.* On fluid differential case marking: A bidirectional OT approach // *Lingua*. 2007. 117. P. 1636–1656.
- de Hoop, Malchukov 2008 — *de Hoop H., Malchukov A. L.* Case-marking strategies // *LI*. 2008. 39 (4). P. 565–587
- de Swart 2007 — *de Swart P.* Cross-linguistic variation in object marking. Doctoral dissertation. University of Nijmegen, 2007.
- Deal 2013a — *Deal A. R.* External possession and possessor raising // *Everaert M., van Riemsdijk H.* (eds). The companion to syntax. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2013.

- Deal 2013b — *Deal A. R.* Possessor Raising // *Linguistic Inquiry*. 2013. 44 (3). P. 391–432.
- DeLancey 1981 — *DeLancey S.* An interpretation of split ergativity and related patterns // *Language*. 1981. 57 (3). P. 626–57.
- den Besten 1983 — *den Besten H.* On the interaction of root transformations and lexical deletive rules // *Abraham W.* (ed.). *On the formal syntax of Westgermania*. Amsterdam: Benjamins, 1983. P. 47–131.
- Dench 2008 — *Dench A.* Case in an Australian language: Distribution of case and multiple case marking in Nyamal // *Spencer A., Malchukov A.* (eds). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 756–769.
- Dench, Evans 1988 — *Dench A., Evans N.* Multiple case-marking in Australian languages // *Australian Journal of Linguistics*. 1988. 8 (1). P. 1–47.
- Diesing 1992 — *Diesing M.* Indefinites // *Linguistic Inquiry Monographs*, Vol. 20. Cambridge, MA: MIT Press, 1992.
- Dixon 1972 — *Dixon R. M. W.* *The Dyirbal language of North Queensland*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Dixon 1979 — *Dixon R. M. W.* Ergativity // *Language*. 1979. 55. P. 59–138.
- Dixon 1994 — *Dixon R. M. W.* *Ergativity*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Dixon 2000 — *Dixon R. M. W.* Categories of noun phrase in Jarawara // *Journal of Linguistics*. 2000. 36 (3). P. 487–510.
- Donohue 2008 — *Donohue M.* Semantic alignment systems: What's what and what's not // *Donohue M., Wichman S.* (eds). *The typology of semantic alignment*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 24–75.
- Donohue, Wichman (eds.) 2008 — *Donohue M., Wichman S.* (eds). *The typology of semantic alignment*. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Dowty 1991 — *Dowty D.* Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 1991. 67 (3). P. 547–619.
- EKG 1993 — *Erelt T., Viks Ü., Erelt M. et al.* (eds). *Eesti keele grammatika. 2. Süntaks*. Tallinn: Eesti TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1993.
- Enç 1991 — *Enç M.* The Semantics of Specificity // *Linguistic Inquiry*. 1991. Vol. 22. № 1. P. 1–25.
- Engelhardt, Trugman 1998 — *Engelhardt M., Trugman H.* D as a source of adnominal genitive in Russian // *Bošković Ž., Franks S., Synder W.* (eds).

- Formal approaches to Slavic linguistics. The Connecticut Meeting 1997. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 1998. P. 114–133.
- Epstein 1991 — *Epstein S.* Traces and their antecedents. Oxford: OUP, 1991.
- Escandell-Vidal 2009 — *Escandell-Vidal V.* Differential object marking and topicality: The case of Balearic Catalan // *Studies in language*. 2009. 33 (4). P. 832–885.
- Evans 1995 — *Evans N.* A grammar of Kayardild. With historical-comparative notes on Tangkic. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995.
- Farkas, de Swart 2003 — *Farkas D., de Swart H.* The semantics of incorporation: From argument structure to discourse transparency. Stanford, CA: CSLI Publications, 2003.
- Fauconnier 2011 — *Fauconnier S.* Differential agent marking and animacy // *Lingua*. 2011. 121 (3). P. 533–547.
- Fillmore 1968 — *Fillmore Ch.* The cse for case // *Bach E., Harms R. T.* (eds). Universals of linguistic theory. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968. P. 1–90.
- Foley, Van Valin 1984 — *Foley W., Van Valin R. D. Jr.* Functional syntax and universal grammar. Cambridge University Press, 1984.
- Folli et al. 2005 — *Folli R., Harley H., Karimi S.* Determinants of event structure in Persian complex predicates // *Lingua*. 2005. 115 (10). P. 1365–1401.
- Fowler 1996 — *Fowler G.* Oblique passivization in Russian // *The Slavic and East European Journal*. 1996. 40 (3, Autumn). P. 519–545.
- Franks 1994 — *Franks S.* Parametric properties of numeral phrases in Slavic // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1994. 12 (4). P. 570–649.
- Franks 1995 — *Franks S.* Parameters of Slavic morphosyntax. New York: Oxford University Press, 1995.
- Franks, Pereltsvaig 2004 — *Franks S., Pereltsvaig A.* Functional categories in the nominal domain // *Arnaudova O., Browne W., Rivero M.-L., Stojanovic D.* (eds). Formal approaches to Slavic linguistics 12: The Ottawa meeting. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2004. P. 109–128.
- Freidin, Sprouse 1991 — *Freidin R., Sprouse R. A.* Lexical case phenomena // *Freidin R.* (ed.). Principles and parameters in comparative grammar. Cambridge, MA: MIT Press, 1991. P. 392–416.
- Gagliardi et al. 2014 — *Gagliardi A., Goncalves M., Polinsky M., Radkevich N.* The biabsolutive construction in Lak and Tsez // *Lingua*. 2014. 150. P. 137–170.

- Ganenkov et al. 2009 — *Ganenkov D., Maisak T., Merdanova S.* Non-canonical agent marking in Agul // *de Hoop H., de Swart P.* (eds). Differential subject marking. Dordrecht: Springer, 2009. P. 173–198.
- Gerasimova et al. 2016 — *Gerasimova A., Lyutikova E., Pereltsvaig A.* Case marking in Russian eventive nominalizations: Inherent vs. dependent case theory. Ms. Moscow State University — Stanford University, 2016.
- Giusti 1995 — *Giusti G.* Heads and modifiers among determiners: Evidence from Rumanian // *Cinque G., Giusti G.* (eds). Advances in Roumanian linguistics. John Benjamins Publishing Company, 1995. P. 103–125.
- Giusti 1997 — *Giusti G.* The categorial status of determiners // *Haegeman L.* (ed.). The new comparative syntax. Longman, 1997. P. 95–123.
- Givón 1984 — *Givón T.* Syntax: A Functional-typological introduction. Vol. I. Philadelphia: John Benjamins, 1984.
- Grashchenkov 2007 — *Grashchenkov P.* Floating quantifiers in Tatar // Proceeding from WAFL 3, MIT Working Papers in Linguistics. Cambridge, MA: MIT Press, 2007. P. 193–205.
- Grashchenkov, Lyutikova 2008 — *Grashchenkov P., Lyutikova E.* Comparative and adjectival phrases: What is richer, heavier and more sound. Paper presented at the international conference Formal Description of Slavic Languages 7,5. Moscow, December 2008.
- Greenberg, Franks 1991 — *Greenberg G., Franks S.* A parametric approach to dative subjects and the second dative in Slavic // *The Slavic and East European Journal*. 1991. 35 (1). P. 71–97.
- Grimshaw 1990 — *Grimshaw J.* Argument structure. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Grosu 1994 — *Grosu A.* Three studies in locality and case. London: Routledge, 1994. P. 2–164.
- Gulya 1966 — *Gulya J.* Eastern Ostyak chrestomathy. Bloomington, IN: University of Indiana Press, 1966.
- Haiman 1983 — *Haiman J.* Iconic and economic motivation // *Language*. 1983. 59. P. 781–819.
- Halle, Marantz 1993 — *Halle M., Marantz A.* Distributed morphology and the pieces of Inflection // *Hale K., Keyser S. J.* (eds). The View from building 20. Cambridge: MIT Press, 1993. P. 111–176.
- Harves 2002 — *Harves S. A.* Unaccusative syntax in Russian, general and Slavic linguistics. Ph. D. dissertation. Princeton University, 2002.

- Harves 2003 — *Harves S.* Getting impersonal: Case, agreement, and distributive *po*-phrases in Russian // *Brown W., Kim Ji-Yung, Partee B., Rothstein R.* (eds). *Formal Approaches to Slavic Linguistics 11: The Amherst meeting*. Ann Arbor, MI: Slavica, 2003. P. 235–254.
- Heim 1982 — *Heim I.* The semantics of definite and indefinite noun phrases. Doctoral dissertation. University of Massachusetts. Amherst, 1982.
- Heim, Kratzer 1998 — *Heim I., Kratzer A.* *Semantics in Generative Grammar*. Oxford: Blackwell, 1988.
- Holmberg 1986 — *Holmberg A.* Word order and syntactic features. Doctoral dissertation. Stockholm, 1986.
- Holmberg 2013 — *Holmberg A.* Verb second // *Kiss T., Alexiadou A.* (eds). *Syntax — an International Handbook of contemporary syntactic research*. Berlin: Walter de Gruyter Verlag, 2013.
- Holmberg, Platzack 1995 — *Holmberg A., Platzack Ch.* The role of inflection in Scandinavian syntax. Oxford University Press, 1995.
- Hopper, Thompson 1980 — *Hopper P., Thompson S. A.* Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. 56. P. 251–299.
- Hornstein 1999 — *Hornstein N.* Movement and control // *Linguistic Inquiry*. 1999. 30. P. 69–96.
- Jäger 2007 — *Jäger G.* Evolutionary game theory and typology: A case study // *Language*. 2007. 83 (1). P. 74–109.
- Jespersen 1924 — *Jespersen O.* The philosophy of grammar. London: G. Allen & Unwin, Ltd. 1924. (Reprinted: Chicago: University of Chicago Press, 1992.)
- Kamali 2008 — *Kamali B.* Phases of incorporation and a three-way distinction for direct objects (in Turkish). Talk given at the 5th Workshop on Altaic Formal Linguistics, SOAS. London, May 2008.
- Karimi 1997 — *Karimi S.* Persian complex verbs: Idiomatic or compositional // *Lexicology*. 1997. Vol. 3. No. 2. P. 273–318.
- Kayne 1989 — *Kayne R.* Facets of romance past participle agreement // *Benincà P.* (ed.). *Dialect variation and the theory of grammar*. Dordrecht, Holland: Foris Publications, 1989. P. 85–104.
- Kayne 1994 — *Kayne R.* *The Antisymmetry of Syntax*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1994.
- Kibort 2008 — *Kibort A.* Case // *Grammatical Features*. 7 January 2008. (URL: <http://www.grammaticalfeatures.net/features/case.html>)

- Kibrik 1997 — *Kibrik A. E.* Beyond subject and object: toward a comprehensive relational typology // *Linguistic typology*. 1997. 1 (3). P. 1–68.
- Kim et al. (eds) 2004 — *Kim Ji-Yung, Lander Y. A., Partee B. H.* (eds). Possessives and beyond: Semantics and syntax // *University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics* 29. Amherst, MA: GLSA Publications, 2004.
- Kiparsky 1998 — *Kiparsky P.* Partitive case and aspect // *Butt M., Geuder W.* (eds). *The projection of arguments: Lexical and compositional factors*. Stanford, California: CSLI Publications, 1988. P. 265–307.
- Knecht 1986 — *Knecht L.* Subject and object in Turkish. Ph. D. Thesis. Massachusetts Institute of Technology. Cambridge, MA, 1986.
- Koopman 1983 — *Koopman H.* ECP effects in main clauses // *Linguistic Inquiry*. 1983. 14. P. 346–350.
- Koopman 1992 — *Koopman H.* On the absence of case chains in Bambara // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1992. 10. P. 555–594.
- Koopman, Sportiche 1991 — *Koopman H., Sportiche D.* The position of subjects // *Lingua*. 1991. 85. P. 211–258.
- Koptjevskaja-Tamm 1993 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Nominalizations. London: Routledge, 1993.
- Koptjevskaja-Tamm 2013 — *Koptjevskaja-Tamm M.* Action nominal constructions // *Dryer M. S., Haspelmath M.* (eds). *The world atlas of language structures online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (URL: <http://wals.info/chapter/62>, accessed on 2016-01-09.)
- Kornfilt 1990 — *Kornfilt J.* Remarks on headless partitives and case in Turkish // *Mascaró J., Nespor M.* (eds). *Grammar in progress — GLOW essays for Henk van Riemsdijk*. Dordrecht: Foris, 1990. P. 285–303.
- Kornfilt 1997 — *Kornfilt J.* Turkish. London: Routledge, 1997.
- Kornfilt 2003 — *Kornfilt J.* Scrambling, subscrambling, and case in Turkish // *Karimi S.* (ed.). *Word order and scrambling*. Oxford: Blackwell, 2003. P. 125–155.
- Kornfilt 2009 — *Kornfilt J.* DOM and two types of DSM in Turkish // *de Hoop H., de Swart P.* (eds). *Differential subject marking*. Dordrecht: Springer, 2009. P. 79–111.
- Kornfilt 2013 — *Kornfilt J.* Nominative as no case at all: An argument from raising-to-accusative in Sakha. Paper presented at WAFL9 workshop, August 23–25, 2013, Cornell University, Ithaca, NY.

- Kornfilt, Preminger 2015 — *Kornfilt J., Preminger O.* Nominative as no case at all: an argument from raising-to-accusative in Sakha // *Joseph A., Predolac E.* (eds). Proceedings of the 9th Workshop on Altaic formal linguistics (WAFLL9). (MIT Working Papers in Linguistics. № 76.) Cambridge, MA: MIT Press, 2015. P. 109–120.
- Kornfilt, von Heusinger 2009 — *Kornfilt J., von Heusinger K.* Specificity and partitivity in some Altaic languages // *Shibagaki R., Vermeulen R.* (eds). MIT working papers in linguistics (MWPL) 58. Proceedings of the 5th Workshop on formal Altaic linguistics (WAFLL 5). Cambridge, MA: MIT Press, 2009. P. 19–40.
- Kratzer 1996 — *Kratzer A.* Severing the external argument from its verb // *Roryck J., Zaring L.* (eds). Phrase structure and the lexicon. Dordrecht: Kluwer, 1996. P. 109–137.
- Krifka 1998 — *Krifka M.* The origins of telicity // *Rothstein S.* (ed.). Events and Grammar. Dordrecht: Reidel, 1998. P. 197–235.
- Krifka et al. 1995 — *Krifka M., Pelletier F., Carlson G. et al.* (eds). Introduction to genericity // *Carlson G., Pelletier F.* (eds). The generic book. Chicago: Chicago University Press, 1995. P. 1–124.
- Laka 1996 — *Laka I.* Deriving split ergativity in the progressive: the case of Basque // *Johns A., Massam D., Ndayiragije J.* (eds). Ergativity: Emerging issues. Dordrecht: Kluwer, 2006. P. 173–196.
- Landau 2006 — *Landau I.* Severing the distribution of pro from case // *Syntax*. 2006. 9 (2). P. 153–170.
- Larson 1988 — *Larson R. K.* On the double object construction // *Linguistic Inquiry*. 1988. Vol. 19. No. 3, Summer. P. 335–391.
- Lasnik 2008 — *Lasnik H.* On the development of case theory: triumphs and challenges // *Freidin R., Otero C. P., Zubizarreta M. L.* (eds). Foundational issues in linguistic theory. Essays in Honor of Jean-Roger Vergnaud. Cambridge, MA: MIT Press, 2008. P. 17–41.
- Lasnik, Freidin 1981 — *Lasnik H., Freidin R.* Core grammar, case theory, and markedness // *Belletti A., Brandi L., Rizzi L.* (eds). Theory of markedness in generative grammar. Proceedings of the 1979 GLOW Conference. Scuola Normale Superiore, Pisa, 1981. P. 407–421. [Reprinted in: *Lasnik H.* Essays on restrictiveness and learnability. Dordrecht: Kluwer, 1990. P. 172–183.]
- Legate 2002 — *Legate J. A.* Warlpiri: Theoretical implications. MIT Doctoral Dissertation, 2002.

- Legate 2006 — *Legate J. A.* There is no absolutive case // University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics. 2006. 12 (1). Article 19.
- Legate 2008 — *Legate J.* Morphological and Abstract Case // *Linguistic Inquiry*. 2008. 39 (1). P. 55–101.
- Legate 2014 — *Legate J. A.* Split ergativity based on nominal type // *Lingua*. 2014. 148. P. 83–212.
- Letuchiy 2006 — *Letuchiy A.* Case marking, possession and syntactic hierarchies in Khakas causative constructions in comparison with other Turkic languages // *Kulikov L., Malchukov A., de Swart P.* (eds). Case, Valency and Transitivity. John Benjamins, 2006. P. 417–439.
- Levin, Preminger 2015 — *Levin Th., Preminger O.* Case in Sakha: Are two modalities really necessary? // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2015. 33 (1). P. 231–250.
- Lidz 2006 — *Lidz J.* The grammar of accusative case in Kannada // *Language*. 2006. 82. P. 1–23.
- Lima 2006 — *Lima A.* A minimalist view on differential object marking for specificity. Talk presented at the 36th Annual Meeting of the Michigan Linguistics Society, Oakland University, October 27, 2006.
- Longobardi 1994 — *Longobardi G.* Reference and proper names: A theory of N-movement in syntax and logical form // *Linguistic Inquiry*. 1994. Vol. 25 (4). P. 609–665.
- Longobardi 2008 — *Longobardi G.* Reference to individuals, person, and the variety of mapping parameters // *Klinge A., Müller H.* (eds). Essays on nominal determination. Philadelphia; Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 189–211.
- Lyutikova 2015 — *Lyutikova E.* Tsakhur as a case-stacking language // *Arkadiyev P., Kapitonov I., Lander Y., Rakhilina E., Tatevosov S.* (eds). Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2015. P. 297–312.
- Lyutikova, Ibatullina 2015 — *Lyutikova E., Ibatullina D.* Case theory and case variation in Tatar // *Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б.* (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. Материалы междунар. конф. «ТМПИ-2015». Вып. 2. М.: МПГУ, 2015. С. 228–244.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015a — *Lyutikova E., Pereltsvaig A.* Differential object marking in Tatar and the functional architecture of the noun phrase // *Joseph A., Predolac E.* (eds). Proceedings of the 9th Workshop on Altaic

- Formal Linguistics (WAFL9). (MIT Working Papers in Linguistics. № 76.) Cambridge, MA: MIT Press, 2015. P. 171–182.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015b — *Lyutikova E., Pereltsvaig A.* The Tatar DP // Canadian Journal of Linguistics. 2015. Vol. 60. No. 3. P. 289–325.
- Mahajan 1990 — *Mahajan A.* The A/A-bar distinction and movement theory. Cambridge, MA: MIT dissertation, 1990.
- Malchukov 2008 — *Malchukov A. L.* Animacy and asymmetries in differential case marking // *Lingua*. 2008. 118. P. 203–221.
- Malchukov, de Swart 2008 — *Malchukov A., de Swart P.* Differential case marking and actancy variation // *Malchukov A., Spencer A.* (eds). Handbook of case. Oxford University Press, 2008.
- Malchukov, Spencer (eds) 2008 — *Malchukov A., Spencer A.* (eds). The Oxford handbook of case. Oxford: OUP, 2008.
- Manning 1996 — *Manning Ch.* Ergativity: argument structure and grammatical relations. Stanford, CA: CSLI Publications, 1996.
- Marantz 1984 — *Marantz A.* On the nature of grammatical relations. Cambridge, MA: MIT Press, 1984.
- Marantz 1991 — *Marantz A.* Case and licensing // *Westphal G., Ao B., Hee-Rahk Chae* (eds). Eastern states conference on linguistics. Ithaca, NY: CLC Publications, 1991. P. 234–253.
- Marantz 1997 — *Marantz A.* No escape from syntax: don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon // *Dimitriadis A., Siegel L., Surek-Clark C., Williams A.* (eds). Proceedings of the 21st Penn Linguistics colloquium, UPenn Working Papers in Linguistics. 4 (2). Article 14. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1997. P. 201–225.
- Markman, Grashchenkov 2012 — *Markman V., Grashchenkov P.* On the adpositional nature of ergative subjects // *Lingua*. 2012. 122 (3). P. 257–266. (URL: <http://dx.doi.org/10.1016/j.lingua.2011.10.010>)
- Massam 2001 — *Massam D.* Pseudo noun incorporation in Niuean // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2001. 19. P. 153–197.
- Massam 2009 — *Massam D.* Noun incorporation: essentials and extentions // *Language and linguistics compass*. 2009. 3 (4). P. 1076–1096.
- Matushansky 2008 — *Matushansky O.* A case study of predication // *Marušič F., Žaucer R.* (eds). Studies in formal Slavic linguistics. Contributions from formal description of Slavic languages 6.5. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008. P. 213–239.

- Matushansky 2010 — *Matushansky O.* Russian predicate case, encore // *Zybatow G., Dudchuk P., Minor S., Pshehotskaya E.* (eds). *Formal studies in Slavic linguistics, Proceedings of FDSL 7.5.* Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. P. 117–135.
- McFadden 2004 — *McFadden Th.* The position of morphological case in the derivation: A study on the syntax-morphology interface. Doctoral dissertation. University of Pennsylvania, 2004.
- McGinnis 1996 — *McGinnis M.* Projection and position // *Costa J., Goede-mans R., van der Vijver R.* (eds). *Proceedings of ConSole IV.* Leiden: HIL, 1996. P. 203–220.
- McGinnis 1998 — *McGinnis M.* Case and locality in L-syntax: Evidence from Georgian // *MITWPL.* 1998. 32. P. 139–158.
- McGinnis 2001 — *McGinnis M.* Semantic and morphological restrictions in experiencer predicates // *Jensen J. T., van Herk G.* (eds). *Proceedings of the 2000 CLA Annual Conference. Cahiers Linguistiques d'Ottawa, Department of Linguistics.* Ottawa: University of Ottawa, 2001. P. 245–256.
- McGregor 2010 — *McGregor W.* Optional ergative case marking systems in a typo-logical-semiotic perspective // *Lingua.* 2010. 120 (7). P. 1610–1636.
- McGregor, Verstraete 2010 — *McGregor W., Verstraete J.-Ch.* Optional ergativemarking and its implications for linguistic theory // *Lingua.* 2010. 120 (7). P. 1607–1609.
- Megerdoomian 2008 — *Megerdoomian K.* Some bare nouns are more equal than others. Invited talk presented at the USC Student Workshop 2008. Los Angeles; May 7, 2008. (URL: <http://www.zoorna.org/handouts/USC2008-barenouns.pdf>)
- Mikaelian 2013 — *Mikaelian I.* Cardinal numeral constructions and the category of animacy in Russian // *Russian Linguistics.* 2013. 37 (1). P. 71–90.
- Mithun 1984 — *Mithun M.* The evolution of noun incorporation // *Language.* 1984. 60. P. 847–893.
- Mithun 1991 — *Mithun M.* Active/agentive case marking and its motivations // *Language.* 1991. 67 (3). P. 510–546.
- Mohanan 1994 — *Mohanan T.* *Argument Structure in Hindi.* Stanford: CSLI Publications, 1994.
- Moltmann 2006 — *Moltmann F.* Unbound anaphoric pronouns: E-type, dynamic and structured-propositions approaches // *Synthese.* 2006. 153 (2). P. 199–260.

- Moore, Perlmutter 2000 — *Moore J., Perlmutter D.* What does it take to be a dative subject? // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2000. 18 (2). P. 373–416.
- Moravcsik 1974 — *Moravcsik E.* Object-verb agreement // *Working papers on language universals*. 1974. 15. P. 25–140.
- Moravcsik 1978a — *Moravcsik E.* Agreement // *Greenberg J.* (ed.). *Universals of human language IV: Syntax*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1978. P. 331–374.
- Moravcsik 1978b — *Moravcsik E. A.* On the distribution of ergative and accusative patterns // *Lingua*. 1978. 45. P. 233–279.
- Moyne 1970 — *Moyne J. A.* The structure of verbal constructions in Persian. Doctoral Dissertation. Harvard University, 1970.
- Muro 2009 — *Muro A.* Noun incorporation: A new theoretical perspective. PhD thesis. Università degli Studi di Padova, 2009.
- Mustajoki, Heino 1991 — *Mustajoki A., Heino H.* Case selection for the direct object in Russian negative clauses // *Slavica Helsingiensia*. 9. Helsinki, 1991.
- Næss 2004 — *Næss Å.* Transitivity: From semantics to structure. PhD dissertation. Radboud University Nijmegen. Nijmegen, 2004.
- Neidle 1988 — *Neidle C.* The role of case in Russian syntax. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1988.
- Nevins 2005 — *Nevins A.* Derivations without the Activity condition // *Perspectives on Phases*. MIT WPL. 2005. 49. P. 283–306.
- Nichols 1981 — *Nichols J.* Predicate nominals: A partial surface syntax of Russian. Berkley, 1981.
- Nichols 1986 — *Nichols J.* Head-marking and dependent-marking grammar // *Language*. 1986. 62 (1). P. 56–119.
- Oehrle 1976 — *Oehrle R.* The grammatical status of the English dative alternation. PhD Thesis, MIT. Cambridge: The MIT Press, 1976.
- Öztürk 2005 — *Öztürk B.* Case, Referentiality and Phrase Structure. *Linguistik Aktuell*. Amsterdam: John Benjamins, 2005.
- Partee, Borschev 2004 — *Partee B. H., Borschev V.* The semantics of Russian genitive of negation: The nature and role of perspectival structure // *Watanabe K. et al.* (eds). *Semantics and linguistic theory*. Proceedings 14. Ithaca, 2004.

- Paul 2009 — *Paul I.* Bare nouns, incorporation, and scope. Proceedings of Austronesian formal linguistics association. 2009. P. 153–164.
- Payne, Barshi (eds) 1999 — *Payne D., Barshi I.* (eds). External possession. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Pereltsvaig 2001 — *Pereltsvaig A.* On the nature of intra-clausal relations: A study of copular sentences in Russian and Italian. Ph. D. thesis. McGill University, 2001.
- Pereltsvaig 2006a — *Pereltsvaig A.* Small Nominals // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2006. Vol. 24 (2). P. 433–500.
- Pereltsvaig 2006b — *Pereltsvaig A.* Copular sentences in Russian. Berlin: Springer Verlag, 2006.
- Pereltsvaig 2007 — *Pereltsvaig A.* The universality of DP — a view from Russian // *Studia Linguistica*. 2007. 61. P. 59–94.
- Pereltsvaig 2010 — *Pereltsvaig A.* As easy as two, three, four? // *Wayles B., Cooper A., Fisher A., Kesici E., Predolac N., Zec D.* (eds). Formal approaches to Slavic linguistics 18: The Cornell Meeting. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2010. P. 417–434.
- Pereltsvaig 2013 — *Pereltsvaig A.* noun phrase structure in article-less Slavic languages: DP or not DP? // *Language and Linguistics Compass*. 2013. 7 (3). P. 201–219.
- Pereltsvaig 2015 — *Pereltsvaig A.* Nominalizations in Russian: argument structure, case, and the functional architecture of the noun phrase. Paper presented at the 6th Workshop on Nominalizations, 30-Jun-2015 — 01-Jul-2015, Verona, Italy.
- Pereltsvaig, Lyutikova 2014 — *Pereltsvaig A., Lyutikova E.* Possessives within and beyond NP: Two ezafe-constructions in Tatar // *Bondaruk A., Dalmi G., Grosu A.* (eds). Advances in the syntax of DPs: Structure, agreement, and case. Amsterdam: Benjamins, 2014. P. 193–219.
- Perlmutter 1971 — *Perlmutter D.* Deep and surface structure constraints in syntax. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1971.
- Perlmutter, Postal 1983 — *Perlmutter D., Postal P.* Some proposed laws of basic clause structure // *Perlmutter D. M.* (ed.). Studies in Relational Grammar 1. Chicago: University of Chicago Press, 1983. P. 81–128.
- Pesetsky 1982a — *Pesetsky D.* Complementizer-trace phenomena and the nominative Island condition // *The Linguistic Review*. 1982. 1. P. 297–344.

- Pesetsky 1982b — *Pesetsky D.* Paths and categories. Doctoral dissertation. Massachusetts Institute of Technology. Dept. of Linguistics and Philosophy, 1982.
- Pesetsky 1989 — *Pesetsky D.* Language-particular processes and the Earliness principle. Unpublished manuscript. MIT, 1989.
- Pesetsky 1995 — *Pesetsky D.* Zero syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
- Pesetsky 2013 — *Pesetsky D.* Russian case morphology and the syntactic categories. Cambridge, MA: MIT Press, 2013.
- Pesetsky, Torrego 2001 — *Pesetsky D., Torrego E.* T-to-C movement: Causes and consequences // *Kenstowicz M.* (ed.). *Ken Hale: A life in language.* Cambridge, MA: MIT Press, 2001. P. 355–426.
- Pesetsky, Torrego 2004 — *Pesetsky D., Torrego E.* Tense, case, and the nature of syntactic categories // *Gueron J., Lecarme J.* (eds). *The syntax of time.* Cambridge, MA: MIT Press, 2004.
- Pesetsky, Torrego 2007 — *Pesetsky D., Torrego E.* The syntax of valuation and the interpretability of features // *Karimi S., Samiian V., Wilkins W.* (eds). *Phrasal and clausal architecture.* Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 262–294.
- Pesetsky, Torrego 2011 — *Pesetsky D., Torrego E.* Case // *Boeckx C.* (ed.) *The Oxford handbook of linguistic minimalism.* Oxford: OUP, 2011. P. 52–72.
- Plank 1995 — *Plank F.* (Re-)introducing Suffixaufnahme // *Plank F.* (ed.). *Double Case. Agreement by Suffixaufnahme.* Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 3–110.
- Polinsky, Preminger 2014 — *Polinsky M., Preminger O.* Case and grammatical relations // *Carnie A., Siddiqi D., Sato Y.* (eds). *The Routledge handbook of syntax.* London: Routledge, 2014. P. 150–166.
- Pollock 1989 — *Pollock J.-Y.* Verb movement, universal grammar, and the structure of IP // *Linguistic Inquiry.* 1989. 20 (3). P. 365–424.
- Preminger 2011 — *Preminger O.* Agreement as a fallible operation. Doctoral dissertation. Cambridge, MA: MIT, 2011.
- Preminger 2014 — *Preminger O.* Agreement and its failures // *Linguistic Inquiry Monograph* 68. Cambridge, MA: MIT Press, 2014.
- Radford 2000 — *Radford A.* NP Shells // *Essex Research Reports in Linguistics.* 2000. 33. P. 2–20.
- Radford 2004 — *Radford A.* Minimalist syntax: Exploring the structure of English. Cambridge: CUP, 2004.

- Rappaport 1998 — *Rappaport G.* The Slavic noun phrase. Position paper presented at the Workshop on comparative Slavic morphosyntax. Indiana University, Bloomington, 5–7 June 1998.
- Rappaport 2000 — *Rappaport G.* The Slavic noun phrase in comparative perspective // *Harves S., Lavine J.* (eds). *Comparative Slavic morphosyntax*. Bloomington: Slavica Publishers, 2000. P. 1–25.
- Rappaport 2002 — *Rappaport G.* Numeral phrases in Russian: A Minimalist approach // *Journal of Slavic Linguistics*. 2002. 10 (1–2). P. 327–340.
- Rappaport 2003 — *Rappaport G.* The grammatical role of animacy in a formal model of Slavic morphology // *Timberlake A., Schenker A.* (eds). *American contributions to the thirteenth International Congress of Slavists*. Vol. 1: *Linguistics*. Bloomington, IN: Slavica, 2003. P. 149–166.
- Rappaport 2004 — *Rappaport G.* The syntax of possessors in the nominal phrase: Drawing the lines and deriving the forms // *Ji-yung Kim, Par-tee H. B., Lander Y. A.* (eds). *Possessives and beyond: Semantics and syntax*. University of Massachusetts Occasional Papers 2x. Amherst, MA: GLSA Publications, 2004. P. 243–261.
- Richards 2007 — *Richards N.* Lardil «case stacking» and the structural / inherent case distinction. Unpublished manuscript. MIT, 2007. (URL: <http://ling.auf.net/lingBuzz/000405>)
- Richards 2013 — *Richards N.* Lardil «case stacking» and the timing of case assignment // *Syntax*. 2013. 61 (1). P. 42–76.
- Richardson 2003 — *Richardson K.* The case for meaningful case: The interaction of tense, aspect, and case in Russian. Ph. D. Dissertation. Harvard University, 2003.
- Ritter 1991 — *Ritter E.* Two functional categories in noun phrases: evidence from Modern Hebrew // *Rothstein S.* (ed.). *Syntax and Semantics*. 25: *Perspectives on phrase structure*. Academic Press, New York, 1991. P. 37–62.
- Ritter 1992 — *Ritter E.* Cross-linguistic evidence for number phrase // *Canadian Journal of Linguistics*. 1992. 37 (2). P. 197–218.
- Rizzi 1986 — *Rizzi L.* Null objects in Italian and the theory of *pro* // *Linguistic Inquiry*. 1986. 17. P. 501–557.
- Rizzi 1990 — *Rizzi L.* *Relativized minimality*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
- Roberts 1989 — *Roberts C.* Modal subordination and pronominal anaphora in discourse // *Linguistics and Philosophy*. 1989. 12. P. 683–721.

- Roberts 1996 — *Roberts C.* Anaphora in intensional contexts // *Lappin S.* (ed.). *Handbook of Contemporary Semantics*. Blackwell, 1996. P. 215–246.
- Rodríguez-Mondoñedo 2007 — *Rodríguez-Mondoñedo M.* The syntax of objects: Agree and differential object marking. Ph. D. Thesis. University of Connecticut, 2007.
- Round 2009 — *Round E. R.* Kayardild morphology, phonology and morpho-syntax. Ph. D. Dissertation. Yale University, 2009.
- Round 2013 — *Round E. R.* Kayardild Morphology and Syntax. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Rubin 2002 — *Rubin E. J.* The structure of modifiers. Draft version of a book to appear at Oxford University Press, 2002.
- Rubin 2003 — *Rubin E. J.* Determining Pair-Merge // *Linguistic Inquiry*. 2003. 34 (4). P. 660–668.
- Schoorlemmer 1995 — *Schoorlemmer M.* Participial passive and aspect in Russian. PhD Dissertation. Onderzoeksinstituut voor Taal en Spraak, Utrecht University, 1995.
- Shibatani 1994 — *Shibatani M.* An integrated approach to possessor raising, ethical datives and adversative passives // *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, California, 1994. P. 461–487.
- Shklovsky, Sudo 2010 — *Shklovsky K., Sudo Y.* No case licensing: Evidence from Uyghur. Paper presented at the 33rd Generative Linguistics in the Old World (GLOW XXXIII). April 14–16, 2010. University of Wrocław (Poland), 2010.
- Sieverska 2013 — *Siewierska A.* Alignment of verbal person marking // *Dryer M. S., Haspelmath M.* (eds). *The World Atlas of language structures online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (URL: <http://wals.info/chapter/100>, accessed on 2016-01-09.)
- Sigurðsson 2002 — *Sigurðsson H. A.* To be an oblique subject: Russian vs. Icelandic // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2002. 20 (4). P. 691–724.
- Sigurðsson 2012 — *Sigurðsson H. A.* Minimalist C/case. *Linguistic Inquiry*. 2012. Vol. 43 (2). P. 191–227.
- Silverstein 1976 — *Silverstein M.* Hierarchies of features and ergativity // *Dixon R. M. W.* (ed.). *Grammatical categories in Australian languages*. New Jersey, NJ: Humanities Press, 1976. P. 112–171.

- Sportiche 1996 — *Sportiche D.* Clitic constructions // *Rooryck J., Zaring L.* (eds). *Phrase structure and the lexicon*. Dordrecht: Kluwer, 1996. P. 213–276.
- Stepanov 2007 — *Stepanov A.* Morphological case and the inverse case filter // *Linguistische Berichte*. 2007. Heft 211. P. 255–276.
- Stowell 1981 — *Stowell T.* Origins of phrase structure. Ph. D. thesis. Cambridge, MA: MIT, 1981.
- Strigin, Demjjanow 2001 — *Strigin A., Demjjanow A.* Secondary predication in Russian // *ZAS Papers in Linguistics*. 2001. Vol. 25. P. 1–79.
- Svenonius 2001 — *Svenonius P.* Case and event structure // *Zhang N.* (ed.). *ZAS Papers in Linguistics*. 26: *Syntax of Predication*. Berlin: ZAS, 2001. P. 197–217.
- Szabolcsi 1983 — *Szabolcsi A.* The possessor that ran away from home // *The Linguistic Review*. 1983. 3. P. 89–102.
- Szabolcsi 1994 — *Szabolcsi A.* The noun phrase // *Kiefer F., Kiss K. E.* (eds). *Syntax and semantics*. Vol. 27. San Diego: Academic Press, 1994. P. 179–274.
- Taraldsen 1995 — *Taraldsen K. T.* On agreement and nominative objects in Icelandic // *Haider H., Olsen S., Vikner S.* (eds). *Studies in comparative Germanic syntax*. Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 307–327.
- Testelefs 2013 — *Testelefs Y. G.* Case deficient elements and the direct case condition in Russian // *Язык и речевая деятельность*. Т. 9. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. С. 126–143.
- Travis 1984 — *Travis.* Parameters and effects of word order variation. Doctoral dissertation. MIT, 1984.
- Trugman 2005 — *Trugman H.* More puzzles about postnominal genitives // *Ji-yung Kim, Lander Y. A., Partee B. H.* (eds). *Possessives and beyond: Semantics and syntax*. UMAP 29. University of Massachusetts Occasional Papers in Linguistics. Amherst, MA: GLSA Publications, 2005. P. 217–240.
- Trugman 2007 — *Trugman H.* Possessives within and beyond NPs // *Compton R., Golezdzinowsk M., Savchenko U.* (eds). *Annual Workshop on formal approaches to Slavic linguistics*. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2007. P. 437–457.
- Tsunoda 1981 — *Tsunoda T.* Split case-marking patterns in verb types and tense / aspect / mood // *Linguistics*. 1981. 19. P. 389–438.

- van Geenhoven 1995 — *van Geenhoven V.* Semantic incorporation: A uniform semantics for West Greenlandic noun incorporation and Germanic bare plural configurations // Chicago Linguistic Society. 1995. 31. P. 171–186.
- van Geenhoven 1998 — *van Geenhoven V.* Semantic incorporation and indefinite descriptions. Stanford, CA: CSLI Publications, 1998.
- Van Valin 1977 — *Van Valin R. D. Jr.* Ergativity and the universality of subjects // CLS. 1977. 13. P. 689–706.
- Van Valin 1981 — *Van Valin R. D. Jr.* Grammatical relations in ergative languages // Studies in language. 1981. 5 (3). P. 361–394.
- Vergnaud 1977/2006 — *Vergnaud J.-R.* Letter to Noam Chomsky and Howard Lasnik (1977) // *Freidin R., Lasnik H.* (eds). Syntax: Critical concepts in linguistics. Vol. 5. London: Routledge, 2006. P. 21–34.
- Verkuyl 1993 — *Verkuyl H. J.* A theory of aspectuality. The interaction between temporal and atemporal structure // Cambridge Studies in Linguistics. Vol. 64. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
- von Heusinger et al. 2008 — *von Heusinger K., Klein U., de Swart P.* Variation in differential object marking. Workshop on Case Variation, Stuttgart, June 2008. URL: <http://www.ilg.uni-stuttgart.de/projekte/C2/events/08CaseVariation/CaseVariationPaper.pdf>
- von Heusinger, Kornfilt 2005 — *von Heusinger K., Kornfilt J.* The case of the direct object in Turkish: Semantics, syntax and morphology // *Turkic Languages*. 2005. 9. P. 3–44.
- von Stechov 2008 — *von Stechov A.* Syntax and semantics. An overview. Unpublished ms, Tübingen university, 2008 // URL: <http://www.sfs.uni-tuebingen.de/~astechow/Aufsaetze/SySemArt.pdf>
- Woolford 2001 — *Woolford E.* Case patterns // *Legendre G., Grimshaw J., Vikner S.* (eds). Optimality-theoretic syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 2001. P. 509–543.
- Woolford 2006 — *Woolford E.* Lexical case, inherent case, and argument structure // *Linguistic Inquiry*. 2006. 37. P. 111–130.
- Woolford 2009 — *Woolford E.* Differential subject marking at argument structure, syntax, and PF // *de Hoop H., De Swart P.* (eds). Differential subject marking. Dordrecht: Springer, 2009. P. 17–40.
- Wunderlich 1999 — *Wunderlich D.* The force of lexical case: German and Icelandic compared // *Wunderlich D.* (ed.). Papers on Argument Linking. Theorie des Lexikons. (Arbeiten des Sonderforschungsbereichs. 282.) Düsseldorf: Heinrich-Heine-Universität, 1999. № 112. S. 81–102.

- Wurmbrand 1998 — *Wurmbrand S.* Infinitives. Doctoral dissertation. Massachusetts Institute of Technology, 1998.
- Wurmbrand 2001 — *Wurmbrand S.* Infinitives: Restructuring and clause structure. Mouton de Gruyter, 2001.
- Wurmbrand 2012 — *Wurmbrand S.* The syntax of valuation in auxiliary-participle constructions // Coyote Working Papers: Proceedings of the 29th West Coast Conference on Formal Linguistics (WCCFL 29). University of Arizona: Tucson, 2012.
- Yip et al. 1987 — *Yip M., Maling J., Jackendoff R.* Case in tiers // *Language*. 1987. 63. P. 217–250.
- Zaenen et al. 1985 — *Zaenen A., Maling J., Thráinsson H.* Case and grammatical functions: The Icelandic passive // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1985. 3. P. 441–483.

Указатель языков

- автув || Awtuw / Sepik (Papunesia) 336
- агульский || Agul / Nakh-Dagestanian (Eurasia) 222, 231
- амхарский || Amharic / Afro-Asiatic (Africa) 178–180, 187, 228, 263
- английский || English / Indo-European (Eurasia, North America) 15, 26, 29, 32–35, 39, 40, 49, 61, 67, 69, 70, 87, 99, 113, 117, 124–126, 159, 165, 168, 177, 181, 190, 191, 193, 207, 260, 263, 264, 267, 287, 308, 309
- антекерепина || Andegerebinha / Pama-Nyungan (Australia) 166
- багвалинский || Bagwalal / Nakh-Dagestanian (Eurasia) 103, 111, 151, 152, 244
- баскский || Basque (Eurasia) 138, 139, 145, 147, 150, 151, 183, 232, 233, 321
- бидьяра || Bidyara / Pama-Nyungan (Australia) 238
- бурушаски || Burushaski (Eurasia) 183
- бурятский || Buriat / Mongolic (Eurasia) 244
- вальбири || Warlpiri / Pama-Nyungan (Australia) 129, 134–137, 159, 244
- венгерский || Hungarian / Uralic (Eurasia) 22, 189, 262, 264, 275, 281, 338
- гренландский западный (инуит) || West Greenlandic / Eskimo-Aleut (Eurasia) 129, 133, 159, 163, 164, 168, 183
- грузинский || Georgian / Kartvelian (Eurasia) 134, 136, 145–147, 151, 181, 183, 232, 234, 321
- даргинский || Dargwa / Nakh-Dagestanian (Eurasia) 101, 102
- дирбал || Dyrbal / Pama-Nyungan (Australia) 26, 128, 159–161, 183, 222, 236–238
- диари || Dieri / Pama-Nyungan (Australia) 169–171
- жаравара || Jarawara (Jamamadi) / Arawan (South America) 102
- иврит || Hebrew / Afro-Asiatic (Eurasia) 159, 224, 262, 275, 281
- исландский || Icelandic / Indo-European (Eurasia) 10, 21, 23, 55, 114–118, 121–126, 131, 132, 135, 138, 139, 141, 145, 146, 149, 150, 152, 154, 156, 182, 267, 287, 308, 339, 342

- испанский || Spanish / Indo-European (Eurasia) 53, 224
кабардинский || Kabardian / Abkhaz-Adyghe (Eurasia) 183
калава-лагов-я || Kalaw Lagaw Ya / Pama-Nyungan (Australia) 131
каннада || Kannada / Dravidian (Eurasia) 227
карачаево-балкарский || Karachay-Balkar / Turkic (Eurasia) 222, 337
каталанский || Catalan / Indo-European (Eurasia) 225, 229
кашинава || Kashinawa (Kaxinawá) / Pano-Tacanan (South America) 238, 239
каядилт || Kayardild / Tangkic (Australia) 73, 96, 245
корейский || Korean / Koreanic (Eurasia) 169–172
ладил || Lardil / Tangkic (Australia) 73, 108
лазский || Laz / Kartvelian (Eurasia) 241
латинский || Latin / Indo-European (Eurasia) 22, 33–35, 72, 74
лезгинский || Lezgian / Nakh-Dagestanian (Eurasia) 87, 183
литовский || Lithuanian / Indo-European (Eurasia) 183, 226, 227
мангарайи || Mangarrayi / Mangarrayi-Maran (Australia) 187, 239, 335
мокшанский || Moksha / Uralic (Eurasia) 15
невари || Newari / Sino-Tibetan (Eurasia) 240
немецкий || German / Indo-European (Eurasia) 16, 22, 53, 116, 117, 121, 122, 154–156, 182
ненецкий || Nenets / Uralic (Eurasia) 228
не-персе || Nez Perce / Sahaptian (North America) 166, 187
ниасский || Nias / Austronesian (Papunesia) 174
ниуэ || Niuean / Austronesian (Papunesia) 134, 136, 137, 262
оромо || Oromo / Afro-Asiatic (Africa) 173
осетинский || Ossetic / Indo-European (Eurasia) 224, 229, 246
пайюте южный || Southern Paiute / Uto-Aztecan (North America) 183
паумари || Paumari / Arawan (South America) 102
польский || Polish / Indo-European (Eurasia) 19
помо восточный || Eastern Pomo / Pomoan (North America) 241
помо центральный || Central Pomo / Pomoan (North America) 241
русский || Russian / Indo-European (Eurasia) 7, 8, 10, 11, 13, 15, 18, 19, 22, 23, 26, 27, 33–35, 72, 74–79, 87, 91, 93–95, 98, 101–103, 108, 110, 115–117, 126, 127, 135, 141, 168, 175, 181, 183, 187–189, 191–195, 199, 200, 205, 206, 207, 210, 216–218, 221, 226, 230, 242, 243, 264, 275, 286, 287, 298–300, 305, 307, 308, 310, 312, 339

- самоанский || Samoan / Austronesia (Papunesia) 159, 161, 240
сеедик || Seediq / Austronesian (Papunesia) 129
татарский || Tatar / Turkic (Eurasia) 11, 15, 101, 221, 246–249, 252, 256, 259, 261, 270, 271, 278, 282, 287, 297, 299, 307, 312, 321, 323–325, 327–334
тигре || Tigre / Afro-Asiatic (Africa) 225
тонганский || Tongan / Austronesian (Papunesia) 138
тувинский || Tuwa / Turkic (Eurasia) 21
турецкий || Turkish / Turkic (Eurasia) 22, 56, 182, 190, 224, 226, 227, 229, 243, 247, 248, 251, 260, 263, 264, 266, 268, 278, 289, 328
узбекский || Uzbek / Turkic (Eurasia) 248
урду || Urdu / Indo-European (Eurasia) 23
фарси || Persian / Indo-European (Eurasia) 262
финский || Finnish / Uralic (Eurasia) 14, 226, 243
французский || French / Indo-European (Eurasia) 51, 55, 87, 103, 110, 114, 193
хантыйский || Khanty / Uralic (Eurasia) 320
хинди || Hindi / Indo-European (Eurasia) 134, 136, 145, 183, 231, 232, 262, 264
цахурский || Tsakhur / Nakh-Dagestanian (Eurasia) 10, 26, 31, 75, 87–89, 91, 93–100, 103–105, 107–111, 183, 238, 244
чаморро || Chamorro / Austronesian (Papunesia) 169–171
черкесский || Circassian / Abkhaz-Adyghe (Eurasia) 134
чольский || Chol / Mayan (North America) 234
чукотский || Chukchee / Chukotko-Kamchatkan (Eurasia) 129
шведский || Swedish / Indo-European (Eurasia) 51
шипибо || Shipibo / Pano-Tacanan (South America) 128, 169–171, 183
энга || Enga / Nuclear Trans New Guinea (Papunesia) 134, 136
энецкий || Enets / Uralic (Eurasia) 180, 187
эстонский || Estonian / Uralic (Eurasia) 15, 226, 227
юпик || Yupik / Eskimo-Aleut (North America) 133
якутский || Sakha / Turkic (Eurasia) 52, 169, 170–172, 186, 187, 263, 267, 312–319, 325, 326, 330, 332
ялаку || Yalaku / Sepik (Papunesia) 222
японский || Japanese / Japonic (Eurasia) 53, 155, 159, 165

Научное издание

Екатерина Анатольевна Лютикова

**ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ПАДЕЖА:
ТЕОРИИ И ПРИЛОЖЕНИЯ**

Корректор О. Круподер
Ведущий редактор В. Столярова
Оригинал-макет подготовлен С. Белоусовым
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 01.03.2017. Формат 60×90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 24. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Тел.: +7 495 624-35-92. E-mail: lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

ООО «ИТДГК “Гнозис”»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks